МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2020 **№ 67**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацышен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва); **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;** **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Вавулинская Л.И. Проблемы послевоенного детства в постсоветской исторической литературе 5
Васина Т.А. Развитие торговли в промышленных центрах Вятской губернии на примере Ижевского и Камско-Воткинского заводов в дореформенный период 13
Гололобов Е.В. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Сургутского Приобья в условиях активной индустриализации региона (1960–1975 гг.) 19
Нечипорук Д.М. Послевоенное великое ускорение: индустриальное освоение Сибири и восприятие проблемы загрязнения водных ресурсов в 1950–1970-е гг. 26
Пашин В.П. Трагедия раскола российского общества (новые документы о деятельности атамана Г.М. Семёнова на Дальнем Востоке в период 1923–1928 гг.) 33
Румянцев П.П. Жандармский округ в Сибири: система организации и трансформация 39
Сосковец Л.И. 1948 год в конфессиональной политике государства и жизнедеятельности религиозных организаций в СССР 47
Туров С.В. Земные и небесные всадники града Березова: к вопросу о роли мифоэпической традиции в формировании исторического самосознания русского населения Азиатской России (XVII – начало XX в.) 54
Харусь О.А. Либеральная субкультура и культурно-просветительные организации в Сибири на рубеже XIX−XX вв. 62
Цинцадзе Н.С. Природа на службе у социализма: социоестественные аспекты деятельности народного комиссариата земледелия в 1917−1939 гг. 68

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гетман М.А. Криминализация коммунизма в политике памяти Европейского Союза 80
Давыбида Л.И. Особенности развития и кадровое обеспечение медицинских учреждений в Восточной Галиции в 1919–1939 гг. 89
Сероштанов К.В. Договор о торговле оружием и реализация регулирования в торговле вооружениями и военной техникой 101

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Болдин В.А. Контент-анализ заголовков статей журнала «Славянский век» (1900–1904) 107
Мунько А.В., Хазанов О.В. Теория культурной памяти Я. Ассмана и формирование образа Чингисхана на примере «Сокровенного сказания монголов» и «Романа о Чингисхане» францисканской миссии П. Карпини 113

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Культурные ландшафты с «высоты птичьего полета»: возможности аэрофотосъемки для выявления памятников археологии в лесной зоне 120

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Lyudmila I. Vavulinskaya. Post-war childhood issues in post-soviet historical literature 5
Tat'yana A. Vasina. The development of trading in the industrial centers of the Vyatka province by the example of the Izhevsk and Kama-Votkinsk factories in the pre-reform period 13
Evgeny I. Gololobov. State policy on development of biological resources of Surgut Priobye in conditions of active industrialization of the region (1960–1975) 19
Dmitry M. Nechiporuk, The postwar “Great acceleration”: an industrial development of Siberia and perception of the problem of water pollution in the 1950–1970s 26
Vasiliy P. Pashin. Tragedy of Russian society split (new documents on the ataman G.M. Semyonov activities in the far east in 1923–1928) 33
Peter P. Rumyantsev. The gendarme district in Siberia: system of organization and transformation 39
Lyubov I. Soskovets. Year of 1948 in the confessional policy of the state and the life of religious organizations of the USSR 47
Sergei V. Turov. Earth and sky equites of the Berezov city: the question of mytho-epic tradition in the historical consciousness of the Russian population in Asian part of Russia (XVII – early XX century) 54
Olga A. Kharus. Liberal subculture and cultural-enlightenment institutions in Siberia on the cusp of the 19th and 20th centuries 62
Nina S. Tsintsadze, Nature in the service of socialism: the socio-natural aspects of the activities of the people's commissariat for agriculture in 1917–1939s 68

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Margarita A. Getman. Criminalization of communism in European Union’s supranational remembrance policy 80
Lev I. Davybida. Features of development and staffing of medical institutions within Eastern Galicia (1919–1939) 89
Kirill V. Seroshtanov. Arms trade treaty and implementation of arms trade regulation 101

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Vladimir A. Boldin. Content analysis of the «Slavic Century» journal’s headlines (1900–1904) 107
Anastasiya V. Munko, Oleg V. Khazanov, Jan Assman's theory of cultural memory and formation of the image of Genghis Khan on the example of "The secret legend of the Mongols" and "The novel about Genghis Khan" of the franciscan mission of Giovanni da Pian del Carpine 113

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Mikhail V. Vavulin, Olga V. Zaitceva, Andrey A. Pushkarev. Cultural landscapes from a bird’s eye view: applying aerial photography to identify archaeological sites in forest zone 120

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-перекат (Верхнее Приобье) 128
Кокшаров С.Ф. Вариант передачи перспективы в резьбе Большого Шигирского идола 137
Матвеева Н.П., Третьяков Е.А. К вопросу о скотоводстве Бакальского населения Зауралья 145
Менщикова Ю.В., Чёрная М.П., Коробейников И.Н., Идимешев А.А. Историко-культурная характеристика коллекции стекла из раскопок Томска (по материалам полевых работ 2017 г.) 153
Скоробогач Н.И. К вопросу о термине «общественные объединения этнического характера» 161

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Минина Е.В. Музейные коллекции как источник по истории науки и техники 167

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лескина Н.В. Ценностные основания европейского пространства высшего образования: традиции и новации 175
Зиновьева В.И., Берсенев М.В., Носова А.Л. Инклюзивное образование и вуз: анализ мнений и факторы развития 181

РЕЦЕНЗИИ

Кондратьев С.В., Митюрева Д.С. Великая хартия вольностей от Средних веков к раннему Новому времени. О книге Дж. Бейкера «Великая хартия вольностей: обретение нового смысла, 1216–1616 гг.». Кембридж, 2017. XLIX, 570 с. 188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мальцев Р.К., Марков В.И. Личность Якова Абрамовича Шера в истории изучения наскальных рисунков Среднего Енисея 191

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 195

Sergey P. Grushin, Aleksey V. Fribus, Alexey A. Tishkin, Violetta O. Saybert. Comprehensive analysis of early Medieval plated belts from the Chumysh-perekat burial site (Upper Ob region) 128
Sergei F. Koksharov. Rendering perspective in the carvings of the Great Shigir idol 137
Natalya P. Matveeva, Evgeny A. Tretyakov. Cattle breeding of the Bakalskaya culture's population of the Trans-Urals 145
Yuliya V. Menshchikova, Mariya P. Chernaya, Asap A. Idimeshev, Iliya N. Korobeinikov. A collection of glass from the Tomskiy ostrog archaeological monument based on fieldwork materials of 2017 153
Nikita I. Skorobogach. To the question of the term of «ethnic public associations» 161

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Ekaterina V. Minina. Museum collections as sources for the history of science and technology 167

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Natalia V. Leskina. Axiological dimension of European higher education area: traditions and novelties 175
Valentina I. Zinovieva, Maxim V. Bersenev, Anastasiia L. Nosova. Inclusive education and university: opinion analysis and development factors 181

REVIEW

Sergey V. Kondratiev, Daria S. Mityuryova. Magna Carta from the Middle Ages to the Early Modern Time. About John Baker's book «Reinvention of Magna Carta 1216–1616». Cambridge: Cambridge University Press, 2017. XLIX + 570 p. 188

SCIENTIFIC LIFE

Roman K. Maltsev, Viktor I. Markov. Personality of Yakov Abramovich Sher in the history of studying the rock art of the Middle Yenisei 191

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 195

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947.084.8:37
DOI: 10.17223/19988613/67/1

Л.И. Вавулинская

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 0225-2018-0011 «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

Рассмотрены основные направления изучения истории детства послевоенных лет в современной отечественной исторической литературе. Отмечены рост числа публикаций по проблеме, применение исследователями новых методов и подходов, расширение источниковой базы и круга освещаемых вопросов. Основная часть исследований посвящена ликвидации беспризорности и безнадзорности детей, организации их социальной защиты, анализу работы детских домов, трудностей социализации их выпускников.
Ключевые слова: послевоенное советское детство; постсоветская историография.

В последние три десятилетия усилилось внимание исследователей к проблемам детства, что нашло свое выражение не только в росте числа публикаций, но и в новых подходах к исследованию темы, расширении источниковой базы, освещении ранее не затрагиваемых аспектов многогранной проблемы.

Итогам исследовательской работы в этом направлении посвящен ряд историографических обзоров [1–7]. Вопросы изучения истории детства в СССР освещены также в статье известной британской исследовательницы К. Келли [8]. Авторы отмечают, что в российской историографии осмысление детства как целостного исторического феномена во всем многообразии его практик и социальных смыслов долгое время не считалось целесообразным. В последнее десятилетие идет активное институциональное оформление истории детства, которое проявляется в формировании взаимодействующих дискуссионных и исследовательских площадок, создании лабораторий и постоянно действующих семинаров, институционально поддерживающих детские исследования в России и привлекающих к диалогу зарубежных коллег. Примечателен и тот факт, что фокус внимания исследователей проблем детства сместился с 1920–1930-х гг. на вторую половину XX в. [4. С. 114; 7. С. 109, 112] В связи с этим в статье предпринята попытка проанализировать основные направления изучения истории детства послевоенных лет в современной отечественной исторической литературе.

Подавляющая часть исследований посвящена главным проблемам детства послевоенного периода – ликвидации беспризорности и безнадзорности детей, организации их социальной защиты. За небольшим исключением они подготовлены на региональных материалах, позволяющих показать специфику работы с детьми в разных частях страны. Однако, как справедливо заметила М. Ромашова, основная часть исследований не выходит за рамки описания государственной политики по защите детства [7. С. 112]. Авторы анализируют причины и масштабы детской беспризорности в послевоенные годы, основные формы и методы ее профилактики, выясняют влияние реализации государственных проектов в сфере детства на повседневный мир городских детей и подростков [9–15].

Одной из первых к проблемам послевоенного детства обратилась М.Р. Зезина [16–18]. В ее статьях рассмотрены причины детской беспризорности и сиротства, в числе которых были война, голод, уход детей из семьи, побеги из детских учреждений, репрессии. Автор отмечает тяжелое положение детских домов после войны и считает, что никакой системы реабилитационного воспитания детей, пострадавших от войны, не существовало. Государственная помощь этим детям сводилась к элементарному выживанию. По мнению М. Зезиной, в целом существовавшая в послевоенное десятилетие (и сохранившаяся в последующие годы) система социальной защиты детей-сирот выполнила свои функции. В то же время система воспитания и образования в детских учреждениях была унифицирована и не учитывала специфические потребности детей, оставшихся без родителей. Государственная помощь детям-сиротам не компенсировала неравенства их социальных возможностей. Детские дома с их казарменной обстановкой не могли заменить семью [16. С. 135].

В статьях и диссертации М.В. Ромашовой [19, 20] на материалах Молотовской области освещена реализация государственных проектов в сфере детства в провинции. Автор рассматривает послевоенное детство в новом ракурсе – в контексте более общих социокультурных и государственных повседневных практик. В работе исследуются мало разработанные в отече-

ственной и зарубежной историографии сюжеты истории детства: трудовое взросление, домашнее пространство, школьные реалии, влияние двора и улицы на ребенка, девиантные формы поведения.

И.П. Кузнецова, рассматривая на материалах Башкирской АССР формы, направления, этапы, особенности и проблемы борьбы и профилактики массовой детской беспризорности и безнадзорности в 1945–1964 гг., выделяет два важных этапа этого периода и подчеркивает, что с конца 1950-х – середины 1960-х гг. вектор государственной политики смещается с карательно-репрессивных на гуманистические профилактические мероприятия по охране материнства: сюда относятся материальная помощь семье, защита материнства, борьба с алкоголизмом и девиантным поведением подростков. В целом система социальной защиты детей-сирот была ориентирована не на предупреждение сиротства, а лишь на борьбу с его отрицательными последствиями, т.е. с потенциальными правонарушениями [21].

В статье Д.В. Седовой [22] также подчеркивается, что основной упор органами государственной власти и внутренних дел был сделан на профилактику правонарушений подростков, совершенствование форм и методов воспитательной работы. Автор отмечает важную составную часть этой работы: «Политика государства в отношении детей-детдомовцев была направлена в первую очередь на социальное воспитание и социальную опеку, в связи с чем борьба из социального явления переросла в комплекс политических мер. При этом вопросы опеки, попечительства и патронирования находились под воздействием классовых подходов, которые означали, что предпочтение в этих вопросах отдавалось семьям рабочих и колхозников» [22. С. 132, 134].

Опыт патронатного воспитания детей в Советской России рассмотрен в исследовании Т.М. Смирновой [23]. В статье Е.Ю. Зубковой анализируются стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР в 1942–1948 гг. [24].

Историко-правовой аспект социальной защиты детей рассматривается в работах, посвященных анализу конституционного законодательства советского государства и организационно-правовым основам деятельности органов внутренних дел [25–29]. Вопросы преступности, девиантного поведения детей и подростков стали предметом специального рассмотрения в ряде статей [30–32]. В исследованиях показано взаимодействие партийных и советских органов с милицейскими структурами по выявлению беспризорных и безнадзорных детей, их социальной поддержке и трудоустройству, приведены данные о состоянии преступности среди несовершеннолетних. А.В. Чащухин обращает особое внимание на избыточно жесткие способы управления школой и массовые девиации учащихся в первой половине 1950-х гг. Школа, предоставляя относительно качественное образование, оказалась неспособной решать возникающие социальные проблемы. Одна из главных функций школы – политическая социализация школьников – в этих условиях становилась проблемной [31. С. 409–410].

Часть исследований посвящена работе детских домов, которые в послевоенное десятилетие играли важную роль в устройстве детей-сирот [20, 33–37]. В исследованиях анализируются основные аспекты жизни детей в детских домах: финансирование, жилищные условия, медицинское обслуживание, ситуация с кадрами, воспитательная работа, взаимоотношения детей и работников, положение воспитанников, их трудоустройство, подчеркивается, что воспитанники детских домов рано начинали трудиться. М.В. Ромашова отмечает, что вынужденный труд, с одной стороны, дисциплинировал неуправляемых подростков, с другой – слишком быстро интегрировал недавних детей во взрослый мир. Все это могло вызвать ожесточение и озлобление подростков. Особое внимание исследовательница уделила трудностям, с которыми сталкивались выпускники детских домов при поступлении на учебу и работу, подчеркнув, что фактически единственными учебными заведениями, принимавшими их, были ФЗО и ремесленные училища [20. С. 286].

Признавая, что в послевоенный период повседневная жизнь воспитанников детских домов не была идеальной, В.М. Коренюк на материалах Молотовской области показывает, что они получили образование, имели возможность проживать под опекой государства и встать на ноги [37. С. 63].

В.Н. Мамяченков на примере Свердловской области характеризует материально-бытовые и психологические условия жизни детдомовцев и делает вывод о системном и хроническом характере изъянов в деятельности детских домов. Автор дискутирует с некоторыми исследователями по поводу «лишь отдельных недостатков в работе ряда детских домов и обеспечения полноценной социализации их воспитанников». По мнению В.Н. Мамяченкова, сама система детских домов в том виде, в каком она существовала в СССР, была достаточно ущербной, детдома в силу особенностей условий своего функционирования изначально не могли обеспечить воспитанникам быстрое, достойное и безболезненное прохождение процесса социализации [35. С. 107, 108].

Аспекты государственной политики детства, связанные с трудовым воспитанием и взрослением подрастающего поколения в послевоенные годы, получили освещение в статье М. Ромашовой «Трудовое взросление в СССР в 1940-х гг.» [38]. Автор подчеркивает, что воплощение в жизнь нормативных представлений о роли труда в жизни детей и подростков в 1940-е гг. корректировалось реалиями военных и послевоенных лет. Подростковый труд был уже не просто средством социализации, а активно использовался в промышленности и сельском хозяйстве из-за постоянной нехватки людских ресурсов. Система среднего и среднего специального образования выстраивалась таким образом, чтобы увеличить приток рабочей силы на предприятия страны, укрепить социальную базу режима и в то же время ограничить социальную мобильность детей из семей рабочих и крестьян [Там же. С. 187]. В статье рассмотрены способы привлечения молодежи в ряды рабочего класса, подчеркнуто, что они были самыми разными: от пропаганды до насилия.

Исследовательница М. Майофис в качестве одного из важных каналов поставки рабочей силы народному хозяйству рассматривает школы-интернаты, созданные в середине 1950-х гг. «Вместо адресной социальной помощи, содержательных просветительских усилий и практик, наконец, вместо радикальной перестройки всей экономической системы, – подчеркивает автор, – был создан институт, который позволил освободить от родительских обязанностей многие семьи и привести на испытывавшее недостаток рабочих рук производство и в сельское хозяйство сперва некоторое количество прежде не работавших женщин, а затем – и выпускников школ-интернатов, которым, за редкими исключениями, путь в высшие учебные заведения был заказан. Беспрецедентное по своей дерзости «раскрепощение» родителей обернулось многолетним порабощением детей» [39].

Одним из важных аспектов изучения проблемы послевоенного детства стала повседневная жизнь детей в семье, школе, детских домах, которая пока не получила должного внимания со стороны исследователей [40–42]. Наибольший интерес представляют кандидатская диссертация и статьи В. Коренюк, которая на материалах Молотовской области рассмотрела повседневные практики детей и их особенности в условиях военного и послевоенного времени, охарактеризовала влияние общественных институтов, государства и семьи на жизнь детей, выделила ментальные стороны детской повседневности (страхи, мечты, надежды). Автором впервые в сравнительном ключе исследуются повседневные практики детей из разных социальных групп: типичных советских семей, детей из социальных групп, пораженных в правах, а также детей-сирот. Применение антропологического подхода позволило установить значимость таких элементов, как школьное и семейное воспитание, аномалия и обыденность, будни и празднества. Используя разнообразные источники, автор осветила различные стороны детской повседневности послевоенных лет: в образовательных учреждениях, пионерских, комсомольских организациях и тимуровских отрядах, в семье, детских домах и на работе, на улице и во дворе. М. Коренюк подчеркнула особое значение советской идеологии, которая не только влияла на умы всех граждан страны, включая детей и подростков, но и формировала их мировоззрение, скрывая противоречия повседневных реалий.

Проблема массовых источников по истории детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период поднимается в статье А.А. Славко [43]. Хотя вместо критического анализа источников автор описывает основное структурное содержание документов учета и отчетности по работе с беспризорными и безнадзорными детьми, статья дает представление об основных направлениях государственной политики в отношении таких детей. Источниковедческим вопросам и комплексу источников, представленному в работах по истории детства, особое внимание уделено в упомянутой статье М.В. Ромашовой [6].

В качестве важного источника по изучению проблем детства послевоенной поры авторы широко привлекают воспоминания, интервью детские журналы. В статье Т.П. Емельяновой [44] на основе анализа воспоминаний представителей поколения «детей войны», собранных с помощью метода нарративного интервью, сделан вывод о превалировании в них героико-патриотической темы, а также тем бедности и голода, помощи семье, товарищества, взаимопомощи и поддержки. Лишения не ожесточали детей, а делали их более гуманными, готовыми поддержать тех, кому еще труднее. Подробный анализ воспоминаний «детей войны» позволил автору сделать вывод о том, что военное и послевоенное время стало фактором объединения общества, проявления лучших человеческих качеств как взрослых, так и детей [Там же. С. 1947].

В статье Архиповой [45] на основе интервью, проведенных преподавателями и студентами Волгоградского государственного университета в 2014–2015 гг. среди «детей Сталинграда», определены основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться детям военного поколения в первые послевоенные годы, отражены радостные события, оставшиеся у них в памяти. Мемориальные образы советского детства 1930–1950-х гг. нашли отражение в статье А.Р. Клоц [46]. Используя устно-исторический метод и применив анализ сохранившихся письменных источников личного характера, автор попытался реконструировать образ няни, сложившийся у советских детей в 1930–1950-е гг. и показать влияние этой стороны воспитания на процесс формирования советской интеллигенции эпохи «оттепели».

Привлечение к исследованию проблем детства детской периодики в качестве массового источника позволило на материалах послевоенной Украины осветить такой важный аспект темы, как роль детских журналов и газет в идеологическом воспитании советских детей [47].

Примечательным для современного этапа историографии стало обращение исследователей к проблемам материальной культуры детства, связанным с предметным миром советских детей и подростков, их игровой повседневностью [41, 48–50]. В статье М.В. Ромашовой на основе материалов городов Молотова (Перми) и Свердловска (Екатеринбурга) советский предметный мир исследован через стратегии воспитания детей и подростков, формы родительского контроля и заботы. Автор показала, что послевоенный домашний уклад способствовал раннему взрослению ребенка, однако многие родители старались оградить детей и в меру своих возможностей и представлений обеспечить им «счастливое детство».

Среди визуальных исследований, обозначивших новый подход к изучению проблем детства, выделяется книга И.В. Нарского «Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историо-графический роман)» [51]. Это исследование жизни нескольких поколений наших соотечественников. Отправной точкой исследования автора послужила его детская фотография, позволившая автору рассмотреть конвенции советской эпохи.

В сфере внимания исследователей оставались и такие сюжеты проблемы, как развитие системы дошкольных учреждений в регионах, школьный опыт

советских детей [52–54]. В статье И.П. Кузнецовой на материалах Башкирской АССР всесторонне проанализированы факторы, предопределившие острую и хроническую необеспеченность граждан дошкольными учреждениями. Автор справедливо заключает, что ситуация с дефицитом мест в детских дошкольных учреждениях во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. так и оставалась неразрешенной проблемой как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Государство, взяв на себя основные расходы по содержанию детей, определив векторы их социализации в рамках коммунистической идеологии и способствовав «уходу» женщин и ребенка из семьи в систему коллективного производства и воспитания, содействовало в определенной степени дезорганизации семьи, снижению ее роли в воспитании детей, что наряду с некоторыми другими факторами ускорило переход от многодетной к среднедетной и малодетной семье [52. С. 74].

В коллективной монографии «Острова утопии» представлена история становления классической советской системы образования от военного и послевоенного времени до 1980-х гг., освещена советская школьная политика в республиках СССР на фоне сопоставлений с рядом стран Восточной и Западной Европы: Венгрией, ФРГ, Швецией и Югославией. Авторы рассмотрели важнейшие идеи тех лет, ставшие особой эпохой в истории школы в стране: новый коллективизм, индивидуальный подход к ребенку, политехнизация школы, сочетание планирования и творческого начала в организации образования.

Дальнейшее развитие получили исследования, раскрывающие основные направления государственной семейной политики [55–58]. Ученые отмечают практически полное огосударствление процесса воспитания будущего поколения, изоляционизм советской семьи от внешнего мира, утрату ею традиционных экономических функций и функции социализации подрастающего поколения [57. С. 35]. В то же время положительно оценены меры государства по оказанию помощи многодетным семьям, одиноким матерям. Часть исследований посвящена проблемам охраны здоровья женщин и детей в послевоенные годы [59–61].

Таким образом, за последние десятилетия историография послевоенного детства пополнилась целым рядом исследований, значительно расширивших круг изучаемых вопросов и позволивших по-новому взглянуть на многие аспекты проблемы. Этому способствовали расширение круга источников, применение новых методов и подходов, комплексное рассмотрение проблем послевоенного детства в СССР, их анализ в контексте более общих социокультурных и государственных повседневных практик. Исследователями была дана объективная оценка системы социальной защиты детства, функционировавшей в СССР в 1940–1960-е гг., отмечены ее положительные стороны и недостатки, связанные с сохранением классовых подходов в решении вопросов опеки, попечительства и патронирования, системными и хроническими изъянами в деятельности детских домов, трудностями социализации их воспитанников. Авторы обратили внимание на массовые девиации учащихся в первой половине 1950-х гг., роль детских домов и школ-интернатов в обеспечении народного хозяйства рабочими кадрами, подчеркнули особое значение советской идеологии, формировавшей мировоззрение детей и подростков. Особый интерес исследователей вызвали проблемы повседневной жизни детей в семье, школе, детских домах, проблемы материальной культуры детства, не затрагиваемые ранее в исторической литературе, что позволило реконструировать ценностно-нормативную составляющую повседневности советского детства.

Вместе с тем наиболее изученными современными историками остаются вопросы социальной поддержки детства. При этом в более углубленном исследовании нуждаются вопросы воспитания детей в семье, школе, дошкольных учреждениях, организации их досуга, вовлечения в общественную жизнь, взаимоотношений в детских коллективах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сальникова А.А. «А где же дети?»: Российский «детский мир» как предмет исторического исследования // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. : всерос. науч. конф. : сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.А. Поляков : в 2 ч. М. : Моск. гос. ун-т сервиса, 2006. Ч. 2. С. 127–148.
2. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань : Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
3. Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований. URL: http://www.polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/ (дата обращения: 14.04.2018).
4. Янковская Г.А., Ромашова М.В. Выездная сессия международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (Пермский государственный университет, Пермь, 15–18 ноября 2008 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 114–121.
5. Смирнова Т.М. Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы // Ребенок в истории и культуре : тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». М. : Издательство РГГУ, 2010. Вып. 4. С. 499–515.
6. Ромашова М.В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 172–179.
7. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108–116.
8. Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах : сб. ст. и материалов / сост. Г.В. Макаревич. М. ; Тверь : Науч. кн., 2008. С. 8–46.
9. Меркурьева В. С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в середине 1940 – 1950-х годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 137–139.
10. Славко А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43.
11. Славко А.А. История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Чебоксары : Перфектум, 2012. 399 с.
12. Рокутова О. А. Военное и послевоенное детство. Опыт социальной защиты в 1941–1950 гг. Самара : Ас Гард, 2013. 235 с.
13. Гордина Е. Д. Проблемы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1946 г. // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 138–143.

14. Гордина Е.Д. Организация работы с детьми в контексте проблемы борьбы с детской беспризорностью после Великой Отечественной войны: на архивных материалах Горьковской области // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 37–53.
15. Смольникова Н.А. Социальная работа с детьми-сиротами в Сталинградской области в послевоенные годы // Материалы научной сессии. Волгоград, 27–28 апреля 2017 г. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та. 2017. С. 230–234.
16. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.
17. Зезина М.Р. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3. С. 58–67.
18. Зезина М.Р. Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87.
19. Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2006. 34 с.
20. Ромашова М.В. Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие // Астафьевские чтения (ноябрь, 2008). Время «Веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь : Мемориальный центр истории полит. репрессий «Пермь-36», 2009. С. 275–286.
21. Кузнецова И.П. Об опыте борьбы с детской беспризорностью в Башкирской АССР (1945–1964 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7 (158). С. 135–141.
22. Седова Д.В. Система ликвидации детской безнадзорности и правонарушений в послевоенное десятилетие (на примере Ульяновской области и Татарской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 132–139.
23. Смирнова Т.М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах : сб. ст. и материалов / сост. Г.В. Макаревич. М. ; Тверь : Науч. кн., 2008. С. 174–196.
24. Зубкова Е.Ю. Дети войны: положение и стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР. 1942–1948 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 52–65.
25. Ермаков Е.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 21 с.
26. Ростова О.С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период). М. : Спутник+, 2009. 174 с.
27. Бондаренко О.А. Права и свободы ребенка в конституционном законодательстве советского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 88–92.
28. Лиходей Е.М. Переход от «охраны материнства и детства» к «защите прав детей» в новейшей научной литературе // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 101–109.
29. Седова Д.В. Правовые основы социальной защиты детей в СССР в послевоенный период (1945–1955 гг.) URL: http: // naukarus.com/pravovye-osnovy-sotsialnoy-zaschity-detey-v-sssr-v-poslevoennyy-period-1945-1955-gg (дата обращения: 12.05.2018).
30. Славко А.А. Роль специальных детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 169–172.
31. Чащухин А.В. «Не чувствуя контроля ни со стороны родителей, ни со стороны школы… занимаются озорством и хулиганством». Юношеская преступность в первой половине 1950-х гг. // Конструируя детское : филология, история, антропология. М. ; СПб. : Азимут ; Нестор-история, 2011. С. 398–412.
32. Трунова А.Ф. Государственная молодежная политика СССР в области предупреждения молодежной преступности в послевоенное время // Актуальные вопросы юридических наук : материалы Междунар. науч. конф. (Челябинск, ноябрь 2012 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2012. С. 11–15.
33. Гордина Е. Д. Детские дома в Горьковской области в послевоенный период (1946–1948 гг.) // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 123–128.
34. Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.
35. Мамяченков В.Н. Без вины виноватые (условия жизни детей-детдомовцев Свердловской области в 1948–1949 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 104–108.
36. Яхлакова Т.А. Репрессированные дети в детских домах Севера в 1930–1950-е годы. URL: http://severnoe-trehrechie.ru/ (дата обращения: 15.04.2018).
37. Коренюк В.М. Послевоенная повседневность воспитанников детских домов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 58–64.
38. Ромашова М.В. Трудовое взросление в СССР в 1940-х гг. // Власть. 2012. № 10. С. 187–190.
39. Майофис М. Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016. № 6 (142). С. 292–324. URL: http://nlobooks.ru/node/8197 (дата обращения: 14.04.2018).
40. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1949 гг. М. : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманит. инициатив, 2015. 400 с.
41. Коренюк В.М. Детская игровая повседневность 1940–1950-х гг. (на материалах Молотовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 80–82.
42. Коренюк В.М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2017. 33 с.
43. Славко А.А. Массовые источники по истории детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3. С. 166–169.
44. Емельянова Т.П. Память детства: особенности воспоминаний поколения «детей войны» // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии : результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М. : Ин-т психологии РАН, 2017. С. 1943–1949.
45. Архипова Е.В. Трудности и радости военного и послевоенного детства в Сталинграде // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : в 2 ч. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2015. С. 270–278.
46. Клоц А. Р. «Нянькаться будем?» Мемориальные образы советского детства 1930–1950-х гг. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/19/1251439127/13.pdf (дата обращения: 17.11.2017).
47. Водолага О.В. Детская периодика в контексте идеологического воспитания советских детей в послевоенной Украине (1945 – начало 1950-х гг.) // Интеллигенция и власть. 2011. № 23. С. 157–164.
48. Ромашова М.В. Вещи и слова советского детства 1940–1950-х гг.: провинциальное измерение // Какорея. Из истории детства в России и других странах : сб. ст. и материалов / сост. Г.В. Макаревич. М. ; Тверь : Науч. кн., 2008. С. 207–217.
49. Сальникова А. История советской елочной игрушки. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.
50. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 309–332.
51. Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историо-графический роман). Челябинс : Энциклопедия, 2008. 516 с.

52. Кузнецова И.П. Охрана материнства и детства: развитие системы дошкольных учреждений в Башкирской АССР (1945–1965 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 69–76.
53. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М. : Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
54. Жалобина А.С., Матюшева Т.Н. Дети войны: особенности реализации права на образование в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы // Евразийский научный журнал. 2016. № 10. С. 220–222.
55. Хасбулатова О.А., Смирнова А.В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начал XXI века (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3 (48). С. 3–14.
56. Седова Д.В. Меры поддержки семей в СССР в период первого послевоенного десятилетия // Симбирский научный вестник. 2014. № 1. С. 69–71.
57. Гаврыш О.В. Приоритетные направления советской государственной семейной политики в 1945 – начале 1950-х гг. (на материалах УССР) // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 33–35.
58. Долженкова Е.В., Ларина О.Г., Байбаков В.Ю. Социальная политика советского государства в отношении многодетных семей в 20-х – 50-х гг. XX века: обзор мер государственно-правового регулирования // История: факты и символы. 2016. № 4. С. 94–97.
59. Степанова О.В. Охрана здоровья женщин и детей в Алтайском крае (1945 – середина 1960-х гг.) Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2008. 133 с.
60. Лапердин В.Б. Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Четвертой всерос. молодежной науч. конф. Новосибирск, 20–22 августа 2015 г. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 238–245.
61. Такташева Ф.А. Развитие системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1945-м – начале 1950-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (99). С. 184–189.

Lyudmila I. Vavulinskaya, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia). E-mail: ludvav@mail.ru

POST-WAR CHILDHOOD ISSUES IN POST-SOVIET HISTORICAL LITERATURE

Keywords: post-war Soviet childhood; post-Soviet historiography.

The paper deals with the key areas of research of the history of post-war childhood as represented in contemporary Russian historical literature. It is remarked that the number of publications on the subject has increased, researchers have applied new methods and approaches, the range of used sources and covered issues has expanded. The studies mostly focused on elimination of child homelessness and neglect, arrangements for social protection of children, analysis of the work of orphan homes, socialization difficulties of their alumni. Researchers continue investigating aspects such as development of the system of pre-school facilities at the regional level, schooling experiences of Soviet children, state family policy, health care for women and children in post-war years. They raised issues of childhood history that have been addressed little in Russian and foreign historiography, such as survival strategies of homeless and neglected children in the USSR, experience of their fosterage, maturation through work, ‘homescapes’, school realities, street and yard company influences on the child, deviant behaviors. Post-Soviet literature has paid special attention to studying the daily life of Soviet children, including daily routines of children from different social strata. Light has been shed on such a previously unaddressed aspect of childhood history as its material culture, the world of things of Soviet children and teenagers. Contemporary authors often adopt new viewpoints on many aspects of this subject, including assessment of the system of social protection of children, role of orphan homes and boarding schools in supplying manpower for the economy, influence of social arrangements, the state and family on the life of children, the class approach in dealing with guardianship affairs. Researchers substantiate the conclusion that despite some major shortcomings, the system of social protection of orphans in the post-war decade has fulfilled its functions. The analysis of Russian historical literature on post-war childhood issues published in the past three decades shows researchers have been increasingly trying to consider the various aspects of this topic in a comprehensive and in-depth manner. On the other hand, it seems that the questions of upbringing of children in the family, at school and pre-school institutions, organization of their leisure time, involvement in social life, relationships inside formalized groups of children have been insufficiently covered.

REFERENCES

1. Salnikova, A.A. (2006) “A gde zhe deti?”: Rossiyskiy “detskiy mir” kak predmet istoricheskogo issledovaniya [“Where are the children?”: Russian “children's world” as an object of historical research]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Materinstvo i detstvo v Rossii XVIII–XXI vv.* [Motherhood and Childhood in Russia in the 18th – 21st Centuries]. Moscow: Moscow State University. pp. 127–148.
2. Salnikova, A.A. (2007) *Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [The Russian Childhood in the 20th Century: History, Theory, Research]. Kazan: Kazan State University.
3. Zelenina, G. (2008) *Ot skudosti emotsiy k skudosti istochnikov: poluvekovoy put' detskikh issledovaniy* [From the scarcity of emotions to the scarcity of sources: half a century of children's research]. [Online] Available from: http://www.polit.ru/article/2008/ 10/03/zelenina/ (Accessed: 14th April 2018).
4. Yankovskaya, G.A. & Romashova, M.V. (2009) Vyezdnaya sessiya mezhdunarodnogo nauchnogo seminara “Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki” (Permskiy gosudarstvennyy universitet, Perm', 15–18 noyabrya 2008 g.) [Visiting session of the international scientific seminar “Culture of Childhood: Norms, Values, Practices” (Perm State University, Perm, November 15–18, 2008)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 1(8). pp. 114–121.
5. Smirnova, T.M. (2010) Rossiyskoe detstvo v XX veke: novye obobshchayushchie raboty i novye voprosy [The Russian childhood in the 20th century: new generalizing works and new questions]. In: Smirnova, T.S. et al. *Rebenok v istorii i kul'ture* [The Child in History and Culture]. Vol. 4. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 499–515.
6. Romashova, M.V. (2012) Zanimatel'noe istochnikovedenie: istoriya detstva [Entertaining source study: The history of childhood]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 3(20). pp. 172–179.
7. Romashova, M.V. (2013) Deti i fenomen detstva v otechestvennoy istorii: noveyshie issledovaniya, diskussionnye ploshchadki, sobytiya [Children and the phenomenon of childhood in Russian history: the latest research, discussion platforms, events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2(22). pp. 108–116.
8. Kelly, K. (2008) Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv. [On the study of childhood history in Russia in the 19th – 20th centuries]. In: Makarevich, G.V. (ed.) *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]. Moscow; Tver': Nauch. kn. pp. 8–46.
9. Merkurieva, V.S. (2008) Social protection of the orphans in Stalingrad Region in 1940 – 1950. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 5. pp. 137–139. (In Russian).

10. Slavko, A.A. (2010) State regulation of liquidation of children's homelessness in Russia during the Great Patriotic War and the post-war period. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 120. pp. 33–43. (In Russian).
11. Slavko, A.A. (2012) *Istoriya besprizornogo i beznadzornogo detstva v Rossii (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh godov)* [The history of homeless and neglected childhood in Russia (late 1920s – early 1950s)]. Cheboksary: Perfektum.
12. Rokutova, O.A. (2013) *Voennoe i poslevoennoe detstvo. Opyt sotsial'noy zashchity v 1941–1950 gg.* [Military and post-war childhood. The experience of social protection in 1941–1950]. Samara: As Gard.
13. Gordina, E.D. (2016) The problem of combating child homelessness and neglect in 1946 year. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 138–143. (In Russian).
14. Gordina, E.D. (2017) Working with Children in the Context of Combating Homelessness among Children after World War II: From Archival Materials of the Gorky Region. *Vestnik arkhivista – Herald of An Archivist*. 1. pp. 37–53. (In Russian).
15. Smolnikova, N.A. (2017) [Social work with orphans in Stalingrad region in the post-war years]. *Materialy nauchnoy sessii* [Proceedings of the Seminal Session]. Volgograd, April 27–28, 2017. Volgograd: Volgograd State University. pp. 230–234. (In Russian).
16. Zezina, M.R. (1999) Sotsial'naya zashchita detey-sirot v poslevoennye gody (1945–1955) [Social protection of orphans in the postwar years (1945–1955)]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 1. pp. 127–136.
17. Zezina, M.R. (2000) Sistema sotsial'noy zashchity detey-sirot v SSSR [The system of social protection of orphans in the USSR]. *Pedagogika*. 3. pp. 58–67.
18. Zezina, M.R. (2001) Bez sem'i: siroty poslevoennoy pory [Without family: orphans of the post-war era]. *Rodina*. 9. pp. 82–87.
19. Romashova, M.V. (2006) *Sovetskoe detstvo v 1945 – seredine 1950-kh gg.: gosudarstvennye proekty i provintsial'nye praktiki (po materialam Molotovskoy oblasti)* [Soviet childhood in 1945 – mid-1950s: state projects and provincial practices (based on materials from Molotov Region)]. Abstract of History Cand. Diss. Perm.
20. Romashova, M.V. (2009) Isklyuchenie iz pravil: sovetskie detskie doma v poslevoennoe desyatiletie [An exception to the rule: Soviet orphanages in the post-war decade]. In: Gasheva, N. (ed.) *Astaf'evskie chteniya (noyabr', 2008). Vremya "Veselogo soldata": tsennosti poslevoennogo obshchestva i ikh osmyslenie v sovremennoy Rossii* [The Astafiev Readings (November, 2008). The "Merry Soldier" Time: The values of the post-war society and their mediation in modern Russia]. Perm: Perm'-36. pp. 275–286.
21. Kuznetsova, I.P. (2014) On the experience of fighting against homeless children in the Bashkir ASSR (1945–1964). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 7(158). pp. 135–141. (In Russian).
22. Sedova, D.V. (2016) System of elimination of children's homelessness and wrong-doing in post-war decade (a case study of Ulyanovsk Region and the Tatar ASSR). *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of Chuvash University*. 4. pp. 132–139. (In Russian).
23. Smirnova, T.S. (2008) Opyt patronatnogo vospitaniya detey v Sovetskoy Rossii i sovremennost' [The foster care of children in Soviet Russia and the present]. In: In: Makarevich, G.V. (ed.) *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]. Moscow; Tver': Nauch. kn. pp. 174–196.
24. Zubkova, E.Yu. (2016) Deti voyny: polozhenie i strategii vyzhivaniya besprizornykh i beznadzornykh detey v SSSR. 1942–1948 gg. [Children of war: Situation and survival strategies of homeless and neglected children in the USSR. 1942–1948]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 52–65.
25. Ermakov, E.G. (2002) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti organov vnutrennikh del po bor'be s detskoy besprizornost'yu i beznadzornost'yu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyy period (1941–1950 gg.): istoriko-pravovoy aspekt* [Organizational and legal foundations of the activities of internal affairs bodies in the fight against child homelessness and neglect during the Great Patriotic War and the post-war period (1941–1950): a historical and legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
26. Rostova, O.S. (2009) *Pravovaya okhrana materinstva i detstva v Rossii (sovetskiy period*) [Legal protection of motherhood and childhood in the Soviet Russia]. Moscow: Sputnik+.
27. Bondarenko, O.A. (2016) Rights and Freedoms of the Child in the Constitutional Legislation of the Soviet States. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Yurisprudentsiya – Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence.* 2(31). pp. 88–92. (In Russian).
28. Likhodey, E.M. (2017) Perekhod ot "okhrany materinstva i detstva" k "zashchite prav detey" v noveyshey nauchnoy literature [Transition from "protection of motherhood and childhood" to "protection of children's rights" in the latest research literature]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 6. pp. 101–109. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.6.21847
29. Sedova, D.V. (n.d.) *Pravovye osnovy sotsial'noy zashchity detey v SSSR v poslevoennyy period (1945–1955 gg.)* [Legal foundations of social protection of children in the USSR in the post-war period (1945–1955)]. [Online] Available from: http: // naukarus.com/pravovye-osnovy-sotsialnoy-zaschity-detey-v-sssr-v-poslevoennyy-period-1945-1955-gg (Accessed: 12th May 2018).
30. Slavko, A.A. (2009) The role of special children's colonies in struggle against homelessnessand neglect in Russia during the Great Patriotic War and the post-war period. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3(4). pp. 169–172. (In Russian).
31. Chashchukhin, A.V. (2011) "Ne chuvstvuya kontrolya ni so storony roditeley, ni so storony shkoly… zanimayutsya ozorstvom i khuliganstvom". Yunosheskaya prestupnost' v pervoy polovine 1950-kh gg. ["Feeling no control either from their parents or from the school . . . they engage in mischief and hooliganism." Juvenile delinquency in the first half of the 1950s]. In: Balina, M.R., Bezrogov, V.G., Maslinskaya, S.G. Maslinsky, K.A. et al. (eds) *Konstruiruya detskoe: filologiya, istoriya, antropologiya* [Constructing the Child: Philology, History, Anthropology]. Moscow; St. Petersburg: Azimut; Nestor-istoriya. pp. 398–412.
32. Trunova, A.F. (2012) [The state youth policy of the USSR related to crime prevention in the post-war period]. *Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk* [Topical Problems of Legal Sciences]. Proc. of the International Conference. Chelyabinsk, November, 2012. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa. pp. 11–15. (In Russian).
33. Gordina, E.D. (2017) Detskie doma v Gor'kovskoy oblasti v poslevoennyy period (1946–1948 gg.) [Orphanages in Gorky Region in the post-war period (1946–1948)]. *Voprosy istori – Issues of History*. 12. pp. 123–128.
34. Slavko, A.A. (2010) Detskie doma i shkoly dlya detey-sirot v Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyy period [Children's homes and schools for orphans in Russia during the Great Patriotic War and the post-war period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of Chuvash University*. 1. pp. 79–88.
35. Mamyachenkov, V.N. (2016) "Guilty without guilt" (life conditions of orphanages residents of Sverdlovsk Region in 1948–1949). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1(63). pp. 104–108. (In Russian).
36. Yakhlakova, T.A. (n.d.) *Repressirovannye deti v detskikh domakh Severa v 1930–1950-e gody* [Repressed children in orphanages in the North in the 1930–1950s]. [Online] Available from: http://severnoe-trehrechie.ru/ (Accessed: 15th April 2018).
37. Korenyuk, V.M. (2017) Post-war everyday life of children in orphanages. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 9(3-2). pp. 58–64. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-58-64
38. Romashova, M.V. (2012) Trudovoe vzroslenie v SSSR v 1940-kh gg. [Growing up at work in the USSR in the 1940s]. *Vlast' – The Authority*. 10. pp. 187–190.
39. Mayofis, M. (2016) Pansiony trudovykh rezervov: formirovanie sistemy shkol-internatov v 1954–1964 godakh [Labor reserves boarding houses: the formation of a system of boarding schools in 1954–1964]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(142). pp. 292–324. [Online] Available from: http://nlobooks.ru/node/8197 (Accessed: 14th April 2018).

40. Smirnova, T.M. (2015) *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1949 gg.* [Children of the Soviet Land: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1949]. Moscow: Institute of History RAS.
41. Korenyuk, V.M. (2016) Children's playing daily routine in the 1940–1950s (a case study of Molotov Region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7-2(69). pp. 80–82. (In Russian).
42. Korenyuk, V.M. (2017) *Povsednevnaya zhizn' detey voennogo i poslevoennogo vremeni (po materialam Molotovskoy oblasti)* [Children's everyday life in the war and post-war times (based on materials from Molotov region)]. Abstract of History Cand. Diss. Perm.
43. Slavko, A.A. (2009) Mass sources devoted to the history of children-orphans in Russia during the Great Patriotic War and post-war period. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3. pp. 166–169. (In Russian).
44. Emelyanova, T.P. (2017) Pamyat' detstva: osobennosti vospominaniy pokoleniya "detey voyny" [Childhood memory: specificity of the memories of the "children of war" generation]. In: Zhuravlev, A.L. & Koltsova, V.A. (eds) *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research in modern psychology: results and development prospects]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 1943–1949.
45. Arkhipova, E.V. (2015) [Challenges and joys of military and post-war childhood in Stalingrad]. *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya* [Military History of Russia: Problems, Searches, Solutions]. Proc. of the International Conference. Volgograd: Volgograd State University. pp. 270–278. (In Russian).
46. Klots, A.R. (2013) *"Nyan'kat'sya budem?" Memorial'nye obrazy sovetskogo detstva 1930–1950-kh gg.* ["Shall we babysit?" Memorial images of Soviet childhood in the 1930s – 1950s]. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/03/19/ 1251439127/13.pdf (Accessed: 17th November 2017).
47. Vodolaga, O.V. (2011) Children's periodicals in the context of the ideological education of Soviet children of the postwar Ukraine (1945 – early 1950s). *Intelligentsiya i vlast'*. 23. pp. 157–164. (In Russian).
48. Romashova, M.V. (2008) Veshchi i slova sovetskogo detstva 1940–1950-kh gg.: provintsial'noe izmerenie [Things and words of Soviet childhood in the 1940s – 1950s: a provincial dimension]. In: Makarevich, G.V. (ed.) *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]. Moscow; Tver': Nauch. kn. pp. 207–217.
49. Salnikova, A. (2011) *Istoriya sovetskoy elochnoy igrushki* [History of the Soviet Christmas tree toys]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
50. Dimke, D. (2012) Soviet Children's Games: Between Utopia and Reality. *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 16. pp. 309–332. (In Russian).
51. Narsky, I.V. (2008) *Fotokartochka na pamyat': semeynye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (avtobio-istorio-graficheskiy roman)* [A photo card for memory: family stories, photographic messages and Soviet childhood (an autobio-historical-graphic novel)]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
52. Kuznetsova, I.P. (2015) Protection of motherhood and child health: development of preschool institutions in the Bashkir ASSR in 1945–1965. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(357). pp. 69–76. (In Russian).
53. Kukulin, I. (2015) *Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: pedagogical and social design of a postwar school (1940–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
54. Zhalobina, A.S. & Matyusheva, T.N. (2016) Deti voyny: osobennosti realizatsii prava na obrazovanie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i pervye poslevoennye gody [Children of war: peculiarities of the realization of the right to education during the Great Patriotic War and the first post-war years]. *Evraziyskiy nauchnyy zhurnal*. 10. pp. 220–222.
55. Khasbulatova, O.A. & Smirnova, A.V. (2008) Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX – nachal XXI veka (istoriko-sotsiologicheskiy analiz) [Evolution of state policy in relation to family in Russia in the 20th – early 21st century (a historical and sociological analysis)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3(48). pp. 3–14.
56. Sedova, D.V. (2014) Mery podderzhki semey v SSSR v period pervogo poslevoennogo desyatiletiya [Measures to support families in the USSR during the first post-war decade]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 1. pp. 69–71.
57. Gavrysh, O.V. (2015) Priority directions of the soviet state family policy in 1945 – the early 1950s (by the materials of the Ukrainian Soviet Socialist Republic). *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education.* 10(100). pp. 33–35. (In Russian).
58. Dolzhenkova, E.V., Larina, O.G. & Baybakov, V.Yu. (2016) Sotsial'naya politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii mnogodetnykh semey v 20-kh – 50-kh gg. XX veka: obzor mer gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Social policy of the Soviet state in relation to large families in the 1920s - 1950s. An overview of state legal regulation measures]. *Istoriya: fakty i simvoly – History: Facts and Symbols*. 4. pp. 94–97.
59. Stepanova, O.V. (2008) *Okhrana zdorov'ya zhenshchin i detey v Altayskom krae (1945 – seredina 1960-kh gg.)* [Health protection of women and children in the Altai Territory (1945 – mid-1960s)]. Barnaul: Altai State Technical University.
60. Laperdin, V.B. (2015) [Child mortality in Western Siberia in 1946–1950]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: Young Researchers' Perspective]. Proc. of the Fourth Conference. Novosibirsk, August 20–22, 2015. Novosibirsk: SB RAS. pp. 238–245. (In Russian).
61. Taktasheva, F.A. (2015) Development of the system of women's and children's health protection in the Stalingrad region in 1945 – beginning of 1950. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Ivzestia of Volgograd State Pedagogical University*. 4(99). pp. 184–189. (In Russian).

УДК 94(470.51)"18"
DOI: 10.17223/19988613/67/2

Т.А. Васина

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКОГО И КАМСКО-ВОТКИНСКОГО ЗАВОДОВ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Рассмотрен вопрос о специфике торговой сферы в заводских поселках при Ижевском и Камско-Воткинском заводах в конце XVIII в. – 1860 г. Источниковой базой исследования послужили материалы региональных архивов. Проанализированы следующие аспекты темы: формы торговли, ассортимент товаров на местных рынках, транзитные пути, социальный состав предпринимателей. Дано заключение о роли заводской администрации в развитии торговли и степени вовлечения в товарно-денежные отношения заводского населения военного и горного ведомств.

Ключевые слова: Вятская губерния; Ижевский завод; Камско-Воткинский завод; горнозаводское население; формы торговли; ассортимент товаров; цены.

Изучение торговли, формирования рыночных отношений, ассортимента товаров, социальных групп, занятых в сфере купли-продажи и тому подобного на локальных (территориально и хронологически) примерах вносит вклад в общую картину социально-экономического развития страны. В частности, истории торговли и предпринимательства Камско-Вятского региона посвящены исследования ученых Удмуртской Республики. Так, Н.Н. Латышев в монографии «Удмурты накануне реформ: первая половина и 60-е годы XIX в.» (1939) представил товарное производство и складывание рынка в Вятской губернии, в том числе вовлечение в товарно-денежные отношения удмуртского крестьянства. М.В. Гришкина анализировала особенности проникновения рыночных отношений в удмуртскую деревню XVII–XVIII вв. Н.П. Лигенко в монографии «Купечество Удмуртии: вторая половина XIX – начало XX в.» (2001) дала объективную оценку процессу становления купеческого сословия, а в коллективной монографии «Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв.» (2008) обратилась к истории появления купеческих семей [1; 2. С. 35–36].

Основные выводы исследователей касательно специфики развития торговли в дореформенный период в Вятской губернии были следующими. Во-первых, местное купечество представляло собой относительно молодую прослойку, оформившуюся после губернской реформы 1775 г., поэтому большую роль в торговле играло зажиточное крестьянство, а также купцы и мещане иных губерний, имевшие здесь разветвленную сеть торговых агентов. Купеческие капиталы формировались в Вятке и уездных городах (Сарапуле, Елабуге, Глазове, Малмыже и др.). К середине XIX в. наметилась специализация: елабужские купцы преимущественно скупали хлеб и через Рыбинск отправляли его в Санкт-Петербург, сарапульские направляли сельскохозяйственную продукцию в Рыбинск, Архангельск, прилегающие уезды Пермской губернии и на Ижевский и Камско-Воткинский заводы, глазовские поставляли хлеб на ближайшие железоделательные предприятия, вятским и слободским купцам и т.д. Кроме зерна, значительной статьей вывозной торговли был лес, а в Сарапуле – продукция легкой промышленности. Во-вторых, одним из важнейших условий развития товарно-денежных отношений и включения Вятской губернии в общероссийский рынок являлись пути сообщения: водные – реки Кама и Вятка с притоками, сухопутные – торгово-почтовые дороги, прежде всего Сибирский и Вятско-Пермский тракты. Транзитные пути соединяли Камско-Вятский регион, с одной стороны, с Уралом и Сибирью, а с другой – с Санкт-Петербургом и Архангельском. В-третьих, с XVII в. в регионе развивались периодические формы торговли: складывалась сеть торжков и базаров, с XVIII в. – ярмарок, которые сосредоточились в основном в Сарапульском и Глазовском уездах Вятской губернии. К середине XIX в. относится становление стационарной торговли, главным образом в городах, а также в заводских поселках, наиболее крупные из которых образовались при Ижевском и Камско-Воткинском заводах [3. С. 174–182].

Камско-Воткинский и Ижевский железоделательные заводы Сарапульского уезда Вятской губернии были основаны графом П.И. Шуваловым в 1759–1760 гг.; в 1763 г., после смерти владельца, поступили в казну. В связи с основанием в Ижевске оружейного производства (1807) Ижевские оружейный и железоделательный заводы были переданы в ведение Военного министерства; Камско-Воткинский завод остался в горном ведомстве, в подчинении Министерства финансов. По численности жителей и сложности социальной структуры промышленные центры к концу изучаемого периода не уступали городам: в 1860 г. в Ижевске проживали 21 908 обывателей, в Воткинске – 15 629 [4. Л. 53; 5. Л. 55–56]. Население делилось на две основные категории: заводской штат, занятый управлением предприятиями и производством, – чиновники, нижние чины, оружейники, мастеровые, непременные

(урочные) работники; не связанные с заводской деятельностью купцы, мещане, крестьяне, дворовые, отставные солдаты и прочие «вольнопроживающие» разночинцы.

В изучаемый период основой общественного и домашнего быта жителей Ижевского и Камско-Воткинского заводов была служба на промышленном предприятии. Работа на металлургических и оружейном производствах играла определяющую роль в жизни заводского населения и была главным источником существования. Служащие получали установленное жалованье, а мастеровые – сдельную оплату по расценкам. Дополнительным источником доходов были некоторые преимущества и льготы, предоставленные горным и военным ведомствами: право на получение провианта, приусадебного участка, покосов, ссуды на строительство дома, пенсии, пользования заводскими лесами и т.д. Наконец, подспорьем для семейного бюджета являлись подсобные занятия и промыслы: огородничество, скотоводство, пчеловодство, рыболовство, охота, ремесло и торговля.

Произведенную в домохозяйствах продукцию (промысловые изделия, излишки продовольствия) заводское население сбывало на местных рынках. Базары функционировали еженедельно, по воскресеньям. В статистическом описании Ижевского завода за 1850 г. отмечалось, что «эти торговые дни жителям завода служат почти единственным средством для заготовления жизненных потребностей на целую неделю» [6. Л. 320]. Большой торг открывался перед Рождеством, масленицей и храмовым праздником св. великомученицы Екатерины (в эти дни собиралось до 3 000 чел.). В округе торжки действовали в храмовые праздники в селах Завьялово и Гольяны, «но ничтожные, на которые приезжают только из оружейного завода и из окрестных деревень люди с жизненными мелочными припасами» [7. Л. 5, 36 об.].

Развитию торговли в Ижевске в значительной степени способствовала позиция заводской администрации, которая стремилась привлечь в промышленный центр купцов и таким образом освободиться от лишних трат по закупке необходимых для предприятия «припасов». В частности, хлеб, соль, фураж, канцтовары, медикаменты для госпиталя и прочее приобреталось оптом в Нижнем Новгороде на Макарьевской ярмарке специально командированными чиновниками. Поэтому в ходе обсуждения проекта штата 1829 г. инспектор оружейных заводов и члены конторы выразили мнение, что «полагается в сем вновь населяющемся многолюдном заводе… предоставить право пользоваться свободою торговли мастеровым и оружейникам, равно… и иногородним купцам и мещанам без всяких особых за оную торговлю повинностей, кроме тех, которые с их званием сопряжены» [8. Л. 194–194 об.].

В итоге торговля в основном сосредоточилась в руках «вольных промышленников», которые закупали товары в Нижнем Новгороде, Казани, ближайших уездных городах (Сарапуле, Елабуге) и продавали в 18 лавках (5 фруктовых, 6 мучных, 6 суконных и 1 с «железными изделиями») [9]. Заводские мастеровые, преимущественно вышедшие в отставку, торговали местной продукцией на воскресных базарах или в лавочках при домах и на соборной площади: в 1835 г. – 161 чел., в 1841 г. – 187, в 1845 г. – 200, в 1850 г. – 192 (в том числе 16 вели торг из лавок, 83 – из своих домов) [10. Л. 8; 11. Л. 21; 12. Л. 4 об.; 13. Л. 26]. В отчете ижевской Управы благочиния за 1860 г. отмечалось: «Из числа мастеровых и оружейников многие в свободное от работы время занимаются ловлею рыбы, торговлею мясом, солью, мукой и другими мелочами в принадлежащих им лавочках, палатках и в своих домах, а некоторые торгуют в наемных лавках, принадлежащих купчихе Блохиной… Другие же в торговые дни выезжают для продажи своих товаров с возами на рынок» [14. Л. 121 об.].

В предреформенный период (1858) на ижевском рынке продавались: брусника (40 коп. серебром ведро), варенье (35 коп. фунт), воск (20 руб. пуд), горох (50 коп. пуд), крупы ячневая, овсяная (по 50 коп. пуд), манная (5 коп. фунт), перловая (9 коп. фунт) и «сорочинская» (6–17 коп. фунт), клюква (3,5 коп. фунт), кофе (40–50 коп. фунт), конфеты французские (50–60 коп. фунт), капуста квашеная (10 коп. ведро), крахмал картофельный (3,2 руб. пуд), лук репчатый (14 коп. решето), мука ржаная (33–35 коп. пуд), пшеничная (50–60 коп.), гороховая (50 коп.) и овсяная (40–50 коп. пуд), масло скоромное (6 руб. пуд), говядина (1,37 руб. пуд), домашняя птица (курица стоила 9 коп., индейка – 50 коп., утка – 20 коп., гусь – 40 коп.), пряники (3–7 коп. фунт), щука (1,1–1,4 руб. пуд), окунь (1,4–1,6 руб. пуд), судак сушеный (1,8 руб. пуд), севрюга соленая (2,6 руб. пуд), ржаной солод (40–50 коп. пуд), соль (60 коп. пуд), сало топленое говяжье (4 руб. пуд), сахар-рафинад (14,5 руб. пуд), яйцо куриное (7 коп. десяток), сено (1,11 руб. за воз, или 10 пудов), солома ржаная (15 коп. воз), солома овсяная (70 коп. воз), семя льняное (60 коп. пуд), башмаки (30 коп. пара), вареги шерстяные (14 коп.), валенки (50–80 коп.), коты (60 коп.), полушубки овчинные (5 руб. шт.), деревянные ложки (6 коп. десяток), кадки для воды (20–90 коп.), глиняные корчаги (4 коп. шт.) и др. [15. Л. 1 об.–3 об.]. Прослеживалось сезонное изменение цен: летом сельскохозяйственная продукция дешевела. Наблюдение за торговым ассортиментом и ценами вела Управа благочиния (заводская полиция).

В Камско-Воткинском заводе с 1826 г. в зимний период (12–25 декабря) функционировала ярмарка. Первоначально в ней участвовали казанские, московские, астраханские купцы, но «с 1829 г., когда вольная продажа железа в заводе была запрещена, ярмарка совершенно упала, так что в настоящее время немногие даже из заводских жителей знают об ее существовании» [16. С. 65]. Тем не менее, по свидетельству М. Блинова, «упадок местной ярманки не остановил, однако же, торговой деятельности на заводе. Базары по воскресным дням, совершенно ничтожные в летнее время, с началом зимы уже начинают кипеть многолюдством; в это время стекаются сюда жители всех концов округа: русский крестьянин из-за Камы и вотяк шарканский встречаются здесь как старые знакомые; мелкая промышленность жителей заводских находит для себя работу, и дорога в питейный дом не заносится снегом…» [17. С. 40].

Занятость воткинских мастеровых и урочных работников на производстве, как и в Ижевске, привела к сосредоточению торговли в руках скупщиков – иногородних купцов и мещан (преимущественно сарапульских), и производителей – государственных и удельных крестьян, а «заводским людям остается в удел мелочная торговля во время базаров; но и этим преимуществом могут пользоваться только мастеровые отставные или те из служащих, которые по роду своих обязанностей имеют к тому возможность и время» [17. С. 37]. Например, в 1842 г. разными «съестными припасами» (соль, говядина, масло, чай, сахар и т.п.) торговали отставные мастеровые А. Ефимов, В. Кожевников, А. Чепкасов, Ф. Шлыков, В. Мокин и др.; крестьяне Нижегородской губернии (В. Мотырев, Е. Шамин, П. Козлов, С. Колотилов, Я. Швартов) продавали хомуты, шлеи, рукавицы, крестьянин Ярославской губернии Ф. Блохин – муку, овес, а также хрустальную посуду, Рязанской губернии И. Кутузов – конфеты, пряники, чай, сахар, табак, глиняную посуду, Костромской губернии В. Филиппов – пряники, конфеты, рыбу, свечи; некоторые крестьяне (Г. Дементьев, А. Тимофеев, С. Якимов, М. Теретьев) торговали «красным товаром» (тканями) по доверенностям от купцов; купцы М. Баранов, В. Баранов, П. Дьяков, А. Ехлаков, М. Орлов специализировались на продуктах питания и т.д. [18. Л. 21–23 об.].

Согласно статистическим сведениям 1848 г., специфика торговой сферы в промышленном центре оставалась прежней: «Население заводское составляют служащие чиновники и рабочий класс мастеровые, кои получая содержание от казны и, не занимаясь промышленностию, не имеют способов к обогащению, разночинцы же, составляя торгующий класс и имея выгоды от сбыта своих товаров, более зажиточны, продукты их торговли составляют предметы, кои необходимы в общественной жизни, более зажиточные получают их прямо из Нижегородской ярмарки, а мелочные продавцы ведут торг, перекупая от них или получая товары чрез мену местных произведений» [19. С. 10–10 об.]. Промысловые изделия и сельскохозяйственная продукция продавались большей частью по воскресным дням на базарах, а мануфактура, табак, галантерея – в лавках на церковной площади, которые протоиерей Благовещенского собора сдавал торговцам в аренду [20. Л. 7]. Казанские татары привозили в Камско-Воткинский завод яблоки, орехи, мыло и другие «мелочные товары», удмурты продавали конопляное семя, а сарапульские мещане – кожевенные изделия (обувь) [21. Л. 24–40 об.]. Оборот товаров на еженедельных базарах, по данным на 1858 г., достигал 4 200 руб. (привоз) и 3 920 руб. (продажа) [22. Л. 44]. Количество постоянных лавок к 1860 г. увеличилось до 29 церковных (18 каменных и 11 деревянных) и 43 частных (28 каменных и 15 деревянных) [5. Л. 36–36 об., 57].

Материалы, предоставленные в 1849 г. Русскому географическому обществу, свидетельствовали, что торговля в Камско-Воткинском горном округе, несмотря на определенные успехи, не соответствовала численности проживавшего здесь населения и не получила необходимого развития по двум причинам: из-за занятости жителей производственной деятельностью и некоторой удаленности промышленного центра от основных речных путей. Купеческие товары следовали из Нижнего Новгорода, Казани, Мензелинска по Волге и Каме до Сарапула, а затем перевозились в Воткинск по суше. На принадлежавшей заводу пристани Усть-Речка на Каме выгружались только казенные клади: предприятие в мае и августе отправляло «металлические караваны» со своей продукцией, а получало различные «припасы» с Нижегородской и Ирбитской ярмарок (на сумму до 8 500 руб. в год) и чугун с Гороблагодатских заводов; кроме того, по Осинской дороге из Пермской губернии привозились белая глина, юфть из Кунгура, медь с Юговского завода и т.д. Большое значение имела хлебная торговля (при этом цены на зерно в заводском селении зависели от цен в Сарапуле; кроме того, зерно и крупы на железоделательные заводы Сарапульского уезда поставляли также крупные глазовские хлебные промышленники [23. С. 91]), а также продажа алкоголя (производилась содержателями сарапульского комиссионерства) [21. Л. 24–40 об.]. Соль доставлялась на Усть-Речку из Перми и Соликамска; мясом торговали заводские жители и окрестные крестьяне, причем строго в периоды «мясоедов» и т.д. [16. С. 65–66].

Казенные оптовые закупки занимали заметное место в сфере торговли. В частности, через Управу благочиния контора Камско-Воткинского завода ежегодно объявляла «вольным промышленникам» об организации торгов: на поставку провианта и фуража, сена для заводской конюшни, строительных материалов, одежды для заводского госпиталя и т.д. Одновременно могли вводиться ограничения для частных лиц: например, 18 января 1857 г. контора Камско-Воткинского завода запретила купцу И. Кутузову и мещанину Д. Белослудцеву под угрозой выдворения из промышленного центра закупать овес и муку по твердым ценам, предназначенным для предприятия [24. Л. 7–7 об.].

В интересах заводского населения регулировалась цена на соль. Например, в 1819 г. в Воткинске возник дефицит соли (не была вовремя доставлена с пристани), поэтому мастеровые и непременные работники вынужденно приобретали ее у прасолов (скупщиков) по завышенной цене (1,5 руб. пуд). В итоге заводская контора обязала ростовского купеческого сына А.Н. Владимирова, крестьянина В.З. Жаркова и других предпринимателей продавать соль по государственной таксе либо временно прекратить торговлю. Владимиров нашел это постановление «деспотическим» (он привез в завод 2 000 пудов соли и нес убытки) и попытался его опротестовать; в ответ контора решила выслать купца из селения «яко беспокойного человека» [25. Л. 7–7 об., 13, 14–15].

Наконец, заводская администрация имела право устанавливать количество питейных заведений. Каждый предприниматель мог открыть в промышленных центрах только два заведения, запрещалось основание питейных домов в центре поселений, на главных улицах, вблизи церквей и казенных зданий в целях пожарной безопасности и защиты от беспорядков. Про-

дажа алкогольных напитков в населенных пунктах горного и военного ведомств была ограничена: работа питейных заведений запрещалась в воскресные и табельные дни во время литургии и крестных ходов, в будни – в летнее время до 20 час и в зимнее до 17 час [26. Л. 165–165 об.]. Так, по условиям питейных сборов 1807–1811, 1811–1815 и 1815–1819 гг. контора Камско-Воткинского завода 5 февраля 1819 г. предписала Управе благочиния следить за соблюдением ограничений продажи вина, в том числе отпускать алкоголь ведрами, полуведрами и четвертями только по билетам от заводского начальства, поскольку наблюдались факты нарушения действующих распоряжений (некоторые торговцы пытались продавать алкоголь от восхода солнца до 22 час, включая время литургии, что вызывало возмущение протоиерея Благовещенского собора) [24; 27. Л. 2, 5, 6, 10–10 об., 18–18 об., 28. Л. 1]. В то же время указы Пермского горного правления от 29 января и 28 августа 1819 г. не разрешали горным начальникам полностью ликвидировать торговлю алкогольной продукцией; организация пивоварения в заводских поселках предусматривалась на тех же основаниях, что и в городах, и количество питейных заведений постепенно росло. В Камско-Воткинском заводе в 1819 г. было 2 питейных дома, а в 1854 г. – гостиница, 2 питейных дома, 2 штофные лавки, одна ведерная и водочный магазин [27. Л. 10 об.; 29. Л. 25]. В Ижевском заводе в начале 1860-х гг. насчитывалось 6 заведений (питейный дом, штофная лавочка, 3 водочных магазина, винный погреб) [30. Л. 12].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что торговля в Ижевском и Камско-Воткинском заводах, крупных промышленных центрах Вятской губернии, имела как общие для региона черты, так и свою специфику. По форме торговля была и стационарной (лавки), и периодической (рынки, базары, ярмарки). В ассортименте товаров преобладали предметы первой необходимости, рассчитанные на удовлетворение потребностей непривилегированных слоев населения. Значительная часть «припасов» для заводского производства и служащих (включая выдававшийся рабочим провиант) поставлялась на предприятия оптом торговцами разных сословий, а также закупалась чиновниками для особых поручений, командированными в города и на ярмарки. На основании Проекта Горного положения для управления заводов хребта Уральского 1806 г. и Устава горного Свода законов Российской империи 1832 г. торговать в заводских поселках разрешалось представителям всех социальных групп российского общества, но на практике местные жители были слабо вовлечены в товарно-денежные отношения. В дореформенный период рабочие казенных предприятий горного и военного ведомств фактически были прикреплены к заводам (состояли в обязательных отношениях), находились на обеспечении государства, участвовали в производственном процессе и не могли выбрать иной род деятельности. Ремесла и промыслы, продажа промысловых изделий и излишков сельскохозяйственной продукции имели второстепенное значение по причинам дефицита в рабочей среде свободного времени и отсутствия широкого рынка сбыта. Поэтому торговля существовала преимущественно в виде удовлетворения потребностей домохозяйств и функционировала на уровне мелких рынков и лавочек; в этой сфере были заняты большей частью отставные мастеровые и непременные (урочные) работники. Но даже на таком уровне торговля позволяла заводским рабочим улучшить свое благосостояние. Например, семья ижевского непременного работника д. Лудорвай Н. Михайлова, который с сыновьями вел хлебную торговлю, владела мельницами, домами на каменном фундаменте, имела возможность покупать предметы роскоши, больше свойственные горожанам, – диваны, комоды, зеркала, часы, картины, сюртуки и пальто и т.п. [31. Л. 5–7 об., 10–13]. Основные потоки товаров в изучаемых промышленных центрах находились в руках иногородних купцов и мещан (Ижевск и Воткинск не имели статуса города, здесь отсутствовали городские сословия), а также крестьян Вятской и иных губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиографический указатель трудов УИИЯЛ УрО РАН. 1931–2011 гг. / гл. ред. А.Е. Загребин; науч. ред. М.Г. Иванова; отв. за вып. Л.И. Поздеев; сост. Т.А. Васина, А.П. Сидорова, С.Д. Смирнова, Л.С. Христолюбова; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2011. 376 с.
2. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: 85 лет исследований / УИИЯЛ УрО РАН; общ. ред. А.Е. Загребина. Ижевск, 2016. 360 с.
3. История Удмуртии: конец XV – начало XX века / под ред. К.И. Куликова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1257.
5. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7400.
6. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 782.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 56. Д. 127.
8. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 69.
9. Бейне Г. Краткие исторические и экономические очерки Ижевского завода // Записки Императорского Казанского экономического общества. 1855. Т. 1, кн. 4. С. 191–204.
10. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320.
11. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459.
12. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 637.
13. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 860.
14. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1314.
15. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1193.
16. Воткинск : документы и материалы. 1758–1998. Ижевск : Удмуртия, 1999. 354 с.
17. Блинов М. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. № 3 (март). Ч. 11. Отделение III (Материалы для статистики России). С. 1–75.
18. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5081.

19. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5652.
20. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5173.
21. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5778.
22. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7282.
23. Заметки о Глазове // Вятские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1858. № 13. С. 90–92.
24. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7126.
25. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1671.
26. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 256.
27. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1574.
28. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3965.
29. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6670.
30. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1432.
31. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 810.

Tat'yana A. Vasina, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Izhevsk, Russian Federation).

THE DEVELOPMENT OF TRADING IN THE INDUSTRIAL CENTERS OF THE VYATKA PROVINCE BY THE EXAMPLE OF THE IZHEVSK AND KAMA-VOTKINSK FACTORIES IN THE PRE-REFORM PERIOD

Keywords: the Vyatka province; the Izhevsk factory; the Kama-Votkinsk factory; the mining factories population; forms of trading; goods assortment; prices.

Research of socio-economic history are focused on the studying of life conditions of various strata of the Russian society in different regions and epochs. The Russian historical science studies the problems of the development of agriculture and industry, commodity-money relations in the peasant and urban environment, formation of the home market and trading capital and etc. Therefore, the initial history of the formation of trade on the example of the mining factory population in the large industrial settlements of the Kama-Vyatka region is topical. The study of local processes complements the picture of the country's socio-economic development.

The purpose of this research is to determine the specifics of trade in the industrial centers of the mining and military departments. The objects of the study are to describe the forms of trade, the range of products in local markets, the transit routes for goods, the social composition of entrepreneurs, and the prerogatives of the factory's administration in the commercial sphere.

The study is limited to the chronologically pre-reform period (the end of the 18th century – 1860). The first chronological boundary is determined by the dates of the foundation of the Izhevsk and Kama-Votkinsk factories (1759–1760). The second time fence is limited by the beginning of the "Great Reforms", since the abolition of serfdom led to a radical change in the position of the mining population. The territorial scope of the study includes industrial settlements at the Izhevsk and Kama-Votkinsk factories which are analyzed in the context of the Kama-Vyatka region (Vyatka province).

The work is based mainly on regional archival materials of the Central State Archives of the Udmurt Republic and the State Archive of the Kirov Region. These are the documents of the funds of the Izhevsk arms and steel factory, the Kama-Votkinsk iron-making factory and the office of the Vyatka governor (statistical descriptions, books of goods and market prices compiled by the factories police, lists of entrepreneurs, office documentation).

The article considers the following aspects of the topic. First, the works of some historians have been analyzed and paid attention to the specifics of the trade sphere in the Kama-Vyatka region. Secondly, the population of the Izhevsk and Kama-Votkinsk factories, the number, social composition and main sources of income were studied. Thirdly, stationary and periodic forms of trade (shops, fairs and markets), the range of goods and prices, the social composition of merchants in these industrial centers were analyzed.

The conclusion about the presence of common and special features of trade in the Izhevsk and Kama-Votkinsk factories was made. Common features were the forms of trade, the range of goods, transit routes, the predominance of merchants, townspeople and peasants in the commercial sphere. A specific feature was the small development of market relations among factory workers. The trade existed only in the form of a home need. In addition, the factories' administration practiced wholesale purchases, had full power and could regulate local trade through permits and prohibitions.

REFERENCES

1. Zagrebin, A.E. (ed.) (2011) *Bibliograficheskiy ukazatel' trudov UIIYaL UrO RAN. 1931–2011* [Bibliographic index of Udmurt Institute of History, Language and Literature of the UB RAS. 1931–2011]. Izhevsk: UB RAS.
2. Zagrebin, A.E. (ed.) (2016) *Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN: 85 let issledovaniy* [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the UB RAS: 85 years of research]. Izhevsk: UB RAS.
3. Kulikov, K.I. (ed.) (2004) *Istoriya Udmurtii: Konets XV – nachalo XX veka* [History of Udmurtia: The end of the 15th – early 20th century]. Izhevsk: UB RAS.
4. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 1257.
5. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 7400.
6. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 782.
7. The State Archive of Kirov Region (GAKO). Fund 582. List 56. File 127.
8. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 69.
9. Beyne, G. (1855) Kratkie istoricheskie i ekonomicheskie ocherki Izhevskogo zavoda [Brief historical and economic essays of the Izhevsk factory]. *Zapiski Imperatorskogo Kazanskogo ekonomicheskogo obshchestva.* 1(4). pp. 191–204.
10. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 320.
11. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 459.
12. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 637.
13. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 860.
14. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 1314.
15. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 1193.
16. The Udmurt Republic. (1999) *Votkinsk. Dokumenty i materialy. 1758–1998* [Votkinsk. Documents and materials. 1758–1998]. Izhevsk: Udmurtia.
17. Blinov, M. (1855) Istoriko-statisticheskoe izvestie o Kamsko-Votkinskom zavode i tamoshnikh votyakakh [Historical and statistical news about the Kama-Votkinsk factory and the local Votyaks]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 3(11). pp. 1–75.
18. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5081.

19. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5652.
20. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5173.
21. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5778.
22. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 7282.
23. Kirov region. (1858) Zametki o Glazove [Notes on Glazov]. *Vyatskie gubernskie vedomosti.* 13. pp. 90–92.
24. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 7126.
25. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 1671.
26. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 256.
27. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 1574.
28. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 3965.
29. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 6670.
30. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 1432.
31. The Central State Archives of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 810.

УДК 908(571.1)”19”:332.14(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/67/3

Е.И. Гололобов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОСВОЕНИЮ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ В УСЛОВИЯХ АКТИВНОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНА (1960–1975 гг.)

Результаты получены в рамках выполнения гранта РНФ № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

На примере Сургутского Приобья, наиболее индустриализированной территории северотаежной зоны Западной Сибири, рассматривается процесс неуклонного сокращения хозяйственного значения биологических ресурсов в экономическом развитии региона. Анализируются экономическая и политическая задачи «социалистической реконструкции» традиционного промыслового хозяйства народов Севера, основанного на использовании биоресурсов. Дается характеристика негативного воздействия индустриализации региона в 1960–1975 гг. на его природу и биоресурсы.

Ключевые слова: освоение биоресурсов; XX в.; Север Западной Сибири; экологическая история.

Освоение Севера во второй половине XX в. являлось важной социально-экономической задачей. С 1960-х гг. затраты на освоение Севера удваивались каждые семь-восемь лет и в десятой пятилетке составили десятки миллиардов рублей. Только за период 1960–1975 гг., по данным СОПСа при Госплане СССР, капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объем за весь предшествующий более чем сорокалетний период [1. С. 5].

Стержнем процесса освоения сырьевых ресурсов, в том числе биологических, таежной зоны Западной Сибири стала последовательная концептуализация идеи индустриализации северных территорий и ее реальное воплощение в регионе во второй половине XX в. Следовательно, все, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс»; что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению в тайге, оценивалось со знаком «минус». Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь.

В освоении биоресурсов «индустриальный стандарт» выразился в «социалистической реконструкции» хозяйства коренных народов Севера и интенсификации традиционных отраслей экономики. Изменения осуществлялись по следующим направлениям: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре; максимальное сокращение использования ручного труда за счет автоматизации и механизации производственных процессов.

Особенно интенсивно этот процесс проходил на территории Севера Западной Сибири. Регион в беспрецедентно короткое время прошел уникальный «исторический» путь от очагового освоения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды.

Территорией наиболее интенсивного промышленного освоения стало Сургутское Приобье в административных границах Сургутского района. В рассматриваемый период Сургутский район из сельскохозяйственного превратился в индустриальный, нефть стала определять его дальнейшую судьбу. Одна лишь Сургутская скважина давала нефти столько же, сколько десять-пятнадцать скважин в Поволжье. Причем среднеобская нефть – высококачественная, она характеризуется выходом светлых продуктов, небольшой вязкостью в пластах, из некоторых ее видов вырабатываются высокоскоростные смазочные масла. Эти качества Сургутской нефти, а главное – высокие объемы добычи, принесли ей заслуженную известность. За весь период освоения на территории Сургутского района было открыто и введено в эксплуатацию более ста месторождений. В настоящее время работа по разведке и вводу в эксплуатацию новых месторождений продолжается.

Сургутский район был образован 11 января 1924 г. Это самый крупный район в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (с 1944 г. входит в состав Тюменской области) по численности населения (121 000 чел.) и объему промышленного производства. Он включает четыре городских поселения – Лянтор, Федоровский, Белый Яр, Барсово, и девять сельских поселений – Нижнесортымский, Солнечный, Локосово, Русскинская, Сытомино, Лямина, Тундрино, Угут и Ульт-Ягун. Площадь района составляет 105,5 тыс. км^2. Протяженность границ – 1 800 км, с севера на юг – 560 км,

с запада на восток – 400 км. За время существования внешний облик района и его пограничные очертания претерпевали изменения, впрочем, как и само название территории – уезд, край, территория, местность, район [2].

На территории района из числа коренных малочисленных народов проживают более 3 тыс. чел. (2,7% от всего населения района), из них большая часть ведет традиционный образ жизни и занимается традиционными видами деятельности (охота, рыболовство, сбор дикоросов и т.д.) на территориях традиционного природопользования (родовых угодьях). По национальному составу 98% – ханты, 1% – ненцы, менее 1% – манси [Там же].

В 1960–1975 гг. Сургутский район также был одним из крупнейших районов Тюменской области. Территория района занимала 162,7 тыс. км^2. Из них почти 70 тыс. км^2 было занято лесами, 0,25 тыс. км^2 – лугами и пастбищами, 40 тыс. км^2 – сенокосами, 10,5 тыс. км^2 – озерами и водными магистралями [3. Л. 194]. В этот период в районе быстрыми темпами развивалась нефтяная и газовая промышленность, велись стройки нефтепроводов, железной дороги Тюмень–Сургут–Нижневартовск, Сургутской ГРЭС, возводились десятки промышленных предприятий. Именно в этот период сформировался Западносибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК). Это вызвало большой приток рабочей силы. Только за 1970–1973 гг. население г. Сургута и района увеличилось более чем на 19 тыс. чел. [Там же].

Сургутское Приобье относится к территории с экстремальными эколого-климатическими условиями. Суровая продолжительная зима, отличающаяся устойчивыми морозами (средняя температура января от –22 до –28) и короткое лето (2 месяца) красноречиво об этом свидетельствуют. Судя по индексу Бодмана, вычисляемому на основании температуры воздуха и скорости ветра, который является характеристикой комплексного влияния климата на организм человека в условиях внетропических широт, климат предъявляет повышенные требования к организму жителей таежной зоны Западной Сибири. Индекс суровости погоды в регионе приближается к величинам, характерным для наиболее экстремальных и холодных территорий Российской Федерации [4].

Север Западной Сибири богат поверхностными водами. Его по праву можно назвать «землей воды». Повышенное количество осадков, слабое испарение, особенно с затененной поверхности почв и водоемов, а также облесенность и равнинность, затрудняющие сток, вызывают заболачивание территории. Поэтому кроме многочисленных рек и озер в таежной зоне большое количество болот. На земном шаре нет территории, где бы болота занимали такие громадные площади, как в Западной Сибири. В зоне тундры и тайги площадь болот составляет 77,22 млн га, из них на долю торфяников приходятся около 40 млн га. В Сургутском полесье 75% площади заболочено. Густота речной сети – 350–400 км на 1 000 км^2 (в лесостепной и степной зонах аналогичный показатель составляет 25–30 км на 1 000 км^2) [5. С. 37]. Ширина междуречий не достигает и 12 км, а максимальное удаление от реки не превышает 5–6 км. Многие из таежных притоков Оби больше таких известных величиной водосброса и стока рек, как Западная Двина, Буг, Днестр и др.

Запасы поверхностных и подземных вод в районе исчисляются десятками миллионов кубометров. Протяженность главной артерии – р. Оби – в пределах района составляет 370 км, а вместе с притоками – 3 тыс. км. Расход воды в секунду в среднем 12,3 тыс. кубометров. В весенне-летний период водой занято почти 45% суши. В толщах земли протекают многопластовые подземные воды. Исключительно развитая пойменная система Оби и крупных притоков аккумулирует до 25% ее годового стока. Это создает временные, но обширные, связанные с рекой акватории, являющиеся летней нагульно-выростной площадью для большинства видов рыб. Значительное место в ландшафтах таежной зоны занимают озера. Они насчитываются здесь десятками тысяч, а возможно, и сотнями тысяч. Заозерность Сургутского Полесья составляет 18–23% [6. С. 39]. Крайне высокая степень обводненности и заболоченности определяет обилие водных и полуводных животных – рыбы, водоплавающих птиц, ондатры, бобра и др. Темнохвойные урманные леса в сочетании с пойменными и болотными угодьями и обширными сосняками создают оптимальные условия для обитания глухаря, рябчика, белки, лося, выдры, медведя и, соответственно, для развития охоты и рыболовства.

Рыбная промышленность во второй половине 1950-х гг. давала половину всей промышленной продукции Ханты-Мансийского национального округа [7. С. 60]. Тюменская область в целом, в первую очередь благодаря своим северным национальным округам, занимала важное место по запасам и улову рыбы. В области была сосредоточена половина всей добычи сиговых рыб в РСФСР. При этом рыбообрабатывающая база предприятий области была весьма примитивной. Технические возможности позволяли выпускать в основном низкокачественную рыбопродукцию крепкого посола [8. С. 9].

Рыболовство имело и имеет большое значение для коренных малочисленных народов Севера. Это исконная отрасль хозяйства коренного населения, один из основных источников питания и денежных доходов, особенно в районах морского побережья, крупных рек и озер. В рыболовстве было занято 22,5% всех трудоспособных хантов, манси и ненцев по ХМАО – 29% всех занятых в данной отрасли хозяйства [9. С. 170]. Однако специалисты писали и о том, что специализация хантов на добыче рыбы экономически не оправдывалась. Например, в Сургутском районе добывались в основном частиковые породы: щука, язь, ерш и чебак, – т.е. в экономическом плане «дешевые» сорта рыбы. Для перевозки такой рыбы до мест переработки, например до Сургута, иногда приходилось покрывать расстояние до 300 км. Это обходилось государству очень дорого.

В 1960–1970-ее гг. водные ресурсы района приобрели принципиально новое значение, и охрана их ста-

ла жизненной необходимостью. Кроме большого рыбохозяйственного значения Оби и ее притоков воды бассейна имели хозяйственно-бытовое назначение, несли малый и большой речной флот, по рекам производился сплав древесины, большое количество воды использовалось в промышленных целях и на нужды сельского хозяйства. Обь является источником водоснабжения Сургутской ГРЭС. Достигнутый за короткий период времени высокий уровень промышленного производства в районе без использования водных ресурсов был бы практически невозможен.

Это напрямую влияло на развитие рыболовного хозяйства региона. Общий объем вылова рыбы, несмотря на качественное улучшение орудий лова, технической оснащенности промысловиков, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. резко снизился. В 1972 г. по сравнению с 1964 г. уловы осетра и язя снизились в 3 раза, сырка в 2 раза. Однако не все считали этот факт столь однозначным. Депутат Г.Н. Козин на заседании Сургутского районного Совета о нехватке рыбы заявил: «Очень часто можно слышать высказывания о том, что рыбы в наш век стало меньше. В прежние времена, вспоминает какой-нибудь старожил, рыба на рынке не переводилась. Так ли это на самом деле?» В характерной для советской агитации манере депутат сопоставляет современные данные по уловам рыбы (80 млн центнеров) с данными 1913 г. (10 млн центнеров), подчеркивая, что за годы советской власти резко возросло количество населения, в частности городского. Развитие транспорта позволило доставлять рыбу и рыбные продукты в «такие районы, где ее раньше не видели совсем». Вот поэтому неискушенный потребитель, по мнению депутата, и говорит о том, что рыбы стало меньше. И приводит красноречивый, с его точки зрения, пример: «Чем питался раньше крестьянин – картофель, сусло, капуста, кулага, квас, редька и так далее. А мясом и рыбой питались очень и очень редко. А теперь, как один день мяса или рыбы в магазине нет, – шум» [3. Л. 173].

Тем не менее объемы уловов снижались. Об этом свидетельствовали цифры официальной статистики, и этого нельзя было не замечать. Негативную роль в развитии рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири сыграло строительство гидроэлектростанций на Иртыше и Оби (Усть-Каменогорская, Новосибирская). В июле 1952 г. была введена в эксплуатацию Усть-Каменогорская гидроэлектростанция на Иртыше, и это привело к тому, что от основных водных магистралей оказались отрезаны нерестилища на реке Иртыш таких важных промысловых пород, как осетр и нельма. В 1956 г. была введена в строй плотина Новосибирской ГЭС. Она отрезала свыше 40% нерестовой площади осетра и более 50% нельмы на Оби [10. С. 144]. Этот ущерб не мог быть восполнен за счет увеличения естественного воспроизводства на других участках бассейна. Данное обстоятельство делало не просто целесообразным, а остро необходимым развитие искусственного рыборазведения.

Негативное влияние на рыболовство оказывали лесозаготовки. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. В частности, в Сургутском районе бессистемная рубка леса по берегам рек и сплав необработанной древесины по промысловым речкам, протокам и сорам, особенно там, где происходил нерест рыбы, существенно снижали хозяйственное значение водоемов. В 1960-е гг. молевой сплав на всей территории Ханты-Мансийского национального округа был запрещен, но негативные последствия от этого еще долго давали о себе знать.

Другим мощным негативным фактором, постоянно действующим с середины 1960-х гг., стало загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами. Особую озабоченность вызывали поступление в открытые водоемы нефтепродуктов, пластовых вод из буровых скважин, сбрасывание отработанного топлива и масел с судов. В совокупности все это создавало вредные условия для жизни рыбы, вело к истреблению ее в отдельных водоемах. Большое количество промышленных предприятий Сургутского района не имело очистных сооружений и сбрасывало в Обь и ее притоки воду с большим количеством нефтепродуктов и других вредных примесей, лесозаготовительные и сплавные организации засоряли притоки Оби сплавными отходами, строители нефтепроводов, дорог, управления буровых работ, геологоразведочные экспедиции, нарушая установленные законы, вместо строительства мостов через малые реки и протоки заваливали их полностью земляными валами и лесом [3. Л. 174, 196].

Имелось много фактов, когда добываемая в районе тысячами тонн нефть попадала в открытые водоемы. Один литр нефти способен испортить миллион литров воды. Попадая в пойму, нефтепродукты загрязняют нерестилища, что особенно опасно для рек Западной Сибири, обладающих ценными породами рыб. Воды рек Западной Сибири имеют меньшую способность к самоочищению, чем реки европейской части страны, где вода в реке может самоочиститься, пройдя 200–300 км от места загрязнения. В условиях Западной Сибири воде потребуется не менее 2 тыс. км при том же составе загрязнений. Воды Оби и ее притоков в рассматриваемый период были значительно загрязнены нефтью и нефтепродуктами [11. С. 32, 34–35].

Нефтепродукты в водоемы попадали не только с нефтепромыслов. Активное промышленное освоение района невозможно было без большого количества техники, применение которой связано с использованием горюче-смазочных материалов. Некоторые предприятия и организации строили временные склады хранения горюче-смазочных материалов в пойменной части рек, не обваловывали их, в результате они регулярно подтоплялись паводковыми водами и разлитые на территории складов нефтепродукты попадали в водоемы [3. Л. 197]. Особенно характерно это было для совхозов. В этих хозяйствах способы заправки горючим были самыми примитивными и зачастую допускался разлив горюче-смазочных материалов. Например, р. Черную (протекала в черте г. Сургута) постоянно загрязняли горюче-смазочными материалами ремонтно-технические мастерские, ГРЭС и другие промышленные и транспортные предприятия.

Предприятия и организации района имели большой флот. В большинстве своем суда не были оборудованы системами по сбору подсланевых вод и отработанных масел, отсутствовал закрытый способ бункеровки, вследствие чего также допускался разлив нефтепродуктов. Все виды отработанных горюче-смазочных материалов сбрасывались в зону затопления или непосредственно в водоемы. Особенно часто эти факты имели место в речном порту, рыбном комбинате, леспромхозе, ремонтно-эксплуатационных базах флота «Главтюменьнефтегазстроя», «Главтюменьгеологии» и совхозах.

Сургутская нефтебаза за весь рассматриваемый период не организовала прием и регенерацию отработанных масел от промышленных предприятий и судов речного флота. Нефтедобывающие и другие предприятия медленно вводили в эксплуатацию очистные сооружения. Выделяемые на эти цели средства из года в год не осваивались. Так, НГДУ «Юганскнефть» из запланированных на 1972 г. 278 тыс. руб. освоило лишь 10 тыс. руб., Нефтегазодобывающее управление им. 50-летия образования СССР из 670 тыс. руб. по промышленной базе освоило только 191 тыс. руб., НГДУ «Правдинскнефть» из 326 тыс. руб. освоило 118 тыс. руб. [3. Л. 198].

Неблагополучное положение с очисткой загрязненных промышленных стоков складывалось на Сургутском рыбном комбинате и его участках. Стоки совершенно не очищались от жиров и сбрасывались в открытый водоем. Строительства очистных сооружений не велось. Отдельные предприятия бесхозяйственно относились к использованию подземных водных источников. Пробуренные в прошлые годы скважины на воду по мере их непригодности забрасывались, не тампонировались и не ликвидировались должным образом. Сургутское управление буровых работ из 8 скважин, подлежащих ликвидации на Западно-Сургутском месторождении и Солкинской площади, в 1972 г. ликвидировало только 2. Нефтеюганским управлением буровых работ на Усть-Балыкском, Солкинском и Правдинском месторождениях не было ликвидировано 22 скважины. У пяти скважин, вновь пробуренных для домостроительного комбината, не были закрыты устья [Там же. Л. 197]. Все это приводило к попаданию загрязненных нефтепродуктами стоков в подземные водные горизонты.

Большую роль в экономике коренного населения Сургутского района играли охотничье хозяйство и звероводство. Охотничий промысел подразделялся на добычу «мясной» дичи и на пушную охоту. За весь рассматриваемый период мясной промысел не имел товарной направленности. Практически вся добыча копытных и пернатых потреблялась внутри хозяйств промысловиков. В лесах района обитают соболь, выдра, лиса, белка и другие виды пушных животных. В 1940 г. в район были переселены дикая норка и ондатра. В 1954 г. для улучшения пушно-меховых качеств соболя Тобольского кряжа была выпущена партия баргузинских соболей [Там же. Л. 203].

В Ханты-Мансийском округе уже с середины 1950-х гг. в заготовках пушнины главную роль играло звероводство, а не охота. В 1955 г. округ сдал государству пушнины на 20 млн руб. Из этой суммы только 6,8 млн руб. приходилось на продукцию охотничьего промысла [12. С. 38]. Две трети плана заготовок выполнялось за счет звероферм. Властями явно недооценивался охотничий промысел, несмотря на то что природные условия округа позволяли активно его развивать. Специалисты охотничьего хозяйства причину видели в недостатках хозяйственной политики на Севере, связанной с переводом коренного населения на оседлый образ жизни и сселением их в крупные поселки. Результаты такой политики в полной мере отразились не только на рыболовном хозяйстве Сургутского района, о чем уже говорилось, но и на охотничьем.

До политики сселения ханты равномерно расселялись семьями по всей территории района. Это давало возможность добывать на месте пушнину, дичь, ловить рыбу, собирать орехи и т.д., а также исключало длительные переезды в отдаленные промысловые угодья. Охотники могли переходить из одних угодий в другие по мере изменения насыщенности территории пушными животными с наименьшими временными и физическими затратами. Специалисты-охотоведы отмечали, что при сселении людей в поселки интересы охотников не учитывались, как, впрочем, и рыбаков. «В охотничьих угодьях, где промышляли ханты до сселения, не построили ни одной избушки и базы. По существу, хантов – потомственных охотников оторвали от промысла и заставили заниматься менее доходной рыбной ловлей» [12. С. 38]. Многие глубинные селения оказались пустующими, а охотничьи угодья заброшенными. Ф.Р. Штильмарку в 1956 г. пришлось быть свидетелем, как в Сургутском районе занятие охотничьим промыслом ставилось даже в вину местному населению. «Молодежь заражается от стариков охотой, – говорил один из председателей национальных артелей». В том же 1956 г., богатом на белку, запрещали продавать боеприпасы, чтобы колхозники не отвлекались охотой [13. С. 4]. Советские руководители на местах считали охоту первобытным занятием, не соответствующим социалистическому образу жизни. Поощрялись и поддерживались занятия сельским хозяйством (животноводство, огородничество, зерновое хозяйство) и рыболовством, несмотря на то что очень часто эти занятия на Севере были убыточными.

В том числе и поэтому вектор развития охоты, заданный еще на рубеже XIX–XX вв. и продолженный в советский период, был однозначным: надо двигаться от промысла (чего-то стихийного, неупорядоченного, неуправляемого) к хозяйству (планируемая, управляемая, системная деятельность). Развитие охотничьего хозяйства должно было идти по пути интенсификации – совершенствования организации и технологии производства, усиления технической вооруженности, повышения материальной заинтересованности охотников в результатах своего труда.

Советская охотоведческая наука рассматривала охотничье хозяйство как плановое использование биологических ресурсов, основанное на данных учета наличного запаса животных, которое не только укладывается в естественный прирост поголовья, но и сопровождается его обогащением. В основе охотничьего

хозяйства должно было лежать перспективное и оперативное планирование. Научно обоснованное ведение охотничьего хозяйства предполагало проведение целого ряда мероприятий: изучение и учет животных, благоустройство угодий, создание благоприятных условий труда и быта охотников [14. С. 6].

Тем не менее во второй половине XX в. охотничье хозяйство неоднократно рассматривалось как отсталое, находящееся на низком уровне технического развития и производственной культуры. В конце 1960-х гг. и в 1970-е гг. об охотничьем хозяйстве говорили как об одной из основных традиционных и перспективных отраслей хозяйства Севера, но при этом по техническому развитию и производственной культуре остающейся на низком уровне [15]. Главными проблемами, как это очень часто бывало в советской экономике, были проблемы неразвитости инфраструктуры: транспортная проблема, отсутствие товаров народного потребления нужного качества и в достаточном количестве, плохая организация заготовок пушнины, дичи, дикоросов.

Охота в целом как вид профессиональной деятельности подвергалась критике. Низкая роль охоты в общем природопользовании была связана во многом с идеализацией природы в общественном сознании и антиохотничьим движением в обществе. Писатель-охотовед Всеволод Сысоев приводит такой пример из своей практики. Один дальневосточный писатель сказал ему как бы с сожалением: «Что бы вы ни говорили, но охота – занятие безнравственное» [16. С. 7]. И такие нападки «псевдохранителей природы» были нередкими. По сути, в общественном сознании очень часто между понятиями «охотник» и «браконьер» ставился знак равенства.

Любое снижение численности диких зверей и птиц (особенно охотничьих видов) вызывало обвинения в адрес охотников в подрыве ресурсов. Между тем основной причиной подобного снижения зачастую являлось ухудшение условий обитания вследствие антропогенного преобразования угодий и даже полного исчезновения местообитаний отдельных видов. Охотничьи хозяйства своими затратами на охрану и воспроизводство диких зверей и птиц не столько компенсировали собственные издержки (так как ресурсы многих видов недоиспользовались), сколько возмещали ущерб, наносимый диким животным и их среде обитания смежными отраслями природопользования (гидростроительством, сельским и лесным хозяйством, добывающей промышленностью, рекреационной деятельностью человека и т.д.) [17. С. 6]. Это прекрасно иллюстрируется на примере охотничьего хозяйства Сургутского района: государственный охотничий промысел сокращался в результате ухудшения условий обитания животных и браконьерства; в Сургутском районе в сравнении с 1965 г. добыча белки в 1970-е гг. снизилась в 2 раза, выдры в 23, лисицы в 12, ондатры в 5, соболя почти в 1,5, дикой норки в 5 раз [3. Л. 203].

Активное промышленное освоение Сургутского района приводило и к увеличению использования леса. Слабо решалась проблема его рационального и эффективного использования, без ущерба для охоты и рыболовства. Вырубка леса неизбежна при обустройстве нефтяных месторождений. Предприятия Главтюменьнефтегаза, Тюменьстройпути, трестов «Сургуттрубопроводстрой» и «Запсибэлектросетьстрой» бесхозяйственно относились к лесным ресурсам при сооружении буровых площадей, строительстве нефтегазопроводов, компрессорных станций, линий электропередач, автомобильных и железной дорог и т.д. Обочины просек превращались в непроходимые завалы, что приводило к гибели леса, ценной древесины.

До 50 различных организаций вырубали лес, а убирать его, как правило, было некому. Использовался он в незначительных количествах на строительстве лежневых дорог, временных производственных сооружений, на местные нужды буровиков и строителей. Остальная древесина либо сжигалась, либо оставалась лежать вокруг объектов строительства. На всех дорогах Среднего Приобья, особенно вдоль трассы Сургут–Нефтеюганск, сваленные деревья лежали полосой до 70 м ширины по обе стороны дороги [11. С. 30–31]. В ходе заготовок леса уничтожались подрост, моховой и травянистый покров, что резко ухудшало условия воспроизводства леса. Засорение тайги отходами лесных вырубок явилось причиной колоссального роста количества насекомых-вредителей, увеличения пожароопасности лесных массивов [18. С. 7].

Охрана леса от лесонарушителей и пожаров в Сургутском районе в рассматриваемый период оставляла желать лучшего. Как уже отмечалось, в 1960–1975 гг. на территории района шло бурное строительство, а лесная охрана была малочисленна и не оснащена современными транспортными средствами. Лесничества района не были обеспечены сухопутным транспортом. В лучшем случае в некоторых из них были исправные лодочные моторы. При этом у граждан в личном пользовании и тем более у хозяйственных организаций было и то и другое. Директор Сургутского лесхоза Г.П. Хомяков так характеризовал ситуацию: «Если 10–15 лет назад лесная охрана была на равных со всеми заготовителями в смысле транспорта (те и другие имели лошадей), когда заготовка леса не превышала 10 км от любого населенного пункта, теперь же древесину везут с 50–70 км на высокопроходимом быстроходном транспорте. Лесная охрана не имеет ничего: для лошадей санных дорог нет, за десятки километров на лошади не поедешь, за машиной на лошади не угонишься, поэтому у нас нередко население уходит от ответственности за лесонарушения» [3. Л. 181].

Активная индустриализация региона, освоение природных ресурсов, рост численности населения – все это привело к сокращению территории традиционного хозяйства и истощению биоресурсов за счет расширения антропогенных, урбанизированных, промышленных ландшафтов.

На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «…проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно

увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса) рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» [19. Л. 38].

Подчеркивалась необходимость обеспечения благоприятного сочетания индустриального освоения природных ресурсов Севера с охраной природы и традиционным северным промысловым хозяйством. В реальности же за весь рассматриваемый период для промышленного освоения Севера и сохранения природной среды, необходимой для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, так и не было разработано научно обоснованных программ, необходимых законов и механизмов.

Традиционные формы хозяйствования на Севере рассматривались государством и научным сообществом как экстенсивные. Перевод на интенсивные формы экономической деятельности осуществлялся через «социалистическую реконструкцию» оленеводческих, охотничьих и рыболовецких хозяйств, которая выражалась в их огосударствлении, укрупнении, переводе населения на оседлый образ жизни. Это стало основным направлением государственной политики в области развития традиционного хозяйства коренных народов Севера.

Наличие в недрах северной части Западной Сибири крупных запасов полезных ископаемых коренным образом изменило представление об этом районе как малоперспективном для хозяйственного освоения [20. Л. 12]. Ни огромные запасы лесных ресурсов, ни колоссальные возможности рыболовства, пушной охоты и оленеводства «коренным» образом не изменили малоперспективный для государства экономический статус региона. Это смогли сделать только нефть и газ. Их освоение и стало первоочередной задачей центральных, региональных и местных партийных и хозяйственных властей в рассматриваемый период. Биологические ресурсы – основа традиционных отраслей хозяйства, рыболовства и охоты, – при всех «декларациях» в свой адрес объективно оказались на периферии государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракита С.А. Природа и хозяйственное освоение Севера. М. : Изд-во МГУ, 1983. 190 с.
2. Сургутский район : официальный сайт муниципального образования. URL: http://admsr.ru/region/history/
3. Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации города Сургута (Сургутский городской архив – СГА). Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут. Оп. 1. Д. 305.
4. Ракита С. Биоклиматическое районирование Севера СССР // Население и окружающая среда. М. : Статистика, 1975. С. 21–29.
5. Советский Союз : геогр. описание : в 22 т. / пред. ред. кол. С.В. Калесник. М. : Мысль, 1971. Вып. 5: Российская Федерация. Западная Сибирь / М.И. Помус, Г.В. Крылов, М.Н. Колобков и др.; отв. ред. М.И. Помус. 429 с.
6. Валеева Э.И., Московченко Д.В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 229 с.
7. Ханты-Мансийский национальный округ // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М. : Гос. науч. изд-во, 1957. Т. 46.
8. Вотинов Н.П., Замятин В.А., Петкевич А.Н. Больше рыбы стране : материалы к лекциям. Тюмень : Тюм. облтипография, 1966. 24 с.
9. Народы Советского Севера. М. : Наука, 1991. 264 с.
10. Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М. : Наука, 2008. 233 с.
11. Бюдьков С.Т., Нефедова В.Б. Север Западной Сибири : (проблемы хозяйственного освоения и охрана окружающей среды). Тюмень : Тюм. гос. ун-т, 1977. 88 с.
12. Гололобов Е.И. Охотничье хозяйство Сибирского Севера в экономической системе СССР в 1950–1980-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 33–40.
13. Штильмарк Ф.Р. Нужды охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 4–5.
14. Скалон В.Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. 84 с.
15. Удачин Д., Смирняков Ю. Вклад государственных промхозов // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 1–2.
16. Сысоев В. Романтика древней профессии // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 7.
17. Ширяев В. Конечный результат – урожай в закромах // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 6.
18. Башлаков Я.К., Шмаков А.Н. Географические аспекты природопользования и охраны природы Тюменской области // Природные ресурсы Тюменской области : сб. ст. Л. : Геогр. о-во СССР, 1976. С. 3–8.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Оп. 1.
20. РГАЭ. Ф 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Оп. 3.

Evgeny I. Gololobov, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

STATE POLICY ON DEVELOPMENT OF BIOLOGICAL RESOURCES OF SURGUT PRIOBYE IN CONDITIONS OF ACTIVE INDUSTRIALIZATION OF THE REGION (1960–1975)

Keywords: development of bioresources; XX century; North of Western Siberia; ecological history.

The aim of the work is to show the role of biological resources in the region's economy in conditions of active industrial development of the North of Western Siberia in 1960-1975 through the interaction of man and nature as a phenomenon of ecological history. The source base of the study is based on the analysis of the records of regional executive committees of the Soviets of Workers' Deputies, permanent commissions on nature protection. The core of the process of developing raw material resources, including biological resources, in the taiga zone of Western Siberia was the consistent conceptualization of the idea of industrialization of northern territories and its actual implementation in the region in the second half of XX century. Consequently, everything that conformed to the industrial standard of development, which worked for it, was with a "plus" sign, which did not meet this standard, prevented its rooting in the taiga and was assessed with a "minus" sign. The industrial standard of development of the territory implies rational control not only over social, but also over the natural environment of the man, the implementation of the scientific revolution, the expansion of applied scientific research, the spread of a rational view of life.

The fishing economy of the peoples of the North, the traditional sectors of economy based on the use of bioresources, was characterized from the point of view of the Soviet power by extreme backwardness. They were supposed to be improved on the basis of rational, economically expedient use of biological resources of the North. The economic objective was to create a base for the production of products that would meet local needs and to export some of them to other parts of the country and abroad (fur, fish, etc.). The political objective was to improve indigenous peoples' participation in the production of material goods and to raise their standard of living, which was to be brought to the standard of living of other peoples in the country.

The author believes that the traditional and modern models of interaction between man and nature are well traced on the example of the Surgut Ob region in 1960-1975. The traditional model, represented by the economy of the indigenous inhabitants of the North and the commercial Russian population, for whom nature is a subject with which to interact to maintain a balance to a greater or lesser extent, was rapidly replaced by a modernization model with a completely different attitude to nature. For the modernization model, nature is an object that must be used as rationally as possible to meet certain needs. The criteria for rationality were strictly material categories.

The history of the Surgut Priobye, as the most industrialized territory in the taiga zone of Western Siberia, allows us to trace this process in detail, answering questions about how the importance of biological resources for national and regional economic and political institutions, the expert community, and the local population has changed and describing the institutional basis for their use and protection.

REFERENCES

1. Rakita, S.A. (1983) *Priroda i khozyaystvennoe osvoenie Severa* [Nature and Economic Development of the North]. Moscow: Moscow State University.
2. Surgut District. (n.d.) Official website of the municipality. [Online] Available from: http://admsr.ru/region/history/
3. The Archive of the Department of Documentation and Information Support of the Administration of the City of Surgut (The Surgut City Archive - SGA). Fund 1. *Surgutskiy rayonnyy Sovet narodnykh deputatov i ego ispolnitel'nyy komitet (raysovet, rayispolkom), g. Surgut*. [Surgut District Council of People's Deputies and its Executive Committee (District Council, District Executive Committee), Surgut]. List 1. File 305.
4. Rakita, S. (1975) Bioklimaticheskoe rayonirovanie Severa SSSR [Bioclimatic regionalization of the North of the USSR]. In: Valentei, D.I. (ed.) *Naselenie i okruzhayushchaya sreda* [Population and Environment]. Moscow: Statistika. pp. 21–29.
5. Pomus, M.I. (1971) *Sovetskiy Soyuz: geograficheskoe opisanie: v 22 t*. [The Soviet Union: Geogr. Description: in 22 vols]. Vol. 5. Moscow: Mysl'
6. Valeeva, E.I. & Moskovchenko, D.V. (2001) *Rol' vodno-bolotnykh ugodiy v ustoychivom razvitii severa Zapadnoy Sibiri* [The role of wetlands in the sustainable development of the north of Western Siberia]. Tyumen: SB RAS.
7. Anon. (1957) Khanty-Mansiyskiy natsional'nyy okrug [Khanty-Mansiysk National District]. In: Vvedensky, B.A. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 46. 2nd ed. Moscow: Gos. nauch. izd-vo.
8. Votinov, N.P., Zamyatin, V.A. & Petkevich, A.N. (1991) *Bol'she ryby strane* [More fish for the country]. Tyumen: Tyum. Obltipografiya.
9. Sokolova, Z.P. (ed.) (1991) *Narody Sovetskogo Severa* [Peoples of the Soviet North]. Moscow: Nauka.
10. Pribylsky, Yu.P. (2008) *Rybnoe khozyaystvo Ob'-Irtysh'ya v XX veke* [Fisheries of the Ob-Irtysh region in the 20th century]. Moscow: Nauka.
11. Byudkov, S.T. & Nefedova, V.B. (1977) *Sever Zapadnoy Sibiri: (problemy khozyaystvennogo osvoeniya i okhrana okruzhayushchey sredy)* [North of Western Siberia: (problems of economic development and environmental protection)]. Tyumen: Tyumen State University.
12. Gololobov, E.I. (2016) Okhotnich'e khozyaystvo Sibirskogo Severa v ekonomicheskoy sisteme SSSR v 1950–1980-e gody [The hunting economy of the Siberian North in the economic system of the USSR in the 1950s – 1980s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 33–40.
13. Stilmark, F.R. (1971) Nuzhdy okhotnich'ego khozyaystva Khanty-Mansiyskogo okruga [The needs of the hunting economy of Khanty-Mansiysk district]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 10. pp. 4–5.
14. Skalon, V.N. (1957) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva Sibiri* [Organization of hunting in Siberia]. Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo.
15. Udachin, D. & Smirnyakov, Yu. (1971) Vklad gosudarstvennykh promkhozov [Contribution of state industrial farms]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 10. pp. 1–2.
16. Sysoev, V. (1989) Romantika drevney professii [Romance of the ancient profession]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. p. 7.
17. Shiryaev, V. (1989) Konechnyy rezul'tat – urozhay v zakromakh [The end result – the harvest in the bins]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. p. 6.
18. Bashlakov, Ya.K. & Shmakov, A.N. (1976) Geograficheskie aspekty prirodopol'zovaniya i okhrany prirody Tyumenskoy oblasti [Geographic aspects of nature management and protection of Tyumen region]. In: Lezin, V.A. (ed.) *Prirodnye resursy Tyumenskoy oblasti* [Natural resources of Tyumen region]. Leningrad: The USSR Geographical Society. pp. 3–8.
19. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 399. List 1.
20. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 399. List 3.

УДК 94.470 “1950/1970”
DOI: 10.17223/19988613/67/4

Д.М. Нечипорук

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВЕЛИКОЕ УСКОРЕНИЕ: ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ВОСПРИЯТИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В 1950–1970-е гг.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

Исследуются происхождение и восприятие природоохранной политики в СССР по охране водных ресурсов в контексте промышленного освоения Сибири. Показана важность глобального контекста загрязнения природы в эпоху антропоцена в 1950–1970-е гг. Как и капиталистические государства, СССР в 1950-х гг. начал страдать от обширного загрязнения рек и озер. Отмечается, что перемены по отношению к политике охраны водных ресурсов в Советском Союзе произошли благодаря движению в защиту естественной среды озера Байкал в 1960–1970-е гг.

Ключевые слова: великое ускорение; антропоцен; природоохранная политика; СССР; США; водные ресурсы.

После окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в СССР человечество вступило в беспрецедентный по масштабам период хозяйственной экспансии. Этап восстановления стран, наиболее серьезно пострадавших от войны (СССР, Германия, Япония, Великобритания, Франция), перешел в начале 1950-х гг. в эпоху подъема и роста экономик сначала в развитых странах, а затем и в развивающихся государствах, которые стали нуждаться в потреблении больших объемов полезных ископаемых, добываемых в самых разных частях света. Показательно, что в первые годы после окончания Второй мировой войны среди американских экономистов преобладал пессимизм в отношении ближайшего будущего американской экономики. Многие ожидали спад производства после сворачивания военных заказов и последующий рост безработицы. Одним из немногих, кто сумел точно предсказать предстоящую эпоху подъема американской экономики, был американский статистик российского происхождения В.С. Войтинский.

Рост американской экономики, щедрая программа послевоенной помощи целому ряду европейских стран, известная как «План Маршалла», начало европейской интеграции, эра крупных строек гидроэлектростанций и открытие новых месторождений газа и нефти в разных частях света стали новой точкой отсчета в развитии человечества. Невиданный доселе подъем экономики, мировой рост населения и, наконец, резкий рост потребления нефти и газа во второй половине XX в. получили название «великого ускорения» [1, 2]. Данное социоэкономическое понятие отражало перемены во взаимоотношениях природы и человека и распространение новой геологической эпохи – антропоцена, характеризующегося значительным увеличением углекислого газа в атмосфере и закреплением решающего воздействия человечества на глобальную экологию. Нидерландский химик и Нобелевский лауреат Пол Крутцен начинал отсчет новой эпохи еще со времен промышленной революции в Великобритании, но практически повсеместное распространение энергии, получаемой в результате использования полезных ископаемых, началось с 1950-х гг. [3].

«Великое ускорение» равно распространялось как на капиталистические, так и на социалистические страны. Освоение новых территорий шло повсеместно. Только за счет экспансии и создания новых мощных отраслей можно было стать влиятельной экономической и политической силой во второй половине XX в. Например, открытие крупных запасов нефти и газа превратили в 1950-е гг. в важнейший нефтедобывающий регион Ближний Восток, а в 1960–1970-е гг. таким регионом стала и Западная Сибирь. Крупнейшие гидроэнергетические стройки Советского Союза необходимо рассматривать не только в рамках индустриального развития страны согласно пятилетним и семилетним планам, но и в контексте соперничества по объемам производства электроэнергии с США. Американцы сумели построить пять крупнейших гидроэлектростанций за период с 1930-х до начала 1970-х гг. (Плотина Гувера, Гранд Кули, Ниагарская ГЭС, Плотина вождя Джозефа, Плотина Джона Дея), в то время как Советский Союз за более короткие сроки, с 1950-х по начало 1970-х гг., ввел в строй четыре крупные ГЭС, две из которых были построены в Сибири (Братская и Красноярская). Это было соперничество, которое воспринималось в Советском Союзе и как необходимость не отстать в развитии, и в ряде случаев, насколько позволяли идеологические установки марксизма-ленинизма, как потребность в перенимании опыта капиталистических экономик.

На сегодняшний день в литературе, посвященной наступлению эпохи глобального антропоцена, интенсивному и экстенсивному экономическому послевоенному развитию как Советского Союза в целом, так и Сибири в частности практически не уделяется внимания [4, 5]. За сравнительно короткий промежуток времени, менее чем за 15 лет, Сибирь стала восприниматься и внутри СССР, и за рубежом не просто как

регион новых возможностей, но как обширная и перспективная область для индустриального развития, где экономические амбиции советской власти вступили в конфликт с постепенным осознанием всей серьезности природоохранных проблем, вызванных новым масштабом промышленного освоения слабозаселенных территорий. Источниковую базу статьи составили документы государственных органов, архивные материалы, а также научные материалы 1960–1970-х гг., посвященные загрязнению водных ресурсов, в которых специалисты впервые начали поднимать проблематику охраны природы, прежде всего в рамках подхода рационального природопользования. Также использованы американские публикации 1960–1970-х гг., посвященные экологическим проблемам Сибири и СССР.

Послевоенное освоение новых территорий и развитие инновационных отраслей очень быстро поставили вопрос о сохранности природы, о целесообразности исполнения больших инвестиционных и капиталоемких проектов, призванных кардинально изменить социально-экономический облик развивающихся стран. Одним из главных негативных последствий глобального подъема и развития экономики стало загрязнение природы. Сама проблема ухудшения состояния водоемов, воздуха и земли, а также угроза исчезновения живых видов были осознаны специалистами еще в XIX в., но планетарный масштаб экологического кризиса стал ощущаться только с конца 1950-х гг. Прежде всего это касалось старых индустриальных территорий и центров, где на протяжении длительного времени наносился серьезный ущерб окружающей среде, приводивший к истощению ресурсов и деградации природы. Великий лондонский смог, загрязнение атмосферы в районе реки Рейн в Германии, массовое отравление органическими соединениями ртути в Японии (болезнь Минаматы), цветение воды озера Вашингтон из-за попадания в водоем неочищенных моющих средств – это далеко неполный перечень экологических катастроф, случившихся в самом начале эпохи «великого ускорения».

Промышленно развитые районы Советского Союза также в это время уже страдали от промышленного загрязнения. В профессиональных работах начала 1960-х гг., посвященных рациональному использованию сточных вод и промышленных выбросов, отмечалось обширное загрязнение бассейнов крупных рек: «Днепр, Северный Донец, Южный Буг, Днестр, Десна и другие реки чрезмерно загрязняются бытовыми и промышленными стоками. Ряд рек в районе Донбасса, Приднепровья загрязнены до такой степени, что превращены в каналы для отвода промышленных сточных вод. В районах Донбасса, Криворожья, в городах Днепропетровске, Днепродзержинске, Запорожье, Харькове и других очень велико загрязнение воздуха вредными газами, пылью и дымами» [6. С. 3]. В РСФСР проблема неочищенных сточных вод и вредных выбросов была также актуальна для всех крупных индустриальных центров, сложившихся еще в довоенное время. Показательно, что в постановлении Совета министров 1960 г., посвященном охране водных ресурсов Советского Союза, были перечислены только реки, протекавшие в европейской части РСФСР: Волга, Кама, Белая, Урал, Северный Донец, Чусовая, Москва [7]. Союзное руководство еще не осознавало предстоящую экологическую катастрофу, развернувшуюся чуть позже в связи с грандиозным освоением природных ресурсов Западной и Восточной Сибири.

С самого начала возникновения проблемы индустриального загрязнения населенных пунктов и природы государство пыталось решить ее, рассчитывая на внедрение рационального природопользования на производстве и способность водоемов и атмосферы к естественному «самоочищению» от вредных стоков и выбросов. Уже довоенное природоохранное законодательство в СССР исходило в первую очередь из возможностей водоема справиться с загрязнением, не считаясь с химическим составом сточных вод предприятия. Такой же подход распространялся на атмосферу и загрязнение почв. Он был отчасти оправданным при небольших объемах сброса в водоемы промышленных и коммунально-бытовых вод и отсутствии средних или крупных предприятий в большинстве городов РСФСР. Но в крупных индустриальных городах критическая ситуация сложилась еще в довоенное время. В Москве и Ленинграде оснащенность предприятий газоочистительной аппаратурой и дымоуловителями незадолго до начала Великой Отечественной войны была на очень низком уровне [8].

Послевоенный рост численности городов и новый этап индустриализации, распространявшийся на Сибирь и другие периферийные регионы Советского Союза, еще больше ухудшили состояние окружающей среды. Как уже отмечалось, 1950-е гг. стали переломным десятилетием в восприятии экологических проблем. Вода, воздух и почвы стали испытывать колоссальную антропогенную нагрузку, которая значительно превышала предельно допустимую концентрацию (ПДК) вредных и опасных веществ в воде для здоровья человека. Тем не менее понятие ПДК будет оставаться главным критерием загрязнения окружающей среды до конца существования СССР [9. С. 63–64]. Начало индустриального освоения Сибири в конце 1950-х – начале 1960-х гг. хронологически совпало с осознанием республиканскими и союзными властями проблемы охраны природы и принятием ряда природоохранных законов, которые касались прежде всего рационального использования природных ресурсов (табл. 1). Примерно в это же время похожее законодательство появлялось и в странах Европы и Северной Америки.

Активная эксплуатация и использование водных ресурсов Сибири для развития новых отраслей промышленности за Уралом началось в 1950-е гг. Еще до того как в Сибири нашли огромные месторождения нефти и газа, в Западной и Восточной Сибири началось строительство гидроэлектростанций в Новосибирске, Иркутске и Братске. В 1956 г., на XX съезде КПСС, первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым был провозглашен новый подход к освоению Сибири. Глава советского государства предложил съезду развивать Сибирь в ближайшие десять лет как основное место по добыче угля и производству электроэнергии, а также создать там главную базу для размещения металлургических и химических производств. Необхо-

димость строительства крупных гидроэлектростанций в Сибири Хрущев объяснял меньшими затратами на строительство Братской ГЭС по сравнению с возведением Куйбышевской и Сталинградской ГЭС вместе взятых. Еще одним важным доводом в пользу строительства на восточном направлении была более низкая себестоимость электроэнергии, которую предполагалось производить на новой ГЭС [10. С. 52].

Таблица 1.

Природоохранное законодательство в СССР в 1959-1960 гг.

Дата	Наименование закона
04.09.1959	Постановление СМ СССР «Об усилении государственного контроля за использованием подземных вод и о мероприятиях по их охране»
14.11.1959	Постановление СМ РСФСР «Об улучшении ведения лесного хозяйства в РСФСР»
22.04.1960	Постановление СМ СССР «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР»
27.10.1960	ВС РСФСР принял «Закон об охране природы в РСФСР»

Строительство ГЭС и размещение новых производств, в свою очередь, предполагало вовлечение в хозяйственный оборот водного стока крупнейших сибирских рек – Ангары, Енисея, Лены, Оби, Витима. Неравномерное распределение стока по территории Советского Союза по мере разворачивания промышленного строительства становилось серьезной проблемой, мешавшей государству развивать плановую экономику в некоторых южных регионах, страдавших от нехватки водных ресурсов. Индустриальное развитие Сибири с этой точки зрения считалось хорошим решением, поскольку 80% водостока приходилось на водосборные бассейны крупных северных рек, которые к середине 1950-х гг. были все еще малонаселенными. Освоение водных ресурсов Сибири намечалось в контексте экономического соперничества Советского Союза с лидерами капиталистического мира – США, Канадой, Японией – по выработке гидроэнергии. В докладе министра электростанций Г.В. Маленкова на XX съезде КПСС было четко озвучено, что для «экономического опережения Соединенных Штатов Америки» необходимо в том числе использовать потенциал Енисея и Ангары [Там же. С. 423].

Для достижения намеченных целей по строительству предприятий в Сибири советские власти под эгидой Академии наук СССР, Госплана и Совета министров СССР провели в августе 1958 г. в Иркутске Конференцию по изучению и развитию производительных сил Восточной Сибири. Данная конференция сыграла заметную роль в разработке планов и целей по освоению Сибири на ближайшие годы. Иркутская конференция имела и важное политическое значение, поскольку именно на ее данные и выводы опирался Хрущев во время своего выступления на внеочередном XXI съезде КПСС в 1959 г. [11. С. 155–156], где им были озвучены запланированные показатели роста по выработке электроэнергии, добыче угля, производству цемента и алюминия и тому подобному не для Сибири отдельно, а для «восточных районов», т.е. совместно для Сибири и Казахстана. Новые, более амбициозные, задачи по развитию социалистической экономики с целью создания новых наукоемких отраслей и дальнейшего развития военно-промышленного комплекса побудили союзное руководство отказаться от выполнения шестого пятилетнего плана, заменив его на семилетний план 1959–1965 гг. Согласно новому семилетнему плану важнейшими проблемами экономического развития Сибири считались: завершение строительства предприятий, начатого в предыдущие годы; повышение производительности действующих предприятий; увеличение объемов производства товаров [12].

В связи с уточненными показателями по производству и необходимостью использовать ресурсы крупных рек для создания крупнейших гидроэлектростанций в мире центральные органы управления приступили к разработке генеральной схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов сроком до 1980 г. Планировалось, что к этому времени выработка энергии на советских ГЭС вырастет по сравнению с 1960 г. в 12 раз и достигнет 600 млрд кВт-час в год. В целом по стране нацеливались построить 180 крупных гидроэлектростанций. Конкретно в Сибири планировали строить крупные ГЭС, дающие недорогую электроэнергию для новых энергоемких видов производств. В Восточной Сибири намечалось строительство Ангаро-Енисейского каскада, а на реке Лена – Нижне-Ленской ГЭС мощностью 20 млн кВт. В Западной Сибири в конце 1950-х гг. местные и центральные власти первоначально возлагали большие надежды на возведение Нижне-Обской ГЭС с планируемой мощностью 6 млн кВт и строительство ряда ГЭС в верховьях Оби [13. С. 11]. Другими словами, с конца 1950-х гг. за два предстоящих десятилетия властями было запланировано крупномасштабное гидроэнергостроительство в Обь-Иртышском, Ангаро-Енисейском и Ленском бассейнах. Помимо этого, реки Западной и Восточной Сибири продолжали использоваться для судоходства, лесосплава (в том числе молевого), рыболовства, водоснабжения, орошения. После начала активной эксплуатации нефтяных месторождений в Западной Сибири по рекам начали доставлять оборудование и перевозить нефть. Нефтегрузы, в свою очередь, доставлялись по воде в населенные пункты Омской, Новосибирской (по реке Тара) и Тюменской областей (по рекам Ишим и Конда). Также в Тюменской области в связи с добычей нефти и газа в 1960-е гг. стали активно использовать для перевозки грузов малые реки иртышского и нижне-обского бассейнов (Демьянка, Таз, Пур, Малая Сосьва) [14. С. 38].

Увеличение антропоценного воздействия на реки Советского Союза в связи с их хозяйственным освоением в 1950–1960-е гг. побудило Совет министров СССР выпустить уже упомянутое выше постановление

«О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР». В документе охрана водных ресурсов в первую очередь понималась как сохранение хозяйственного потенциала водоемов для развития социалистической экономики. Согласно постановлению, чрезмерное загрязнение рек означало нанесение серьезного ущерба советскому рыболовству, а также нерациональное использование сточных вод предприятиями химической, нефтяной, металлургической и целлюлозно-бумажной промышленности. То есть проблема извлечения ценных продуктов из сточных вод для вторичного использования в промышленном производстве считалась приоритетной при обсуждении вопроса охраны водных ресурсов. Ахиллесовой пятой промышленности СССР были слабая степень оснащенности предприятий очистными приборами и отсутствие передовых технологий извлечения из промышленных вод ценных элементов для их повторного применения в производственном процессе [13. С. 9]. Осознавая технологическое отставание Советского Союза от капиталистических стран в сфере рационального использования сточных вод, советские инженеры и ученые в первой половине 1960-х гг. открыто признавали необходимость заимствования американского опыта строительства очистных сооружений, одним из последствий чего было подписание соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области опреснения воды между СССР и США в ноябре 1964 г. [15. С. 46].

В соответствии с упомянутым постановлением республиканские советы министров создавали органы управления по использованию и охране водных ресурсов с инспекциями по бассейнам основных водоемов. В РСФСР с этой целью в 1961 г. был создан Государственный комитет республиканского Совета министров по водному хозяйству (Госводхоз РСФСР). В Красноярске был открыт первый в Сибири филиал научно-исследовательского института ВОДГЕО, занимающегося исследованиями и разработками в сфере водного хозяйства промышленности и городов. Первые инспекции Госводхоза в 1961–1963 гг. бассейнов рек Западной Сибири выявили значительное загрязнение Туры, Оби и Иртыша сточными водами. Последовавшее за этим постановление Совета министров РСФСР «О мерах по прекращению загрязнения неочищенными сточными водами водоемов Обь-Иртышского бассейна» не изменило ситуации в связи с разраставшимся в Тюменской области освоением новых месторождений нефти и газа. Не исправило положение с загрязнением рек и начавшееся в 1960 г. составление Генеральной схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов Советского Союза. Сам документ был ориентирован в первую очередь на определение потребностей в воде различными отраслями промышленности и создание условий для бесперебойной подачи воды на возводимые предприятия. Неудовлетворительное качество воды рек воспринималось как проблема в начале 1960-х гг. только в связи с потребностями рыболовной отрасли, которая уже к моменту разработки документа находилась в кризисном состоянии из-за химического загрязнения речной воды. В 1950-е гг. Томь утратила свое значение как рыбопромысловая река из-за неочищенных промышленных стоков предприятий Новокузнецка, Кемерово, Юрги и Томска. В итоге 26 рыбных совхозов остановили свою деятельность из-за того, что в реке прекратили обитать ценные виды рыб – муксун, нельма, пелядь, сиг и др. [16. С. 154].

Акцент при составлении Генеральной схемы на потребности в воде для различных отраслей советской экономики в первую очередь для нужд гидроэнергетики и новых предприятий, требовавших большое количество воды, привел к игнорированию особенностей водных бассейнов. При составлении локальных схем комплексного использования водных ресурсов (СКИВР) в 1960-е гг. не применялась детальная проработка защиты и хозяйственного применения рек, входивших в разные водосборные бассейны. Например, при разработке СКИВР для Канско-Ачинского угольного бассейна составители не обратили внимания на пересечение бассейнов Оби и Енисея. Не прорабатывались в схемах и экономическое стимулирование эффективного водопользования для многократного оборота воды и переход на замкнутые циклы [17. С. 4].

Взгляд на проблему загрязнения окружающей среды с точки зрения рационального использования природных ресурсов советскими предприятиями увязывался властями с перспективой обширного развития советской экономики до 1980 г., что было четко озвучено на XXII съезде КПСС [18]. Такое видение, как уже отмечалось, предполагало извлечение в процессе очистки ценных элементов и веществ до попадания в водоемы и почву. Постановление Совета министров СССР от 22 апреля 1960 г. обязывало территориальные органы управления промышленностью провести обследование водоемов, чтобы выявить предприятия, не сумевших наладить работу очистных сооружений. В то же время для предприятий с действующими устройствами по обезвреживанию сточных вод вводился контроль за надлежащей работой очистных сооружений. Другими словами, предприятиям за счет собственных капитальных вложений предстояло ввести в строй эффективные очистные сооружения. Но в итоге это предписание не сработало, потому что руководители предприятий оказывались в противоречивом положении: с одной стороны, за неисполнение распоряжения не предполагалось наказания [19. С. 29], с другой стороны, куда более серьезной угрозой с негативными последствиями было невыполнение плана по производству продукции из-за отвлечения ресурсов на строительство природоохранных сооружений. В итоге очистные сооружения либо не строились вообще, либо строились медленно, либо работали не на полную мощность. Предприятия самого разного размера и после принятия законов продолжали наносить колоссальный вред окружающей среде. В 1965 г. научный сотрудник Центральной лаборатории охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР И.Ю. Прокофьев сообщал об угрозе затопления целой группы газовых и нефтяных месторождений в Березовско-Игримском районе при строительстве новой Нижне-Обской ГЭС на территории Тюменской области. Прокофьев в своей служебной справке ясно сформулировал одну из главных причин стремительного

ухудшения окружающей среды – узковедомственный подход в процессе освоения новых территорий [20].

В зависимости от аппаратного веса региональных властей и влиятельности министерства принималось решение о строительстве крупных предприятий, менявших облик региона и образ жизни местного населения. Лишь благодаря успешному развитию нефтегазовой промышленности в Западной Сибири не был реализован проект строительства Нижне-Обской ГЭС в 1960-е гг. [21]. Но и разработка нефтяных месторождений велась при отсутствии должного отношения к охране водоемов и близлежащих территорий [22. С. 146].

Одновременно с намерением построить Нижне-Обскую ГЭС союзные власти в конце 1950-х гг. запланировали начать строительство целлюлозно-бумажного комбината в Иркутской области на берегу Байкала и целлюлозно-картонного комбината в Бурятской АССР на реке Селенга. Строительство бумажно-картонных производств в бассейне Байкала, считающегося крупнейшим пресноводным озером в мире с уникальным составом флоры и фауны, начиналось на фоне отсутствия очистных сооружений на других крупных производствах, загрязнявших речную воду. Обеспокоенность за судьбу Байкала как уникального природного памятника привела к публичным протестам против планов возведения комбинатов в высоких научных кругах и в среде сибирских ученых. Помимо сомнений специалистов в целесообразности изготовления целлюлозного корда для нужд военной авиации, опасения со стороны научного сообщества были вызваны и скепсисом в отношении намерений властей построить качественные очистные сооружения [23. С. 10–13]. В свою очередь, сторонники строительства комбинатов были убеждены в экономической целесообразности возведения новых предприятий. Помимо влиятельного военно-промышленного лобби, за возведение комбинатов вступала местная партийная власть иркутского и бурятского обкомов. Глава бурятского обкома КПСС А.У. Модогоев на совместном заседании коллегий Государственного планового комитета СМ СССР, Государственного комитета СМ СССР по науке и технике и Президиума Академии наук СССР об охране озера Байкал не просто отстаивал необходимость картонного производства, но и энергично убеждал советских ученых в безопасности комбината для озера, доказывая в том числе что ценная рыба уже исчезла из Байкала: «Товарищи, мы должны беречь Байкал, не разрушать его животный мир и прочее. Но в наш век то, что нас окружает, что окружает Байкал, его производительные силы должны быть поставлены на службу создания материально-технической базы коммунизма… Что касается рыбы, омуля, его, конечно, никогда не было, где вы видали этот омуль? Это, конечно, замечательная рыба, я за то, чтобы этой рыбы было больше, но омуля не было и до постройки целлюлозно-бумажных комбинатов. А “Комсомольская правда” пишет, когда комбинаты еще не работали, а уже загубили рыбу. Так же нельзя писать, тов. Галазий, что берега обрушиваются, что рыбы стало мало, я с вами согласен, все нужно делать, чтобы Байкал не загрязнять, сделать такие очистные сооружения, которые бы полностью гарантировали Байкал от загрязнения. Я за это. Мы просили бы вас в этом деле помочь. Я почему-то глубоко убежден, что совместными усилиями науки и наших проектантов можно создавать такие очистные сооружения.» [24].

После начала работы Байкальского ЦБК в 1966 г. быстро выяснилось, что комбинат сливает в озеро неочищенные стоки после варки целлюлозы и оказывает негативное воздействие на береговой лес своими выбросами неочищенного дыма в атмосферу. Под влиянием неослабевавшего внимания к состоянию Байкала со стороны ученых СМ СССР в 1969 г. утвердил постановление «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал», которое обязывало Министерство целлюлозно-бумажной промышленности завершить строительство очистных сооружений для Байкальского ЦБК и построить комплекс по очистки вод для селенгинского ЦБК до ввода в действие производства картона. Но, как и в случае со схожим постановлением о прекращении сброса неочищенных сточных вод в Обь-Иртышский бассейн, постановление 1969 г. не ускорило строительство очистных сооружений на Байкальском ЦБК [25. С. 29–30].

Споры насчет строительства ЦБК на Байкале стали самой обсуждаемой темой, касающейся загрязнения Сибири не только внутри СССР, но и за рубежом, в 1960–1970-х гг.[26]. Американская пресса регулярно писала об угрозе загрязнения Байкала как в контексте собственной повестки охраны природы, так и в контексте проблемы индустриального загрязнения в СССР и в частности в Сибири. Газета «Чикаго Трибьюн» сравнила ущерб, наносимый Байкалу целлюлозно-бумажной промышленностью, с загрязнением одного из Великих озер – Верхнего, естественная среда, которого уничтожалась ради «финансовой выгоды привилегированных» американских предпринимателей. Сравнение загрязнения крупнейших пресных озер понималось автором заметки Полом Клементом в контексте соперничества двух экономических систем: «Россия обеспокоена [загрязнением], и будет интересно посмотреть, сможет ли коммунизм справиться с губителями чистой воды лучше, чем мы, ведущие в Америке [уже] проигранную битву» [27. С. 16]. Другие американские газеты, освещая проблему загрязнения Байкала, писали о негативном отношении к ЦБК среди ученых и сотрудников Лимнологического института СО РАН в Иркутске, изучающих экологию озера [28–30]. С начала 1970-х гг. любые критические выступления и вообще борьба различных групп против загрязнения Байкала стали восприниматься в американских публикациях как поворотный пункт в возникновении советского природоохранного движения [31]. Наконец, часть журналистов и ученых на рубеже 1960–1970-х гг. воспринимала вопросы загрязнения природы как общую повестку для двух глобальных держав, т.е. выходящую за рамки функционирования общественно-политических систем социализма и капитализма. Отношение в Соединенных Штатах к проблеме загрязнения как к глобальному вопросу способствовало подписанию соглашения между СССР и США о сотрудничестве в обла-

сти охраны окружающей среды в 1972 г. В нем вопросу охраны воды от загрязнения было отведено приоритетное значение наряду с предотвращением вредных выбросов в атмосферу.

В свою очередь, советское государство также стало менять отношение к проблеме загрязнения рек и водоемов, что стало заметно во второй половине 1960-х гг. Из чисто технического и ведомственного вопроса, обсуждаемого специалистами в узкопрофильных изданиях, загрязнение вод после начала протестов против строительства ЦБК на Байкале превращалось в одну из главных общественно-экономических проблем, касавшихся охраны природы Советского Союза. Если на XXII съезде КПСС тема охраны природы практически не проговаривалась в выступлениях, то на XXIII съезде КПСС 1966 г. и особенно на XXIV съезде 1971 г. проблема загрязнения воды и атмосферы стала активнее подниматься во время выступлений делегатов. На XXIII съезде КПСС вопрос о серьезном загрязнении крупных рек Советского Союза и Байкала был поднят советским писателем М.А. Шолоховым [19. С. 359]. Последовавшее за ростом озабоченности состоянием водоемов утверждение основ водного законодательства СССР и союзных республик и принятие Водного кодекса РСФСР 1972 г. сформировали юридическую базу для надзора за состоянием водных ресурсов. Однако из-за системного конфликта интересов между ведомствами и предприятиями, а также между плановыми показателями предприятий и ограниченными возможностями по введению очистного оборудования проблема загрязнения водоемов, атмосферы и почв так и не была решена в СССР надлежащим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. McNeill J.R., Engelke P. The Great Acceleration: an Environmental History of the Anthropocene since 1945. Harvard University Press, 2014. 288 p.
2. Steffen W., Broadgate W., Deutsch L., Gaffney O., Ludwig C. The Trajectory of the Anthropocene: the Great Acceleration // The Anthropocene Review. 2015. Vol. 2 (1). P. 81–98.
3. Crutzen P.J., Stoermer E.F. The «Anthropocene» // Global Change Newsletter. 2000. № 41. P. 17–18.
4. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 740 с.
5. Mcneill J.R. Something New Under the Sun. London : Allen Lane, 2000. 436 p.
6. Очистка и использование сточных вод и промышленных выбросов / отв. ред. Л.А. Кульский. Киев : Ин-тут техн. информации, 1964. 283 с.
7. О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР : постановление СМ СССР. URL: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/ussr-425-1960.pdf (дата обращения: 28.07.2020).
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 482. Оп. 24. Д. 271. Л. 80.
9. Поддубный М.В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Киев : Ин-т «Киевстройпроект», 1997. 111 с.
10. XX съезд КПСС : стенограф. отчет. М. : Госполитиздат, 1956. Ч. 1. 640 с.
11. Герасимов Н. Семилетний план и изучение производительных сил СССР // Вопросы экономики. 1959. № 4. С. 155–156.
12. Ханин Г.И. Начало семилетки: новые симптомы начала кризиса. URL: http://istmat.info/node/57493 (дата обращения: 28.07.2020).
13. Гангардт Г.Г. Генеральная схема комплексного использования и охраны водных ресурсов СССР // Охрана водных ресурсов и очистка сточных вод. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. С. 7–15.
14. Ресурсы поверхностных вод СССР. Алтай и Западная Сибирь. Л. : Гидрометеоиздат, 1973. Т. 15, ч. 3. 423 с.
15. Кутырин И.М., Беличенко Ю.П. Охрана водных ресурсов – проблема современности. Л. : Гидрометеоиздат, 1974. 104 с.
16. Каменсков Ю.И. Последствия реализации и недостатки проектов добычи галечно-гравийной смеси из русла р. Томи // Географические прогнозы при водохозяйственном строительстве в Обь-Иртышском бассейне : сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 150–156.
17. Пряжинская В.Г., Левит-Гуревич Л.К., Хранович И.Л., Ярошевский Д.М. Проблемы при составлении схем комплексного использования и охраны водных объектов // Водное хозяйство России. 2010. № 6. С. 4–16.
18. XXII съезд КПСС : стенограф. отчет : в 3-х ч. М. : Госполитиздат, 1962.
19. XXIII съезд КПСС : стенограф. отчет. М. : Госполитиздат, 1966. Ч. 1. 672 с.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 544. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–4.
21. Приходько Ю.С. Экологические риски проекта строительства Нижне-Обской ГЭС на Севере Западной Сибири в 1950–1960-е гг. // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 2016. С. 244–248.
22. Гололобов Е.И. Охрана окружающей среды на Севере Западной Сибири в XIX–XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (37). С. 143–147.
23. Комаров Б. Уничтожение природы. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1978. 209 с.
24. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1246. Л. 256–257.
25. Гайдин С.Т. Эволюция политики по рациональному использованию и охране природных ресурсов озера Байкал и его бассейна (1946–1991 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4 (4). С. 29–37.
26. Lubomudrov S. Environmental Politics in the Soviet Union: The Baikal Controversy // Canadian Slavonic Papers. 1978. Vol. 20, № 4. P. 529–543.
27. Chicago Tribune. 1967. 12 July. P. 16.
28. New York Times. 1966. 1 Aug. P. 2
29. Miami Herald. 1967. 14 Dec. P. 18-A
30. Arizona Daily Star. 1967. 14 Dec. P. 23.
31. Kelley D.R. Environmental Policy-Making in the USSR: The Role of Industrial and Environmental Interest Groups // Soviet Studies. 1976. Vol. 28, № 4. P. 570–589.

Dmitry M. Nechiporuk, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru

THE POSTWAR “GREAT ACCELERATION”: AN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA AND PERCEPTION OF THE PROBLEM OF WATER POLLUTION IN THE 1950–1970s

Keywords: great acceleration; Anthropocene; environmental policy; the USSR; the USA; water resources.

The article examines the origin and perception of environmental water policy in the USSR to protect rivers and lakes in the context of industrial development of Siberia. The author reveals the importance of the global context of environmental pollution in the Anthropocene epoch in the 1950–1970s. In the 1950s, the countries across the world entered a period of long economic growth. The Soviet Union was no exception. To become a leading power and surpass the size of the United States’ national economy, the Soviet Union launched to develop resources in Siberia and Kazakhstan, including the exploitation of rivers and large lakes. The Soviet state began to pay great attention to the construction of huge hydro-electric power stations, hoping to exploit the vast water resources of the large Sibe-

rian rivers - Ob', Tom', Irtysh, Angara, Yenisei, Lena. Like any capitalist state, the USSR in the 1950s began to suffer from the massive pollution of rivers and lakes. The largest rivers in the European part of the Soviet Union had already heavily polluted, when the industrial development of Siberia began. Therefore, in the late 1950s and early 1960s, the Soviet state took the first measures to protect water resources. The main task of state environmental water policy was to improve the technology of water purification and the process of extraction of valuable substances from discharged water. However, sewage treatment facilities were built slowly in the Soviet Union. In many cities of the Soviet Union there were no treatment plants at all in the beginning of the 1960s. The factories and plants were not interested much in the construction of treatment facilities for two reasons: firstly, according to state-planned economy, it was necessary to achieve the target figures. The Soviet enterprises as a rule did not have enough resources to build a wastewater treatment plant. Secondly, the bosses of the Soviet factories did not face criminal or administrative indictment after harming the water environment. The article shows that since the 1950s the problem of river pollution had become relevant for Siberia as well. For example, the Ob'-Irtysh basin rivers suffered from significant industrial pollution in the 1960s because of the extraction of mineral resources in Western Siberia and activity of Siberian hydroelectric power plants.

In the end of the article, it is explained that the evolution of attitudes towards water resources in the Soviet Union had changed due to the movement for the protection of Lake Baikal in the 1960–1970s. After a heated dispute on the ways of Baikal protection in the second half of the 1960s, the basics of the Soviet water legislation were adopted in 1970–1972.

REFERENCES

1. McNeill, J.R. & Engelke, P. (2014) *The Great Acceleration: an Environmental History of the Anthropocene since 1945*. Harvard University Press.
2. Steffen, W., Broadgate, W., Deutsch, L., Gaffney, O. & Ludwig, C. (2015) The Trajectory of the Anthropocene: the Great Acceleration. *The Anthropocene Review*. 2(1). pp. 81–98. DOI: 10.1177/2053019614564785
3. Crutzen, P.J. & Stoermer, E.F. (2000) The "Anthropocene". *Global Change Newsletter*. 41. pp. 17–18.
4. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power. World History of the Environment]. Translated from German. Moscow: HSE.
5. Mcneill, J.R. (2000) *Something New Under the Sun*. London: Allen Lane.
6. Kulsky, L.A. (ed.) (1964) *Ochistka i ispol'zovanie stochnykh vod i promyshlennykh vybrosov* [Treatment and use of waste water and industrial emissions]. Kiev: In-tut tekhn. Informatsii.
7. The Council of Ministers of the USSR. (1960) *O merakh po uporyadocheniyu ispol'zovaniya i usileniyu okhrany vodnykh resursov SSSR: postanovlenie SM SSSR* [On measures to streamline the use and enhance the protection of water resources in the USSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR]. [Online] Available from: http://www.cawater-info.net/bk/water_law/pdf/ussr-425-1960.pdf (Accessed: 28th July 2020).
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 482. List 24. File 271. p. 80.
9. Poddubnyy, M.V. (1997) *Sanitarnaya okhrana okruzhayushchey sredy v Rossii i SSSR v pervoy polovine XX veka* [Sanitary protection of the environment in Russia and the USSR in the first half of the 20th century]. Kiev: Kievstroyproekt.
10. The CPSU. (1956) *XX s"ezd KPSS: stenograf. otchet* [The 20th Congress of the CPSU: a verbatim report]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
11. Gerasimov, N. (1959) Semiletniy plan i izuchenie proizvoditel'nykh sil SSSR [Seven-year plan and the study of the USSR productive forces]. *Voprosy ekonomiki*. 4. pp. 155–156.
12. Khanin, G.I. (n.d.) *Nachalo semiletki: novye simptomy nachala krizisa* [The Beginning of the Seven-Year Plan: New Symptoms of the Beginning of the Crisis]. [Online] Available from: http://istmat.info/node/57493 (Accessed: 28th July 2020).
13. Gangardt, G.G. (1964) General'naya skhema kompleksnogo ispol'zovaniya i okhrany vodnykh resursov SSSR [General scheme of integrated use and protection of water resources of the USSR]. In: Gangardt, G.G. et al. *Okhrana vodnykh resursov i ochistka stochnykh vod* [Protection of water resources and wastewater treatment]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 7–15.
14. Zeeberg, V.V. (ed.) (1973) *Resursy poverkhnostnykh vod SSSR. Altay i Zapadnaya Sibir'* [Resources of surface waters of the USSR. Altai and Western Siberia]. Vol. 15(3). Leningrad: Gidrometeoizdat.
15. Kutyrin, I.M. & Belichenko, Yu.P. (1974) *Okhrana vodnykh resursov – problema sovremennosti* [Protection of water resources is a problem of our time]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
16. Kamenskov, Yu.I. (1988) Posledstviya realizatsii i nedostatki proektov dobychi galechno-graviynoy smesi iz rusla r. Tomi [The consequences of the implementation and disadvantages of projects for the extraction of pebble-gravel mixture from the river Tom]. In: Nikolaev V.A., Savkin V.M., Vostryakova N.V., Koronkevich N.I. & Malik L.K. (eds) *Geograficheskie prognozy pri vodokhozyaystvennom stroitel'stve v Ob'-Irtyshskom basseyne* [Geographical forecasts for water management in the Ob-Irtysh basin]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 150–156.
17. Pryazhinskaya, V.G., Levit-Gurevich, L.K., Khranovich, I.L. & Yaroshevskiy, D.M. (2010) Problems Occurring in the Process of Preparing the Schemes of Water Bodies Integrated Use and Protection. *Vodnoe khozyaystvo Rossii – Water Sector of Russia: Problems, Technologies, Management*. 6. pp. 4–16. (In Russian).
18. The CPSU. (1962) *XXII s"ezd KPSS: stenograf. otchet: v 3-kh ch.* [The 22nd Congress of the CPSU: a verbatim report: in 3 vols]. Moscow: Gospolitizdat.
19. The CPSU. (1966) *XXIII s"ezd KPSS: stenograf. otchet* [The 23rd Congress of the CPSU: a verbatim report]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
20. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 544. List 1. File 156. pp. 1–4.
21. Prikhodko, Yu.S. (2016) [Environmental risks of the project for the construction of the Nizhne-Obskaya HPP in the North of Western Siberia in the 1950s – 1960s]. *Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya* [North of Russia: Strategies and Development Prospects]. Proc. of the Second All-Russian Conference. Surgut. pp. 244–248. (In Russian).
22. Gololobov, E.I. (2015) The nature protection in the North of Western Siberia in the 19th–20th century. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 4(37). pp. 143–147. (In Russian).
23. Komarov, B. (1978) *Unichtozhenie prirody* [The Destruction of Nature]. Frankfurt-on-Main: Posev.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 4372. List 66. File 1246. pp. 256–257.
25. Gaidin, S.T. (2008) Evolution of the Policy Relating to Rational Use and Protection of the Baikal Lake and its Basin Natural Resources (1946-1991). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(4). pp. 29–37. (In Russian).
26. Lubomudrov, S. (1978) Environmental Politics in the Soviet Union: The Baikal Controversy. *Canadian Slavonic Papers*. 20(4). pp. 529–543. DOI: 10.1080/00085006.1978.11091546
27. *Chicago Tribune*. (1967) 12th July. p. 16.
28. *New York Times*. (1966) 1st August. p. 2
29. *Miami Herald*. (1967) 14th December. p. 18-A
30. *Arizona Daily Star*. (1967) 14th December. p. 23.
31. Kelley, D.R. (1976) Environmental Policy-Making in the USSR: The Role of Industrial and Environmental Interest Groups. *Soviet Studies*. 28(4). pp. 570–589. DOI: 10.1080/09668137608411091

УДК 94(47).084.5
DOI: 10.17223/19988613/67/5

В.П. Пашин

ТРАГЕДИЯ РАСКОЛА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АТАМАНА Г.М. СЕМЁНОВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД 1923–1928 гг.)

На основе впервые вводимых в научный оборот рассекреченных документов Центрального архива службы внешней разведки РФ анализируются некоторые биографические и политические взгляды Г.М. Семёнова в период его нахождения в эмиграции. Утверждается, что Г.М. Семёнов не являлся двойным агентом, а его желание вернуться на Родину было искренним. Материалы архива показывают, что отказ Г.М. Семёнову в возвращении в СССР являлся просчетом службы внешней разведки СССР.

Ключевые слова: казаки; Китай; Япония; белая эмиграция; агент; Объединенное государственное политическое управление.

Одна из особенностей истории белой эмиграции на Дальнем Востоке, в отличие от европейской эмиграции, – крайне скудное число ярких авторитетных личностей. В Западной Европе их количество может пойти на десятки, на Дальнем Востоке их будет всего с десяток. Хотя сразу оговоримся, это субъективное мнение.

Несомненным лидером белой эмиграции на Дальнем Востоке являлся Главнокомандующий всеми вооруженными силами и походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной окраины генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семёнов. Его краткие биографические данные имелись в некоторых советских и российских энциклопедических словарях. Но эти сведения слишком общи, скудны, в основном выдержаны в классическом стиле советской историографии о врагах советской власти: или подаются нейтральные биографические сведения, или информация трактуется в негативно-сером цвете.

В Большой советской энциклопедии 1955 г. имя Семёнова даже не упоминается. На с. 474 указывается термин «семёновщина», трактуемый «как контрреволюционный террористический режим, установленный ставленником японских империалистов атаманом Г. Семёновым в Забайкалье в 1918–1920 гг.». После 1920 г. «засылал шпионов и диверсантов на советскую территорию… агент японских милитаристов» [1. С. 474]. В Энциклопедии 1976 г. имя Семёнова уже упоминается, дается небольшая биографическая справка. Несмотря на присутствие двух-трех характеристик из прежней БСЭ – «главарь контрреволюции», «кровавый режим», – здесь отсутствуют многочисленные отрицательные прямолинейные высказывания, констатируются противоречия между А.В. Колчаком и Г.М. Семёновым. В Приморье он только «пытался» вести борьбу с Советской властью. Был связан с японской разведкой. Руководил антисоветской деятельностью. Но в чем это руководство выражалось, не раскрывается. В разделе «семёновщина» вновь даются резко негативные оценки деятельности режима, установленного на подвластной семёновской армии территории. Однако отсутствует информация о действиях Семёнова после его изгнания с территории Советской России [2. С. 229, 233].

Практически повторяются характеристики Г.М. Семёнова в энциклопедическом словаре 1999 г. [3. С. 551]: «Организатор антисоветского вооруженного восстания в 1917 г., с 1921 г. – в Маньчжурии, один из лидеров антисоветской эмиграции на Дальнем Востоке». Несмотря на повторяющие характеристики Г.М. Семёнова в популярном энциклопедическом словаре 2001 г. [4. С. 1186], обращает на себя внимание отсутствие оценочных негативных прилагательных. Он назван только руководителем деятельности эмигрантских организаций на Дальнем Востоке. Совсем нейтральные характеристики подаются в Российском энциклопедическом словаре 2001 г. [5. С. 1413]. Здесь констатируется, что он возглавлял антибольшевистское движение, а с 1921 г. руководил деятельностью белоэмигрантов Дальнего Востока.

Описанные метаморфозы – от резко отрицательных оценочных эпитетов до нейтрально-информационных – произошли в оценке деятельности Г.М. Семёнова в отечественных энциклопедических словарях за последние 50 лет. Но подобные характеристики нередко давались интуитивно, на основе разрозненных опубликованных документов.

Аналогичным образом происходили изменения взглядов и в отечественной историографии. В 1920–1930-е гг. русская военная эмиграция, безусловно, изучалась советской историографией, но даже из названий работ видна их политическая направленность [6, 7]. Одновременно с советской литературой издавалась и эмигрантская публицистика [8, 9]. Взгляды оппонентов на события Гражданской войны и исход побежденных в эмиграцию были диаметрально противоположными. Но это не означает, что одна из сторон говорила неправду: классовый подход заставлял их видеть только одну сторону явления, а трагедии конкретной личности оставались вне поля зрения. В последующие годы белоэмигрантская история во-

обще оказалась невостребованной советской историографией. Только с 1960-х гг. эта тема вновь становится предметом исследования [10–12]. Но в основном рассматривалась вся эмиграция в целом, показывались ее «враждебность и раскаивание».

С начала 1990-х гг. во все возрастающих объемах издаются статьи, монографии, сборники документов, описывающие трагедию нескольких миллионов граждан, вынужденных стать эмигрантами вследствие раскола российского общества в 1917 г. [13, 14], публикуются биографии лидеров белоэмигрантского движения [15]. Но исследовалось в основном европейское крыло эмиграции. Работ, посвященных анализу азиатского направления белой эмиграции, было крайне мало. Здесь можно назвать интересные работы о лидерах белой эмиграции – В.Б. Анненкове, Л.И. Дутове, А.С. Бакиче [16, 17].

В настоящее время биографическое направление в отечественной историографии атамана Г.М. Семёнова развивают Л.В. Курас, А.С. Кручинин [18–20]. Так, они впервые анализируют его гражданско-управленческие качества, теоретические рассуждения по вопросу создания федеративного «Велико-монгольского государства». Оценки его деятельности в основном опираются на традиционные советские источники и литературу, а также материалы допроса и суда Военной коллегии Верховного суда СССР 1946 г. Здесь много цитирований Г.М. Семёнова со ссылками на мемуарную литературу, однако ничего не говорится о реализации его теоретических рассуждений.

В настоящей статье предпринята попытка показать биографические эпизоды из жизни и деятельности Г.М. Семёнова только на основе секретных документов, извлеченных из фондов Центрального архива службы внешней разведки РФ. Они раскрывают деятельность белых эмигрантов на Дальнем Востоке в период 1923–1928 гг. Архивные документы достаточно полно показывают военные и политические качества атамана Г.М. Семенова, его неукротимую энергию, жажду деятельности и раздвоенность личности, тоску по Родине. Прежде всего автор настоящей статьи обнаружил достаточно интересное сообщение Иностранного отдела ОГПУ с текстом записки о службе атамана Г.М. Семёнова, составленной на основании послужного списка в августе 1920 г. [21. Л. 1–5].

Григорий Михайлович Семёнов родился 13 сентября 1890 г. в казачьей семье в Забайкальской области. Дважды был женат. От первого брака имел сына, от второго – сына и дочь. В 1908 г. зачислен в Оренбургское военное казачье училище, которое в 1909 г. закончил по первому разряду. За достигнутые хорошие успехи в учебном процессе и военно-практических занятиях был произведен в младшие урядники. В августе 1911 г. получил звание хорунжего, а затем чин младшего офицера. Так начинается его послужной список воинской службы.

До Первой мировой войны служил в Верхнеудинском полку, в полку г. Троицкосавска, Читинском и Нерченском полках. Служил он неплохо. Доказательством этого может служить приказ Военного ведомства, на основании которого ему было предоставлено право ношения нагрудной светло-бронзовой медали в память Дома Романовых. Обладая хорошими педагогическими способностями и великолепными фехтовальным мастерством (обучался в бригадной гимнастической фехтовальной школе), в мае 1914 г. он в чине младшего офицера удостоился командировки для обучения казаков.

В сентябре 1914 г. вступил на театр военных действий. О его талантах как руководителя, о личном мужестве можно судить по полученным наградам и повышению по военной службе. Перечислим последовательно его боевые награды. В мае 1915 г. награжден за отличие в делах против неприятеля орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В июле того же года награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В следующем месяце – орденом св. Анны 4-й степени «За храбрость». В сентябре – орденом св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом. В октябре 1915 г. по постановлению Петроградской кавалерской Георгиевской думы награжден георгиевским оружием. В марте 1916 г. награжден орденом св. Анны 2-й степени с мечами, а в ноябре – орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В декабре 1917 г. по постановлению Петроградской кавалерской Георгиевской думы приказом по казачьим войскам за отличие в делах против германцев награжден орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Вне сомнения, даже простое перечисление наград говорит о мужестве и героизме Семёнова, его организаторских талантах как командира различных частей.

Находясь в изгнании, в эмиграции, он продолжал развивать свой военный талант, учиться военной стратегии и тактике. Так, при встрече Г.М. Семёнова с оперативным работником Иностранного отдела ОГПУ (март 1925 г., Шанхай), увидев на столе оперативного работника книгу А. Свечина «История военного искусства», настойчиво стал просить ее для прочтения [22. Л. 72]. Высказывал просьбы присылать ему из Москвы не только специальные книги по военному искусству и стратегии, но и вообще новые книги по военной тематике.

Отметим также его исключительную работоспособность. Агенты Советской России, контролируя поездку Г.М. Семёнова в Пекин, сообщали, что он спал всего по 6–7 часов в сутки [23. Л. 69]. Знал несколько языков: монгольский, бурятский, английский, мог объясняться на китайском и японском языках.

Но не только наградами был отмечен его боевой путь. Стремительно развивалась также и его военная карьера, продвижение по служебной лестнице. В октябре 1914 г. его производят в сотники. В период с июня по август 1915 г. – в полкового адъютанта. В январе 1916 г. – в подъесаула. В ноябре 1916 г. его отправляют на Кавказский фронт, где он командует вначале сотней, а в ноябре 1917 г. – конным монголо-бурятским полком. При этом необходимо отметить, что формированием полка он занимался самостоятельно. В декабре 1917 г. ввиду развала прежней армии и дезертирства казаков с воинской службы Семёнов

приступает к формированию Особого маньчжурского отряда из всех родов войск.

С этого момента можно начинать отсчет времени его активных боевых действий на территории Восточного Забайкалья против большевиков. После захвата Читы Сибирским Военным правительством он назначается командиром 5-го Приамурского корпуса, а затем командующим войсками Приамурского военного округа. В сентябре 1918 г. Временным Сибирским правительством утверждается в чине полковника. В этом же месяце 5-м чрезвычайным Войсковым кругом Уссурийского казачьего войска избирается походным атаманом. Немного позднее избирается походным атаманом всего Забайкальского казачьего войска (апрель 1919 г.). В этом же году приказом Верховного Правителя адмирала Колчака ему присвоен чин генерал-майора (июнь), а в декабре – чин генерал-лейтенанта. Командует 6-м Восточным Сибирским корпусом. Является помощником Командующего войсками Приамурского военного округа с правами генерал-губернатора Забайкальской области. В декабре 1920 г. назначен на пост Главнокомандующего войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа на правах Главнокомандующего армией, с подчинением ему командующих войсками названных округов. Ему передается вся полнота власти на территории Российской восточной окраины.

Возможно, читателя утомил достаточно длинный послужной список атамана Семёнова, наградной и чинопроизводственный. Но он нам потребовался, так как необходимо развенчивать сохраняющийся миф советской историографии, что в условиях Гражданской войны воевали трудящиеся с господствующим классом. Это было далеко не так. Ученым-историкам еще предстоит большой труд по выявлению долей социальных слоев общества, сражавшихся на одной и другой стороне. Но есть ли в этом необходимость? Одна часть народа воевала с другой. Можно найти оправдание любой войне. Какая-то сторона обязательно будет правой. Не существует оправдания только Гражданской войне. Яркое подтверждение вышеобозначенным тезисам – биография героя нашей статьи. Продвигаться по служебной лестнице благодаря «заслуге–выслуге–образованию» в условиях боевых действий Первой Отечественной войны можно было практически любому подданному Отечества Российского государства. Вопрос заключался только в талантах, усердии, целеустремленности и определенном везении. Его величество случай, пусть и не существенную, но играет роль.

Личность Г.М. Семёнова, вне сомнения, неоднозначная, сложная, противоречивая. Как военный он проявлял мужество, храбрость, выдержку и стойкость. Его пример был поучителен для окружающих его сослуживцев. В приказах на получение наград отмечалось не только его личное мужество, но и умение увлечь за собой солдат и казаков. Личным примером вдохновлял он на подвиги своих подчиненных. Служба Отечеству была для Г.М. Семёнова не простой формальностью, а смыслом военной жизни. Но чем выше была его должность, чем больше ему приходилось заниматься политикой, тем противоречивее становились его взгляды, сомнения. Судя по прочитанным документам периода 1924–1928 гг., выявленным нами в Центральном архиве службы внешней разведки РФ, он пытался (?) «пристать к любому берегу» – советскому, японскому, китайскому… За подобные колебания он был даже объявлен двойным агентом – японским и советским. Но это только внешняя сторона. Вчитаемся внимательно в документы.

Так, еще в период 1922–1923 гг. он фактически сорвал заключение сделки с японцами по передаче белому движению (через Семёнова как преемника Колчака) 37 000 винтовок и 4 500 патронов к каждой винтовке. На ее последнем этапе он срочно уехал к жене по телеграмме [24. Л. 266–267]. Трудно поверить, что профессиональный военный мог так легко и беззаботно уйти в сторону от решения важнейшего вопроса того времени – нехватки оружия белому движению в провокационной деятельности против Страны советов.

В мае 1924 г. Иностранный отдел ОГПУ подает информацию о контактах атамана Г.М. Семёнова с представителями бывшего Великого князя Кирилла Владимировича. В сохранившемся письме Г.М. Семёнова опровергается факт о намерениях якобы напасть на Камчатку при поддержке японского правительства. Он говорит, что это одно из ряда его предположений, а реализация этого предположения возможна только в том случае, если на престоле будет восстановлен Кирилл: «Все движение должно начаться с восстановления его на престоле» [25. Л. 291]. Достаточно красноречивое рассуждение. Здесь видно, что Семёнов – не предатель Родины, готовый на любые действия ради личной выгоды и удовлетворения собственных амбиций. Он только с государством, с законной его властью (в его понимании).

В интересах Отечества он готов, как следует из белоэмигрантской газеты «Молва», даже принять советское подданство [22. Л. 202]. После публикации статьи в белоэмигрантской среде начнут упорно циркулировать слухи, что Семёнов – агент большевистской России. Семёнов же настойчиво пытается отойти от политической деятельности. Он пишет, что не участвует в делах, «вредящих национальному делу Родины, нашей России» [21. Л. 46]. Однако около него всегда находились люди, выступающие от его имени, прикрывающиеся его авторитетом.

В феврале 1925 г. он пишет достаточно пространное письмо в советское посольство в Китае, в котором вновь подтверждает высказанную ранее идею о желании перейти на сторону советской власти [22. Л. 108–109]. Рассуждает о злом роке, ввергшем российские народы в братоубийственную войну. Отмечает, что помощь иностранных держав белому движению была далеко не искренна и бескорыстна – каждое из помогающих государств преследовало свои корыстные цели посредством проведения политики «разделяй и властвуй», и сегодня они не оставили помыслов использовать белую эмиграцию в своих целях. Далее он приводит очень интересные рассуждения о перспективах и направлениях внешней политики СССР на Дальнем Востоке. Он видит, что от соперничества Японии

и США выиграет только Россия. Китай непременно должен стать коммунистическим, ибо его огромное население обязательно позволит разрешать вопросы в азиатском регионе в пользу советов. Имеются рассуждения здесь и о Монголии. В конце письма он вновь заверяет в верноподданичестве Отечеству и готовности практически служить на пользу России.

Будем откровенны – подобные теоретические изыскания вряд ли отличались новизной для советской внешней политики. В его рассуждениях и советах Наркомат иностранных дел вряд ли нуждался. Но нас привлекают его заверения в готовности перейти на сторону большевиков, увлечь за собой значительную часть эмигрантского населения, которая также могла принести пользу Советской России как ратным, так и физическим трудом. В конечном итоге отойти от активной (потенциальной) антисоветской деятельности.

Однако его заверениям советское руководство не поверило или не желало верить. Это ясно видно из отчета оперработника Иностранного отдела ОГПУ о тайной встрече с Семёновым в Шанхае в конце марта 1925 г. [22. Л. 72–74]. Отчет достаточно пространный и объемный. На конкретно поставленный вопрос Семёновым оперативному работнику ОГПУ: «…пусть мне скажут, нужен я или нет?» – фактического ответа не последовало. А общий вывод донесения советской разведки следующий: Семёнов является японским агентом, собирающим даже мелкие сведения о Советской России.

В августе 1925 г. Семёнов напрямую обращается с письмом к послу СССР в Китае Л.М. Карахану [Там же. Л. 163] с предложением своих услуг Советской России. Он пишет о возможности доказать на деле свою честность, работая под руководством советского правительства. С этого письма начинаются более активные (но кратковременные) контакты Семёнова с резидентурой СССР на Дальнем Востоке.

Так, в органы безопасности России стала поступать позитивная информация о его настроениях и взглядах [Там же. Л. 48, 115–123]. Семёнов положительно относился к работе большевиков по возрождению России. Он готов был сотрудничать с Москвой с целью «подсолить японцам» на крупной комбинации и тем самым создать себе твердую политическую репутацию перед Москвой. Даже если он вел двойную игру, эта игра велась им «идейно в нашу пользу, в силу его собственных расчетов и планов вырваться из создавшихся условий». Советский агент Пекинской резидентуры также писал, что Семёнов «…весьма далек от шаблонного типа генералов-“спасителей”, или выступающих за царя несмотря ни на что, или готового во имя борьбы с советами слепо и безоговорочно отдать себя в руки любого иностранного нанимателя». Все поручения агентов он выполнял безоговорочно.

В этом плане достаточно интересным выглядит текст обращения атамана Г.М. Семёнова к военным эмигрантам в Маньчжурии в декабре 1926 г., написанный в общих нейтральных тонах. Он скорбит о своем Отечестве, осуждает гражданскую войну, где брат шел на брата, отец – на сына. «Отсутствие единства в понимании долга было причиной того, что у нас были партии, были заботы о проведении их программы в жизнь, но мало кто думал о Родине, о народе…» [26. Л. 199].

Сегодня можно дискутировать об искренности процитированных слов. Но эти слова наконец-то приобрели в современных условиях пронзительную правду и скорбь о далеких событиях 1918–1920 гг. Они овладевают все большим количеством граждан современной России. Никогда, ни в какие времена нельзя забывать о них за партийными предвыборными баталиями, повседневными политическими спорами и борьбой общегосударственных интересов. Они должны всегда находиться на первом месте.

Заслуживает внимания и достаточно интересная концовка озвученного выше сообщения: «Эта работа (по привлечению Семёнова на свою сторону – *В.П.*) требует осторожного и особенно деликатного подхода и, конечно, не может находиться в зависимости от глубокомыслия самоупоенной дипломатии с ее примитивными методами наркоминделовских чиновников…» [22. С. 123]. Однако возобладала точка зрения «наркоминделовских чиновников». А с принятием Г.М. Семёновым японского подданства иностранный отдел ОГПУ окончательно зачислил его в агенты японского государства [27. Л. 59].

Так, в декабре 1926 г., в связи с оживлением деятельности белогвардейцев на Дальнем Востоке, агент Иностранного отдела ОГПУ безапелляционно пишет, что центральной фигурой здесь «является атаман Семёнов» [28. Л. 331–335], но при этом не приводит ни одного конкретного факта в доказательство данного тезиса. И в то же самое время казачий круг Забайкальской станицы в г. Харбине постановляет запретить распространять письма Семёнова среди казаков, «…так как это ведет к розни между… казаками, что полезно лишь только для большевиков» [29. Л. 34]. (Смысл письма сводился к критике деятельности белогвардейского генерала Шильникова, который проводил активную антисоветскую пропаганду и деятельность. Ради реализации корыстных амбиций он готов был сотрудничать с любыми иностранными государствами и поддерживать всякие враждебные действия в отношении советской России.)

Наиболее достоверным источником по вопросу активности Семёнова в белогвардейском движении может служить агентурное сообщение берлинской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ о мероприятиях английского правительства по подготовке к формированию новых белых армий на Дальнем Востоке от 14 августа 1926 г., для чего были начаты переговоры с Семёновым. Но их пришлось прервать: Семёнов на тот момент не пользовался никакой поддержкой не только белых, но и японских военных кругов [Там же. Л. 87].

Выявленные документы однозначно показывают, что к середине 1920-х гг. атаман Семёнов окончательно потерял всякий интерес к восстановлению собственной армии, а его возвращенческие настроения стали известны даже в кругах европейской эмиграции. На заседании антибольшевистского военного центра в Париже он был исключен из его состава [23. Л. 30]. В октябре

1927 г. при подборе руководителей белого движения на Дальнем Востоке было решено, что атаман Семёнов «не годится» на роль лидера [24. Л. 102–108]. Подобное недоверие высказывалось и в других документах [Там же. Л. 666–667], в которых указывалось, что семёновцы даже тормозили активизацию белогвардейского движения. Это были далеко не оговоры, а реальная практика. В последних числах декабря 1927 г. атаман поместил в ряде газет белой эмиграции на Дальнем Востоке письмо, в котором опровергал слухи о его деятельности и связях с Хорватом (наиболее активным лидером белого движения на Дальнем Востоке).

Действия монархических организаций на Дальнем Востоке также не имели «никакого отношения к теперешней работе атамана Семёнова…» [30. Л. 252]. Это видно из агентурного сообщения Иностранного отдела ОГПУ, специально посвященного отношениям дальневосточных белых организаций к атаману Семёнову от 21 октября 1927 г. [24. Л. 666–667]. В нем сообщается, что он нередко действует самочинно и сепаратно, его работе активные белогвардейские организации помощи не оказывают. Упомянутые в этом сообщении факты показывают, что Семёнов не занимал активную антисоветскую позицию. Ярые враги Отечества стремились дистанцироваться от него, а распространявшиеся в казачьей среде воззвания об активизации антисоветской работы к Семёнову не имели никакого отношения.

Я внимательно изучил секретные документы Службы внешней разведки РФ 1920-х гг. Вопрос о двойном агенте в отношении Г.М. Семёнова, видимо, следует оставить будущему поколению историков. Но очевидно, что он не занимался в исследуемый нами период активной антисоветской работой. Поэтому устоявшийся стереотип практически всех советских энциклопедических словарей и исследовательской литературы о Г.М. Семёнове как об «агенте японских милитаристов», «активном руководителе антисоветской деятельности» не является подлинно научным. Это расхожее клише: если «белый» – следовательно, «враг отечества». Права на исправление ошибки ему не дается. За «классами и массами» советская историография упустила трагедию конкретного человека, а истории в отсутствие личности не бывает.

В 1994 г. Военная коллегия Верховного суда России приняла к пересмотру уголовное дело в отношении Г.М. Семёнова. Ввиду отсутствия состава преступления по ч. 10 ст. 58 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда – дело было прекращено. Но в остальной части приговор был оставлен в силе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М. : Большая сов. энцикл., 1955. Т. 38. 668 с.
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл.,1976. Т. 23. 640 с.
3. Отечество. История, люди, регионы России : энцикл. словарь / сост. А.П. Горкин, В.М. Карев. М. : Большая рос. энцикл., 1999. 799 с.
4. Популярный энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 2001. 1583 с.
5. Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Большая рос. энцикл., 2001. Т. 2. 2015 с.
6. Белов А. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.–Петроград : Госиздат, 1923. 150 с.
7. Рыклин Г.Е. Кровавый атаман. М. : Госиздат, 1927. 337 с.
8. Чебышев Н.Н. Близкая даль. Париж, 1933. 370 с.
9. Бурцев В.Л. Преступления и наказания большевиков : по поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц. Париж : Дом книги, 1938. 80 с.
10. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М. : Наука, 1977. 320 с.
11. Барихновский Г.В. Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924). Л. : ЛГУ, 1978. 160 с.
12. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1986. 236 с.
13. Русская военная эмиграция 20–40-х годов : документы и материалы. М. : Гея-Триада, 1998–2002. Т. 1, кн. 1. 432 с.; кн. 2. 752 с.; Т. 2. 484 с.; Т. 3. 576 с.
14. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М. : Центрполиграф, 2001. 543 с.
15. Черкасов-Георгиевский В. Вожди белых армий. Смоленск : Русич, 2000. 512 с.
16. Марковчин В.В. Три атамана. М. : Звонница–МГ, 2003. 336 с.
17. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М. : Русский путь, 2004. 240 с.
18. Кручинин А.С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семёновым // История белой Сибири : тез. 4-й науч. конф. – Кемерово, 2001. С. 113–119.
19. Курас Л.В. Атаман Семенов и его окружение в годы эмиграции // История белой Сибири : материалы VI Междунар. науч. конф., 2005. Кемерово, 2005. С. 105–109.
20. Курас Л.В. Атаман Семёнов: любовь, переросшая в предательство // Власть. 2014. № 2. С. 184–188.
21. Центральный архив Службы внешней разведки РФ (ЦА СВР РФ). Д. 16545. Т. 5.
22. ЦА СВР РФ. Д. 352. Т. 1.
23. ЦА СВР РФ. Д. 617.
24. ЦА СВР РФ. Д. 651. Т. 2.
25. ЦА СВР РФ. Д. 44. Т. 5.
26. ЦА СВР РФ. Д. 117. Т. 2.
27. ЦА СВР РФ. Д. 651. Т. 3.
28. ЦА СВР РФ. Д. 970. Т. 2.
29. ЦА СВР РФ. Д. 456. Т. 2.
30. ЦА СВР РФ. Д. 885. Т. 1.

Vasiliy P. Pashin, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: pashinvp@mail.ru

TRAGEDY OF RUSSIAN SOCIETY SPLIT (NEW DOCUMENTS ON THE ATAMAN G.M. SEMYONOV ACTIVITIES IN THE FAR EAST IN 1923–1928)

Keywords: Cossacks; China; Japan; white emigration; agent; United State Political Administration.

The article based on the declassified documents of the Central Archive of the Russian Foreign Intelligence Service for the first time introduced into scientific circulation, analyzes some of the biographical and political views of the Commander-in-Chief of all the armed forces and the march ataman of all Cossack troops of the eastern outskirts of Lieutenant-General Grigory Mikhailovich Semyonov

during his emigration. Identified new documents (Documents of the Paris, Berlin, Harbin Residency of the Foreign Department of the OGPU, general summaries of information and communications, reports of operatives of the Foreign Department of the OGPU, personal letters of G.M. Semyonov to the USSR Ambassador in China L.M. Karakhan and letters of subordinates sent to his address, the minutes of the meetings of the Cossack circle of the Transbaikalian village in Harbin) substantially supplement his biographical data, his track record and his personal characteristics, which were extremely schematically shown in encyclopedic dictionaries and scientific research. The article focuses on his attempts to establish contacts with Soviet intelligence and move to the side of Bolshevik Russia. Such actions became public in the White emigre environment. As a result, ataman G.M. Semyonov begins to rapidly lose credibility even among his comrades-in-arms. And the European wing of the white emigration expresses its distrust of leadership of the united White Guard forces in the Far East. However, regarding G.M. Semyonova defeated the Soviet stereotype of officials of the People's Commissariat of Foreign Affairs. We did not look at how a person works in the present, on his modern views, but who he was in the past. On the example of G.M. Semyonov shows the tragedy as a whole of almost two million forced emigrants of the 1920s. The materials of the archive show and prove that in the emigration ataman G.M. Semenov did not engage in active anti-Soviet activities, he made attempts to minimize it and his environment. However, there were always people around him who covered themselves with the name of Semyonov, speaking on his behalf and pursuing self-serving and short-sighted policies. Without a doubt, the arrival of G.M. Semyonov in the USSR would have made it possible to fully control his activities, as well as those who wished to come with him from other positions of the White Guard army. It is suggested that he was not a double agent, his desire to return to his homeland was sincere, and a professional military man is not always a good and skillful politician. Archival materials show that the failure of G.M. Semyonov in his desire to return to his homeland was a clear miscalculation of the USSR's foreign intelligence service.

REFERENCES

1. Vvedensky, B.A. (ed.) (1955) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 38. Moscow: Bol'shaya sov. entsikl.
2. Prokhorov, A.M. (ed.) (1976) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 23. Moscow: Sov. entsikl.
3. Gorkin, A.P. & Karev, V.M. (eds) (1999) *Otechestvo. Istoriya, lyudi, regiony Rossii* [Fatherland. History, people, regions of Russia]. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl.
4. Gerkulova, A.L. (ed.) (2001) *Populyarnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Popular Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl.
5. Prokhorov, A.M. (ed.) (2001) *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl.
6. Belov, A. (1923) *Beloe pokhmel'e. Russkaya emigratsiya na rasput'e* [White hangover. Russian emigration at a crossroads]. Moscow; Petrograd: Gosizda.
7. Ryklin, G.E. (1927) *Krovavyy ataman* [Bloody chieftain]. Moscow: Gosizdat.
8. Chebyshev, N.N. (1933) *Blizkaya dal'* [Close distance]. Paris: [s.n.].
9. Burtsev, V.L. (1938) *Prestupleniya i nakazaniya bol'shevikov: po povodu 20-letnego yubileya predateley i ubiyts* [Crimes and Punishments of the Bolsheviks: on the Occasion of the 20th Anniversary of Traitors and Murderers]. Paris: Dom knigi.
10. Ioffe, G.Z. (1977) *Krakh rossiyskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The collapse of the Russian monarchist counter-revolution]. Moscow: Nauka.
11. Barikhnovsky, G.V. (1978) *Ideyno-politicheskiy krakh beloy emigratsii i razgrom vnutrenney kontrrevolyutsii (1921–1924)* [The ideological and political collapse of the White emigration and the defeat of the internal counter-revolution (1921-1924)]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Shkarenkov, L.K. (1986) *Agoniya beloy emigratsii* [The agony of the white emigration]. Moscow: Mysl.
13. Gorbacheva, G.P. & Donskaya, L.E. (eds) (1998–2002) *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov: dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 20s and 40s: documents and materials]. Moscow: Geya-Triada.
14. Volkov, S.V. (2001) *Tragediya russkogo ofitserstva* [The tragedy of the Russian officers]. Moscow: Tsentrpoligraf.
15. Cherkasov-Georgievsky, V. (2000) *Vozhdi belykh armiy* [Leaders of the White Armies]. Smolensk: Rusich.
16. Markovchin, V.V. (2003) *Tri atamana* [Three atamans]. Moscow: Zvonnitsa–MG.
17. Ganin, A.V. (2004) *Chernogorets na russkoy sluzhbe: general Bakich* [Montenegrin in Russian service: General Bakich]. Moscow: Russkiy put'.
18. Kruchinin, A.S. (2001) [On the conflict between A.V. Kolchak and G.M. Semyonov]. *Istoriya beloy Sibiri* [History of White Siberia]. Proc. of the Fourth Conference. Kemerovo: Kuzbasvuzisdat. pp. 113–119. (In Russian).
19. Kuras, L.V. (2005) [Ataman Semenov and his entourage during the years of emigration]. *Istoriya beloy Sibiri* [History of White Siberia]. Proc. of the Sixth Conference. Kemerovo: Kuzbasvuzisdat. pp. 105–109. (In Russian).
20. Kuras, L.V. (2014) Ataman Semenov: lyubov', pererosshaya v predatel'stvo [Ataman Semyonov: love that grew into betrayal]. *Vlast' – The Authority*. 2. pp. 184–188.
21. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 16545. Vol. 5.
22. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 352. Vol. 1.
23. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 617.
24. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 651. Vol. 2.
25. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 44. Vol. 5.
26. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 117. Vol. 2.
27. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 651. Vol. 3.
28. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 970. Vol. 2.
29. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 456. Vol. 2.
30. The Central Archive of the RF Foreign Intelligence Service (TsA SVR RF). File 885. Vol. 1.

УДК 94 (47).083
DOI: 10.17223/19988613/67/6

П.П. Румянцев

ЖАНДАРМСКИЙ ОКРУГ В СИБИРИ: СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Исследуются история формирования и изменения, происходившие в структуре жандармского округа в Сибири. Основными источниками для написания статьи послужили законодательные акты центральной российской власти, приказы по Корпусу жандармов, а также архивные материалы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. В начале XX в. округ был ликвидирован последним в России в связи с реорганизацией политической полиции вследствие социально-экономической трансформации окраины.
Ключевые слова: XIX в.; Сибирь; Сибирский жандармский округ; Корпус жандармов; политическая полиция; надзор.

История российской жандармерии по сей день является малоизученной областью в отечественной историографии. В основном исследователями рассматриваются отдельные аспекты деятельности жандармских частей и чинов Корпуса жандармов периода, когда жандармерия выступала в качестве органа политического сыска. Вместе с тем из поля зрения исследователей выпадает множество сюжетов, связанных, например, с вопросами устройства как Корпуса жандармов в целом, так и его структурных частей, в том числе и отдельных жандармских округов. В представленной статье предпринята попытка анализа изменений организации жандармского округа в Сибири на всем протяжении его существования. Данный округ имел свои особенности устройства и просуществовал дольше всех жандармских округов, но история его функционирования до недавнего времени не привлекала внимания исследователей [1].

Жандармские формирования стали появляться в Сибири в правление Александра I. Согласно императорскому указу от 1 февраля 1817 г. в каждом губернском городе следовало учредить жандармскую команду внутренней стражи, и в трех сибирских городах (Тобольске, Томске и Иркутске) появились такие команды. Губернская жандармская команда подчинялась командиру внутреннего гарнизонного батальона и входила в состав Сибирского отдельного корпуса [2. Т. 34. № 26650. С. 50–51]. По штатному расписанию губернская жандармская команда состояла из 30 чинов: начальник команды, 1 вахмистр, 3 младших унтер-офицера, 24 рядовых и 1 коновал [Там же. Т. 43, ч. 2. С. 55]. Сформированные жандармские команды выполняли полицейские функции в тех городах, где они располагались. В марте 1823 г. жандармская команда появилась в Красноярске, и тем самым во всех четырех губернских центрах Сибири действовали жандармские команды внутренней стражи [Там же. Т. 38. № 29353. С. 826].

В самом начале царствования Николая I произошла важная реорганизация российской жандармерии. Указом от 28 апреля 1827 г. был учрежден Корпус жандармов, ставший исполнительным органом власти появившегося годом ранее III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, выполнявшей роль политической полиции. Согласно этому законодательному акту центральная часть страны делилась на пять жандармских округов, а те, в свою очередь, подразделялись на отделения. Каждое отделение территориально охватывало несколько губерний, а всего в жандармский округ входило от 8 до 11 административно-территориальных единиц. Возглавлять каждый округ должен был жандармский генерал с полномочиями начальника дивизии, а окружное отделение – штаб-офицер (в чине от майора до полковника включительно) с властью полкового командира. Комплектовать должности генералов, штаб- и обер-офицеров следовало из желавших служить в Корпусе жандармов «из состоящих ныне на службе или в отставке, чиновников, известных отличной службой, расторопностью, усердием и особенно хорошей нравственностью», представляя их кандидатуры на рассмотрение царю [3. Т. 2. № 1062. С. 396].

В начале 30-х гг. XIX в. назрела необходимость распространения жандармско-окружной системы на национальные окраины Российском империи. В феврале 1832 г. новый жандармский округ был учрежден в Царстве Польском, что можно рассматривать как одно из последствий подавления восстания поляков, произошедшего в 1830–1831 гг. Новый округ учреждался на тех же основаниях, что и уже существовавшие к тому времени пять округов Корпуса жандармов, а также получал третий порядковый номер в окружной жандармской системе [Там же. Т. 7. № 5192. С. 109].

Создание отдельного жандармского округа за Уралом являлось очевидным делом по причине наличия в Сибири сосланных сюда государственных преступников, в первую очередь декабристов, а также участников польского восстания, которых в большом количестве определяли в ссылку с дальнейшим житьем в качестве наказания. Особенностью создания округа Корпуса жандармов в Сибири является отсутствие специального законодательно акта по данному предмету, как это происходило в случае формирования всех других жандармских округов. Не нашло отражение это и в приказах по Корпусу жандармов. Косвенно можно сделать вывод, что жандармский округ был

создан в сибирском регионе в середине 1833 г. – приказом по Корпусу жандармов № 62 от 16 июля 1833 г. исполняющий должность начальника 6-го жандармского округа полковник А.П. Маслов назначался исполнять должность начальника 7-го округа, который и являлся жандармским округом в Сибири. Скоро в управлении нового округа стали появляться новые должностные единицы – штаб-офицер для особых поручений при начальнике округа, старший адъютант, аудитор округа. Также жандармскими чинами стали комплектоваться сибирские губернии, туда отправлялись штаб-офицеры Корпуса жандармов, – как правило, офицеры, только что переведенные в корпус, – тем самым служба в Сибири для них являлась первым местом служения на новом для них поприще.

Окончательное становление жандармско-окружной системы в Сибири произошло с принятием 1 июля 1836 г. нового «Положения Корпуса жандармов». Причины принятия нового положения были в первую очередь связаны с необходимостью дальнейшего совершенствования жандармской службы, закрепления прав и обязанностей жандармских чинов, увеличения численности штата корпуса [4].

Согласно новому положению ликвидировалось прежнее двухуровневое деление округов – отделения и губернии – и устанавливалось новое штатное расписание жандармских округов, в состав которых должны были входить только губернии и области. В состав 7-го (сибирского) округа входили четыре сибирских губернии (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская) и одна область – Омская, а также две сопредельные с сибирским регионом территории – Оренбургская и Пермская губернии. По количеству субъектов 7-й округ уступал всем другим округам, в составе которых насчитывалось от 9 до 11 субъектов, однако по территории он превосходил все другие округа. По положению увеличивалось количество жандармских команд: как правило, в каждой губернии должна была действовать своя команда. В 7-м округе команды располагались в следующих городах: Омск, Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск, Пермь и Уфа (при этом жандармская команда в Омске появилась благодаря именно этому положению).

Штатное расписание управления 7-го округа (идентичное также для 4-го, 5-го и 6-го округов) включало начальника округа в чине генерал-майора или генерал-лейтенанта, а также состоящих при нем штаб-офицера для особых поручений, адъютанта и секретаря. Также в дежурство округа входили старший адъютант, аудитор, 4 писаря, 1 инвалид и 17 денщиков. Всего управление округа насчитывало 28 штатных единиц. Штат управления губернских штаб-офицеров Корпуса жандармов был одинаковым для всех губерний, кроме Санкт-Петербургской и Московской, и включал в свой состав 9 чинов: штаб-офицера (майор или подполковник), его адъютанта, двух писарей и пять денщиков. Наконец, штат губернской жандармской команды округа был идентичен и состоял из начальника команды в обер-офицерском звании (от поручика до капитана), 28 нижних строевых чинов, писаря, коновала, кузнеца и двух денщиков, а всего 34 чина. Таким образом, общая численность жандармских чинов в 7-м округе Корпуса жандармов насчитывала 329 штатных единиц: 28 – управление округа, 63 – в управлениях штаб-офицеров в 7 губерниях, а также 238 чинов в семи жандармских командах. Общая же численность Корпуса жандармов в 1836 г. составляла 5 164 чел. [5. С. 194], тем самым в 7-м округе, самом большом по территории охвата для жандармского надзора, службу проходили 6,4% чинов от общей численности корпуса.

Изменения в системе управления 7-го округа последовали достаточно быстро. Первоначально изменилась нумерация округа: по причине создания в конце 1837 г. нового жандармского округа на Кавказе 7-й округ был переименован в 8-й округ Корпуса жандармов и под таким номером просуществовал почти 30 лет (Приказ по Корпусу жандармов № 5 от 23 января 1838 г.).

Следующее изменение коснулось местопребывания начальника жандармского округа в Сибири. Генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков предложил центральной власти идею административно-территориальной реформы подведомственного его управлению края в виде ликвидации Омской области и перенесения его резиденции из Тобольска в Омск, а вместе с тем и перевести туда же дежурство 8-го жандармского округа «для удобности сношений, нередко словесных». Несмотря на несогласие с этим предложением нового начальника округа генерал-майора Н.Я. Фалькенберга, доводы которого не приняло во внимание ни жандармское, ни военное начальство, 29 октября 1838 г. вышел царский указ о переводе из Тобольска в Омск управления 8-го округа Корпуса жандармов. В июле следующего года Фалькенберг доложил своему начальству, что управление округа прибыло в Омск и «вступило в отправление своих обязанностей» [6. Л. 1 об., 16, 35].

В начале 40-х гг. XIX в. произошло увеличение штата 8-го жандармского округа, связанное с учреждением жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири. Причинами такого решения стали рост добычи золота, скопление больших масс ссыльнопоселенцев на местных приисках, постоянные побеги рабочих с предприятий, а также участившиеся на рубеже 30–40-х гг. XIX в. волнения рабочих (подробнее см.: [7]). В мае 1841 г. вышел царский указ о назначении особого жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых промыслах в Сибири, который находился бы там постоянно во время производства работ по добыче золота. Штаб-офицеру предписывалось состоять в ведении начальника 8-го округа Корпуса жандармов и считаться в числе штаб-офицеров этого округа [3. Т. 16. № 14537. С. 381]. Предполагалось, что жандармский надзор за золотыми промыслами ограничится территорией Западной Сибири, однако правительственные интересы вынуждали распространить этот надзор и на Восточную Сибирь, куда сместился центр золотодобычи всей Российской империи и где трудилась основная масса приискателей. В мае 1842 г., снова посредством царского указа, была учреждена должность жандармского штаб-офицера для осуществления надзора за золотыми промыслами в Восточной Сибири, он также относился

к числу штаб-офицеров 8-го жандармского округа и подчинялся начальнику округа [3. Т. 17. № 15621. С. 360].

Таким образом, количество штаб-офицеров в жандармском округе в Сибири выросло до 9, из них шестеро являлись губернскими жандармскими штаб-офицерами, один занимал должность для особых поручений при начальнике округа, а двое находились на золотых приисках. Однако в это же время произошло сокращение штата округа, а с ним и территориальное уменьшение округа. В начале 1841 г. шеф жандармов Бенкендорф в докладе на имя монарха, указывая на то, что некоторые окружные жандармские начальники «не в состоянии с должной бдительностью наблюдать за действиями штаб-офицеров, находящихся от них на расстоянии 1 500 и даже 2 000 верст», предлагал провести реорганизацию, в частности Оренбургскую губернию вывести из состава 8-го жандармского округа и причислить к 7-му округу, окружная квартира которого находилась в Казани [8. Л. 7, 8]. Царь внял этим доводам и 4 марта 1841 г. Высочайшим указом Оренбургская губерния перечислялась в состав 7-го жандармского округа, где она и находилась в дальнейшем [3. Т. 16, отд. 1-е. № 14316. С. 160].

На этом территориальное сокращение состава 8-го жандармского округа не закончилось. В 1858 г. в еще одном докладе на имя монарха доказывалась целесообразность перевода Пермской губернии из состава 8-го жандармского округа в 7-й округ. Царь и в этот раз согласился с этим предложением и в приказе по Корпусу жандармов № 12 от 8 февраля 1858 г. сообщалось о монаршем повелении «жандармского штаб-офицера Пермской губернии со всеми подведомственными ему чинами причислить от 8-го к 7-му округу Корпуса жандармов» [9. Л. 1, 2].

Исключение Оренбургской и Пермской губерний из состава 8-го жандармского округа выглядело вполне логичным хотя бы уже потому, что территориально они не относились к Сибири, а в административно-правовом отношении считались Великороссийскими губерниями; расположенные на их территориях горнопромышленные предприятия подчинялись не сибирской администрации, а главному начальнику горных заводов Уральского хребта. В составе 8-го округа Корпуса жандармов остались только сибирские территории.

В том же 1858 г. произошла еще одна важная реорганизация. В связи с сокращением числа побегов рабочих и волнений на золотых промыслах в Сибири, а также бесперебойным поступлением добываемого сибирского золота в казну исчезла острая необходимость в наличии жандармских штаб-офицеров на местных золотых промыслах. Поэтому 23 апреля 1858 г. вышел царский указ об упразднении должностей двух штаб-офицеров с их управлениями на золотых приисках в Западной и Восточной Сибири и распределением их функций наблюдения за промыслами между жандармскими штаб-офицерами, находящимися в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях [3. Т. 33, отд. 1-е. № 33049. С. 492]. Тем самым штаб-офицерский состав 8-го жандармского округа теперь исчислялся пятью губернскими офицерами и одним для особых поручений при начальнике округа.

После ликвидации указанных должностей структура жандармского округа в Сибири сохранялась в неизменном виде на протяжении 9 лет, до проведения масштабной реформы всей жандармерии в Российской империи. Распространение народнического движения, совершенное в 1866 г. первое покушение на Александра II заставили власть пойти на ужесточение правительственной политики и реформирование всей системы политической полиции. Одним из важных аспектов этой реформы стала реорганизация Корпуса жандармов по принятому 9 сентября 1867 г. новому положению о корпусе. Согласно этому законодательному акту ликвидировались жандармские округа, кроме трех округов, получивших новые названия – Варшавский, Кавказский и Сибирский жандармские округа (в прежней нумерации 3-й, 6-й и 8-й округа). Вместо канцелярии губернских жандармских штаб-офицеров создавались губернские и уездные жандармские управления (ГЖУ и УЖУ). Полностью были ликвидированы 57 губернских жандармских команд, вместо них сформировали 13 конных жандармских команд, в том числе в Омске и Иркутске. Создавался наблюдательный состав Корпуса жандармов, начальники которого становились помощниками начальников ГЖУ тех губерний, где они располагались.

Территориальные границы Сибирского жандармского округа (СЖО) по сравнению с 8-м округом Корпуса жандармов не претерпели изменений и по-прежнему включали Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, а также город Омск. Однако в штатном расписании управления округа произошли существенные изменения. Если до реформы управление округа насчитывало 28 штатных единиц, то теперь их стало всего 12. К сохранившимся должностям начальника округа (как и ранее в чине генерал-майора или генерал-лейтенанта), состоящих при нем штаб-офицера для особых поручений, адъютанта и секретаря, а также входящих в управление округа старшего адъютанта, аудитора и 4 писарей добавились обер-офицер для особых поручений и сторож. Тем самым ликвидированными оказались должности инвалида и 17 денщиков, причем взамен последних чинам управления округа выдавались деньги на наем прислуги – 96 руб. в год на одного слугу.

Изменения затронули и штатное расписание жандармских управлений в губерниях. Здесь так же, как и в составе СЖО, произошла ликвидация должностей денщиков, и теперь вместо 9 штатных единиц осталось 4: начальник ГЖУ (в чине от майора до генерал-майора включительно), его адъютант (в чине от поручика до капитана включительно) и два писаря. Взамен денщиков также выдавались деньги на наем прислуги.

Штатное расписание Омской и Иркутской жандармских конных команд предусматривало 10 штатных единиц: начальника команды, по одному унтер-офицеру старшего и младшего окладов, троих рядовых старшего оклада и четверых рядовых младшего оклада. Примечательно, что из всех созданных 13 жандармских конных команд только в Омской и Иркутской командах начальниками были адъютанты местных ГЖУ. Еще одной особенностью являлась ликвидация

должности писаря, который отсутствовал также в еще 6 подобных жандармских командах. Взамен денщиков также предусматривалась выдача денег на наем прислуги [3. Т. 42, отд. 2-е. № 44956. С. 73–78, 706–709].

Таким образом, что численность несших в Сибири службу жандармских чинов существенным образом сократилась по сравнению с прежним положением о Корпусе жандармов от 1836 г. Однако со временем численность была выровнена за счет наблюдательного состава расположенных в Сибири губернских жандармских управлений, который начал формироваться сразу же после выхода нового положения о Корпусе жандармов в 1867 г. Так, уже в том же году появились должности помощников начальников Тобольского ГЖУ в Тюменском округе (местопребывание квартиры помощника располагалось в Тюмени), Томского ГЖУ в Барнаульском округе (квартира в Барнауле), Енисейского ГЖУ в Красноярском уезде (квартира в Красноярске) и Иркутского ГЖУ в Иркутском округе (квартира в Иркутске). В состав каждого наблюдательного пункта входили 1 офицер и 6 унтер-офицеров. В 1868 г. штаб-квартиры наблюдательных пунктов были перемещены: в Барнаульском уезде Томской губернии – в Мариинский округ (квартира в Мариинске), в Красноярском уезде Енисейской губернии – в Енисейский уезд (квартира в Енисейске) и в Иркутском округе Иркутской губернии – в Балаганский округ (квартира в Балаганске) (Приказы по Корпусу жандармов № 149 от 25 ноября 1867 г.; № 43 от 11 мая 1868 г.; № 54 от 14 июня 1868 г.).

В августе 1870 г. наблюдательный состав жандармских управлений был переименован в дополнительный штат губернских жандармских управлений с сохранением прежних выполняемых ими функций [Там же. Т. 45, отд. 2-е. № 48666. С. 217]. В 70–90-е гг. XIX в. количество наблюдательных пунктов сибирских ГЖУ и численность служащих в них жандармских чинов постоянно увеличивались, что было связано в первую очередь с ростом числа ссылаемых в Сибирь государственных преступников, за которыми требовался надзор со стороны жандармского ведомства. На конец 1879 г. в составе СЖО располагалось 9 наблюдательных пунктов (по два в Томском, Енисейском и Иркутском ГЖУ и три в Тобольском ГЖУ), где в общей сложности состояло 66 жандармских чина (9 помощников начальников ГЖУ и 57 унтер-офицеров), также при пяти ГЖУ в Сибири состояли еще 57 унтер-офицеров. Тем самым дополнительный штат ГЖУ в Сибири насчитывал 123 жандармских чина вместе с помощниками начальников ГЖУ [10. С. 74–77].

Со временем дополнительный штат ГЖУ в Сибири хоть и увеличивался, но незначительно. Самое большое количество его чинов наблюдалось в 1880-х гг., когда на Карийских золотых приисках (Забайкальская область) был учрежден жандармский надзор за находящимися там государственными преступниками и дополнительный штат Иркутского ГЖУ получил усиление на 21 жандармского чина для создания жандармского пункта на Каре. После ликвидации этого пункта в 1890 г. общая численность чинов дополнительного штата сибирских ГЖУ сократилась, но было увеличено на ряде жандармских пунктов. Так, по состоянию на май 1893 г. насчитывалось, как и ранее, 9 жандармских пунктов с общей численностью в 133 жандармских чина [11. С. 56–58]. По-прежнему отсутствовал наблюдательный пункт при жандармском управлении г. Омска по причине отсутствия в этом регионе большого количества ссыльных, наблюдение за которыми считалось первостепенной задачей чинов дополнительного штата ГЖУ в Сибири.

В то же самое время произошло важное событие в истории огромного сибирского региона, которое привело к увеличению числа жандармских чинов в Сибири. Речь идет о начавшемся в 1891 г. строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, протянувшейся от Урала до Тихого океана и по праву считающейся самой длинной железной дорогой в мире. Жандармские управления на железных дорогах стали создаваться с появлением в России этого нового вида транспорта. В 1844 г. для обеспечения порядка на строительстве Николаевской железной дороги (Москва–Санкт-Петербург) были учреждены полицейское управление и при нем жандармский эскадрон численностью в 10 жандармских офицеров, 2 гражданских чиновника и 166 жандармских нижних чинов [3. Т. 31, отд. 1. № 30046. С. 24]. Дальнейшее развитие железнодорожной сети в Российской империи привело к учреждению жандармско-полицейского надзора на каждой крупной железной дороге. С декабря 1866 г. такой надзор стал официально именоваться «жандармские полицейские управления железных дорог» (ЖПУ ЖД) [Там же. Т. 41, отд. 2-е. № 44071. С. 532]. По положению о Корпусе жандармов 1867 г. все существующие к тому времени ЖПУ ЖД входили в состав Корпуса и подчинялись Шефу жандармов.

Не имевший аналогов в отечественной истории, такой масштабный проект, как строительство Транссибирской магистрали, и то значение, которое государство отводило ей, не могли не привести к учреждению жандармско-полицейского надзора на этой дороге. Огромная протяженность магистрали вынуждала формировать жандармские полицейские управления на отдельных участках железной дороги. При этом учитывались особенности прокладки Транссиба, строившегося с 1891 г. одновременно с Дальнего Востока и Урала. Первоначально было сформировано жандармское полицейское управление на Дальнем Востоке – 23 марта 1893 г. согласно решению Военного совета учреждается ЖПУ Уссурийской железной дороги на строящемся участке железной дороги от Владивостока до Хабаровска со штаб-квартирой во Владивостоке. По штатному расписанию в состав этого ЖПУ должно было войти 38 жандармских чинов: начальник управления (в чине полковника или генерал-майора), его адъютант, начальник отделения, 2 вахмистра, 31 унтер-офицер и 2 писаря [12. Т. 13. № 9446. С. 133; Штаты и табели. С. 137].

20 июня 1893 г. Комитет Сибирский железной дороги на строящихся участках железной дороги между Челябинском и Красноярском утвердил положение временного Омского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (ЖПУ СЖД)

со штаб-квартирой в Омске и следующим временным штатом: начальник управления (полковник или генерал-майор) – 1, адъютант – 1, начальники отделений – 8, вахмистры – 8, унтер-офицеры – 110, писари – 2, всего – 130 чел. [12. Т. 13. № 9818. С. 505; Штаты и табели. С. 210]. Одновременно решался и кадровый вопрос, связанный с назначением жандармских чинов на открывшиеся новые должности, и уже 29 июля того же года первым начальником этого ЖПУ был назначен подполковник Дмитрий Ефимович Кирсанов (с 1894 г. – полковник), пробывший в указанной должности по февраль 1898 г. [13. С. 31].

По мере строительства новых участков Транссибирской железнодорожной магистрали на них вводился жандармский полицейский надзор. Так, в мае 1894 г. к штату Омского ЖПУ СЖД для осуществления надзора на участке Красноярск–Иркутск были добавлены 5 начальников отделений, 5 вахмистров и 55 унтер-офицеров [12. Т. 14. № 10616. С. 258]. В декабре 1895 г. произошло увеличение штата этого же ЖПУ на 6 унтер-офицеров для осуществления ими надзора на железнодорожной ветви от Томска до Транссиба [Там же. Т. 15. № 12222. С. 691]. В январе 1899 г. было образовано новое ЖПУ на строящемся участке Забайкальской железной дороги, получившее наименование Временного Забайкальского ЖПУ СЖД со штаб-квартирой в Иркутске и включавшее в свой состав начальника управления, его адъютанта, 6 начальников отделений, 6 вахмистров, 86 унтер-офицеров и 2 писарей, всего 102 чина [Там же. Т. 19, отд. 1-е. № 16411. С. 51; Штаты и табели. С. 30].

Увеличение жандармского надзора за строящимся Транссибом приводила к расширению штатного расписания существовавших жандармских полицейских управлений. К штату ЖПУ Уссурийской железной дороги в 1894 г. были добавлены 3 начальника отделения, 2 вахмистра и 28 унтер-офицеров, а в 1900 г. – еще 8 унтер-офицеров [Там же. Т. 14. № 10752. С. 395–396; Т. 20, отд. 1-е. № 18609. С. 498]. Омское ЖПУ СЖД получило усиление личного состава также дважды: в 1897 г. – на 6 унтер-офицеров, а в 1899 г. – на 60 унтер-офицеров [Там же. Т. 17. № 13832. С. 101; Т. 19, отд. 1-е. № 16411. С. 52]. Забайкальское ЖПУ СЖД в декабре 1900 г. было увеличено на 4 унтер-офицера, а в следующем году – на 1 начальника отделения, 1 вахмистра и 17 унтер-офицеров [Там же. Т. 20, отд. 1-е. № 19318. С. 1077–1078; Т. 22, отд. 1-е. № 20651а. С. 32].

В связи с завершением строительства двух крупных участков Транссиба – Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железных дорог – с 1 января 1900 г. они были объединены в одну железную дорогу с общим наименованием «Сибирская железная дорога» [Там же. Т. 19, отд. 1-е. № 17892. С. 1241]. Это объединение привело к реорганизации жандармского управления – в июле 1900 г. Временное Омское ЖПУ СЖД было переименовано в ЖПУ Сибирской железной дороги с перемещением штаб-квартиры из Омска в Томск [Там же. Т. 20, отд. 1-е. № 19046. С. 930].

Сформированные в Сибири ЖПУ железных дорог первоначально подчинялись начальнику Штаба Отдельного корпуса жандармов, что, конечно же, ложилось на него дополнительным бременем, учитывая его и без того сильную загруженность работой. Логичнее выглядело переподчинение этих жандармских формирований местному, сибирскому, жандармскому начальству. В январе 1898 г. был составлен Всеподданнейший доклад, где Шеф жандармов министр внутренних дел И.Л. Горемыкин признавал необходимым существующие Омское и Уссурийское ЖПУ СЖД, а также сформированные с дальнейшей постройкой новые ЖПУ подчинить начальнику СЖО на правах начальника дивизии, как в свое время Варшавское ЖПУ железных дорог находилось в подчинении начальника Варшавского жандармского округа [14. Л. 2]. На это предложение тогда же, в январе 1898 г., последовала положительная царская резолюция, и СЖО получил существенное увеличение своего штата за счет жандармских чинов, осуществлявших надзор за самой протяженной железной дорогой в мире.

В то же самое время в составе жандармского округа в Сибири произошло еще одно структурное расширение. Увеличение внимания к Дальнему Востоку в конце XIX в., отразившееся в активной колонизации этого региона, не могло не привести к идее установления здесь жандармского надзора, до этого момента отсутствовавшего. Управление СЖО неоднократно обращалось к своему начальству с вопросом об учреждении постоянного жандармского надзора на дальневосточной окраине империи. Еще в 1889 г. первый генерал-губернатор Приамурья генерал-адъютант барон А.Н. Корф перед военным начальством поднимал вопрос об учреждении во Владивостоке жандармской крепостной команды, однако получил отказ по причине отсутствия в управляемом им регионе жандармских управлений, которым эта команда могла бы быть подчинена. Однако через несколько лет после этого обращения, как было указано выше, было сформировано ЖПУ Уссурийской железной дороги с центром управления во Владивостоке, что позволило снова реанимировать идею об учреждении областных жандармских управлений для Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Первым шагом по реализации данной идеи стало принятие Военным советом в сентябре 1895 г. решения о сформировании к 1 января 1896 г. Владивостокской крепостной жандармской команды, отнесенной по штату существующих крепостных жандармских команд к 3-му классу (в составе начальника, вахмистра и 10 унтер-офицеров) с временным ее подчинением начальнику ЖПУ Уссурийской ЖД до учреждения областного жандармского управления Приморской области [15. Л. 2–6]. Следует подчеркнуть, что такой «временный» порядок подчинения просуществовал до момента ликвидации жандармерии в марте 1917 г. (подробнее см.: [16. С. 62]).

К важным изменениям в структуре СЖО можно отнести и перемещения штаб-квартиры округа. С 1839 г. управление жандармского округа размещалось в Омске, где находилась резиденция генерал-губернатора Западной Сибири. С упразднением в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства Омск поменял свой статус на административный центр Степного ге-

нерал-губернаторства, куда вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области, где жандармский надзор в то время отсутствовал. Тем самым для более эффективного управления СЖО возникла необходимость переместить его штаб-квартиру. Самым подходящим местом для этого представлялся Томск, крупный губернский центр, стоявший на Московско-сибирском тракте и к тому же находящийся ближе, чем Омск, к Восточной Сибири. В феврале 1886 г. последовала царская резолюцию о перемещении штаб-квартиры СЖО из Омска в Томск (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 22 от 14 марта 1886 г.). Однако Томск не стал последним местопребыванием управления СЖО. Рост значения в правительственной политике Восточной Сибири и Дальнего Востока, строительство Транссиба заставили вновь перевести штаб-квартиру СЖО далее на восток. В июне 1895 г. последовало решение о перемещении штаб-квартиры округа из Томска в Иркутск (Циркуляр Главного штаба № 223 за 1895 г.). Таким образом, управление жандармского округа в Сибири побывало во всех местных губернских центрах, кроме Красноярска.

Вместе с тем необходимо отметить, что реорганизация структуры СЖО была связана не только с увеличением жандармских частей и чинов за Уралом, также происходили сокращение различных управлений и ликвидация отдельных должностей. Как указано выше, Положение о Корпусе жандармов 1867 г. существенным образом реформировало структуру российской жандармерии, упразднив ряд штатных единиц, как, например, 57 губернских жандармских команд, вместо которых было создано 13 конных жандармских команд, размещенных в различных городах империи и исполнявших обязанности исполнительной полиции в местах своего размещения. В числе этих команд были Омская и Иркутская с численностью по 10 чинов каждая. Необходимость учреждения в различных местностях дополнительных наблюдательных жандармских пунктов, а также установления жандармского надзора за быстро развивающейся железнодорожной сетью вынуждало власть идти на ликвидацию жандармских конных команд. В 1869 г. состоялось упразднение Кронштадтской конной жандармской команды, взамен которой в Кронштадте был сформирован наблюдательный пункт, а в следующем году произошло упразднение Ставропольской конной жандармской команды [3. Т. 44, отд. 1-е. № 47321. С. 872; Т. 45, отд. 2-е. № 48608. С. 159]. В приказе по военному ведомству № 132 от 1 мая 1874 г. было объявлено об упразднении Омской и Иркутской конных городских жандармских команд. Предлагалось строевых командных лошадей продать, а вырученные за них деньги обратить по распоряжению жандармского начальства на улучшение прочих частей Корпуса жандармов, образные суммы и дела команд передать в местные ГЖУ. Нижних чинов, выслуживших срок на увольнение во временный отпуск, следовало уволить в этот отпуск, остальных же передать губернским воинским начальникам для зачисления в различные войска. Ассигнуемые на содержание этих команд деньги в размере 3 500 руб. в год переходили в безотчетное распоряжение Шефа жандармов на выдачу добавочных окладов лучшим унтер-офицерам корпуса (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 45 от 11 мая 1874 г.). Начальник СЖО доложил в Штаб Корпуса жандармов, что Омская жандармская команда была упразднена 24 июля, а Иркутская – 20 августа 1874 г. [17. Л. 4].

Ликвидировались и должности в штатном расписании управления СЖО по мере выявления в них ненадобности и необходимости сокращения расходов на их содержание. Первой ликвидированной должностью стала ставка сторожа, упраздненная в октябре 1871 г. и замененная выдачей управлению округа в год 96 руб. на наем сторожа [3. Т. 46, отд. 2-е. № 50001. С. 352]. В октябре 1886 г. последовала ликвидация должности аудитора управления СЖО [12. Т. 6. № 3978. С. 462]. Следующей упразднили в июне 1898 г. должность личного адъютанта при начальнике СЖО, а ассигнуемое ему жалованье пошло на увеличение канцелярских расходов округа с 420 до 1 400 руб. в год, включая в эту сумму и наем служителей канцелярии [Там же. Т. 18, отд. 1-е. № 15481. С. 386]. Если две первые ликвидированные должности можно отнести к разряду вспомогательных в жандармской службе, от которых эффективность жандармского надзора в Сибири не зависела, то упразднение должности личного адъютанта при начальнике СЖО можно объяснить частой ее вакантностью: анализ приказов по Отдельному корпусу жандармов (ОКЖ) показал, что указанная должность не была занятой с 1863 по 1871, с 1873 по 1888 и с 1892 по 1896 г.

В начале XX в. назрел вопрос о ликвидации самого Сибирского жандармского округа. К тому времени СЖО оставался единственным округом в составе Корпуса жандармов. Еще в 1870 г. было упразднено управление Кавказского жандармского округа при сохранении на Кавказе всех жандармских частей, ранее входивших в состав округа [3. Т. 45, отд. 2-е. № 48608. С. 159]. В 1896 г. таким же образом поступили с Варшавским жандармским округом – сохранив все жандармские части в Польше и переподчинив их начальнику Штаба ОКЖ, а также учредив должность помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части со своей канцелярией, допустив замещение положенных в ней классных должностей офицерами ОКЖ (Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 59 от 30 июля 1896 г.). Тем самым наличие единственного жандармского округа, Сибирского, в структуре российской жандармерии являлось неким анахронизмом. Острой необходимости в существовании округа в системе политической полиции Российской империи не ощущалось, деятельность жандармских частей в разных регионах демонстрировала, что они не нуждаются в окружном начальстве, напрямую подчиняясь Штабу ОКЖ. Завершение строительства в начале XX в. Транссибирской магистрали позволяло руководству корпуса обходиться без окружного начальства для направления деятельности жандармских управлений в Сибири и надзора за ними. Вопрос экономии средств, в которых остро нуждались органы политического сыска, также являлся аргументом в

пользу ликвидации СЖО и увеличения штатов жандармских управлений в Сибири для усиления с их стороны борьбы с революционным движением и надзора за политическим ссыльными в регионе.

20 июня 1902 г. вышел царский манифест о ликвидации Сибирского жандармского округа. Согласно этому законодательному акту управление округа упразднялось, входящие в состав округа ГЖУ подчинялись Главному Управлению ОКЖ, а ЖПУ Сибирской, Забайкальской и Уссурийской железных дорог – начальнику Штаба ОКЖ. Начальник округа (на тот момент генерал-майор С.А. Демидов) оставался за штатом, состоящих при нем штаб-офицера для особых поручений и старшего адъютанта управления следовало определить на другие должности в составе ОКЖ, а писарей распределить по жандармским управлениям в Сибири. Полученные за счет упразднения СЖО деньги (19 225 руб. в год) шли на обеспечение добавленных к дополнительному штату ГЖУ 6 помощников начальников управлений, содержание которых обошлось в сумму 19 152 руб. 28 коп., тем самым от упразднения управления СЖО казна получала сбережения 72 руб. 72 коп. [12. Т. 22, отд. 1-е. № 21739. С. 667]. С упразднением СЖО жандармский надзор в Сибири не был прекращен, наоборот, жандармские управления получали увеличение своих штатов и просуществовали до начала 1917 г., когда жандармерия полностью была ликвидирована на территории всей Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 14 (41). С. 25–34.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1–45.
3. ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. Т. 1–55.
4. Романов В.В. История разработки «Положения о Корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г. // История государства и права. 2005. № 8. С. 6–8.
5. Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М. : Три квадрата, 2009. 407 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 749.
7. Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24. DOI: 10.17223/19988613/41/3.
8. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 909.
9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 1909.
10. Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправленное по 1 декабря 1879 г. СПб., 1879.
11. Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправленное на 20 мая 1893 г. СПб., 1893.
12. ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1885–1916. Т. 1–33.
13. Померлян А.Н., Санин В.Е. Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893–1917 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 2 (22). С. 27–32.
14. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2464.
15. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2329.
16. Качкин А.Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 61–65.
17. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4533.

Peter P. Rumyantsev, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru

THE GENDARME DISTRICT IN SIBERIA: SYSTEM OF ORGANIZATION AND TRANSFORMATION

Keywords: XIX century; Siberia; Siberian gendarmes district; gendarmes Corps; political police; supervision.

The purpose of the article is to study the process of formation and the changes that took place in the structure of the gendarme district in Siberia throughout its existence. To achieve this goal, the following tasks are to be solved: 1) to determine the circumstances of the establishment of the gendarme district in Siberia; 2) to analyze the changes in the structure of the district; 3) to identify the reasons for these changes; 4) to try to define the reasons for the liquidation of the Siberian gendarme district. The main sources of this research were legislative acts of the central Russian government, orders for the Gendarme Corps, as well as archival materials, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The main method used is comparative historical analysis.

During the research, the author came to the following conclusions. The establishment of a gendarme district in Siberia took place in 1833 for two reasons: firstly, the territory of Siberia had not yet been covered by gendarme surveillance, like the European part of the country, where by that time six gendarme districts were already functioning. Secondly, the creation of a gendarme district was supposed to solve the problem of overseeing state criminals in Siberia, whose number was constantly increasing. Throughout the existence of the gendarme district in Siberia, its structure has repeatedly changed, the reasons for this were the changes taking place in the political police system of the Russian Empire, and also the need to enhance efficiency of the management system of this gendarme district, which was the largest among all similar districts. By the beginning of the 20 century the Siberian gendarme district remained the only one in the structure of the Special Gendarme Corps, all other districts had already been liquidated. The leadership of the political police came to the conclusion that there was no urgent need for the existence of the district and that the gendarme units located in Siberia can be controlled directly, without the district administration, thanks to the construction of the Trans-Siberian railway, which contributed to the integration of the Siberian region into the general imperial socio-economic space. In addition, the liquidation of the last gendarme district made it possible to save money that could be used to finance other gendarme units. In 1902, the Siberian gendarme district was liquidated, but at the same time, gendarme units in Siberia remained, and the number of their employees increased all the time until the liquidation of the gendarmerie in 1917.

REFERENCES

1. Konovalov, I.A. (2014) Sibirskiy zhandarmskiy okrug: struktura, polnomochiya i deyatel'nost' [Siberian gendarme district: structure, powers and activities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. 14(41). pp. 25–34.
2. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1–45. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.

3. Russia. (1830–1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1–55. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
4. Romanov, V.V. (2005) Istoriya razrabotki "Polozheniya o Korpuse zhandarmov" ot 1 iyulya 1836 g. [The history of the development of the "Regulations on the Gendarme Corps" of July 1, 1836]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 8. pp. 6–8.
5. Bibikov. G.N. (2009) *A.Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A.Kh. Benckendorff and the policy of Emperor Nicholas I]. Moscow: Tri kvadrata.
6. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 749.
7. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 909.
9. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 1909.
10. Russia. (1879) *Raspisanie chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov, ispravlennoe po 1 dekabrya 1879 g.* [Ranks of the Separate Corps of Gendarmes, revised up to December 1, 1879]. St. Petersburg: [s.n.].
11. Russia. (18939) *Raspisanie chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov, ispravlennoe na 20 maya 1893 g.* [Ranks of the Separate Corps of Gendarmes, revised for May 20, 1893]. St. Petersburg: [s.n.].
12. Russia. (1885–1916) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1–33. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
13. Pomerlyan, A.N. & Sanin, V.E. (2018) Leadership of the gendarmerie police department Siberian railway (1893–1917). *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 2(22). pp. 27–32. (In Russian).
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 2464.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 2329.
16. Kachkin, A.N. (2013) Formation of the Vladivostok Fortress Gendarme Command. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 1. pp. 61–65. (In Russian).
17. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 4533.

УДК 94(470)322.2
DOI: 10.17223/19988613/67/7

Л.И. Сосковец

1948 ГОД В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СССР

На основе анализа ранее не опубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории рассматривается вопрос о причинах и характере изменений, которые происходили в конфессиональной политике советского государства к концу 1940-х гг. Эти изменения означали окончательное свертывание так называемого «сталинского поворота к церкви», имевшего место в годы Великой Отечественной войны, а также значительное ухудшение возможностей для легального существования религиозных организаций в стране.

Ключевые слова: конфессиональная политика; религиозные организации; уполномоченный; верующие; уполномоченные.

Интерес к 1948 г. у исследователей, занимающихся изучением политики советского государства по отношению к религии, церкви, верующим и положения последних в социалистическом обществе, вполне закономерен. Этот год стал своеобразным рубежом, завершавшим период довольно необычного курса советского руководства относительно религиозных объединений, начавшегося в период Великой Отечественной войны, и возвращавшим обычные антирелигиозные и антицерковные практики большевистского государства.

Целью представленного сочинения является поиск в ходе анализа мероприятий государства и его уполномоченных органов – Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам религиозных культов (СДРК), проводившихся в это время, подтверждение и причины того, что так называемый «сталинский поворот к церкви» закончился, так и не став реальным изменением отношения партии и государства к религиозным организациям, церковным институциям и практикам.

Общеизвестно, что ситуация военного времени вынудила государство прекратить масштабные гонения на религию и верующих, которые оно массивно и жестко осуществляло в 1920–1930-е гг. По всем проявлениям религиозности, церковности, веры был нанесен колоссальный удар, который привел к почти полному исчезновению из легальности всех проявлений религиозной жизни в стране. Но религиозная вера и потребность в культовых практиках не исчезли, они просто ушли в подполье. Нелегальная жизнь при всех сложностях была разнообразной: приходские общины, домашние монастыри, школы по религиозному воспитанию и обучению, благотворительные акции, паломничества к ликвидированным церквам и монашеским обителям, «святым местам». А с началом войны и вовсе стало наблюдаться небывалое оживление самых разных сторон религиозной и церковной жизни. Государство воинствующего атеизма не могла не беспокоить такая ситуация.

Исследователи называют несколько причин, по которым сталинское руководство решило не только ослабить натиск на религиозные организации, но и предоставить им некоторые возможности для возрождения и жизнедеятельности, выделяя среди них как внешнеполитические, так и внутриполитические факторы. К внешнеполитическим относят: необходимость создать у союзников по антигитлеровской коалиции имидж страны, в которой реализуется свобода совести; использование церквей и религиозных организаций, существовавших в СССР, для расширения контактов с населением тех стран, в решении политической судьбы которых СССР планировал участвовать после войны. Так, Русской православной церкви отводилась роль негласного лидера среди православных автокефальных церквей Восточной и Южной Европы. Предусматривалось ее участие в экуменическом движении. Правильное решение по верующим-католикам было необходимо по этой же причине, а также в связи с тем, что в состав Советского Союза не совсем добровольно вошли территории с католическим населением. По отношению к лютеранам этот фактор тоже был значимым.

Среди внутриполитических причин отметим следующие. Надо было адекватно ответить на политику оккупационных властей, которые, исходя опять же из своих интересов, разрешали возобновлять на занятых ими советских территориях деятельность религиозных организаций, запрещенных в свое время советской властью. Патриотическая позиция большинства верующих, представителей духовенства, реально проявлявшаяся ими на фронте и в тылу, также подталкивала правительство к изменениям в сторону либерализации отношения к церквам и религиозным объединениям. Необходимость сплочения общества в тяжелые годы войны тоже повлияла на принятые в 1943 г. решения о восстановлении религиозно-церковной жизни в стране. Ну и, наконец, одной из решающих причин стало стремление властей поставить под контроль многочисленные нелегальные проявления религиозной

активности населения, для которого религиозная вера выступала мощным компенсационным фактором в тяжелейших жизненных условиях войны [1. С. 68–70].

Неожиданное на первый взгляд изменение курса правящего режима имело под собой, как видно, солидные основания. Этот курс получил в исследовательской литературе название «новый», «сталинский поворот». Некоторые видят в нем «коренное изменение» политики в конфессиональном вопросе. С последним вряд ли можно согласиться, поскольку власть не отказывалась от своей цели – уничтожения религии, церкви, веры. Это был тактический ход при неизменности стратегической линии, вполне рациональное решение, из которого планировали извлечь максимальную пользу для политической системы, а не собственно для верующих.

Тем не менее начиная с 1943 г. произошли значительные изменения и в положении религиозных организаций, и в проводимой по отношению к ним политике государства. Правительство приняло ряд постановлений, призванных легализировать церковную жизнь и при этом сохранить государственный контроль над религиозными организациями.

Были восстановлены или созданы руководящие центры большинства церквей – русской православной Московского патриархата, старообрядцев белокриницкого согласия, духовные управления мусульман, Армяно-григорианской церкви, Церкви Адвентистов седьмого дня и др. Произошло объединение и было создано единое руководство протестантских конфессий – евангелистов и баптистов – Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ).

Начался прием заявлений от групп верующих различных исповеданий с просьбой зарегистрировать их объединение, вернуть и открыть молитвенный дом, т.е. официально возобновить их деятельность. Поток таких заявлений оказался для властей ошеломляющим, поэтому изначально для органов, отвечавших за прием и рассмотрение ходатайств верующих, существовала установка: не форсировать выдачу разрешений по всем заявлениям. Но все же с 1943–1944 гг. отдельные церкви и молитвенные дома разрешенных к существованию конфессий вновь начали свою жизнедеятельность.

Заметим попутно, что ряд вероисповеданий политика либерализации никак не затронула: они остались запрещенными либо как очевидно антисоветские организации, либо как «изуверские», наносящие вред здоровью своих членов. К таким объединениям относились иннокентьевцы, краснодраконовцы, истинно-православные христиане, истинно-православная церковь, истинно-православные христиане странствующие, Свидетели Иеговы, адвентисты-реформисты, а также скопцы, хлысты, трясуны, пятидесятники.

К 1948 г. работа по взаимодействию государства и религиозных организаций, по всестороннему контролю за деятельностью последних осуществлялась в рамках уже устоявшейся к этому времени системы. Действовали Совет по делам Русской православной церкви (создан в 1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944), а также их уполномоченные на местах. Уполномоченные содержались за счет на местного (республиканского, краевого, областного) бюджета и административно подчинялись советским органам на местах. В оперативном отношении их работой руководили СПРПЦ и СДРК. Первоначально существовали проблемы с формированием штата уполномоченных, но впоследствии они были в основном сняты. Так, в 1948 г. Совет по делам РПЦ имел в своем управлении 105 уполномоченных, больше половины из них были в возрасте старше 50 лет. При этом с высшим образованием среди них было всего 18 человек, а с незаконченным средним и низшим – больше половины. Можно предполагать, каким уровнем познаний в области религиозно-церковных дел обладали эти работники. Но зато у большинства из них был длительный партстаж: 65 человек до назначения на должность уполномоченного находились на партийной или советской работе, а каждый пятый до этого служил в органах МГБ–МВД [2. Л. 57]. Неслучайно поэтому председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов (сам бывший чекист), анализируя состав уполномоченных, отмечал, что он (состав) «в политическом и деловом отношении в основном удовлетворительный и соответствует занимаемой должности» [Там же. Л. 58]. Но, конечно, встречались и такие, чья работа или поведение не удовлетворяли Совет. Основной объем работы у уполномоченных в 1940-е гг., как уже отмечено, был связан с рассмотрением вопроса о возвращении и открытии храмов и регистрацией религиозных объединений.

Порядок выдачи разрешений на открытие церквей и молитвенных домов и их регистрации был определен еще в конце 1943 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров. Этот документ отводил решающую роль в вопросах открытия областным и краевым исполнительным комитетам и советам министров союзных республик. Те на свое усмотрение, когда находили нужным и возможным, могли удовлетворить или отклонить ходатайства верующих. Совет получал с мест пакеты соответствующих документов и, не подвергая пересмотру отклоненные облисполкомами ходатайства, выносил соответствующее решение и представлял его на утверждение в СНК. Правда, в дополнение к постановлению от 28 ноября 1943 г. № 1325, по которому до этого решались вопросы разрешений и отклонений ходатайств, 1 декабря 1944 г. СНК СССР вынес еще одно постановление «О православных церквах и молитвенных домах». В п. 3 данного постановления Совету по делам Русской православной церкви при Совнаркоме позволялось, вопреки отрицательному решению облисполкомов, в двух случаях удовлетворять ходатайства верующих об открытии храма. Первым случаем выступало отсутствие в данном районе или городе уже действовавшей церкви. Вторым условием было значительное расстояние между открытым храмом и местом жительства заявителей [Там же. Л. 85].

По данным Совета по делам РПЦ, за 1944–1945 гг. в его адрес и в адрес его уполномоченных на местах поступило 20 689 ходатайств об открытии 4 998 церквей и молитвенных домов. Иначе говоря, в среднем на открытие одной церкви подавалось более 4 прошений.

Кроме письменных заявлений и просьб, Совет и уполномоченные за период 1944–1947 гг. приняли 24 607 посетителей все по тому же вопросу: дать разрешение на возобновление деятельности православного храма. То есть чаще всего верующие не надеялись, что их письменное ходатайство найдет ожидаемый ими отклик, и стремились зафиксировать свое прошение через личную встречу с теми, от кого во многом зависело, как будет решен их вопрос.

За эти же годы на местах, т.е. в советах министров республик, край- и облисполкомах, было рассмотрено 20 143 ходатайства. При этом 75,7% из них были отклонены, и только 22,3% заявлений получили положительную резолюцию властей. Иначе говоря, было открыто по этим заявлениям только 1 270 церквей, а 4 418 храмов так и не были возвращены православным верующим.

Показателен факт динамики подачи ходатайств по годам. Если в 1944 г. верующие подали 6 627 заявлений, то в 1947 г. эта цифра уменьшилось почти вдвое, и не потому что все предыдущие просьбы были удовлетворены, а потому что инициаторы уже потеряли всякую надежду на открытие церквей. Тем не менее за первый квартал 1948 г. в Совет пришло 702 ходатайства об открытии 583 церквей и молитвенных домов. При этом на 155 церквей заявления поступили впервые с начала кампании по возобновлению деятельности приходов. Число же ходатаев, приезжавших в Совет и обратившихся к местным уполномоченным за 3 месяца 1948 г., было даже больше, чем письменных обращений – 883 человека [2. Л. 84]. Некоторые просители приходили к местным уполномоченным до 100 раз.

Примечательно и то, что подавляющее число ходатаев (более 95 %) просили об открытии церквей на территории РФ. По-видимому, это связано с тем, что на территории Украины и Белоруссии часть приходов возобновили свою деятельность еще в период Великой Отечественной войны. В свою очередь, наиболее активными были верующие Рязанской, Московской, Воронежской, Горьковской и Ивановской областей [2. Л.85].

Мотивы для отказа облисполкомами и республиканскими советами министров были самыми разнообразными, но в основном сводились к следующим:

1) в районе уже имеется действующая церковь, где верующие вполне могут удовлетворять свои религиозные потребности;

2) помещение церкви переоборудовано и используется под хозяйственные и прочие нужды;

3) здание храма невозможно восстановить, поскольку оно по разным причинам было сильно разрушено.

Но наиболее частой формулировкой отказа было простое словосочетание «ввиду нецелесообразности» [Там же. Л. 94].

Таким образом, очевидно, что период так называемого поворота Сталина к Русской православной церкви подошел к концу, продлившись всего четыре года. Это поняли и верующие, хотя часть из них не оставляла попыток добиться результата. Совет по делам РПЦ пребывал в некотором смущении. Дело в том, что к означенному времени большая часть обращений была по поводу возврата тех церквей, по которым в свое время не было принято решений; они стояли пустыми и даже сохранили часть церковного убранства и богослужебного имущества. Более того, даже ключи от закрытых храмов находились у верующих. Иначе говоря, очевидных аргументов для отказа верующим в данном случае не было. Среди означенной группы ходатаев преобладали лица преклонного возраста, которые регулярно совершали религиозные службы на дому. Чтобы смягчить для себя ситуации, местные власти настойчиво искали среди активистов-просителей тех, кто, по их мнению, добивался открытия церкви по своекорыстным интересам, рассчитывая в последующем «занять доходное место у церковного ящика» [Там же. Л. 93]. В таких случаях отказ было легче сформулировать.

В целом к 1948 г. Совет по делам РПЦ оказался в затруднительном положении: как действовать дальше, как «в данный момент относиться к ходатайствам верующих об открытии церквей?» [Там же. Л. 84].

В таких условиях Совет по делам РПЦ посредством письма его председателя Г. Карпова обратился в Совет министров СССР с предложением, что «в данный момент было бы неправильным отклонять все ходатайства верующих». Правда, причиной для такого предложения стало не желание пойти навстречу этим самым верующим, а опасение, что «будет расти нелегальное отправление религиозных обрядов и служб, которые совершаются чаще всего разными темными и антисоветскими лицами» [Там же. Л. 94]. Более того, как полагал Совет, они будут настраивать верующую часть населения против советской власти, используя тот факт, что молиться приходиться тайно и по домам, в то время как здание церкви находится в пригодном для службы состоянии, а власти без всяких причин не передают его общине. Все это в совокупности, подчеркивал Г. Карпов, может привести к усилению религиозности, а не ослабить ее. Исходя из этого, Совет сформулировал для правительства предложение, что открытие в данный момент некоторого количества церквей (не в таком, конечно, масштабе, как раньше) будет наименьшим злом для государства. Почему меньшим? Да потому, что церкви разрешат открывать на определенных условиях, и в любое время можно будет проверить, как они выполняются. Кроме данного довода в пользу дачи разрешений на открытие церквей Совет приводил и еще одно: слишком часто религиозные обряды проводились незарегистрированными служителями культа, а то и «разного рода примазавшимися проходимцами». Поэтому Совет полагал, что, помимо ужесточения контроля за деятельностью незарегистрированных попов со стороны МВД и МГБ, официальное открытие церквей сделает подконтрольной и деятельность тех, кто несет в них службы. Казалось, столь убедительные и логичные доводы Совета по делам РПЦ должны были найти подобающую реакцию в Совете министров, который дал бы соответствующие указания местным властям. Но хорошо известно, что никакого роста числа открытых православных храмов ни в 1948, ни в последующие годы не было. Наоборот, начался процесс пока не массового и не повсеместно-

го, но снятия с регистрации тех приходов, которые возобновили свою деятельность в 1943–1946 гг.

Параллельно с сокращением, а затем и прекращением выдачи разрешений на открытие церквей к концу 1940-х гг. участились случаи слома, разборки или капитального переоборудования зданий сохранившихся храмов. Правда, такая превентивная работа местных властей являлась нарушением Постановления СНК СССР от 1 декабря 1944 г., которым запрещалось производить слом или переоборудование молитвенных зданий без специального разрешения Совета. Но власти на местах самостоятельно принимали такие решения. Понятно, что это делалось как раз для того, чтобы в причинах отказа верующим можно было написать, что здание переоборудовано или не сохранилось. Так, например, верующие г. Салаир в Кемеровской области начиная с 1944 г. ходатайствовали об открытии (возвращении) церкви, подали во властные инстанции 11 заявлений. Но вместо удовлетворения просьбы Гурьевский горисполком в июне 1946 г. дал разрешение Салаирскому прииску на переоборудование помещения храма под клуб. В конце 1947 г. стали производиться работы по снятию куполов и крестов со здания. Верующие устраивали пикеты, но разрушительные действия продолжались, пока Совет по делам РПЦ не дал указание прекратить переоборудование [2. Л. 96]. А вот в селе Сергеевка Анжеро-Судженского района этой же области местные власти в лице председателя сельсовета и местного избача самовольно приступили к переоборудованию церковного здания, дабы верующим нельзя было ссылаться на наличие такового и требовать возобновления в нем религиозных служб. И вновь верующие выступили с протестом. Тогда сельсоветчик и заведующий избой-читальней стали их оскорблять, а заведующий ссыпным пунктом демонстративно схватил топор и начал колоть на мелкие части находившиеся в церкви иконы [Там же. Л. 99]. Из приведенных примеров становится очевидным, что власти на местах верно уловили суть «сталинского поворота» к церкви, понимая, что это временная мера и долго длиться заигрывание с церковью не будет, и в меру этого понимания принимали самостоятельные меры по недопущению открытия большого количество церквей.

На это же указывали действия властей, отвечавших за проведение антирелигиозной работы. Так, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов в записке «О недостатках в постановке атеистической пропаганды», отправленной им на имя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Шепилова (1948) мужественно признавался, что атеистическая пропаганда в комсомоле запущена, а ЦК ВЛКСМ и большинство местных комсомольских организаций в течение ряда лет не обсуждали этот вопрос. Комсомольские организации явно недооценивали вред церковного влияния на молодежь, перестали вести атеистическое воспитание. В то же время многочисленные факты свидетельствовали о росте влияния религии на молодежь, представители которой совершают религиозные обряды, посещают церковь или состоят в сектах. Комсомольский вожак пообещал, что комсомол исправится и активизирует антирелигиозный поход [Там же. Л. 124].

Анализируя политику государства в религиозном вопросе в конце 1940-х гг., нельзя не затронуть ее теоретические обоснования, концептуальные подходы, как они виделись в сравнении с 1920–1930-ми гг. Понятно, что в своей основе политика партии и большевистского государства была неизменна и базировалась на постулатах марксизма-ленинизма, объясняющих социальные корни религии и ее сущность, выводящих ее из условий материальной жизни общества. Азбукой марксизма считалась фраза В.И. Ленина о том, что коммунисты «должны бороться с религией». Партия и в 1940-е гг. четко артикулировала положения, что все «современные религии, особенно католическая, играют реакционную роль, а церкви в капиталистических странах ведут ожесточенную борьбу против СССР и стран народной демократии» [3. Л. 35]. Исходя из таких представлений, партия подчеркивала, что не может допустить никакого примирения к религиозным предрассудкам и религиозной идеологии, а всякая недооценка вреда, который приносят религиозные пережитки делу строительства коммунизма, нетерпимы [Там же]. Еще более недопустимыми считались представления о том, что религия в социалистическом обществе может играть хоть какую-то положительную роль.

Значительный интерес для понимания теоретических установок при выработке конфессиональной политики в послевоенный период представляют положения письма заместителя председателя Совета по делам религиозных культов Ю. Садовского, которое он направил в сентябре 1948 г. в адрес того же Д. Шепилова. В нем (письме) автор попытался предстать в статусе не только действующего функционера, но и некоего теоретика, изложив не только свое видение того, как должна строиться работа ведомства с религиозными организациями, но и собственные мысли по поводу религии, веры, церкви вообще.

Начал он свое послание с заявления, что религия и церковь – понятия, немыслимые друг без друга, но далеко не идентичные. Религия – одна из форм идеологии, лишенная, по его мнению и в соответствии с марксистско-ленинским учением, в условиях социализма питающих ее корней и существующая лишь в качестве одного из пережитков в сознании. Это позволяет, посчитал т. Садовский, рассматривать массу верующих лишь в качестве ее (церкви) социального и экономического базиса, который притом колеблется и в «возрастающем темпе разрушается в вероисповедном и ритуальном отношении». Этот базис, или масса верующих, пассивна как никогда ранее, подвергается новаторским влияниям и слабо организована и цементирована [Там же. Л. 131].

В отличие от верующих, – рассуждал далее ответработник Совета по делам религиозных культов, – церковь – это хорошо организованная, спаянная иерархией и дисциплиной корпорация духовенства плюс религиозный актив, не только обслуживающие и организующие массу, но и порождающие стремление к организованному отправлению культов. Современная церковь, «выросшая и расцветшая на гноище религиозных предрассудков и являющаяся атрибутом капиталистического общества, в условиях социалистиче-

ского общества превратилась, во многих отношениях, из плода в питательную среду, подогревая и возбуждая полузабытые стремления» [3. Л. 131]. Эти дремавшие стремления, по мысли автора, были разбужены войной, когда церковь поддерживала и усиливала этот толчок. Теперь (т.е. в 1948 г.) церковь живет лишь инерцией этого пробуждения, всеми силами старается сохранить это движение, которое все-таки, по оценке Ю. Садовского, имеет тенденцию к затуханию. Он предположил, что церковь, отдавая отчет о наступающем спаде религиозных настроений, вполне возможно, в «ближайшем будущем попытается какими-то новыми средствами «выпрямить» ситуацию [Там же. Л. 132].

Обрисовав таким образом современное положение, теоретик из Совета по делам религиозных культов далее яркими аргументами стал доказывать, что у церкви с этим ничего не получится, сколько бы она ни пыталась спрятаться «за ширму “потусторонности”». Тем более что политическая окраска церкви все равно будет проявляться. Потерпев поражение в прошлом в прямом противостоянии с советским государством, церковь теперь не стремится к политическому разрыву с государством. Более того, «она пока лояльна и положительно выполняет свои функции, вытекающие из своего союза с ним» [Там же].

В этом пассаже Ю. Садовского примечательны два момента. Первый – он признает, что церковь, выражая признательность за то, что государство на какое-то время повернулось к ней «лицом», выполняет для него важные задачи. Имелось в виду, скорее всего, формирование положительного внешнего имиджа страны и четко выраженная патриотическая позиция церкви. Второй момент обозначен словом «пока», иначе говоря, автор считал, что такая «положительная» позиция церкви – дело временное и вынужденное. Он далее именно в таком духе и развил свою мысль. «Следует предположить, – продолжал составитель записки, – что по мере освобождения массы от религиозных предрассудков будет сокращаться социально-экономическая база церкви, что вызовет кристаллизацию вокруг нее классово-враждебных элементов» [Там же]. Это-то и ослабит симбиоз церкви с социалистическим государством и даже превратит ее из идеологически противоположной силы в политически враждебную.

Таким образом, через 30 лет советской власти церковь упорно записывали во врага. Но автор верил, что до этого все-таки не дойдет, поскольку верующих скоро совсем не останется, церковь останется ни с кем и ни с чем, а пока она в качестве организатора масс верующих играет положительную роль. В том смысле, что эту организованную массу государству легче контролировать, нежели стихийные группы верующих. Именно для этого церковь пока надо сохранить и в известной степени поддерживать при условии строгого контроля и регулирования. И это означает для государства выбор меньшего из двух зол. Далее Ю. Садовский изложил свое видение, как, в целом пока сохраняя церковь, можно и нужно бороться и с ней, и с религией особенно. Да, нужна наступательная антирелигиозная пропаганда, энергичная, широкая, но при некотором снижении антиклерикального накала. Пропаганда пока должна не столько разрушать церковь, сколько постепенно уничтожать ее базу, т.е. освобождать сознание масс от религиозных предрассудков. Желательно при этом избегать излишних обвинений духовенства и верующих в политической враждебности [Там же. Л. 132].

Помимо теоретических изысканий один из видных антирелигиозников страны предложил в тактическом порядке применять строго конъюнктурно следующие меры.

1. Следует активно пропагандировать наличие свободы совести в стране и, стало быть, свободы отправления культа. Целевая установка такой работы – опровергать клеветнические измышления, широко и крепко бытующие в массах, и показать возможность политического сосуществования двух идеологических систем, борющихся между собой только силой идей.

2. Продолжить разоблачать деятельность реакционного духовенства и политических бизнесменов, прикрывающихся церковью и использующих ее для своих реакционных целей, ничего общего не имеющих с церковью. Целевой установкой данного вида деятельности станет доказательство, что коммунисты не ведут политической борьбы с церковью как таковой, а лишь стремятся обезопасить трудящихся от происков политических дельцов, угрожающих ввергнуть мир в новую войну и бедствия.

3. Популяризировать и поддерживать все прогрессивные проявления, с чьей бы стороны они ни исходили.

4. Вести работу против объединительных тенденций в отдельных конфессиях, по ослаблению авторитета уже сложившихся объединений, внести в них раскол [Там же. Л. 133–135].

Итак, рассмотренный документ позволяет наиболее полно и адекватно получить представление о том, какие взгляды существовали на настоящее и будущее церкви непосредственно у тех людей, кто отвечал за «религиозный вопрос» в стране. При этом следует иметь в виду, что, скорее всего, Ю. Садовский, употребляя термин «церковь», использовал его в широком смысле слова, не только применительно к одной из них, и не только к РПЦ, но объединял под ним все религиозные объединения, имевшиеся в СССР, или по крайней мере те из них, чье существование было легально разрешено. Очевидны полное недоверие к искренности церкви, уверенность в ее вынужденном приспособлении к новым реалиям. Церковь в СССР обречена, у нее нет никаких шансов сохраниться, так как под воздействием социалистических преобразований и усиленной воспитательной работы верующие перестанут нуждаться в религиозно-церковной помощи. Но пока у церкви есть приверженцы, надо с максимальной выгодой для государства использовать ее.

Такие настроения были в целом характерны для партийно-советского руководства этого периода. Об этом свидетельствует и пометка на письме Ю. Садовского, сделанная заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Болговым о том, что предложения автора письма были учтены при разработке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде» [2. Л. 138]. Такой проект,

правда, под названием «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний», действительно был разработан. В нем Центральный комитет подчеркнул, что в ряде областей страны были «отмечены значительное оживление религиозной идеологии и возрождение предрассудков, суеверий и варварских обрядов старины», что проявилось в проведении крестных ходов, водосвятия, крещенских купаниях и др. [3. Л. 19]. Причины такого оживления партийные идеологи увидели в усилении активности церковников, с одной стороны, и в ослаблении антирелигиозной работы со стороны местных партийных организаций, занявших позицию нейтралитета по отношению к религиозной идеологии, – с другой. Отмечалась и недостаточная атеистическая работа центральной и местной печати, практически всех культурно-досуговых, воспитательных и образовательных учреждений, общества по распространению научных знаний. ЦК видел причину такого положения дел в том, что, дескать, многие члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в СССР сделали ошибочный вывод, что отныне можно не вести антирелигиозную пропаганду, что религия со временем сама отомрет. Более того, ряд партийных и советских работников по своей политической близорукости попросту попустительствовали церковникам. Совершенно недопустимыми в проекте постановления признавались факты обращения советских и хозяйственных руководителей к церкви за помощью в проведении различного рода хозяйственно-политических кампаний, займа денег из церковных касс или, наоборот, дачи взаймы общинам денежных средств. Повсеместно наблюдалось примиренческое отношение и к участию коммунистов и комсомольцев в религиозных обрядах, празднованию красных дат церковного календаря и др. [Там же. Л. 19–20]. Но наибольший интерес в проекте постановления представляла та его часть, в которой жесткой критике подвергся Совет по делам РПЦ, который, по мнению авторов документа, занял вообще неправильную линию в своих делах. Совет был обвинен в том, что превысил свои полномочия вместо того, чтобы быть просто связующим звеном между государством и РПЦ. Он проявлял инициативу, стал давать местным органам власти инструкции. Незаконно расширил права уполномоченных на местах и вообще дал «неправильную ориентацию, благоприятствовавшую росту церковных организаций и религиозного движения в целом. Дело дошло до того, что некоторые уполномоченные Совета стали видеть свое главное назначение в оказании содействия религиозным организациям. Такая ситуация не могла устраивать коммунистическую партию, поэтому в постановлении напоминалось, что, не ведя борьбу с религией, невозможно успешно решить вопрос о коммунистическом воспитании трудящихся.

Предложения в постановляющей части документа были довольно решительными, среди них звучали идеи ограничить полномочия Совета по делам РПЦ. Его председателю Г. Карпову планировалось объявить выговор. Более того, была выдвинута идея вообще ликвидировать Совет по делам РПЦ как таковой.

Постановление в таком варианте не было принято, но разработка подобного рода проекта в 1948–1949 гг. свидетельствовала о многом. Во-первых, в документе находилось подтверждение того, что принятый в годы войны И. Сталиным в отношении церкви курс оказался не совсем понятным советскому и партийному активу на местах, часть из которого находилась в недоумении: «А за что боролись до этого?» Некоторая часть восприняла его как «отбой» жесткой антирелигиозной работе. Во-вторых, очевидно, что в партийном руководстве широко было распространено мнение, что период «заигрывания» с церковью, начавшийся в 1943 г., пора заканчивать, поскольку теперь острой нужды в патриотической поддержке церковью и верующими советского государства нет. За пять лет не только укрепилась церковь, но и возрос интерес к религии, что совсем не входило в планы богоборческого государства. Ну и, наконец, такие обсуждения в ЦК партии и появление подобного рода проекта, который все-таки не стал постановлением, свидетельствовали о наличии в высшем партийном руководстве довольно противоречивых представлений о том, как строить религиозную политику в дальнейшем. Тогда, в 1949 г., дело ограничилось принятием довольно нейтрального, в отличие от вышеописанного проекта, постановления об усилении пропаганды научно-материалистических знаний.

Таким образом, очевидно, что проявившаяся в годы войны тенденция к облегчению положения религиозных организаций в СССР к концу 1940-х гг. стала подвергаться ревизии, что более соответствовало антирелигиозной сущности советской системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 252 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 6.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10.

Lyubov I. Soskovets, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: ivitca56@mail.ru

YEAR OF 1948 IN THE CONFESSIONAL POLICY OF THE STATE AND THE LIFE OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF THE USSR

Keywords: confessional politics; religious organizations; authorities; believers.

The purpose of this article was to clarify the reasons of the changes of the Soviet state policy in relation to religious organizations in the end of 1948 and its impact on their position in Soviet society. The research was based on the analysis of documents of the Russian State Archive of Socio-Political History, which were not previously included in historical publications. The study applied traditional methods and approaches, both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, a systematic approach, etc.), and general historical (historical-genetic, comparative, problematic-chronological, typological, etc.).

The author describes the religious situation in the country during the war and post-war period. In addition, the author emphasizes that the Bolshevik leadership, which from the first years of Soviet power was engaged in uncompromising struggle against religion, church and believers, was forced to suspend the onslaught in wartime conditions. The main reasons are determined, that required some changes in politics in the religious sphere during the years of World War II. This is the need to consolidate society in the fight against the enemy, take into account the patriotic position of religious associations and create a positive image in the eyes of the allies of the anti-Hitler coalition and the population of new territories attached in the beginning of the war.

Since 1943, a period of a certain revival of religious life in the country began: the leading structures of churches were re-established, religious groups began to be officially registered, which allowed their legal existence in the USSR. The author explains that the registration procedure was long and multi-stage, there were a lot of applications from believers to recognize their association, but the authorities initially embarked on a limited issue of permits. Nevertheless, Orthodox churches and houses of worship of a number of other faiths (Muslims, Baptists, Old Believers, Catholics) began to open throughout the country in 1943. Some religions remained unrecognized as they were before.

The author believes that it was obvious that the regime did not plan a full-scale revival of religious life. It turns out that from 1946-1947 the number of issued registration permits sharply decreased, and since 1948 this process ceased at all. Since that time, all the applications of believers for the opening of a temple were categorically rejected. Moreover, there were cases when, the prayer houses opened during the war and the first post-war years were closed under various pretexts. The author emphasizes that the Soviet leadership came to the decision to close the “liberal” course in relation to religious organizations, returning to the old methods of anti-religious direction.

Based on the studied archival documents of the Soviet and party leaders, the author concludes that it the year of 1948 completed that short period, which was marked by some warming in the confessional policy of the Soviet state. According to the article, firstly, this is due to the fact that a part of the tasks of the new course in religious politics was solved, and secondly, the Bolshevik party never abandoned its plans to destroy religion in the country as an alien ideology and eliminate religious institutions as vehicles of this ideology and atheistic reeducation of believers.

REFERENCES

1. Soskovets, L.I. (2008) *Religioznye organizatsii i veruyushchie v sovetskom gosudarstve* [Religious organizations and believers in the Soviet state]. Tomsk: TML-Press.
2. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 6.
3. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 10.

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/67/8

С.В. Туров

ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ ВСАДНИКИ ГРАДА БЕРЕЗОВА: К ВОПРОСУ О РОЛИ МИФОЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50270.

Исследование имеет целью проследить формирование исторического самосознания населения азиатской России на примере одного из местных сообществ. Показана роль в этом процессе мифоэпической традиции. Выясняются источники и социальные факторы, обусловившие складывание соответствующих мифоэпических представлений. Религиозная (сакральная) составляющая самосознания рассматривается в аспекте этнокультурного взаимодействия. Показана устойчивость мифоэпических элементов общественного сознания на протяжении всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Северное Зауралье; Русский Север; Ермак; казачество; фольклор; этнокультурное взаимодействие.

Еще в конце XIX в. в Березове бытовало предание о том, что среди основателей города (основан воеводой Н. Траханиотовым в 1593 г.) были казаки, пришедшие в Сибирь с атаманом Ермаком: Шах, Лях, Мещеряк и Оболта. От них вели свой род Шаховы, Мещеряковы и Оболтины (род Ляха якобы «искоренился») [1. Л. 70–71]. Кроме того, в XVII – начале XVIII в. на родство с ермаковскими казаками претендовали представители еще трех березовских фамилий – Михайловы, Пановы и Галкины [2. С. 82]. Мещеряковы, Михайловы и Пановы не могли быть потомками ермаковских атаманов Матвея Мещеряка, Никиты Пана и Якова Михайлова, поскольку они погибли еще во время сибирской экспедиции [3. С. 44, 53; 4. С. 50]. У остальных березовских «потомков ермаковых казаков» фамилии не свидетельствовали о причастности их предков к «сибирскому взятию». Стремление выдать себя за потомков сподвижников Ермака объяснялось тем, что признание властями происхождения от ермаковых казаков сулило преференции в продвижении по службе [5]. Сибирь в XVII в. заселялась выходцами с Русского Севера, Урала и Приуралья [6, 7]. Березов в этом отношении не был исключением [8. С. 309–311]. Места выхода березовских «потомков ермаковых казаков» ожидаемо обнаруживаем на Русском Севере. Пановы (Панковы, Паневы), Михайловы, Шаховы были зарегистрированы в XVII – начале XVIII в. в сельских населенных пунктах на территории нынешнего Коми края [9. С. 71, 74, 77–78]. Скорее всего, северорусские корни имели и Оболтины: Оболдашор – река в Республике Коми.

Таким образом, основой казацких родословных была северорусская мифоэпическая традиция. Последняя Ермака и его сподвижников выводила с Северной Двины, Тотемской волости Вологодского уезда, владений Строгановых на Чусовой [10. С. 91]. За устными легендами последовало и местное (сольвычегодское) летописание: «На Волге казаки, Ермак атаман, родом з Двины з Борку…» [11. С. 142]. Е.В. Вершинин подметил, что в Пинежском летописце героями «сибирского взятия» оказываются «атаманы казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андреев». Реальный атаман Аргунов в Сибири впервые оказался с отрядом П. Горчакова, присланным на подавление восстания «остяков и самояди» в 1596 г. После подавления восстания Савва (Истома) Аргунов остается на службе в Березове [12. С. 271–272]. Таким образом, в Березове сложилась самая многочисленная группа «потомков казаков Ермака», но березовцы не были оригинальны в своих притязаниях. В Северном Зауралье обретались и другие претенденты на «патрицианское происхождение». Так, в 1640 г. в Сибирский приказ была подана челобитная сургутянином Кузьмой Васильевичем Горбуновым. Он ходатайствовал о повышении оклада. Проситель сообщил, что «служил… отец мой в Сибири с Ермаком с тех мест, как Бог поручил Сибирь под твою государеву руку» [8. С. 309]. Просьбу Горбунова удовлетворили, но насколько это решение было связано с его происхождением, сказать трудно.

Помимо конкуренции внутри «казачьего патрициата» была и другая причина для широкого распространения сказаний о потомках ермаковых казаков. В сибирских служилых в конце XVI–XVII вв. верстались ссыльные, люди гулящие и даже крестьяне. Обусловливалось это редкостью населения и одновременно большой потребностью в служилых. Данная практика была оставлена только в конце XVII в. Однако в старозаселенных районах Западной Сибири уже во второй четверти XVII в. начинаются «разборы» с целью отставить от службы поверстанных из крестьян, посадских и гулящих людей и принять на их место детей служилых [2. С. 89–91]. В данной ситуации доморощенные родословные становились едва ли ни единственными аргументами для сохранения социального

статуса, а также превращались в фундамент формирования одного из элементов исторического самосознания сибиряков. Так, в Кунгурской летописи говорится, что после зимовки на Сылве некоторые казаки Ермака остались здесь жить [13. С. 313–314]. В.В. Блажес подметил, что это сообщение летописи позаимствовано из местных преданий. Предания о потомках ермаковых казаков бытовали на Сылве еще в конце XIX – начале XX в. Таковыми считали себя жители д. Ермаки и Кокуй, а рядом с д. Ермаки, в районе д. Петушки, в свое время якобы поселился «и разбоем кормился» один из бывших соратников Ермака – казак по прозвищу Петух [14. С. 20–21]. Чусовую также в свое время населили «потомки казаков Ермака», проживавшие здесь в начале XIX в.: «…в 30 верстах от Кыновского завода, подле Ермакова камня, есть гора Ермакова в пяти верстах от деревни Ермаковой… На вершине сей горы есть… вход в пещеру… Сказывают, что будто бы Ермак Тимофеевич, будучи в первый раз побежден вогуличами, скрывался в сей пещере с небольшим числом оставшегося у него войска» [15. Л. 300–301]. На Каме «ермаковские атаманы» Сокол и Петух основали соответственно с. Елово и д. Толстик [14. С. 56]. В верховьях р. Туры в конце XIX – начале XX в. располагалась целая россыпь деревень, якобы основанных ермаковцами: Красная горка (многие старожилы носили фамилию Ермаковы), Кордюкова (основатель – ермаков казак Кордюк), Рогозина (Рогозин), Лобанова (Лобанов), Дерябина (Дерябин). Город Верхотурье якобы постепенно вырос на месте, где Ермак Тимофеевич поставил свой дом [16. С. 121]. В Алапаевском районе Свердловской области находится д. Ермаки. Согласно местному преданию, основана она была двумя казаками Ермака [17. С. 49–50]. В Слободо-Туринском районе Свердловской области есть старинная д. Ермакова. Одна из распространенных в этой деревне фамилий – Ермаковы. В Таборинском районе Свердловской области стоит старинная д. Ермаково [17. С. 50–51]. Далее по маршруту сибирской экспедиции казаков в конце XIX в. считали себя их потомками жители д. Котино Тобольской подгородной волости [14. С. 73]. В Тобольском районе Тюменской области на р. Суклемке располагается старинное с. Ермаково. Наконец, недалеко от места трагической гибели славного атамана, близ устья р. Вагай, стояла д. Ермаки (в XIX в. – Ермакова, населенный пункт упразднен в 2014 г.), которая, согласно местному преданию, была основана казаками оставленного здесь Ермаком «дозора» [16. С. 118; 17. С. 52]. Гибель Ермака не стала препятствием для продвижения далее на восток мифотворчества «потомков ермаковых казаков». В Ишимском лесостепье, в Викуловском районе Тюменской области, по сей день стоит д. Ермаки [17. С. 52]. В Нарымском крае от сподвижников Ермака вели начало следующее деревни: «От Даура – Даурская, Голяша – Голошихина, Костаря – Костырева, Завьялова – Вялова, Толмача (переводчик был у Ермака) – Толмачево…» (предание записано в 1940-х гг.) [18. Л. 109].

В формировании сакральной составляющей исторического самосознания населения Северного Зауралья определяющее значение имел фактор этнокультурного взаимодействия. Уже на раннем этапе колонизации края часть аборигенов инкорпорировалась в состав русского населения (смешанные браки, новокрещены): «Когда Ермак проходил, часть его людей оставалась – земли много. Чалдоны – помесь хантов и мансей с донскими казаками… Чалдонских деревень, которые основал Ермак, много» (записанно в с. Таборы Таборинского р-на Свердловской области в 1970-х гг.) [17. С. 63]. По меньшей мере трое «новокрещенов» уже в начале XVII в. проживали в Березове и возле него [19. С. 12]. Этнокультурное взаимодействие облегчалось тем обстоятельством, что значительная часть переселенцев с Русского Севера и Приуралья являлись представителями финно-угорских народов, а выдающаяся роль в этом миграционном потоке принадлежала коми [9. С. 98–108]. Обрусевшие коми (ижемцы, сысоличи, вымичи, лузяне, вилежане) составляли значительную часть первонасельников Березова [8. С. 309–312; 20. С. 78].

На первых порах этонокультурное взаимодействие принимало причудливые формы. Так, после смерти кодского князя Игичея Алачева святыня древней Коды – «Палтыш-балван» (богиня Калтащ) был «взят на Березов в казну» [21. С. 183]. Обладание столь значимой реликвией прибавляло легитимности русскому владычеству, но находилось в противоречии с задачей христианского просвещения аборигенов. Иконы для реализации этой задачи были уместнее. Священники и миссионеры в XVIII–XIX вв. отмечали, что иконы были более понятны аборигенам, нежели проповедь [22. С. 32]. Согласно преданию, «ермаковы казаки» принесли в Березов иконы: «Архангел Михаил грозных сил воевода» (рис. 1) и святой Николай Мирликийский в образе «Никола Можайский» [23. С. 33].

Рис. 1 «Ермаковская» икона «Архангел Михаил грозных сил воевода» из Воскресенского собора г. Березова. Фотография начала XX в.

Кроме икон они якобы принесли в Березов знамя, на одной стороне которого был воспроизведен распространенный с XVI в. в русской иконописи сюжет «Дмитрий Солунский поражает копьем хана Мамая». На другой стороне – изображение архистратига Михаила в том же, что и на упомянутой выше иконе, образе (рис. 2) [24].

Рис. 2. Березовское «знамя Ермака» в прорисовке М.С. Знаменского

Конечно, пришлое население в первую очередь следовало собственным предпочтениям. Чудотворец Николай – популярнейший святой Русского Севера. Он считался покровителем путников, мореходов, торговцев [25]. С теми же функциями и с той же высокой степенью популярности он был воспринят в Сибири. Здесь и сегодня как в музеях, так и в частных собраниях иконы св. Николая занимают по количеству второе место после икон Богородицы [26. С. 154]. Аборигенное население Сибири тоже выделяло «русского Бога Миколая» [27. С. 27]. Николай Мирликийский – единственный святой, приходивший обским уграм и самодийцам в видениях в образе «седого старика». Иконы св. Николая можно было встретить в самых отдаленных кочевьях. Аборигены тундры приняли в свой оленеводческий хозяйственный календарь праздники, связанные с культом св. Николая (Никола вешний (9/22 мая) и Никола зимний (6/19 декабря) [28. С. 123–125].

Образ «Архангел Михаил грозных сил воевода» был избран березовцами в качестве палладиума также неслучайно. Архангела Михаила на Русском Севере, а позднее в Сибири почитали повсеместно [29, 30]. Представления о могущественном небесном заступнике широко бытовали в служилой среде Русского Севера. Двадцатыми годами XVII в. датируется так называемый «Великоустюжский сборник заговоров», в основ-

ном его составляют заговоры от вражеского оружия. А.А. Турилов и А.В. Черницов считают, что владельцем сборника был «профессиональный колдун… выходец из демократической части войска» [31. С. 70]. В подавляющем большинстве текстов сборника упоминается архангел Михаил. В народном сознании бытовало убеждение об особом покровительстве архангела Михаила ермаковскому воинству. Так, наверняка из устных преданий, в Кунгурскую летопись попадает рассказ, иллюстрированный соответствующим изображением, явления небесного воеводы во время битвы с «нечестивыми агарянами» в урочище Березовый Яр [32. С. 10]. В одном из бытовавших в Зауралье апокрифических текстов архангел упоминается как «победитель супостатов». [33. Л. 1].

В образе «Архангел Михаил грозных сил воевода» аборигены Нижнего Приобья могли видеть параллели с собственным религиозным персонажем. Мир-сусне-хум (Мир озирающий человек) у манси выполняет роль посредника между людьми и Торумом [34. С. 15]. У ненцев сходное по функциям и атрибутам божество именовалось Явмалом, у хантов – Орт ики [35. С. 34–35]. На березовской иконе архангел Михаил изображен на крылатом коне. На крылатом же коне Мир-сусне-хум ежедневно парит в облаках над Землей. Важное место в атрибутике Мир-сусне-хума отводится его шапке конической или куполообразной формы [34. С. 17]. На березовской иконе архангел Михаил изображен в княжеской короне, а в изображении на знамени корона имеет куполообразное навершие. Для аборигенов Обского Севера крылья за спиной св. Михаила соответствовали зооморфному облику Мир-сусне-хума («Гусь богатырь») [Там же. С. 15].

Композиция иконы до известной степени отражала иерархию и взаимосвязи языческого пантеона аборигенного населения Нижнего Приобья. На иконе Михаил (Мир-сусне-хум) занимает серединное положение; вверху, в небесах, – Господь (Нуми торум); внизу, на земле, – поверженный дьявол (Куль). Куль отыр первоначально обитал на небесах. Затем Торум изгнал строптивого Куля. Решающая роль в изгнании Куля принадлежала Мир-сусне-хуму. Он поразил Куля стрелой. Поверженный Куль убрался в подземный мир [Там же. С. 23].

По-видимому, со временем архистратиг Михаил был переосмыслен аборигенами как воплощение Мир-сусне-хума. В 1610 г. в Березовском Воскресенском монастыре была освящена одноименная церковь [36. С. 189]. Ее поставили в священной для аборигенов лиственничной роще, которая почиталась еще в конце XIX в. и была посвящена Мир-сусне-хуму [37. С. 417]. В начале XX в. А.А. Дунин-Горкавич записал в юртах Непкиных близ Березова предание, связанное с этим урочищем: «Стали русские просить шаманов, чтобы они от себя просили божество отдать это место для постройки церкви. И сказало божество шаманам: «Теперь здесь поклоняются только те, которые настояще не знают моего Бога, а потом здесь будут поклоняться моему Богу знающие Его и не понимающие. Я должен отдать то место» [38. С. 13–14]. Монолог Мир-сусне-хума может быть истолкован как признание преемственности его культа в христианской вере.

В свою очередь, в народных религиозных представлениях пришлого населения сибирского северо-запада архангел Михаил приобретает со временем черты, явно созвучные аборигенным верованиям: «Огради святыми твоими ангелами, Михаиле Архангел, всякую немочь и всякую зависть, искушение черовства, от волшебства, *от черново зверя, от белова медведя* (выделено мной. – *С.Т.*), от действа находящую, от дьявольского (отгоньем) от нево…» – говорится в заговоре «от лихорадки», бытовавшем на Нижнем Иртыше еще в начале 1990-х гг. [39. С. 138]. Белый медведь в этих местах не водится. Там, где он водится, в тундре, у ненцев, «старик Микулай» был защитником от бурого и белого медведя [27. С. 26]. Финно-угорские мифологические представления впитываются народным православием на Русском Севере еще до начала колонизации Сибири. Свидетельством тому тексты «Олонецкого сборника заговоров», записанные в 1620–1640-е гг., но бытовавшие, конечно, задолго до этого. В сборник вошли заговорные формулы на русском и «карельско-вепсском» языках. Среди мифических персонажей здесь присутствует некий всадник: «…едет из окияна моря человек медян; и конь под ним медян и лук медян, и стрелье медное; и тянет крепок лук и стреляет метко. На мху стоит сосна золотая, на сосны золотой белка золотая. И пострелит медной человек белку золотую и вынимает у ней сердце булатное…» [40. С. 128–129]. Загадочный всадник спешивается в Северном Зауралье. В 1909 г. Д.Т. Яновичем в дельте Оби между Обдорском и р. Щучьей в могилах аборигенов была обнаружена подвеска-бляха с изображением «сцены охоты на белку с луком и стрелами». Еще две бляхи с таким изображением имеются в собрании Ямало-Ненецкого окружного музея и в археологической коллекции УрФУ. На бляхе из собрания УрФУ, найденной на южном Ямале, охотник готовится выстрелить в белку, сидящую на дереве [41. С. 12–13].

В «Олонецком сборнике» упоминается персонаж, по своим функциям и внешнему виду явно перекликающийся с образом Мир-сусне-хума: «Ездит тот муж золот на золотом коне от востока и до запада, от севера и до лета, а поднимается на небо на воздуси, а страстит под собою землю и воду, и люди худые…» [40. С. 133]. Одна из ипостасей Мир-сусне-хума – «золотой человек». Его конь имеет золотую гриву и серебряные копыта. Мир-сусне-хум не только установил нормы человеческого бытия, но и следит за их соблюдением. [42. С. 183]. Насколько далеко зашел процесс христианско-языческого синкретизма в случае архангела Михаила – Мир-сусне-хума, возможно, свидетельствует следующий эпизод. В 1900 г. в церкви с. Чемашево Березовского уезда было изъято и отправлено в Тобольск деревянное распятие. Вместо Иисуса Христа на распятии находился некий ангел «…с распростертыми руками» [43. Л. 474–474 об.].

Так закладывались основы локальной версии народного православия русских сибиряков и традиции двоеверия аборигенов, а святой крылатый всадник Михаил (Мир-сусне-хум) продолжил свое победное движение «встреч солнцу». В Сибири известны лишь единичные иконы архистратига Михаила, изобража-

ющие его пешим в рост или по пояс [26. С. 165]. На Урале и в Западной Сибири в целом культ архангела Михаила по значимости уступал лишь Спасителю, Богородице и св. Николаю [30. С. 163]. В Северном Зауралье Архангел Михаил по почитаемости (по количеству церковных престолов) также уступал только указанным выше персонажам священной истории [39. С. 3–37].

В мифологии обских угров присутствовало всегда, а под влиянием христианства усилилось представление о триаде главных божеств, выделяющихся из сонма богов и духов. Нуми-торум представлялся как Бог-отец, или как св. Николай. Мир-сусне-хум – Христос. Богиня Калтащ, супруга Торума и мать Мир-суснехума, – Богородица [44. С. 137, 225; 45. С. 285–286]. В этой связи не выглядит случайным, что своей «древностью и величественностью» отличались еще две иконы Воскресенского собора Березова – «Нерукотворного Спасителя» и «Казанской Божьей Матери». Считалось, что эти иконы ранее находились в иконостасе самой первой церкви [46. С. 504]. В 1750 г. на проезжей башне Березовского острога «висели… первый образ Нерукотворенный Господа Бога Иисуса… вторый образ Пресвятыя Богородицы Знамения, третий образ святого архистратига Михаила» [47. Л. 1–1 об.].

В 1892 г. в Березове было отпраздновано 300-летие города. Во время праздничного молебна звучали каноны «Спасителю, Божией Матери, св. Архистратигу Михаилу и святителю Николаю…», т.е. прославлялась местночтимая православная традиция Березовского края [48. С. 281–282]. Эта же традиция просматривается в посвящении церковных престолов и почитании икон в Северном Зауралье в целом. В Троицкой церкви Кодинского (Кондинского) монастыря, самого значимого центра православия в Нижнем Приобье, в 1673 г. «местными иконами» являлись: «Живоначальная Троица», «Воскресение Христово», «Успение Пресвятыя Богородицы», «Чудо архистратига Михаила», «Никола Чудотворц», «Собор Иоанна Предтечи» [49. С. 520–521]. В Малоатлымском хораме во имя Преображения господня (основан между 1714 и 1716 гг.) «особенно выделялись прихожанами иконы Спасителя и Божьей Матери» [50. С. 256]. В храме имелся придел во имя архангела Михаила, а значит, и соответствующая храмовая икона [51. Л. 9, 31]. В с. Мужы, в храме во имя св. Архистратига Михаила и прочих Бесплотных сил, в 1884 г. были освящены престолы: «Архистратига Михаила, Благовещения Пресвятой Богородицы и Святителя и Чудотворца Николая» [1. Л. 116 об., 141].

Таким образом, широко распространившееся в Сибири представление о «сродстве с ермаковыми казаками» сформировалось в связи с фольклорной трактовкой истории сибирской экспедиции Ермака и под влиянием интересов служилого сословия. Сутью сакральной составляющей самосознания являлся синкретизм народного православия пришлого населения (русские, финно-угоры Русского Севера) и верований аборигенов тайги и тундры, вылившийся, в частности, в устойчивые местные православные традиции и культы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 26.
2. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
3. Летопись сибирская. СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1821. 82 с.
4. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 8–51.
5. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 51–87.
6. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 392 с.
7. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII в. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 228 с.
8. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2018. 502 с.
9. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. 224 с.
10. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1986. 252 с.
11. Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 139–148.
12. Вершинин Е.В. Русские старожилы Березова (XVII–XVIII вв.) // Русские старожилы. Тобольск–Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2000. С. 271–274.
13. Сибирские летописи : издание императорской Археографической комиссии. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 464 с.
14. Блажес В.В. Фольклор Урала: народная история о Ермаке (исследование и тексты). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 186 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 159. Д. 138.
16. Ермак Тимофеевич: славный сын земли русской : летописные материалы, народные песни, предания / сост. и авт. примеч. В.П. Кругляшова. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 129 с.
17. Балюк Н.А., Зайцев Г.С., Туров С.В. и др. Ермак – гордость России : краткий исторический справочник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 344 с.
18. Отдел рукописей РГБ. Ф. 542. Картон № 80. Ед. хр. 11.
19. Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий : очерки ранней истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гос. ун-та, 2018. 142 с.
20. Жеребцов И.Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск : Тобольск. гос. пед. ин-т, 1997. С. 77–78.
21. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 1999. 466 с.
22. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века) / сост. и коммент. В.Я. Темплинг; вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 224 с.
23. Абрамов Н.А. О церквах города Березова от основания его до настоящего времени // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 9. С. 32–37.
24. Катанаев Г. Справка о старых знаменах // Сибирские войсковые ведомости. 1916. № 2, 3.
25. Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М. : М-Сканрус, 2007. 255 с.
26. Велижанина Н.Г. У истоков сибирской иконописи // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1985. С. 155–170.

27. Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л. : Наука, 1979. С. 25–28.
28. Перевалова Е.В. Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 119–130.
29. Быкова В.М. О почитании архангела Михаила на Севере (текстологическая характеристика Чуда в Хонех) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск : Изд-во Карельского науч. ц-тра РАН, 2003. С. 349–352.
30. Белобородов С.А. «Кто, яко Бог?» (к истории почитания Архангела Михаила на Урале и в Западной Сибири) // Архангел Михаил : альбом-каталог. Екатеринбург : Локомотив, 2009. С. 149–165.
31. Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М. : Индрик, 2002. 584 с.
32. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб. : Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1880. 52 с.
33. Древлехранилище ЛАИ УрГУ. Кировское (XVII) собр. 112р / 4411.
34. Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск : Наука, 1997. 152 с.
35. Головнев А.В. Смотрящий за миром // Самодийцы : материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск : Омский гос. пед. ун-тет, 2001. С. 34–35.
36. Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 8, № 33. С. 187–203.
37. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западой Сибири // Пархимович С.Г., Туров С.В. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 404–444.
38. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север : в 3 т. М. : Либерия, 1996. Т. 3. 208 с.
39. Туров С.В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки. Салехард : Красный Север, 2006. 143 с.
40. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост. и коммн. А.Л. Топорков. М. : Индрик, 2010. 832 с.
41. Малоземова О.В. Русские художественные бронзы на севере Западной Сибири // Научный вестник. Салехард : Департ. информ. и соц.-пол. исслед. Адм. ЯНАО, 2002. Вып. 9. С. 10–16.
42. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск : Наука. 1990. 232 с.
43. ГБУТО ГАТ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 35.
44. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
45. Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного миссионерского общества за 1888 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 11-12. С. 276–289.
46. Абрамов Н.А. Исторические сведения о церквах города Березова // Известия Императорского археологического общества. 1861. Т. 3. С. 328–332.
47. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6046.
48. Путинцев М. Юбилейное торжество в г. Березове // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 13-14. С. 279–283.
49. Акишин М.О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря. XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 509–532.
50. Соколов А. Из дневника ханды-батько // Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 11. С. 251–257.
51. ГБУТО ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 202 а.

Sergei V. Turov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

EARTH AND SKY EQUITES OF THE BEREZOV CITY: THE QUESTION OF MYTHO-EPIC TRADITION IN THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN POPULATION IN ASIAN PART OF RUSSIA (XVII – EARLY XX CENTURY)

Keywords: Northern Trams-Urals; Russian North; Yermak; Cossacks; folklore; ethno-cultural interaction.

The aim of this article is to explore the mytho-epic tradition role in the identity formation of the population of Asian part of Russia.
The methodological basis of the research is a systematic approach that allows us to present social consciousness as a system consisting of structured elements that integrate society in accordance with their functions. Reconstruction of the historical identity in the pre-industrial era involves the use of not only written sources, but also folklore, religious beliefs, and toponymy. In the administrative and religious center of the Lower Ob region, city Berezov, there were ancestral traditions about “descendants of the Yermak Cossacks” among the service class. The basis for forming such ideas was the popular story of the “Yermak’s capture of Siberia” as well as the desire to get a promotion or to keep a social status. As a result the inhabitants of many villages and rural areas from the Urals to the Yenisei considered themselves as a descendants of Yermak’s Cossacks. Images on the gonfanons and subjects of icons that were supposedly brought to Berezov by Yermak’s Cossacks are evidence of the sacred component of self-consciousness folding. The “Yermak’s gonfanon” depicts Michael the Archangel in the image of the “Terrible warlord”. In the same image he is depicted on one of the “Yermak icons”. The second icon is “Nikola Mozhaysky”. Saint Nicholas was considered as the patron saint of travelers, sailors and merchants in the North Russia and Siberia. Michael the Archangel was perceived as the patron saint of soldiers. The Trans-Urals and then Siberia were inhabited by people from the Russian North, where there were many representatives of the Finno-Ugric peoples.
Analyzing the folklore of the Russian North and the Northern Trans-Urals, the author comes to the conclusion that the “folk Orthodoxy” of the newcomer population of the Berezovsky region contains Finno-Ugric religious motives. On the other hand, under the influence of the Christian message, the Ob Finno-Ugric’s idea of the main deities triad, which had existed before, became stronger. The next step was to rethink this triad in Christian images. The subjects of the “Yermak” icons were corresponded to the essence of the aboriginal religious representations. (Mansi, Khanty, Nenets) The “Russian God Nikola” was perceived as one of the numi-Torum incarnations – the presiding deity and Michael the Archangel practically had a complete iconic and functional coincidence with Mir-susne-Hume, the son of numi-Torum. In this regard, another ancient icon - the mother of God, fit into pagan ideas as the wife of numi-Torum and mother of Mir-susne-huma-Kaltas-ekva. There is how the local Orthodox tradition was developed, which has been repeatedly reflected on the level of venerated icons and dedications of Church thrones throughout the entire review period.

REFERENCES

1. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 716. List 1. File 26.
2. Aleksandrov, V.A. & Pokrovsky, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo: Sibir' v XVII v.* [Power and Society: Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
3. Spassky, G. (1821) *Letopis' sibirskaya* [The Siberian Chronicle]. St. Petersburg: Department of Public Education.
4. Shashkov, A.T. (2001) Nachalo prisoedineniya Sibiri [The beginning of Siberia's accession]. In: Shashkov, A.T. et al. *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp. 8–51.

5. Nikitin, N.I. (2001) Soratniki Ermaka posle “sibirskogo vzyatiya” [Ermak’s Companions after the “Siberia’s accession]. In: Shashkov, A.T. et al. *Problemy istorii Rossii* [Problems of Russian History]. Vol. 4. Ekaterinburg: Volot. pp.51–87.
6. Preobrazhensky, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Ural and Western Siberia in the late 16th – early 18th century]. Moscow: Nauka.
7. Shunkov, V.I. (1946) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII–XVIII v.* [Essays on the History of Siberian Colonization in the 17th – 18th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Vershinin, E.V. (2018) *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
9. Zherebtsov, L.N. (1982) *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Komi’s historical and cultural relations with neighbours]. Moscow: Nauka.
10. Skrynnikov, R.G. (1986) *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Ermak's Siberian Expedition]. Novosibirsk: Nauka.
11. Romodanovskaya, E.K. (1976) Stroganovy i Ermak [The Stroganovs and Ermak]. *Istoriya SSSR.* 3. pp. 139–148.
12. Vershinin, E.V. (2000) Russkie starozhily Berezova (XVII–XVIII vv.) [Russian old-timers of Berezov (the 17th – 18th centuries)]. In: Chernaya, M.P. et al. *Russkie starozhily* [Russian old-timers]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 271–274.
13. Imperial Archaeographic Commission. (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Blazhes, V.V. (2002) *Fol'klor Urala: narodnaya istoriya o Ermake (issledovanie i teksty)* [Folklore of the Urals: a Folk Story about Ermak (Research and Texts)]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 159. List 1. File 138.
16. Kruglyakova, V.P. (ed.). (1989) *Ermak Timofeevich: slavnyy syn zemli russkoy : letopisnye materialy, narodnye pesni, predaniya* [Ermak Timofeyevich – a glorious son of the Russian land. Chronicles, folk songs, legends]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
17. Balyuk, N.A., Zaytsev, G.S., Turov, S.V. et al. (2016) *Ermak – gordost' Rossii : kratkiy istoricheskiy spravochnik* [Ermak as a pride of Russia: a brief historical guide]. Tyumen: Tyumen State University.
18. The Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 542. Box No. 80. File 11.
19. Solodkin, Ya.G. (2018) *Kazachestvo Severo-Zapadnoy Sibiri na rubezhe XVI–XVII stoletiy : ocherki ranney istorii* [The Cossacks of North-Western Siberia at the turn of the 16th – 17th centuries: essays on the early history]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
20. Zherebtsov, I.L. (1997) Komi – zhiteli pervykh zapadnosibirskikh gorodov v kontse XVI – pervoy chetverti XVII vv. [Komi-residents of the first West Siberian cities in the late 16th – first quarter of the 17th centuries]. In: *Kul'turnoe nasledie Aziatskoy Rossii* [Cultural heritage of Asian Russia]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute. pp. 77–78.
21. Redin, D.A. (ed.) (1999) *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashikh dney* [History of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug from old times to the present days]. Ekaterinburg: Volot.
22. Templing, V.Ya. & Turov, S.V. (eds) (2002) *Putevye zhurnaly missionerov Obdorskoy missii (60–70-e gg. XIX veka)* [Travel journals of missionaries of the Obdorsk mission (1860–70s)]. Tyumen: Yuri Mandrika.
23. Abramov, N.A. (1859) O tserkvakh goroda Berezova ot osnovaniya ego do nastoyashchego vremeni [About the churches of the city of Berezov from its foundation to the present days]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti.* 9. pp. 32–37.
24. Katanaev, G. (1916) Spravka o starykh znamenakh [Reference on old banners]. *Sibirskie voyskovye vedomosti.* 2, 3.
25. Rybakov, A.A. (ed.) (2007) *Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvortsa i ego otrazhenie v fol'klore, pis'mennosti i iskusstve* [Veneration of /St. Nicholas the Wonderworker and his reflection in folklore, writing and art]. Moscow: M-Skanrus.
26. Velizhanina, N.G. (1985) U istokov sibirskoy ikonopisi [At the origins of the Siberian icon painting]. In: Minenko, N.A. & Rusakova, L.M. (eds) *Kul'turno-bytovye protsessy u russkikh Sibiri. XVIII – nachalo XX v.* [Cultural and everyday processes among the Russians of Siberia. The 18th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. pp. 155–170.
27. Khomich, L.V. (1979) Vliyanie khristianizatsii na religioznye predstavleniya i kul'ty nentsev [Influence of Christianization on religious representations and cults of the Nenets]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Khristianstvo i lamaizm u korennogo naseleniya Sibiri* [Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia]. Leningrad: Nauka. pp. 25–28.
28. Perevalova, E.V. (2008) Atykh Mikola-Torum (Milostivyy bog Nikolay) [Atykh Mikola-Torum (Merciful God Nikolay)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal.* 4(21). pp. 119–130.
29. Bykova, V.M. (2003) O pochitanii arkhangela Mikhaila na Severe (tekstologicheskaya kharakteristika Chuda v Khonekh) [On the veneration of the Archangel Michael in the North (textual characteristics of the Miracle in Khonekh)]. In: Ivanova, T.G. (ed.) *Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa* [Local traditions in the folk culture of the Russian North]. Petrozavodsk: Karelian Academic Center of RAS. pp. 349–352.
30. Beloborodov, S.A. (2009) “Kto, yako Bog?” (k istorii pochitaniya Arkhangela Mikhaila na Urale i v Zapadnoy Sibiri) [“Who, like God?” (On veneration of the Archangel Michael in the Urals and Western Siberia)]. In: *Arkhangel Mikhail: al'bom-katalog* [Archangel Michael. Album-catalogue.] Ekaterinburg: Lokomotiv. pp. 149–165.
31. Toporkov, A.L. & Turilov, A.A. (eds) (2002) *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Abnegated reading in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Indrik.
32. Remezov, S.U. & Zost, A. (1880) *Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya)* [A Short Siberian Chronicle (Kungur)]. St. Petersburg: F.G. Eleonsky and Co.
33. The Ancient Archive of Archeographic Research Laboratory of the Ural State University (Drevlehranilische LAI UrGU). The Kirov Collection (XVII). 112 p / 4411.
34. Zenko, A.P. (1997) *Predstavleniya o sverkh"estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov* [Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians]. Novosibirsk: Nauka.
35. Golovnev, A.V. (2001) [Watching the world]. *Samodiytsy* [The Samoyeds]. Proc. of the Sixth Symposium on the Cultural Heritage of the Western Siberia Peoples. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 34–35. (In Russian).
36. Shashkov, A.T. (2004) K istorii Voskresenskogo monastyrya i tserkvey goroda Berezova [To the history of the resurrection monastery and churches of Berezov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – IZVESTIA. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 8(33). pp. 187–203.
37. Gondatti, N.L. (2000) Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadoy Sibiri [Traces of paganism among the North-Western Siberia’snon-native peoples]. In: Parkhimovich, S. G. & Turov, S.V. *Vydayushchiesya gubernatory tobol'skie i sibirskie* [Outstanding governors of Tobolsk and Siberia.] Tyumen: Yu. Mandrika. pp. 404–444.
38. Dunin-Gorkavich, A.A. (1996) *Tobol'skiy Sever: v 3 t.* [North of Tobolsk Province. In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Liberia.
39. Turov, S.V. (2006) *Russkoe Severnoe Zaural'e. Tserkovno-istoricheskie i etnologicheskie ocherki* [Russian Northern Trans-Urals. Church-historical and ethnological essays]. Salekhard: Krasnyy Sever.
40. Toporkov, A.L. (ed.) (2010) *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian conspiracies from handwritten sources of the 17th – first half of the 19th century] Moscow: Indrik.
41. Malozemova, O.V. (2002) Russkie khudozhestvennye bronzy na severe Zapadnoy Sibiri [Russian artistic bronzes in the North of Western Siberia]. *Nauchnyy vestnik.* 9. pp. 10–16.
42. Gemuev, I.N. (1990) *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi’s Worldview: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka.
43. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 716. List 1. File 35.

44. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [Religion of the Ugric peoples. In 3 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
45. Tobolsk Diocesan Committee. (1889) Otchet Tobol'skogo eparkhial'nogo komiteta vysochayshe utverzhdennogo pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1888 g. [Report of the Tobolsk Diocesan Committee of the most highly approved Orthodox missionary society for 1888]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 11-12. pp. 276–289.
46. Abramov, N.A. (1861) . Istoricheskie svedeniya o tserkvakh goroda Berezova [Historical information about the churches in Berezov]. *Izvestiya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva.* 3. pp. 328–332.
47. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. Part 8. File 6046.
48. Putintsev, M. (1892) Yubileynoe torzhestvo v g. Berezove [Berezov city jubilee celebration]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 13-14. pp. 279–283.
49. Akishin, M.O. (2002) Materialy k istorii Kondinskogo Troitskogo monastyrya. XVII v. [Materials for the the Kondinsky Trinity monastery history. The 17th century]. In: Pavlov, A.P. (ed.) *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* [The Russian state in the 14th – 17th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 509–532.
50. Sokolov, A. (1910) Iz dnevnika khandy-bat'ko [From the diary of handa-the old man]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti.* 11. pp. 251–257.
51. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 353. List 1. File 202 a.

УДК 94(470)"19/20"
DOI: 10.17223/19988613/67/9

О.А. Харусь

ЛИБЕРАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX−XX вв.

Представлен конкретно-исторический материал, характеризующий участие представителей либеральной общественности региона в просветительской деятельности в конце XIX − начале XX в. Фиксируется общность носителей либеральной субкультуры в понимании необходимости всестороннего развития личности как предпосылки реализации идеала гражданской свободы. Сделан вывод о неизменности смыслов просветительской деятельности, определивших преемственность в поведенческих практиках либералов разных поколений.
Ключевые слова: либерализм; просветительство; повседневность; Сибирь.

Горизонты исследовательского пространства в изучении истории российского либерализма постоянно расширяются. Одним из значимых проявлений этой тенденции стала ориентация на комплексный подход к осмыслению феномена либеральной субкультуры, что предполагает интерес не только к идеологическим, интеллектуальным ее компонентам, но и к тем пластам, которые находили свое проявление в повседневной жизни носителей этой субкультуры, в стиле их мышления и моделях поведения и имели глубинные ценностные основания. Сходство интересов и предпочтений, образа жизни и способов самопрезентации в социуме являлось одним из существенных маркеров коллективной идентичности либерально настроенного меньшинства, а потому, несомненно, заслуживает внимания исследователей. Богатую пищу для размышлений об особенностях этой социальной группы дает изучение жизненного пути отдельных ее представителей. Такой опыт интересен сам по себе ввиду его ярко выраженной антропологической направленности, но при этом он открывает и возможности для выявления в биографиях отдельных персонажей социально-типичного через определение поведенческих паттернов.

Своеобразной проекцией либеральной субкультуры в повседневность России второй половины XIX − начала XX в. являлось деятельное участие ее носителей в просветительской деятельности. Просвещению народа, формированию и развитию зрелой личности отечественные либералы придавали особое значение как важнейшей предпосылке процветания страны и преодоления ее отставания от Европы. Развитие народного образования и повышение общей культуры населения призваны были, по их мнению, сыграть важную роль в решении проблемы формирования адекватной либеральным преобразованиям социокультурной среды [1. С. 139−141]. В Сибири же просветительская деятельность приобретала особую актуальность ввиду специфических региональных условий. По уровню грамотности местное общество заметно отставало от Европейской России: если в Европейской России во второй половине XIX в. один грамотный приходился на 235 человек, то в Сибири это соотношение было 1:735 [2. С. 206−207]. По данным переписи 1897 г., образование выше начального имели лишь 0,8% жителей края [3. С. 38]. Дополнительным мотивирующим фактором для местных поборников просвещения являлось стремление к обеспечению региону равноправного статуса в Российской империи через преодоление его отставания в культурной и экономической сферах.

Обращение к историографии обнаруживает в работах специалистов, затрагивавших проблему участия сибирских либералов в просветительской деятельности, две магистральные сюжетные линии. Первая находит свое воплощение в анализе общественно-политических взглядов либерально настроенной интеллектуальной элиты региона во второй половине XIX в. Результатом этого анализа стал вывод о просветительской деятельности в 1860−1880-х гг. как о чистом «культурничестве», имевшем принципиально аполитичный характер и направленном исключительно на совершенствование нравственно-интеллектуального потенциала общества [4]. В исследованиях же, посвященных периоду первой революции и третьеиюньской политической системы, деятельность либералов в культурно-просветительных организациях предстает главным образом как инструмент пропаганды и агитации в борьбе за влияние на массы, а сами организации рассматриваются как центры консолидации либеральной оппозиции, роль которых была особенно велика в условиях отсутствия возможностей для легальной партийной работы [5. С. 20, 24, 26−27; 6. С. 60].

Сопоставление результатов исследования двух этапов просветительской деятельности сибирских либералов может служить основанием для констатации существенных различий в ее содержании, более того, для выводов о разрыве постепенности, отсутствии преемственности в этом пространстве либеральной субкультуры. В этой связи естественно возникает целый ряд вопросов. Каким образом и почему эволюционировали представления сибирских либералов о назначении просветительства? Насколько принципиальными были эти изменения? Уместно ли вести речь о трансформации смыслов или имело место лишь не-

кое смещение акцентов, продиктованное конкретно-историческими обстоятельствами? Очевидно, что ответы на эти вопросы невозможны без восполнения временнóго пробела в изучении просветительской деятельности либералов и, в частности, без обращения к их опыту участия в культурно-просветительных организациях на рубеже XIX–XX вв.

Считая развитие культуры населения необходимой предпосылкой экономического подъема, формирования гражданского общества и правового государства, либерально настроенные представители интеллигенции усматривали в просветительстве возможности для выполнения своего долга перед Отечеством. Подавляющее большинство профессоров Томска активно участвовали в конце XIX – начале XX в. в деятельности культурно-просветительных, а также научных обществ, занимавшихся не только разработкой теоретических и прикладных исследовательских проблем, но и распространением соответствующих их профилю знаний, устройством публичных лекций, курсов и пр. Многие из них не ограничивались членством в одной общественной организации, находя время для реализации своей гражданской активности на разных направлениях просветительской деятельности. Профессор юридического факультета Томского университета (ТУ) И.А. Малиновский являлся товарищем председателя Общества вспомоществования учащимся, членом совета юридического общества и одним из руководителей Сибирского кружка томских студентов, консультируя студентов по вопросам обычного права в Сибири, часто выступал с публичными лекциями и докладами, в том числе по истории русской литературы [7. С. 163]. Профессор ТУ по кафедре политической экономии М.Н. Соболев был председателем дирекции томского отделения Императорского Русского музыкального общества, товарищем председателя Общества попечения о начальном образовании, членом совета юридического общества [Там же. С. 240]. Профессор медицинского факультета П.П. Авроров активно участвовал в работе Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, являлся членом и одно время председателем Общества попечения о начальном образовании [Там же. С. 20]. Его коллега Н.А. Александров совмещал членство в Обществе естествоиспытателей и врачей и в Русском физико-химическом обществе, читал лекции по истории музыки в Народном университете [Там же. С. 22–23]. Возглавлявший кафедру зоологии и сравнительной анатомии профессор Н.Ф. Кащенко в 1895 г. организовал местный отдел Московского общества сельского хозяйства, преобразованный в 1898 в самостоятельное Западносибирское общество сельского хозяйства. На учредительном собрании Западносибирского общества Николай Феофанович был избран первым его председателем. Кроме того, он участвовал в работе Общества попечения о начальном образовании и Общества садоводства, созданного как культурно-просветительная организация в июне 1892 г. [Там же. С. 111–113]. Активность на поприще просветительской деятельности проявляли не только профессора. Так, деятельным членом едва ли не всех томских обществ в начале 1900-х гг. (в том числе Общества начального образования, Общества содействия физическому развитию, Общества книгопечатников, юридического общества и др.) зарекомендовал себя председатель Томского окружного суда А.В. Витте. Во время выездных сессий Альфонс Васильевич председательствовал в Барнауле на заседаниях совета школьного общества, а также на собраниях Общества взаимопомощи личного труда [8].

В целом именно представители интеллигенции проявляли наибольшую активность в культурно-просветительных организациях на рубеже веков. Однако либеральная субкультура не имеет жестких социальных границ и барьеров, ее носителями могут являться и являются представители различных слоев и групп общества. Поэтому естественно, что интеллигенция была не единственным актором просветительской деятельности в Сибири. Материальную поддержку общественным инициативам по распространению и развитию образования и культуры оказывали такие местные предприниматели, как А.М. Сибиряков, П.И. Макушин, В.П. Сукачев, С.В. Востротин, В.А. Горохов, А.А. Саввиных, П.К. Гудков. Самое непосредственное участие в культурно-просветительной деятельности принимали томские купцы П.И. Макушин, Г.И. Ливен и Д.Р. Шадрин, крупный золотопромышленник Я.Д. Фризер и купец А.С. Первунинский в Иркутске, а также отставной офицер, занявшийся коммерцией в Омске, П.Б. Ящеров.

Мотивы предпринимателей, в тех или иных формах включавшихся в просветительскую деятельность, как правило, не предполагали сколько-нибудь глубокого идеологического обоснования и имели личностный характер, связанный со специфическим жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. Так, например, рефлексия по поводу социальных контрастов, существовавших в стране, определила траекторию судьбы крупного книготорговца и издателя П.И. Макушина. Примечательны строки из его письма детям: «С момента сознательного существования... четырнадцати лет от роду, предо мною стал мучительный вопрос о ненормальном распределении земных благ между небольшой кучкой привилегированных лиц и народной массой. С самого раннего детства, почти повседневно, я был свидетелем нужды и бесправия мужика... В дебрях Алтая, вдали от шума, часто в уединении, мысль о помощи забитому, бесправному народу ожила во мне с новою силою. Там определилась и созрела мысль помогать ему путем учительства, путем внедрения знания в окружающую темную массу...» [9. Ф. Р. 1582. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. Прибыв в Сибирь в 1866 г. в качестве миссионера, Петр Иванович снискал себе славу выдающегося общественного деятеля на стезе просветительства. На его счету – организация публичной библиотеки в Томске, педагогического музея и музея прикладных знаний, открытие первого в Сибири книжного магазина и первой в России бесплатной народной библиотеки. В 1882 г. по инициативе П.И. Макушина в Томске было создано Общество попечения о начальном образовании, бессменным председателем которого он оставался на протяжении 10 лет. В 1889 г. Санкт-Петербургский комитет грамотности присудил Макушину золотую медаль

Императорского Вольно-экономического общества за особо выдающиеся труды по народному образованию. Два года спустя Петр Иванович учреждает Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, которое под его председательством развернуло до 600 бесплатных библиотек-читален и организовало 125 книжных лавок при волостных правлениях и сельских школах губернии «в видах приближения книги к народу». При активном участии просветителя были основаны Дом науки в Томске и народный университет. На содержание последнего П.И. Макушин внес в мае 1905 г. в городскую думу 12 тыс. руб. с обязательством ежегодно увеличивать эту сумму взносами по 3 тыс. руб. до тех пор, пока капитал с процентом не достигнет суммы 100 тыс. руб. «Из дорог, ведущих народы к прочной свободе и благосостоянию, мною была выбрана самая длинная и медлительная: широкое распространение среди народных масс образования» [9. Ф. Р. 1582. Оп. 1. Д. 26. Л. 1], – сформулированное таким образом жизненное кредо вполне логично привело Макушина в период бума партийного строительства в стране в ряды конституционных демократов.

У истоков просветительства в Красноярске стоял будущий соратник П.И. Макушина по кадетской партии Н.А. Шепетковский. В отличие от П.И. Макушина, окончившего духовное училище, семинарию и обучавшегося в Петербургской духовной академии, Николай Александрович по характеру образования и роду занятий первоначально был весьма далек от культуртрегерской деятельности. Его выходу в отставку и переезду из Петербурга в Красноярск во второй половине 1870-х гг. предшествовали учеба в кадетском корпусе, служба в войсках Восточной Сибири, окончание Военно-юридической академии, пребывание на военно-судебной службе. По инициативе Н.А. Шепетковского в 1880-е гг. в Красноярске были учреждены Общество попечения о начальном образовании, председателем которого он состоял 15 лет, общественная библиотека, организованы народные чтения, воскресные школы, несколько начальных училищ, народный дом и пр. [10].

Яркий след в судьбе многих жителей Красноярска на рубеже веков оставил В.А. Караулов, впоследствии ставший видным деятелем кадетской партии. Занимаясь подготовкой молодых людей к поступлению в учебные заведения, Василий Андреевич вместе с приехавшей к нему в ссылку женой сыграл заметную роль в культурном развитии молодежи Енисейской губернии. «В далеком сибирском захолустье, выброшенные за борт общественной жизни, они твердо и уверенно несли маленький светоч культурных общественных интересов среди холодных сибирских снегов, диких буранов и полновластия сильных мира сего», – так писала в своих мемуарах одна из благодарных красноярских учениц этого незаурядного человека [11. С. 403].

Ввиду отсутствия в Сибири земства основной организационной формой, позволявшей объединить усилия и солидарно действовать на поприще просветительства, в регионе стали культурно- и научно-просветительные общества. Именно через активное участие в их деятельности (как правило, на руководящих постах председателей, членов советов и правлений) началось приобщение к общественно-политической деятельности многих будущих членов сибирских отделов кадетской и октябристской партий, включая всех перечисленных выше.

Так, в правление красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) входили ставшие впоследствии кадетами П.И. Пересвет-Солтан (председатель отдела), В.Ю. Григорьев и Д.Е. Лаппо (члены правления), А.Р. Мазинг (секретарь), А.И. Чеканинский (казначей) [12]. Д.Е. Лаппо являлся к тому же членом комитета Минусинского музея и принимал участие в деятельности Общества попечения о начальном образовании [13]. Омские либералы А.Н. Букейханов, Н.И. Грибанов, А.Д. Квак, А.И. Корнеев, В.И. Пищиков, Я.С. Севастьянов, П.Б. Ящеров, составившие позднее костяк местной кадетской организации, играли видную роль в руководстве Западносибирского отдела Русского географического общества [14. Ф. 86. Оп. 1. Д. 120. Л. 4, 8]. А.Н. Букейханов, А.С. Кабалкин, В.И. Пищиков, И.А. Поваренных, А.И. Хлебников были представлены в руководстве самого крупного и деятельного в Омске культурно-просветительного общества – Общества попечения о начальном образовании, – которое стало фактическим центром объединения либерально настроенной интеллигенции [15. 1905. 14 окт.].

Либералы Тобольской губернии группировались вокруг Ялуторовского отдела МОСХ, родительского кружка в Тюмени, сельскохозяйственного общества в Тобольске. В качестве активного общественного деятеля зарекомендовал себя в начале 1900-х гг. будущий член тобольской кадетской организации адвокат Н.В. Пигнатти, исполнявший, в частности, обязанности товарища председателя Общества вспомоществования учившим и учащим Тобольской губернии, а также члена комитета губернского музея по разработке вопросов государственного благоустройства и народного благосостояния [16]. Возглавлял комитет Тобольского губернского музея будущий октябрист А.М. Фролов-Багреев [17].

Членами совета Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии являлись будущие кадеты И.И. Попов, А.С. Первунинский, П.А.Титков, З.Г. Франк-Каменецкий, И.С. Фатеев [18. Ф. 601. Оп. 1. Д. 170. Л. 42]. И.И. Попов, П.А. Титков, И.С. Фатеев и Я.Д. Фризер участвовали и в деятельности иркутского Общества взаимного вспомоществования учившим и учащим. И.И. Попову к тому же принадлежала немалая заслуга в организации подотдела Русского географического общества, краеведческого музея и общественной библиотеки [Там же. Д. 65. Л. 157].

Кадетами стали впоследствии председатель томского юридического общества Н.Н. Розин, председатель Общества попечения о начальном образовании в Томске А.А. Жемчужников и товарищ председателя этого общества М.Н. Соболев [19. 1907. № 12. С. 32]. Профессор медицинского факультета, ректор Томского университета в 1903−1906 гг. М.Г. Курлов, вступивший в 1905 г. в Союз 17 октября, выполнял обязанности секретаря и председателя созданного в 1889 г.

первого в Томске научного общества – Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете [7. С. 139]. Будущие члены томской октябристской организации А.А. Мисюрев, В.В. Пудовиков, М.А. Бриллиантов, Д.Р. Шадрин являлись действительными членами Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Томской мужской гимназии. В составе последнего общества были представлены и будущие кадеты: купец, владелец типографии Г.И. Ливен и лаборант медицинского факультета университета Н.И. Делекторский [9. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6338. Л. 3].

В Забайкальской области на поприще культурно-просветительной деятельности активно трудились ставшие впоследствии кадетами адвокат Д.А. Кочнев и учитель Нерчинского заводского училища С.А. Таскин. Первый являлся председателем Общества вспомоществования нуждающимся учащимся учебных заведений Верхнеудинска, а второй играл видную роль в просветительных учреждениях Нерчинского завода [19. 1907. № 9. С. 35]. Один из инициаторов организации отдела кадетской партии в Чите Н.К. Волков руководил работой совета местного отделения Русского географического общества [20].

Будучи представителями не только различных социальных слоев общества, но и совершенно различных профессий и сфер деятельности (врачи и чиновники, редакторы-издатели и агрономы, судьи и инженеры, адвокаты и учителя и т.д.), а впоследствии разошедшиеся и в своих партийно-политических предпочтениях, либерально настроенные члены просветительных организаций проявляли единодушие в понимании смысла и назначения своей деятельности. Создание атмосферы высокой культуры, которая должна стать всеобщим достоянием, всестороннее совершенствование человека, формирование осознающей свое достоинство и гражданскую ответственность личности, развитие национального самосознания – таким был спектр основных задач, решение которых воспринималось либералами как обязательное условие и предпосылка реализации идеала индивидуальной свободы. «Прекрасная заря свободы просвещенной», – формула, в которой очень емко представил сочетание двух непременных атрибутов либерального общественного устройства − свободы и просвещения − И.А. Малиновский в своем выступлении в мае 1899 г. на торжественном заседании Томского университета, посвященном памяти А.С. Пушкина [21. С. 18]. Движение «со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса... к одному общему идеалу – дать всем людям... возможность пользоваться благами света культуры, на основах гражданской свободы и равенства», – так формулировал стратегическую по своей сути установку либерально мыслящих участников просветительской деятельности купец, золотопромышленник, член Союза освобождения и организатор красноярского комитета партии народной свободы А.А. Саввиных [22]. Свою лепту в содействие развитию культуры Андрей Андреевич вносил, жертвуя средства на Народный университет, рисовальную школу, Общество вспомоществования учащимся, выплачивая стипендии учащимся и студентам.

Однако постепенно в умах представителей либеральной общественности зреет понимание невозможности достижения сколько-нибудь существенных успехов в развитии образования и общей культуры населения при существующем социальном устройстве, создававшем преграды для проявления общественной инициативы и самодеятельности. «Горячие пожелания скорейшего установления в нашем Отечестве неприкосновенности личности, свободы слова, совести и собраний как необходимых условий процветания науки» выразил в приветственной телеграмме по случаю 150-летнего юбилея Московского университета в январе 1905 г. совет Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, в состав которого входили многие будущие активные деятели местной кадетской организации [23. 1905. 13 янв.]. Вопрос о зависимости устранения «недостатков учебного дела в гор. Барнауле» от «перемены господствующего ныне в России бюрократического режима в частности и современного государственного строя вообще» неоднократно обсуждался на заседаниях Совета школьного дела и Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (в обеих организациях, по сведениям администрации, либералы пользовались заметным влиянием) [14. Ф. 190. Оп. 1. Д. 68. Л. 24, 25].

На этом фоне вполне закономерной представляется та активность, с которой культурно-просветительные и научные организации включились в процесс подготовки проектов реформ после издания рескрипта 18 февраля 1905 г., предоставившего право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». На собраниях томского юридического общества, общества врачей Енисейской губернии, Обществ вспомоществования учащих и учивших в Енисейской губернии, в Акмолинской области и в Томске, томского, барнаульского и красноярского Обществ попечения о начальном образовании и других подобных организаций выдвигались требования гражданских свобод (права личной неприкосновенности каждого, свободы совести, слова, печати, собраний и союзов), обсуждались принципы формирования представительного органа и возможный круг его полномочий. Учитывая, что одним из значимых смыслов просветительской деятельности либералов было развитие общественной инициативы, использование появившейся для этого благоприятной и, что особенно важно, легитимной возможности органично вписалось в их поведенческие практики.

Изменение в связи с началом первой революции общей ситуации в стране повлекло за собой появление новых акцентов в звучавших на собраниях общественных организаций выступлениях и принимавшихся под впечатлением от них резолюций: идеал гражданской свободы, вдохновлявший либеральную общественность на рубеже веков, был дополнен программным по своей сути требованием свободы политической. Повестка просветительных организаций, соответственно, обогатилась за счет включения в нее проблем, связанных с политическим просвещением. Так, например, совет

Общества попечения о начальном образовании в Омске принял решение устраивать научно-популярные лекции по вопросам «современной текущей деятельности», анонсировав общественно-правовые темы: что такое конституция и т.п. [24]. Характерно, что содержательное наполнение политического просвещения в исполнении либеральной интеллигенции фокусировалось преимущественно на задачах формирования развитого общественного правосознания как обязательной предпосылки создания правового государственного порядка. При этом новые нюансы в деятельности либеральных просветителей были, по-видимому, адекватным ответом на актуальный запрос населения. Во всяком случае, заседание томского юридического общества, на котором с докладом «Исторические основы Высочайшего рескрипта 18 февраля» выступил И.А. Малиновский, подробно комментировавший текст этого документа, привлекло «столько публики из местной интеллигенции, сколько мог вместить сравнительно небольшой зал уголовных заседаний окружного суда» [23. 1905. 27 марта]. На последовавших за этим публичных заседаниях общества также обсуждались доклады по актуальным правовым проблемам (доклад М.И. Боголепова о бюджетном праве, Н.Н. Розина и Р.Л. Вейсмана о печати и цензуре) [15. 1905. 3 апр.].

С созданием же в конце 1905 – начале 1906 г. сибирских отделов кадетской и октябристской партий именно они стали основными либеральными акторами, взявшими на себя выполнение функций политического просвещения населения. На какое-то время деятельность культурно-просветительных организаций отступила на второй план, объяснение чему сами местные либералы видели в том, что «годы освободительного движения... отвлекли все силы общества от так называемых “малых дел” и направили их на более широкую дорогу “гражданских подвигов”» [19. 1910. № 5. С. 56].

Рефлексия по поводу событий первой революции и последовавшего за ней периода реакции стала импульсом для нового всплеска активности либералов в культурно- и научно-просветительных организациях. Усматривая истоки социальных и политических бедствий России в устрашающе низком уровне образованности и культуры в самом широком смысле слова, инициативное меньшинство возобновило свои усилия на поприще просветительства. Эта деятельность вновь стала восприниматься как исключительно значимая для переустройства Отечества и создания прочных оснований правопорядка, гарантирующего гармонизацию интересов личности и общества.

Таким образом, имеются основания констатировать наличие преемственности как в ценностных установках, так и в поведенческих практиках разных поколений либералов, связанных с их участием в деятельности культурно-просветительных организаций. Эта преемственность обеспечивалась системообразующими основами либерального мировосприятия и мировоззрения, а именно признанием самоценности личности и индивидуальной свободы, а также пониманием невозможности общественного переустройства на таких началах при отсутствии должного уровня культуры. В этом отношении либералы, стоявшие у истоков формирования местных отделов конституционно-демократической и октябристской партий, были продолжателями начинаний и традиций «шестидесятников». Несмотря на появление новых организационных форм просветительской деятельности и расширение сфер проявления социальной активности ее участников вплоть до участия в разработке проектов политических реформ, смыслы, определявшие содержание и назначение этой деятельности, остались неизменными. Инвариантное ядро либерального просветительства определялось стремлением сделать представления о ценности человеческой личности, ее праве на свободу самовыражения в рамках общежития имманентными для россиян благодаря глубокому индивидуальному их осмыслению. В контексте либеральной субкультуры участие в деятельности просветительных организаций предстает как своеобразная структура повседневности, имевшая устойчивый характер, отражавшая глубокую внутреннюю потребность их членов, сущностные свойства личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харусь О.А. Просветительская деятельность как составляющая либеральной стратегии поведения в России // Сергей Александрович Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог : сб. науч. ст. Орел : Издатель Александр Воробьев, 2010. С. 138–147.
2. Сабурова Т.А. Конструирование идентичностей и социально-культурные практики интеллигенции в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения. Омск, 2009. С. 196–240.
3. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905−1907 гг. в Сибири. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук,, 2012. 320 с.
4. Шиловский М.В. Самопрезентация либеральных идей в представлениях сибирских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 9–15.
5. Попов Д.И. «От разрушения к просвещению»: место культурно-просветительной работы в тактических установках партии кадетов в 1905–1917 гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 1. С. 20–27.
6. Толочко А.П. Современная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX века. Омск : ОмГУ, 2001. 140 с.
7. Профессора Томского университета : биогр. словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып 1: 1888–1917. 288 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 2416. Л. 4, 5.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО).
10. Красноярец. Красноярск. 1907. 10 февр.
11. Кара-Мурза А.А. Василий Андреевич Караулов: «То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь…» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 401–415.
12. Енисей. Красноярск. 1905. 19 янв.
13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 766. Л. 64.
14. Государственный архив Омской области (ГАОО).
15. Сибирская жизнь. Томск.
16. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 35. Д. 641. Л. 286, 287.
17. Сибирский листок. Тобольск. 1905. 1 мая.

18. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
19. Сибирские вопросы. СПб.
20. Сибирская заря. Иркутск. 1907. 2 нояб.
21. Малиновский И.А. Русская общественная жизнь в поэтическом изображении А.С. Пушкина // Памяти А.С. Пушкина : речи, произнесенные в торжественном заседании Императорского Томского университета 26 мая 1899 г. Томск, 1900. С. 1–18.
22. Саввиных А.А. Тяжкое наследие // Голос Сибири. Красноярск. 1905. 7 дек.
23. Восточное обозрение. Иркутск.
24. Сибирский край. Красноярск. 1905. 26 нояб.
25. Харусь О.А. Либералы и культурно-просветительные организации в Сибири в межреволюционный период (1907 – февраль 1917 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 37–49.

Olga A. Kharus, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

LIBERAL SUBCULTURE AND CULTURAL-ENLIGHTENMENT INSTITUTIONS IN SIBERIA ON THE CUSP OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Keywords: liberalism; education; everyday life; Siberia.

The article describes how the representatives of the Siberian liberal society participated in the educational activities on the turn of the 19th and 20th centuries which helps to close the historiographic gap on this topic. The author aims to trace continuity in the development of the liberal subculture's traditions that were embodied in the routine practices of its representatives. The study is based on the press publications, unpublished records of cultural-enlightenment institutions, local authorities, and police. Using these primary sources, the author shows that many future members of the Cadets or Oktyabrists parties were initially involved in public activity through their work in educational and scientific organizations. Even though these people had different motives, social status, professional background, and political preferences, they were united by their belief that the full development of the personality was necessary to fulfill the ideal of civic liberty. After the Rescript of February 18, 1905, had been published, it became possible for the educational organization to take part in the development of projects for reforms. They actively participated in this process because they realized that, with the existing social and political structure, they had very limited opportunities to achieve their objectives. At the same time, among others, their work started developing in a new direction related to providing political education and forming strong legal awareness in society. But the reflection on the events of the First Russian Revolution and the reaction that followed these events became the impulse to restore the traditional priorities of the liberal enlightenment and to concentrate on the development of culture broadly speaking. Even though some new organizational forms of the educational work had appeared and the spheres of the social activity had broadened, the main motives, that shaped the essence and aims, remained unchanged. The author concludes that the continuity in the educational practices of the liberals was based on the core principle of the liberal world-view. Its invariant framework included the acknowledgment of the intrinsic value of personality and individual liberty as well as understanding that it was impossible to start social reconstruction according to these principles without a certain level of culture.

REFERENCES

1. Kharus, O.A. (2010) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' kak sostavlyayushchaya liberal'noy strategii povedeniya v Rossii [Educational activity as a component of the liberal strategy of behaviour in Russia]. In: *Sergey Aleksandrovich Muromtsev – predsedatel' Pervoy Gosudarstvennoy dumy: politik, uchenyy, pedagog* [Sergey Alexandrovich Muromtsev – Chairman of the First State Duma: politician, scientist, teacher]. Orel: Aleksandr Vorob'ev. pp. 138–147.
2. Saburova, T.A. (2009) Konstruirovanie identichnostey i sotsial'no-kul'turnye praktiki intelligentsii v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Identity construction and socio-cultural practices of the intelligentsia in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: *Sibirskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsiy kontsa XIX – nachala XX vv.: identichnost' i strategii povedeniya* [Siberian society in the context of transformations of the late 19th – early 20th centuries: identity and behavior strategies]. Omsk: [s.n.]. pp. 196–240.
3. Shilovsky, M.V. (2012) *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri* [The first Russian revolution 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
4. Shilovsky, M.V. (2014) Liberal Ideas Representation From the Viewpoint of Siberian Intellectuals in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 9. pp. 9–15. (In Russian).
5. Popov, D.I. (2014) From social destruction to enlightment: place of enlightment in the tactics of the party of constitutional democrats in 1905–1917s. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series Historical Studies*. 1. pp. 20–27. (In Russian).
6. Tolochko, A.P. (2001) *Sovremennaya istoriografiya partiyno-politicheskogo dvizheniya v Sibiri v nachale XX veka* [Modern historiography of the party-political movement in Siberia at the beginning of the 20th century]. Omsk: Omsk State University.
7. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta* [Professors of Tomsk University]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
8. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 233 (1905, II otd.). File 2416. pp. 4, 5.
9. The State Archives of the Tomsk Region (GATO).
10. *Krasnoyarets*. (1907) 10th February.
11. Kara-Murza, A.A. (2007) Vasiliy Andreevich Karaulov: "To, chto ya byl katorzhnym, sostavlyaet moyu gordost' na vsyu moyu zhizn'…" ["The fact that I was a convict is my pride for all my life ..."]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 401–415.
12. *Enisey*. (1905) 19th January.
13. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund 827. List 1. File 766. p. 64.
14. The State Archives of Omsk Region (GAOO).
15. *Sibirskaya zhizn'*. (n.d.).
16. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 35. File 641. pp. 286, 287.
17. *Sibirskiy listok*. (1905) 1st May.
18. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO).
19. *Sibirskie voprosy*. (n.d.).
20. *Sibirskaya zarya*. (1907) 2nd November.
21. Malinovsky, I.A. (1900) Russkaya obshchestvennaya zhizn' v poeticheskom izobrazhenii A.S. Pushkina [Russian public life in the poetic depiction of A.S. Pushkin]. In: Malinovsky, I.A. & Sapozhnikov, V. *Pamyati A.S. Pushkina: rechi, proiznesennye v torzhestvennom zasedanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta 26 maya 1899 g.* [In memory of A.S. Pushkin: speeches delivered at the ceremonial meeting of the Imperial Tomsk University on May 26, 1899]. Tomsk: P.I. Makushin. pp. 1–18.
22. Savvinykh, A.A. (1905) Tyazhkoe nasledie [Heavy legacy]. *Golos Sibiri*. 7th December.
23. *Vostochnoe obozrenie*. (n.d.)
24. *Sibirskiy kray*. (1905) 26th November.
25. Kharus, O.A. (1999) Liberaly i kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii v Sibiri v mezhrevolyutsionnyy period (1907 – fevral' 1917 gg.) [Liberals and cultural and educational organizations in Siberia in the inter-revolutionary period (1907 – February 1917)]. In: *Sibir': XX vek* [Siberia: The 20th century]. Vol. 2. Kemerovo: [s.n.]. pp. 37–49.

УДК 902; 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/67/10

Н.С. Цинцадзе

ПРИРОДА НА СЛУЖБЕ У СОЦИАЛИЗМА: СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В 1917–1939 гг.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 17-78-10032.

Рассмотрены социоприродные аспекты деятельности Наркомзема в довоенный период: восстановление сельского, лесного и водного хозяйства страны, обсуждение причин и последствий засух, мер борьбы с ними. Делается вывод о том, что мелиоративные и агрокультурные мероприятия наркомата были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере. В 1930-е гг. природовосстановление сменилось природопокорением, что закрепило потребительское отношение к природным ресурсам.
Ключевые слова: Народный комиссариат земледелия РСФСР / СССР; природопользование; советская довоенная деревня; социоприродные проблемы; экологическая история России.

Введение

История формирования и функционирования советского центрального аппарата управления хорошо изучена как в России, так и за рубежом. Для своих целей большевики использовали государственные учреждения, доставшиеся им в наследство от Российской империи. Демонтаж аппарата управления был постепенным, с сохранением структуры и кадров бывших царских ведомств и учреждений. Тезис о том, что в первые годы советской власти старый государственный аппарат был приспособлен к задачам новой власти, подтверждается историей становлении советского центрального отраслевого органа управления сельским хозяйством [1. С. 7–8, 15–16]. Напомним, что Народный комиссариат земледелия РСФСР (НКЗ) был образован 26 октября (8 ноября) 1917 г., а в декабре 1929 г. преобразован в Народный комиссариат земледелия СССР. В 1946 г. Народный комиссариат земледелия СССР был преобразован в Министерство сельского хозяйства СССР.

В исследовательской литературе нашли отражение различные стороны деятельности НКЗ, при этом социоприродные аспекты не являлись предметом специального исследования. Под социоприродными, или социоестественными, аспектами мы понимаем взаимоотношения позднего аграрного общества и окружающей среды в процессе хозяйственного использования природных ресурсов. Между тем именно в рамках деятельности НКЗ можно проследить преемственность в государственном регулировании вопросов природопользования с предшествовавшим периодом, выявить определенные тренды и матрицы, заложенные для дальнейшего развития, обнаружить качественные изменения в аграрной политике советской власти в первые 20 лет ее существования. Социоестественные аспекты аграрной политики советского правительства позволяют определить отношение власти к экопроблемам позднего аграрного общества, выявить конкретные реакции-действия на них. Разумеется, экологического направления в деятельности НКЗ в современном нам понимании тогда не существовало, однако некоторые его элементы нами все же выявлены.

Наше исследование выполнено в русле сравнительно нового междисциплинарного научного направления – социоестественной (СЕИ), или экологической, истории (Environmental History), в центре внимания которой находятся проблемы взаимодействия природы и человека [2]. Анализ соответствующей деятельности дореволюционного аграрного ведомства царской России показал, что вопросы использования природных ресурсов в сельскохозяйственной практике имели хоть и не первостепенное, но вполне осознаваемое властью значение, повышающееся по мере обострения экокризиса [3].

Цель данного исследования состоит в изучении социоприродных аспектов аграрной политики НКЗ в период от Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны, определении значения проблемы истощения природных ресурсов для советского правительства.

Источниками исследования послужили богатейшие материалы фонда НКЗ в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), содержащие разнообразные делопроизводственные документы: отчеты, справки, обзоры деятельности, переписку и др. Некоторые из них вводятся в оборот впервые. Помимо этого, мы изучили ряд официальных печатных изданий 1920-х гг. о промежуточных итогах работы НКЗ. Некоторые размышления о путях развития сельского хозяйства в период НЭПа в виде печатных версий докладов ученых, представленных ими на заседаниях Сельскохозяйственной секции Госплана СССР, нашли отражение на страницах журнала «Труды Земплана», периодического издания Плановой комиссии НКЗ, издаваемого в 1924–1930 гг. Данные материалы весьма информативны, так как содержат взгляды ученых того периода о способах восстановления сельского хозяйства и решения его социоприродных проблем. Многие их рекомендации и предложения были положены в основу первого пяти-

летнего плана развития аграрного сектора советской экономики.

Результаты исследования представлены в хронологическом порядке с указанием на проблемные вопросы обсуждения и деятельности НКЗ в следующие периоды: 1917–1921 гг., 1921–1929 гг., 1930-е гг. Они соотносятся с традиционной периодизацией истории страны, включающей этапы «военного коммунизма», НЭПа и коллективизации.

Деятельность НКЗ в 1917–1921 гг.

Данный период был насыщен работой по восстановлению разрушенного сельского, лесного и водного хозяйства страны, переводу отраслевой государственной деятельности из чрезвычайного в нормальный режим функционирования, решением большого комплекса как организационных, так и практических проблем. Первоочередной задачей было восстановление производительных сил страны: расширение площади посевов, получение высоких урожаев, возобновление экспорта зерна. В силу истощенности природных ресурсов актуальными стали вопросы мелиорации обрабатываемых и неудобных земель, улучшения агротехники, лесовосстановительных мер, водоохранения и др.

Сводный отчет о деятельности НКЗ за первые три года существования подготовил его сотрудник, экономист и статистик Б.Н. Книпович [4]. Для нас ценно то, что помимо статистических и описательных данных он привел собственную оценку работы ведомства за этот период, что позволило увидеть внутренние механизмы работы НКЗ и трудности, с которыми наркомат сталкивался в начальный период деятельности. Экономист отмечал, что после революции прибавка земли для многомиллионного малоземельного и безземельного крестьянства оказалась ничтожной: согласно данным анкетирования Отдела землеустройства, на едока приходились десятые и даже сотые доли десятины. В большинстве губерний увеличение наделов не превышало полдесятины и лишь в немногих достигало десятины [Там же. С. 9].

Главной задачей для ведомства в те годы была организация посевной площади. Серьезная проблема существовала в снабжении крестьян семенами. Возможности ввоза семян из-за границы и с Украины были сокращены, качество посевного материала резко упало, не хватало семян специальных культур, например льна-долгунца, кормовых трав. В 1920 г. согласно декрету СНК был создан погубернский семенной фонд. Были также трудности в снабжении крестьянских хозяйств минеральными удобрениями. Раньше их привозили из-за границы и немного производили в стране. После революции запасы удобрений исчерпались, их катастрофически не хватало. В связи с сокращением поголовья скота сельское хозяйство испытывало недостаток в туках. Б.Н. Книпович отмечал, что в области животноводства сокращение скота приняло угрожающие размеры. Данные переписи 1917–1919 гг. показали убыль лошадей на 7,1%, крупного рогатого скота – на 21,8%, свиней – на 44,7%. Особенно сильно пострадал молодняк. У НКЗ отсутствовали сведения о состоянии частновладельческого животноводства. Для подъема скотоводства и развития племенного животноводства в губернии направлялись специальные зоотехнические экспедиции для обследования конского состава, отбора лучших пород скота. Был восстановлен Хреновский конный завод в Воронежской губернии, открыты сотни племенных рассадников крупного рогатого скота [Там же. С. 28–33].

Перед НКЗ была поставлена задача улучшения массового крестьянского хозяйства посредством его интенсификации и рационализации. Для реализации последнего при НКЗ был создан Отдел специальных культур. Главным условием восстановления сельского хозяйства было проведение землеустроительных работ, связанных с ликвидацией чересполосицы, дальнополосицы и пр. Однако землеустроительным работам в течение 1919–1920 гг. препятствовало отсутствие необходимого количества землемеров: вместо необходимых для заявленного объема работ 35 тыс. человек их было всего 4 тыс. Трудности на местах состояли и в необеспеченности землемеров продовольствием, одеждой, инструментами и канцелярскими принадлежностями: так, на каждого землемера приходилось по четверти карандаша! Отдельным направлением в работе НКЗ было переселение крестьян в Сибирь. Всего туда отправились 3 190 ходоков, переселились – почти 25 тыс. человек [Там же. С. 21–25].

В лесном хозяйстве помимо экономического использования лесных материалов проводились работы по укреплению песков и оврагов.

Для кадрового обеспечения сельского хозяйства по просьбе НКЗ все специалисты (агрономы, лесничие, землемеры и пр.) были возвращены из действующей армии и военных учреждений. Всего в распоряжении НКЗ к 1921 г. находились 16 тыс. специалистов – «цифра ужасающе малая», как заметил Б.Н. Книпович. Из них только 4 тыс. человек имели профильное высшее образование. Попутно проводились мероприятия по восстановлению и расширению сети опытных учреждений, организации мелиоративной агрономии и широкому развитию сельскохозяйственного образования. Имевшихся тогда в пределах РСФСР 272 сельскохозяйственных учебных заведений было недостаточно для восстановления сельского хозяйства и его интенсификации, подчеркивал сотрудник наркомата [Там же. С. 37–40].

Началу широкой политики лесовосстановления предшествовал созванный в ноябре 1920 г. при Центральном лесном отделе НКЗ, ставшем преемником дореволюционного Лесного департамента, Всероссийский съезд мелиораторов. В своей резолюции участники съезда отметили, что за предыдущие 6 лет в Центре, на Юго-Востоке и Юге страны усилился рост оврагов и смытых склонов, песков, что грозило сокращением площади удобных земель, понижением уровня грунтовых вод, засорением водных и уничтожением сухопутных путей сообщения. Приостановление роста площади оврагов и песков, их мелиорация признавались «неотложной задачей текущего момента». Причину увеличения площади неудобных земель лесомелиораторы видели в хищнической эксплуатации лесов

и пастбищ, «вызванной обстоятельствами военного и революционного периода». Делегаты съезда приняли решения о восстановлении пришедших в упадок и создании новых лесомелиоративных округов, усиленной подготовке технического персонала, немедленном возвращении из армии имевшихся специалистов, срочной организации семенного и опытного дела, активной просветительской деятельности среди населения, выделении всех неудобных земель в отдельный государственный фонд. Ввиду этого лесомелиоративные работы признавались «ударными». Следующий съезд лесомелиораторов решено было посвятить защитным и водоохранным лесам [5. Л. 1–5 об.]. В перспективном плане развития лесного хозяйства на 1922 г. также намечались различные мероприятия по восстановлению лесов в зависимости от лесистости территории, состояния лесов после военно-революционного времени, когда избыточной рубке подвергались леса средней и южной полосы страны [6. Л. 32–34 об.].

Большое влияние на общий вектор деятельности НКЗ в 1920-е гг. оказали засуха 1921 г. и, как ее следствие, – неурожай и голод. Государственная власть, обеспокоенная масштабами и последствиями неурожая, обратилась к помощи ученых и практиков с целью всестороннего изучения причин этого пагубного явления и, главное, – получения конкретных предложений по преодолению хозяйственного кризиса и восстановлению сельского хозяйства страны. Период НЭПа был призван содействовать успешной реализации этой задачи.

НКЗ привлек лучших специалистов для анализа причин засухи и выработки предложений по борьбе с ней. В 1921–1924 гг. в Плановую комиссию НКЗ поступили записки и доклады по вопросам мелиорации, переселений, аренды и концессий, растениеводства и животноводства. Авторами материалов выступили видные ученые того времени: Н.П. Огановский, П.П. Маслов, П.И. Броунов, Б.А. Келлер и др. Особое внимание мы обращали на предложения, которые впоследствии были реализованы на практике.

В частности, экономист, сотрудник ВСНХ, двоюродный брат экономиста-аграрника А.В. Чаянова С.А. Клёпиков отметил, что «знойное лето и почти полное отсутствие дождей в связи с сокращенной посевной площадью и неудовлетворительная неудобренность сообщили неурожаю исключительный по силе характер». Даже печально известный голодный 1891 г. бледнел по сравнению с 1921 г. Главными причинами неурожая он считал сокращение площади обрабатываемых земель, ухудшение скотоводства. Мерами выхода из кризиса экономист называл отмену продналога в районах бедствия, организацию переговоров с заграницей о получении хлебного займа «на каких бы то ни было основаниях», экстренные меры по получению урожая из Сибири и Украины [7. Л. 24, 26, 29].

Экономист, один из создателей Госбанка СССР З.С. Каценеленбаум полагал, что стихийное вовлечение земель в сельскохозяйственный оборот создало необходимую потребность в мелиоративных работах. Все земли в стране требовали ремонта, ведь «нет ни одного района, уезда и волости, где не было бы необходимости в улучшении». Задачами мелиорации в 1920-х гг. в Европейской России он считал восстановление луговодства и травосеяния параллельно с возрождением животноводства и скотоводства. Обязательным экономист считал проводить мелиорацию лесных участков. По его данным, к 1914 г. в Европейской России было 142 млн дес. леса. В ведении казны было 106 млн дес., из них удобной земли – 84 млн дес., рационально устроенных участков – 18,7 млн дес., неудобной земли – 22 млн дес. Большая часть казенных лесов нуждалась в мелиорации. Он подчеркивал, что объем денежных затрат советского государства на мелиоративные работы в ближайшие 10–15 лет должен был составить не менее 2,5 млрд руб. Затраты на улучшения сельского хозяйства ежегодно, по его прогнозам, должны были равняться 150–200 млн руб., что составило бы 10–20% от государственного бюджета. Это были огромные средства для страны с запущенным сельским хозяйством, недофинансированием аграрной сферы. Однако, по его мнению, именно централизованное государственное регулирование мелиорации, систематическое бюджетное ее финансирование могли справиться с проблемой. В силу того, что за годы революции и Гражданской войны доходная часть государства ослабла, основные средства оно тратило на армию и флот, экономист предлагал привлекать местное население на мелиоративные работы, инициировать создание мелиоративных товариществ, привлекать частные средства в виде концессий и кредитов. Последнее он больше видел в качестве софинансирования государственных проектов. Эффективным средством было создание специального Мелиоративного банка или Сельскохозяйственного банка с мелиоративным отделением, которые выпускали бы кредиты в виде мелиоративных облигаций [8. Л. 2–43].

Юрист О.Г. Гольдовский предлагал законодательно урегулировать различные виды мелиорации и использования вод. По его мнению, перед специалистами стояли задачи скорейшего землеустройства, размежевания и водной мелиорации. Однако специалист сетовал на нехватку землемеров, вследствие которой отводы земель завершились только в 6% губерниях, а подготовительные работы к ним начались только в 28% губерний. В остальной части страны господствовала фактическая и правовая неопределенность землепользования и водопользования. Осложняли ситуацию и беспорядочные переделы земли. В перспективе юрист предлагал активнее вовлекать население в мелиоративные мероприятия, разрабатывать специальные инструкции по осуществлению оросительных, обводнительных и осушительных работ по всей стране. Решением проблем эффективного использования водных ресурсов он называл разработку нового водного законодательства, которое упорядочило бы использование вод в хозяйственных целях. Вообще водное хозяйство требовало систематизации и рационализации, так как водные ресурсы были распределены по территории страны крайне неравномерно. Как замечал О.Г. Гольдовский, в земледельческих губерниях европейской части РСФСР реки мелели, засыпались илом и песком, часты были засухи, которые обострялись из-за выруб-

ки лесов, распашки склонов рек, оврагов, засорения рек. В городах случались эпидемии инфекционных заболеваний из-за употребления в пищу грязной воды, пожары бывало нечем тушить. Причинами этого были низкий уровень сельскохозяйственных и технических знаний, материальная необеспеченность, отсутствие разумного руководства со стороны власти, продуманного законодательства. Пагубно сказывалась и привычка населения к широкому простору для произвола в деле водопользования. Дореволюционные законодательные нормы охраны вод не соблюдались из-за недостатка административного персонала, воды были предоставлены бесконтрольному и хищническому распоряжению частных лиц. Судоходство и сплав по рекам – единственные случаи, когда государство вмешивалось в процесс водопользования. Негативные последствия имело то, что вне правовой защиты находились верховья и притоки судоходных и сплавных рек: они были предоставлены свободному распоряжению прибрежных владельцев вплоть до преграждения естественного течения рек. В 1918–1919 гг. НКЗ, ВСНХ и Управление водного хозяйства предприняли безуспешную попытку разработать общий водный закон. Неуспех той попытки был следствием конкуренции хозяйственных интересов разных ведомств [8. Л. 249, 254–266].

О.Г. Гольдовский видел основную задачу при подготовке советского водного законодательства в учете, прежде всего, государственно-общественных интересов с целью охраны и сохранения водных ресурсов и запасов страны. Только в масштабах государства возможно было проведение крупных гидротехнических мероприятий по приведению водных ресурсов в надлежащее состояние: очистка и углубление русел рек, регулирование течение рек, очистка берегов. Государство должно было осознавать ответственность за водные ресурсы страны, которые составляли ее национальное достояние. Специалист полагал, что помимо разработки общих начал водного законодательства необходимо было установить специальные правила о пользовании водами для нужд сельского хозяйства, транспорта, промышленности, рыболовства. Отдельные главы закона следовало посвятить охране берегов рек от загрязнения, порчи, их укреплению от размывов и затопления. Для того чтобы избежать сумятицы в водопользовании, нужно было четко разграничить общегосударственные и местные предметы ведения в этой сфере. Правила водопользования необходимо было разрабатывать вдумчиво, с учетом местных естественноисторических и гидрологических особенностей [Там же. Л. 267, 270–274].

Геоботаник, почвовед Б.А Келлер поднял проблему распространения сорно-полевой растительности в Европейской России. По его наблюдениям, сорные травы в земледельческих губерниях приобрели характер государственного бедствия. Проблема состояла в том, что крестьяне часто засевали поля отходами и отсевками, оставшимися от очистки клеверных семян. В них и содержались семена вредителей-сорняков. Посевной материал, таким образом, находился в плачевном состоянии из-за его засоренности. Причинами этого, по мнению ученого, явилось разрушение рационально устроенных хозяйств, опытных станций, падение интенсивности и качества полевой обработки, тяжелые продовольственные затруднения, при которых чистый семенной материал шел на питание или смешивался с худшим по качеству. Много сорняков уже находилось в культурном слое почвы, попадая туда и через навоз животных, питавшихся сорной травой [Там же. Л. 144–145, 154, 156, 159].

Для борьбы с сорняками необходимы были глубокая вспашка земли, очистка уже засоренной почвы, поддержание ее в чистоте. Главным организатором в деле борьбы с сорняками должно было стать государство, которое организовало бы работу областных опытных станций, просветительскую деятельность на селе, сеть зерноочистительных пунктов для населения, прокатные пункты для очистки сельскохозяйственных орудий. Важным было восстановить деятельность старых семенных контрольных станций. Б.А. Келлер предлагал поощрять тех крестьян, которые сдавали чистое зерно, путем снижения для них налогов. Особенно большие скидки надо было делать для коллективных хозяйств, чтобы практика чистосортного земледелия распространялась шире. Наряду с поощрительными мерами он предлагал вводить меры принудительного взыскания за преднамеренное засорение зерна и фальсификации при сдаче семян. Ученый настоятельно советовал власти использовать дореволюционные кадры специалистов сельского хозяйства [Там же. Л. 167, 169–175].

Ученый-лесовод, профессор Воронежского сельскохозяйственного института В.И. Иванов обращал внимание на проблему самовольных лесных порубок. Он с сожалением писал о том, что в годы революционных потрясений «лес оказался имуществом “без собственника”, публичным, им пользовались все и как угодно». Государственные функции по охране и защите леса минимизировались при широкой свободе распоряжения лесом со стороны граждан. Государство не нормировало пользование лесом. Национализация лесов, по мнению ученого, привела к хищническому их уничтожению: «…его уничтожали, будто бы вообще правовых норм не существовало». В.И. Иванов предупреждал о том, что такое положение было чревато полным лесоистреблением в лесостепи и на юге страны, и далее везде, где был лес. Он считал, что надо разработать такие правовые нормы, которые реально действовали бы на практике, эффективно регламентировали использование леса в хозяйственных целях. Лесовод называл сложившуюся ситуацию разрухой, под которой он понимал усиленные рубки леса, в десятки превышавшие плановые отпуски, полный развал административного контроля в лесном хозяйстве (не было связи между центральным лесным органом управления и местными органами). По его наблюдениям, местные органы лесного управления действовали самочинно, никто не имел представления о своей компетенции. В лесах велись рубки «беспорядочно, без всякой системы», процветали кражи и хищения леса [Там же. Л. 209-210].

Как полагал лесовод, в принятом в мае 1918 г. «Основном законе о лесах» нормы об охране лесов

были расплывчатыми, не были также четко определены обязанности местных органов и граждан по охране леса. В.И. Иванов считал, что в законе закреплялась в большей мере техническая часть лесного хозяйства, а не административная. В лесничествах была большая текучка кадров. Лесничества существовали сразу двух типов – бывшие казенные и новые советские. В бывших казенных лесничествах порядок держали по инерции, но с появлением новых лесничеств они превратились в «старорежимные». В результате старые опытные кадры лесников уходили, что негативно отражалось на состоянии всего лесного хозяйства. Национализация лесов способствовала развалу лесного хозяйства и расхищению лесов. Крестьяне стали резко рубить лес для строительства и топки своих изб, так как раньше они были лишены такой возможности. Все военные организации, ВСНХ относились к лесу неподобающе государственным учреждениям. «Всякая организация чувствовала себя хозяином в лесничествах», – заключал автор доклада. Они стремились больше захватить лесных участков для заготовки леса. Особенно сильно темпы вырубки повысились после перевода железнодорожного транспорта на древесное топливо. Местные лесные органы пытались тогда даже остановить такую «горячку», хищническую рубку лесов государственными органами, но все кончалось угрозами, арестами и расстрелами.

Государственные лесозаготовительные организации способствовали самовольным порубкам, нарушая самими же установленные правила, демонстрируя негативный образец поведения населению. Тогда в лесничествах все действовали согласно принципу «бери, пока можно взять». Государственные учреждения развивали у граждан потребительское отношение к лесным ресурсам, а не формировали чувство бережливости и уважительного отношения к ним как к народному достоянию. Значение леса в глазах народа падало, притом что он стал доступным. «Лес стал всенародным не в юридическом смысле, а в фактическом – каждый считал его своим», – писал В.И. Иванов.

В связи с этим он предлагал повысить ценность леса за счет введения специальных правил и инструкций о нормах пользования лесами, ужесточения норм о его охране. Он предлагал ряд пассивных мер защиты леса, понимаемых им как охрана в узком смысле слова: централизовать управление лесным хозяйством, возобновить действие норм старого Лесного устава о лесной администрации и полиции, расширить штат лесной стражи, самовольные порубки переквалифицировать из административных правонарушений в уголовные преступления, рубку особо ценных пород деревьев, представлявших памятники природы, выделить в отдельную группу преступлений с более строгой санкцией, применять повышенную ответственность за порубки в защитных лесах. В качестве активных мер защиты леса, понимаемых В.И. Ивановым как превентивные, предлагались отвод лесосек с учетом интересов местного населения, периодические прочистки и прорубки леса, после которых хворост и прочий лесной материал продавался бы по доступной цене населению, дробный отпуск леса для населения; повышение культурного уровня лесных служащих, воспитание в них специалистов, а не «мастеров» [Там же. Л. 211–214, 217–225, 227–233].

Ученый-географ Ю.П. Иорданский предлагал возродить систему переселений на восток страны. Для этого надо было создать центральное переселенческое управление, которое координировало бы все миграционные потоки в стране, восстановить переселенческие пункты по ходу движения железнодорожного транспорта. В качестве правил организации самого процесса переселений он предлагал обратиться к дореволюционным инструкциям, регулировавшим врачебно-санитарный надзор, взаимоотношения с транспортным персоналом и пр. [Там же. Л. 121–124, 129].

Партийный деятель Х.Г. Раковский отмечал, что хронический неурожай, который периодически охватывал страну, являлся результатом не столько нехватки атмосферных осадков, сколько их нерационального использования в результате примитивных способов ведения сельского хозяйства и в особенности ограниченного набора высеваемых культур. Х.Г. Раковский предлагал расширить посевы кукурузы и фасоли, которые могли возделываться на широкой территории страны, восполнять неурожай пшеницы и ячменя, обогащать почвы полезными веществами. Однако в силу консерватизма крестьяне не возделывали эти культуры на своих полях, поэтому, по мнению партийца, НКЗ следовало популяризировать их среди крестьянства. НКЗ посчитал это предложение Х.Г. Раковского полезным и в части решения продовольственной проблемы, и с точки зрения повышения техники сельского хозяйства. При этом было указано, что его мысли о широком культивировании кукурузы в России были не новы: в 1910-е гг. на опытных полях были выведены разные сорта кукурузы, устойчивые к засухам и северному климату. Относительно фасоли НКЗ заметил, что культура обладала несомненными полезными свойствами, но в уходе и сборе была тяжела для крестьян. Внимание этим двум культурам уже уделялось агрономами юга и юго-востока страны. НКЗ считал необходимым популяризацию посевов кукурузы и фасоли среди крестьянства с учетом ожидаемых засух [9. Л. 7–7 об., 10–11].

Многие предложения научной общественности были реализованы на практике: образованы мелиоративные товарищества, законодательно закреплен комплекс мер борьбы с засухами, повышались темпы землеустройства, были начаты мероприятия по агролесомелиорации и пр. [10].

Деятельность НКЗ РСФСР в 1921–1929 гг.

Период НЭПа был связан с активным восстановлением сельского хозяйства страны. Для работы в НКЗ были привлечены дореволюционные специалисты: в 1920–1923 гг. Управление сельскохозяйственной экономии и политики НКЗ возглавлял экономист Н.Д. Кондратьев, в 1921–1924 гг. Статистическим отделом НКЗ заведовал экономист Н.П. Огановский, входивший в особое экономическое совещание наркомата, в 1921–1923 гг. экономист А.В. Чаянов был членом коллегии

НКЗ и его представителем в Госплане РСФСР. В 1923–1924 гг. для составления перспективного плана восстановления сельского хозяйства Плановая комиссия НКЗ пригласила дореволюционных специалистов в сфере экономики, агрономии, климатологии и пр. Работой по составлению первого пятилетнего плана развития сельского хозяйства руководили экономисты Н.Д. Кондратьев и Н.П. Огановский.

В период обсуждения его основ высказывались различные мнения. Так, экономист-аграрник П.П. Маслов решающий фактор в повышении производительности сельского хозяйства видел в его рационализации. Н.П. Огановский рекомендовал восстановить крупные хозяйства юга и юго-востока страны, трансформировав этот район из зернового в скотоводческо-земледельческий с введением в севооборот кукурузы и кормовых трав [11. Л. 31–32, 106–106 об.]. Н.Д. Кондратьев считал, что основой сельскохозяйственной политики государства должны стать интенсификация сельского хозяйства в тех районах, где для этого имелись естественные и экономические предпосылки, рациональная организация и развитие экстенсивного хозяйства в многоземельных районах, индустриализация сельского хозяйства. Среди факторов, влиявших на развитие сельского хозяйства, ученый называл рост населения и ход землеустроительных работ. К 1928 г. он прогнозировал рост населения на 8%. Расширение землеустроительных работ, по мнению ученого, положительно сказалось бы на восстановлении сельского хозяйства. За 1919–1924 гг. землеустройство охватило лишь 19% территории страны, что было недостаточным для интенсификации сельского хозяйства. Особое внимание следовало, по мнению Н.Д. Кондратьева, уделить развитию животноводства и скотоводства [12. С. 23–27, 33–34]. На низкие темпы землеустроительных работ к середине 1920-х гг. указывал и его коллега – Н.П. Огановский. До 1922 г. они не субсидировались государством и полностью лежали на плечах крестьянства. По подсчетам ученого, они должны были завершиться через 30 лет. При этом революция только смягчила, но не устранила проблему аграрного перенаселения. Экономист прогнозировал рост посевных площадей и численности населения. Однако к 1928 г., как он полагал, не удалось бы достигнуть равновесия между земледелием и скотоводством, последнее могло восстановиться лишь к 1932 г. [12. С. 126, 135–137, 149].

В силу этого важным направлением в деятельности НКЗ в 1920-е гг. признавались землеустроительные и мелиоративные работы. Площадь, пригодная для заселения, уменьшилась, внимание уделялось вовлечению в хозяйственный оборот пустовавших и необжитых территорий. Существенное значение приобретала рациональная организация водного хозяйства страны. Согласно мнению НКЗ, следовало проводить расчистку и углубление русел рек. Водно-мелиоративные мероприятия должны были стать основой для интенсификации сельского хозяйства. При этом специалисты НКЗ понимали, что в существующих экономических условиях аграрное ведомство не имело возможностей осуществить широкие задачи по мелиорации, как это было раньше. В ближайшее пятилетие лишь незначительная часть мелиоративных работ могла быть оплачена государством, большая же их часть должна была быть проведена за счет населения. Для облегчения тяжести затрат предлагалось создавать мелиоративные товарищества. Признавалось, что для успеха мелиоративных мероприятий необходимо было развивать научные основы сельскохозяйственной мелиорации, ведь к тому времени систематических исследований в этой области еще не проводилось. Планировалось начать гидрометрические работы для систематического исследования тока вод и учета водных запасов страны, а также восстановления уничтоженных на 75–100% в период Гражданской войны гидрометеорологических сетей. В части колонизационного дела предпочтение отдавалось не столько переселению избыточного населения на окраины, где лимит свободных земель был исчерпан, а само переселение требовало больших финансовых затрат, сколько развитию трудоемких отраслей сельского хозяйства [13. С. 6–8, 69, 76–78, 83].

Эти предложения специалистов были реализованы на практике: в 1924–1925 гг. в 12 губерниях, пострадавших от засухи и голода, Совнарком и НКЗ организовали общественно-мелиоративные работы. Из материалов Саратовского совещания, состоявшегося в январе 1925 г., следует, что борьба с засухой на юго-востоке страны должна была приобрести постоянный и длительный характер. Члены совещания отметили, что местные климатические условия (недостаток атмосферных осадков) и экономические трудности (примитивные приемы полеводства) осложняли борьбу с засухой. В первую очередь в регионе следовало провести водохозяйственные мероприятия (орошение земель, лесокультурные работы), затем – землеустроительные. Инициированные советской властью общественно-мелиоративные работы по форме были аналогичны дореволюционным мероприятиям царского правительства. Однако подчеркивались их классовая направленность, осуществление в интересах крестьянства, а не капиталистической выгоды от земли. Борьба с засухой в регионе понималась как комплекс мер, включавший и устранение последствий засухи, и улучшение приемов земледелия, и увеличение производительности труда. Иными словами, она была направлена на интенсификацию сельского хозяйства [14. Л. 134–140].

Несмотря на пафос и воодушевление речей чиновников НКЗ на Саратовском совещании мелиораторов, на практике все было не так радужно. Об этом можно судить по письмам и отчетам писателя А.П. Платонова, который в 1922–1926 гг. руководил общественно-мелиоративными работами в Воронежской губернии. В частности, весной 1925 г. он писал руководителю отдела мелиорации НКЗ Т.А. Рунову о катастрофической нехватке денег на дальнейшие работы. В одной из публицистических статей А.П. Платонов резюмировал, что в 1924–1925 гг. задача продовольственной помощи населению была решена, а строительство гидротехнических сооружений не было доведено до конца [15. С. 11–12].

Метеоролог П.И. Броунов, основоположник агрометеорологии, предложил повысить урожайность, используя данные метеорологических наблюдений: на

основе длительных наблюдений (в течение 20–30 лет) для каждой местности вычислять вероятность температурного режима, влажности, ветрености, осадков, заморозков в периоды созревания растений, создавать специальные метеорологические таблицы, доступные крестьянам, которые могли бы в соответствии с прогнозами осуществлять сельские работы. Особенное внимание при составлении таблиц необходимо было уделять вероятности наступления засух и градов. Даже в засушливые периоды, был уверен П.И. Броунов, можно было получать урожаи, если рассчитывать выпадение скудных осадков именно в необходимые для растений периоды. В засушливый 1921 г., по его мнению, можно было минимизировать урожайные потери, если бы посевы проводились по надлежащим расчетам. За агрометеорологией П.И. Броунов видел большое будущее, предрекаемое еще В.В. Докучаевым, который, узнав о его экспериментах, восклицал: «Да ведь это замечательнейшее открытие, оно будет иметь огромное значение для нашей сельскохозяйственной промышленности; благодаря ему мы повысим урожайность хлебов во много раз». Ученый предлагал создать широкую сеть агрометеорологических станций по всей стране. Эти исследования являлись делом первейшей государственной важности, на которые не надо было жалеть денежных средств. В первую очередь такие станции надо было строить в степных и лесостепных зонах. Работу по развитию агрометеорологии, по мнению П.И. Броунова, следовало поручить Отделу метеорологии при НКЗ [11. Л. 128–139]. Наркомат был заинтересован в подобных предложениях ученого, так как это открывало возможности увеличения урожаев, а значит, решало продовольственную проблему и расширяло возможности экспорта. Уже тогда стали проводиться агрометеорологические наблюдения по узкой группе наиболее востребованных сельскохозяйственных культур, таких как овес, гречиха, просо, рожь и картофель, строиться агрометеорологические станции.

Б.Н. Книпович подчеркивал своеобразие каждого района и наличие в нем специфических тенденций, которые должны были быть приняты в расчет при проектировании мероприятий НКЗ по восстановлению и развитию аграрного сектора отдельных территорий страны. Он был уверен в том, что сельскохозяйственная политика правительства должна быть районной, учитывать особенности и возможности каждого района и, исходя из этого, связывать их в единую систему. Разрабатываемые планы должны были учитывать конкретные условия областей, очередность решаемых в них задач [16. С. 97–113].

В 1924 г. в целях восстановления и развития сельского хозяйства страны был утвержден государственный план семеноводства. Ставка была сделана на сортоводство, создание государственного селекционного семенного фонда. В целях предотвращения бедствий от неурожаев планировалось создать на местах семенные запасы сортового семенного материала. Предполагались импорт необходимых для селекции материалов и запрет на экспорт наиболее ценных сортов семян [17. С. 8].

Для достижения основной цели – повышения урожаев полевых культур – специалисты НКЗ выдвигали задачу развития кормовой базы для животноводства. Изучением лугов и болот занимался специальный Государственный Луговой институт, а также ряд опытных учреждений. На развитие луговодства выделялось 3,2% бюджета на пятилетнее развитие сельского хозяйства. Полевое травосеяние и рационализация хозяйства рассматривались как синонимы прогресса аграрной сферы страны. Общая депрессия сельского хозяйства вызвала сокращение травосеяния почти на 60% по сравнению с 1913 г. По этой причине уменьшились запасы семян кормовых трав, поэтому в ближайшее пятилетие, по прогнозам Плановой комиссии НКЗ, необходим был ввоз их из-за границы. Требовалось также улучшение полевого посевного материала посредством зерноочистки и зерносортирования, массового внедрения сортового материала в хозяйства. Самостоятельным направлением деятельности НКЗ признавалось снабжение хозяйств минеральными удобрениями для восстановления плодородия почв и повышения их урожайности. В борьбе за урожай важное место отводилось мероприятиям по защите растений от вредителей, а также развитию научного и опытно-исследовательского дела. Не менее важным было увеличение кадров агрономов и повышение их квалификации [18. С. 18–19, 25, 29–30, 35–39, 100–109].

Отдельно был рассмотрен план развития лесного хозяйства РСФСР. Он был подготовлен членом Плановой комиссии НКЗ лесоводом М.Г. Здориком и включал задачи сбалансированного лесопользования, восстановления лесов после опустошительных рубок периода революции и Гражданской войны, которые проводились вдоль линий железных дорог и по берегам сплавных рек. На эти работы лесовод отводил 20 лет.

Следующим мероприятием должно было стать обследование лесистости и вообще запасов лесов на территории страны. Лесоустройство в первую очередь должно было коснуться лесов защитного характера: их следовало восстановить в первое пятилетие. Для успешной организации лесного хозяйства требовались централизация государственного устройства лесов, четкое отделение лесного фонда от земельного, создание опытных лесничеств. Предлагалось упорядочение охотничьего хозяйства, которым управляло созданное осенью 1920 г. при НКЗ Центральное Управление по делам охоты. Планировалось продолжить лесомелиоративные мероприятия и довести их до дореволюционного уровня, когда ежегодно с целью закрепления песков и оврагов высаживалось 16 тыс. дес. леса. На укрепление оврагов в центральных и восточных частях Европейской России дореволюционное правительство отпускало большие финансовые ресурсы. У советского правительства таких возможностей не было, поэтому планировалось привлекать к этим работам местное население при инструктировании его лесомелиораторами. Ставились задачи по дальнейшему высаживанию защитных лесных полос в Самарской, Саратовской, Воронежской, Астраханской и других губерниях. При этом лесомелиоративное дело можно было восстановить до размеров довоенного времени лишь через 10 лет, т.е. к середине 1930-х гг. Пока же специалисты рассчитывали компенсировать недостаточное

финансирование лесомелиорации широкими общественными работами.

М.Г. Здорик замечал, что требовались большие деньги на расчистку 598 лесных рек и речек общей протяженностью более 13 тыс. верст. Эти работы планировалось осуществить за счет английских кредитов, в противном случае они откладывались «до более благоприятного экономического положения Республики». Охрана лесов требовала увеличения штата лесничих и повышения им зарплаты. Лесовод сообщал, что за время войн и революции самовольные лесные порубки достигли грандиозных масштабов, в сознании крестьянского населения закрепилось потребительское отношение к лесам. К началу 1924 г. советская охрана лесов была организована крайне плохо. В 1910 г. Лесным департаментом был составлен проект об увеличении числа лесничеств на 1 тыс. в течение 10 лет, т.е. к 1919 г. вместо 1 264 лесничеств должно было быть 2 264. Лесовод предлагал восстановить охрану лесов хотя бы до довоенного уровня. Однако, исходя их отпущенных государственных кредитов на 1925–1929 гг., это было сделать сложно – денег было недостаточно. Для оптимизации работы лесничеств М.Г. Здорик предлагал объединить смежные лесничества одной губернии в окружное лесничество во главе со специалистом с высшим лесным образованием и стажем работы, одной канцелярией, штатом лесничих, объездчиков, техников и пр. [19. С. 69, 90–91, 109, 132–139, 142, 145].

К 1927 г. в составе лесов были выявлены заметные отрицательные изменения: доля хвойно-широколиственных лесов уменьшилась и возросла доля мягколиственных пород. Причинами этого были бессистемные рубки и почти полное отсутствие лесовосстановительных мероприятий. Больше всего пострадали леса центральных, северо-западных, западных и южных областей страны. В период 1918–1923 гг. в лесах 30-верстной полосы вдоль транспортных путей лесосеку перерубили почти в 2 раза. За 1923–1925 гг. в условиях топливного кризиса самовольные рубки леса достигли 5,8 млн м^3 древесины. Негативно на состоянии лесов европейской части СССР сказалось то, что расходы на лесное хозяйство за период 1917–1927 гг. в абсолютных цифрах были самыми минимальными и состояли в основном из зарплаты штату лесных работников и расходов на тушение лесных пожаров. В 1922–1927 гг. на лесокультурные мероприятия тратилось всего 5% ежегодных государственных расходов на лесное хозяйство. Чуть лучше дело обстояло в период 1928–1933 гг.: тогда на лесовозобновление выделялось 2,8% от общего финансирования содержания лесов, на лесное опытное дело – 12,2%, лесную мелиорацию – 11%, лесоаграрную мелиорацию – 3,1%, лесоустройство – 3% [20. С. 25–26, 28–29, 32].

В 1925 г. в Плановой комиссии НКЗ обсуждали основы развития ветеринарного дела. С целью развития животноводства, преодоления последствий разрухи и широкого распространения эпизоотий, организации ветеринарно-санитарного надзора ставились задачи создания сети эпизоотических, ветеринарно-санитарных и карантинно-охранных пунктов, доступности населению ветеринарной помощи. План был разработан специалистом Ветеринарного управления НКЗ С.Н. Павлушковым. Он отмечал, что в дореволюционное время ветеринарное дело было поставлено очень хорошо: оно стабильно финансировалось примерно в объеме 14 тыс. руб. в год, к 1912 г. в Российской империи было более 4 тыс. ветеринарных врачей, 24 бактериологические лаборатории и пр. В 1901 г. при Министерстве внутренних дел было образовано самостоятельное Ветеринарное управление, которое успешно справлялось с эпизоотиями. В годы войн и революции ветеринарная сеть была разрушена, уничтожены охранно-карантинные пояса на границах с Персией, Турцией, Афганистаном, Китаем и Монголией, что вызвало занос на территорию страны заболеваний скота, особенно чумы рогатого скота. После прихода к власти большевиков в составе НКВД была создана ветеринарная часть, а с декабря 1920 г. она была передана в ведении НКЗ. В 1923 г. был принят Ветеринарный устав.

С.Н. Павлушков предлагал увеличить государственное финансирование ветеринарного дела для успешной борьбы с эпизоотиями и предотвращения болезни животных, повышать квалификацию ветеринарных работников, расширить сеть ветеринарно-бактериологических лабораторий и институтов, обеспечивать ветеринарные станции необходимым количеством дезинфекционных средств, ввести практику государственного страхования скота, выплат вознаграждений владельцам убиваемых больных животных и др. По его убеждению, следовало обязательно восстановить ветеринарно-санитарный контроль и вести ветеринарно-просветительскую работу среди населения [21. С. 5–10, 26–28, 44–45].

Проблеме развития хозяйств в засушливых областях было уделено отдельное внимание. К обсуждению вопроса были привлечены агроном Н.М. Тулайков, экономист Н.П. Макаров, растениевод А.М. Дмитриев [22]. Ученые сошлись в том, что в этом районе требовались проведение мелиоративных мероприятий, в особенности укрепление песков и оврагов, развитие животноводства, выведение засухоустойчивых семян сельскохозяйственных культур. Причем это должны были быть согласованные и длительные мероприятия. Ввиду нехватки лошадей рекомендовалось применение тракторов. Важное значение имело увеличение штата агрономов в Поволжье с 400 до 850 человек.

В конце октября 1925 г. состоялось специальное совещание земельных работников засушливых районов. Открывая работу совещания, член коллегии НКЗ К.Д. Савченко отмечал, что после засухи 1921 г. было мало сделано для того, чтобы избежать повторения новой засухи в 1924 г., хотя НКЗ предупреждал правительство о необходимости проведения «экстраординарных мер переустройства сельского хозяйства». Засуха 1924 г. показала, что «оставлять так этот вопрос недопустимо». Объявлялось, что правительство выделило на решение этой проблемы на трехлетний период беспрецедентное финансирование – 77 млн руб. Большие надежды руководство НКЗ связывало с новейшими данными науки. На совещании говорилось о необходимости завершения землеустройства, расширения интенсификации сельского хозяйства [23. Л. 6–10].

В 1925 г. для популяризации рациональных способов ведения сельского хозяйства, достижений агрономии был организован специальный агрономический поезд им. В.И. Ленина. Он состоял из 6 вагонов-павильонов, посвященных различным отраслям сельского хозяйства. Первые два рейса агропоезд совершил с 28 февраля по 5 апреля и со 2 апреля по 5 июля 1925 г. Председателем Совета агропоезда был К.Д. Савченко. Как сообщал И. Москвин, заведующий Брянским губернским земельным управлением, сопровождавший первый рейс по Брянской губернии, агропоезд был встречен местным населением «с таким интересом, какого трудно было ожидать»: желающих посетить выставки было во много раз больше, чем предусматривалось организаторами [24. Т. 1. Л. 18–19]. В отчете о поездке по Калужской губернии управлявший отделом аграрных мероприятий, публицист П.Я. Лежнев-Финьковский писал о большом интересе к агропоезду со стороны крестьян, которые специально приезжали посмотреть на него из отдаленных сел. Больше всего крестьян интересовали вопросы землеустройства, лесного хозяйства, кооперации и пр. Крестьяне были не против переходить на многополье, но у них не хватало семян клевера, необходимой техники [Там же. Л. 26–30].

Во второй рейс было отправлено уже 8 вагонов, которые пополнились новыми коллекциями экспонатов. Остановки были увеличены до двух дней. Все выставки пользовались интересом у населения: в день выставки посещали в среднем 1 000–1 100 чел., часто 3–4 тыс. чел. Всего за два рейса агропоезд проехал 9 губерний, его посетили 140 тыс. чел., из которых 75% были крестьяне. Результаты работы агропоезда были высоко оценены руководством НКЗ, а его деятельность признавалась необходимой в будущем. Следующий рейс по Московской, Тверской, Псковской и Новгородской губерниям продолжительностью 6 недель было решено отправить в сентябре 1925 г. [Там же. Т. 2. Л. 59–64, 66–67].

План мероприятий НКЗ на 1926–1927 гг. в области сельского и лесного хозяйства был составлен с учетом утвержденного Президиумом Госплана СССР пятилетнего плана развития народного хозяйства РСФСР, который предусматривал «максимальное развитие производительных сил сельского хозяйства путем увеличения товарной продукции, производительности сельскохозяйственного труда, интенсивности сельского хозяйства и т.д.». Важным считалось усиление животноводческого направления в сельском хозяйстве. Ставились задачи восстановления и развития рыбного хозяйства, введения запретных мер улова в водоемах и реках, в которых рыбные ресурсы использовались нерационально. Подчеркивалась важность завершения землеустроительных мероприятий и дальнейшего развития мелиорации [25. С. 5–8, 15–16, 19–22].

Деятельность НКЗ в 1930-е гг.

С переходом к политике коллективизации основной упор в деятельности НКЗ был сделан на расширение посевных площадей, получение стабильных урожаев, развитие животноводства, завершение землеустроительных работ [26]. Способы восстановления и поддержания плодородия почв специально обсуждались на совещании в Плановой комиссии НКЗ в декабре 1929 г. К обсуждению проблемы были привлечены ведущие экономисты и агрономы – А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, Н.М. Тулайков и многие другие видные специалисты сельского хозяйства. По десяти зонам и системам сельского хозяйства они предложили такие меры восстановления плодородия почв, как удобрение, посев бобовых трав, чередование посевов культур, рациональная обработка и мелиорация почв. При этом, по словам председателя Плановой комиссии НКЗ А.И. Муралова, основной задачей являлось форсирование сельскохозяйственного производства [27. С. 19, 41].

Проблема засух и «социалистический план борьбы» с ними вновь обсуждались в НКЗ в 1931 г. Основная мысль этого плана сводилась к тому, что только в условиях политики индустриализации и коллективизации было возможно решить проблему засух. Считалось, что техника сухого земледелия, направленная на накопление влаги в почве посредством агротехнических мер хозяйствования, очистки почв от сорняков, могла в кратчайшие сроки поднять урожайность в засушливых районах. При этом отмечалось, что система сухого земледелия не страховала засушливые районы от новых засух, поэтому партия и правительство признали необходимым осуществление широкого общегосударственного плана водохозяйственных мероприятий по их обводнению и орошению. Руководство страны было убеждено, что в сочетании с «крупными лесомелиоративными мероприятиями» это должно было способствовать повышению темпов социалистического строительства. План борьбы с засухой признавался одновременно планом борьбы за высокие и устойчивые урожаи.

В соответствии с этими установками ЦК партии и Совнарком рекомендовали НКЗ с весны 1932 г. внедрить в засушливых районах севообороты, засевы полей пропашными культурами, раннюю зяблевую пахоту, активно бороться с сорняками, применять снегозадержание на полях. Планировалось расширить работы по селекции и семеноводству для выведения и внедрения в севооборот засухоустойчивых и высокопродуктивных сельскохозяйственных культур. Секретно предписывалось составить список семян культур для весеннего сева 1932 г., которые правительство должно было закупить за границей на сумму 500 тыс. руб. золотом.

В течение 1932–1942 гг. предполагалось провести широкие ирригационные мероприятия на площади 8–10 млн га, из которых в первые 5 лет должно было быть обводнено 3 млн га территорий Средней и Нижней Волги, Казахстана, Северного Кавказа, Украины. Для этого требовалось расширить производство оросительной техники, увеличить подготовку соответствующих кадров посредством создания в каждом засушливом районе по одному профильному вузу и по четыре техникума. Одновременно признавалась важность расширения научно-исследовательских работ в сфере изучения засух, агрономии, гидрологии и пр., в том числе путем командирования советских специа-

листов за границу для изучения зарубежного опыта ирригации, ведения земледелия на орошаемых землях. Предписывалось создать при НКЗ Главное управление водного хозяйства, а в республиках, краях и областях – органы по управлению водным хозяйством. (Главное управление водного хозяйства (Главводхоз) был создано в марте 1932 г. и просуществовало до ноября 1941 г.) На эти мероприятия на 1932 г. сверх бюджетных ассигнований отводилось 100 млн руб.

Должное значение следовало уделить полезащитным лесонасаждениям, облесению и укреплению оврагов, засеву техническими культурами песков. Планировалось мелиорировать 3 млн песчаных участков, укрепить 700 тыс. га оврагов. Ставились задачи по интенсификации научных исследований в области мелиорации. Всего в 1932 г. на агролесомелиорацию выделялось 90 млн руб. Планировалось расширить сеть метеорологических и гидрологических станций, активизировать изучение засух и суховеев как природных явлений. На эти работы в 1932 г. отводилось 10 млн руб. Важное значение придавалось агротехнической пропаганде в засушливых районах посредством радио, печати, устных бесед, плакатов и пр. [28. Л. 6–18].

Этот грандиозный план так и не был реализован в полной мере и был вновь возрожден уже после окончания Великой Отечественной войны в виде Сталинского плана преобразования природы конца 1940-х – начала 1950-х гг. Несмотря на это, некоторые лесовосстановительные мероприятия все же удалось реализовать во второй половине 1930-х гг., когда начались широкие лесокультурные и лесозащитные работы. Тогда весь лесной фонд страны был разделен на водоохранные и эксплуатационные леса. В 1936 г. защитные (водоохранные) леса из ведения НКЗ были переданы созданному Главному управлению лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР (Главлесохрана). Объем лесовосстановительных мероприятий увеличился более чем в 100 раз. Благотворно он сказался на состоянии лесов Западного, Московского, Верхне-, Средне- и Нижневолжского управлений, в которых доля мягколиственных насаждений достигала 40–62%. Это ведомство просуществовало до 1947 г., когда его функции были переданы образованному Министерству лесного хозяйства СССР [20. С. 34–35].

Выводы

Изученные социоестественные аспекты деятельности НКЗ в довоенный период демонстрируют, что мероприятия ведомства были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере. Разумеется, деятельность НКЗ осуществлялась в контексте общегосударственной политики. Очевидно, что участившиеся в первой трети XX в. засухи оказывали на власть заметное влияние: после них правительство делало быстрые и правильные выводы, активнее предпринимало меры по устранению их последствий, а главное – разрабатывало и внедряло превентивные меры. Главной целью упреждающей государственной политики по борьбе с засухой были высокие и стабильные урожаи. В свою очередь, как указывали ученые того времени: «Борьба за повышение урожая – это хозяйственно-политическая задача» [29. С. 6].

Советское партийно-политическое руководство в лице центрального сельскохозяйственного ведомства не только отчетливо улавливало, но и глубоко осознавало масштаб социоприродных проблем сельского хозяйства страны. Большинство их досталось в наследство от царского правительства, но уже в значительно скорректированном его природовосстановительной политикой виде. Военно-революционный период обнулил многие достижения водо- и лесомелиорации, землеустройства и иных практических мер царской власти. Однако сохранились технические, научные наработки, кадры, которые были востребованы новой властью. Большевики не только опирались на существовавший ранее центральный отраслевой аппарат управления сельским хозяйством, но и во многом продолжили начатые мероприятия свергнутой власти. Ценно было то, что большая часть разумных предложений ученых и практиков (повышение уровня агротехники, в том числе с опорой на данные агрометеорологии, борьба с сорняками, мелиорация, развитие луговодства и травосеяния, развитие агрометеорологии и др.) была учтена советской властью. Благодаря инкорпорированию дореволюционных специалистов в работу НКЗ была сохранена преемственность в политике природопользования. Усилиями старых кадров были восстановлены истощенные природные ресурсы, составлен первый план развития сельского и лесного хозяйств. Однако игнорировались рекомендации ученых и практиков о применении районного (регионального) подхода в управлении отдельных отраслей сельского хозяйства. Общая директива распространялась на все территории, независимо от целесообразности внедряемых мер на конкретной территории. Так было, например, с повсеместным внедрением травосеяния, пропашных культур и пр. [30].

НКЗ в связи с общим затрудненным финансовым положением в стране постоянно испытывал недостаток денежных средств на природовосстановительные меры, которые в большинстве случаев финансировались по остаточному принципу. Несмотря на это ведомству удалось осуществить ряд мер по борьбе с оврагами, песками, мелиорации земель центральной и южной России, интенсификации сельского хозяйства, лесовосстановлению, переселению избыточного населения, развитию научных исследований, агропросвещению и др. На протяжении 1920-х гг. большевики буквально из руин восстановили опытные сельскохозяйственные станции и поля [31].

В рассмотренный период четко выделяются два этапа в социоприродной деятельности НКЗ: период 1920-х гг., когда происходило восстановление истощенных природных ресурсов проверенными дореволюционными способами (мелиорация, интенсификация сельского хозяйства и др.), и период поворота к природопокорительной политике, связанный с переходом к индустриализации и коллективизации. Основными лейтмотивами в период 1930-х гг. стали стремление подчинить природу государственным интере-

сам, господство тоталитарных методов природопользования, прекращение научных дискуссий. Такой подход закрепил потребительское отношение к природным ресурсам. Окружающая среда была отдана на заклание грандиозным планам строительства социализма.

Социоприродные сюжеты в деятельности НКЗ не исчерпываются приведенными в статье примерами. Наше исследование лишь обозначило круг тех социоприродных проблем, с которыми НКЗ, а шире – советское правительство – столкнулись в довоенный период и как реагировали на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Е.Н., Раскин Д.И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 7–23.
2. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М. : Моск. лицей, 1996. 200 с.
3. Цинцадзе Н.С. Экологические аспекты аграрной политики Российской империи в 1861–1917 гг. // Клио. 2018. № 3. С. 60–69.
4. Книпович Б.Н. Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917–1920). М. : Гос. изд., 1920. 47 с.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 9. Д. 1149.
6. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 1540.
7. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 30.
8. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 134.
9. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 759.
10. Цинцадзе Н.С. Социоестественные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–30-х гг // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, Е.А. Борисовой. М. : МАКС Пресс, 2016. Вып. XL С. 140–149.
11. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 195.
12. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1924. Вып. 1: Перспективы развития сельского хозяйства РСФСР. 172 с.
13. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1925. Вып. 6: Советское землеустройство и мелиорация. Перспективный план. 254 с.
14. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3384.
15. Малыгина Н.М. По заданию Москвы: Андрей Платонов – организатор общественных мелиоративных работ в Воронежской губернии в 1924–1925 годах // Москва и «московский текст» в русской литературе XX века : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 15–17 ноября 2007 г. М. : Изд. МГПУ, 2007. С. 4–13.
16. Книпович Б.Н. Главные черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916–1921 гг. : материалы к плану Народного комиссариата земледелия на 1923 г. М. : Новая деревня, 1923. Вып. 1. 113 с.
17. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1924. Вып. 2, ч. 2: Государственный план семеноводства в РСФСР. 84 с.
18. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1926. Вып. 7, ч. 1: Мероприятия по развитию и организации сельского хозяйства РСФСР в условиях и перспективах пятилетия 1923–1928 гг. (План управления сельского хозяйства). 171 с.
19. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1924. Вып. 8: Лесное хозяйство РСФСР и перспективы его развития. 180 с.
20. Тарасенко В.П. Динамика лесистости и породного состава лесов Европейской части СССР и лесовосстановление. М. : Тип. ЦБНТИлесхоза, 1972. 52 с.
21. Труды Землана. М. : Новая деревня, 1925. Вып. 9: Перспективы развития ветеринарного дела в РСФСР. 68 с.
22. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1924. Вып. 10: Устойчивое хозяйство в засушливых областях. 58 с.
23. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 3504.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3488. Т. 1, 2.
25. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1927. Вып. 11: Мероприятия по сельскому и лесному хозяйству на 1926–1927 год. Операционный план Народного комиссариата земледелия РСФСР. 98 с.
26. Труды Земплана. М. : Новая деревня, 1929. Вып. 16: Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29–1932/33 гг.). Ч. 1: Основные проблемы перспективного плана развития сельского хозяйства. 255 с.
27. Труды Земплана. М.–Л. : Сельхозгиз, 1930. Вып. 17: Системы земледелия в засушливых и незасушливых районах. 244 с.
28. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 112.
29. Дедов И., Пескарев А., Голентовская А. Основные вопросы введения севооборотов в зерновых колхозах. Воронеж : Коммуна, 1933. 47 с.
30. Ильиных В.А. Звезда и смерть сибирского травосеяния // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 93–121.
31. Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг. : советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20–30-х годах / под ред. Э.И. Колчинского. СПб. : ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 1997. С. 27–85.

Nina S. Tsintsadze, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian federation). E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

NATURE IN THE SERVICE OF SOCIALISM: THE SOCIO-NATURAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR AGRICULTURE IN 1917–1939s

Keywords: People's Commissariat for Agriculture of the RSFSR / USSR (Narkomzem); nature management; Soviet pre-war village; socio-natural problems; Environmental History of Russia.

The purpose of the article is to study the socio-natural aspects of nature management in the agrarian policy of the People’s Commissariat for Agriculture of the RSFSR / USSR. By socio-natural aspects is understood the relationship of late agrarian society and the environment in the process of economic use of natural resources. The ecological aspects of the activities of the People’s Commissariat for Agriculture have been the subject of special research for the first time. They allow us to trace the continuity in the state regulation of the issues of nature management with the preceding period, identify certain trends and matrices laid for further development. The ecological direction in the activities of this People’s Commissariat in our present understanding did not exist then, but some of its elements were identified by us.

The sources of the study were the records of the funds of the Russian State Archive of Economics (RSAE) and the published materials of the activity of the Commissariat, in particular, the “Works of Zemplan”, the printed organ of the Planning Commission. The results of the study are presented in chronological order with an indication of the problematic issues of discussion and activities of the People’s Commissariat for Agriculture in the following periods: in 1917-1921, 1921-1929, 1930s. They correlate with the traditional periodization of the Russian history, which includes the stages of “War Communism”, New Economic Policy and Collectivization.

The work of the department for the restoration of the country’s rural, forestry and water economy destroyed in the military-revolutionary period, the discussion of the causes and consequences of the drought of 1920s, the specific measures to combat them were studied. The

central place in the article is given to the work of the Narkomzem' Planning Commission, which accumulated the human and intellectual potential of pre-revolutionary Russia. It is noted that due to the involvement of old agricultural specialists in the commissariat, the country's agriculture was restored, continuity in the policy of nature management was maintained. It is concluded that the Soviet party and political leadership represented by the central agricultural department clearly not only caught, but also deeply realized the scale of the socio-natural problems of the country's agriculture. Meliorative and agro-cultural measures of the Soviet Central Agrarian Department in most cases were a response to the periodically exacerbated ecological crisis in the agrarian sphere. At the same time, the Soviet authority pursued the goal of obtaining stable and abundant harvests. In the 1930s nature restoration was replaced by nature conquest, which fixed the consumer attitude to natural resources.

REFERENCES

1. Morozova, E.N. & Raskin, D.I. (2017) Stanovlenie sovetskoy gosudarstvennosti: ispol'zovanie imperskogo naslediya v sfere tsentral'nogo upravleniya [Formation of Soviet statehood: the use of the imperial heritage in central administration]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 7–23.
2. Kulpin, E.S. (1996) *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennuyu istoriyu* [West-East Bifurcation. An Introduction to Social History]. Moscow: Mosk. Litsey.
3. Tsintsadze, N.S. (2018) Environmental aspects of agrarian policy of the Russian Empire in 1861–1917s. *Klio*. 3. pp. 60–69. (In Russian).
4. Knipovich, B.N. (1920) *Ocherk deyatel'nosti Narkomzema za tri goda (1917–1920)* [Essay on the activities of the People's Commissariat for Land for three years (1917–1920)]. Moscow: Gos. izd.
5. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 9. File 1149.
6. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 9. File 1540.
7. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 30.
8. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 134.
9. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 759.
10. Tsintsadze, N.S. (2016) Sotsioestestvennye problemy pozdnego agrarnogo obshchestva Evropeyskoy chasti RSFSR v vospriyatii partiyno-politicheskogo rukovodstva strany 1920–30-kh gg. [Socio-natural problems of the late agrarian society of the European part of the RSFSR in the perception of the party-political leadership of the country in the 1920s – 30s]. In: Kovaleva N.O., Kostovska, S.K. & Borisova, E.A. (eds) *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti* [Nature and Society: Technologies for Ensuring Food and Environmental Security]. Vol. XL. Moscow: MAKS Press. pp. 140–149.
11. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 195.
12. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 1. Moscow: Novaya derevnya.
13. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 6. Moscow: Novaya derevnya.
14. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 7. File 3384.
15. Malygina, N.M. (2007) [On instructions from Moscow: Andrey Platonov – organizer of public reclamation works in Voronezh province in 1924–1925]. *Moskva i "moskovskiy tekst" v russkoy literature XX veka* [Moscow and the "Moscow text" in Russian literature of the 20th century]. Proc. of the International Conference. Moscow, November 15–17, 2007. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 4–13. (In Russian).
16. Knipovich, B.N. (1923) *Glavnye cherty sel'skokhozyaystvennoy evolyutsii Evropeyskoy Rossii v 1916–1921 gg.: materialy k planu Narodnogo komissariata zemledeliya na 1923 g.* [The main features of the agricultural evolution of European Russia in 1916–1921: materials to the plan of the People's Commissariat of Agriculture for 1923]. Vol. 1. Moscow: Novaya derevnya.
17. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 2(2). Moscow: Novaya derevnya.
18. Zemplan. (1926) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 7(1). Moscow: Novaya derevnya.
19. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 8. Moscow: Novaya derevnya.
20. Tarasenko, V.P. (1972) *Dinamika lesistosti i porodnogo sostava lesov Evropeyskoy chasti SSSR i lesovosstanovlenie* [Dynamics of forest cover and species composition of forests in the European part of the USSR and reforestation]. Moscow: Tip. TsBNTIleskhoza.
21. Zemplan. (1925) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 9. Moscow: Novaya derevnya.
22. Zemplan. (1924) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 10. Moscow: Novaya derevnya.
23. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 2. File 3504.
24. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 478. List 5. File 3488. Vols. 1, 2.
25. Zemplan. (1927) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 11. Moscow: Novaya derevnya.
26. Zemplan. (1929) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 16(1). Moscow: Novaya derevnya.
27. Zemplan. (1930) *Trudy Zemplana* [Works of Zemplan]. Vol. 17. Moscow: Novaya derevnya.
28. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 7486. List 19. File 112.
29. Dedov, I., Peskarev, A. & Golentovskaya, A. (1933) *Osnovnye voprosy vvedeniya sevooborotov v zernovykh kolkhozakh* [The main issues of the introduction of crop rotations in grain collective farms]. Voronezh: Kommuna.
30. Ilinykh, V.A. (2016) The star and death of Siberian grassland farming. *Krest'yanovedenie – Russian Peasant Studies*. 1(1). pp. 93–121. (In Russian). DOI: 10.22394/2500-1809-2016-1-1-93-121
31. Elina, O.Yu. (1997) Sel'skokhozyaystvennye opytnye stantsii v nachale 1920-kh gg.: sovetskiy variant reformy [Agricultural experimental stations in the early 1920s: the Soviet version of the reform]. In: Kolchinsky, E.I. (ed.) *Na perelome: sovetskaya biologiya v 20–30-kh godakh* [At the turning point: Soviet biology in the 1920-30s]. St. Petersburg: RAS. pp. 27–85.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(4) "1945/…"
DOI: 10.17223/19988613/67/11

М.А. Гетман

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КОММУНИЗМА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Рассматривается криминализация коммунизма как одно из направлений политики памяти Европейского Союза. Исследуются причины данного явления, интересы политических акторов. Проанализирована стратегия криминализации коммунизма, которая заключается в приравнивании этого режима к нацистскому, исходя из понятия «тоталитаризм». В фокусе статьи – деятельность неправительственной организации «Платформа европейской памяти и совести», направленная на решение задачи криминализации коммунизма в ЕС.
Ключевые слова: политика памяти; Европейский Союз; Восточная Европа; коммунизм; тоталитаризм; неправительственные организации.

Введение

После восточного расширения Европейского Союза (2004) в наднациональной политике памяти основным направлением становится включение исторического опыта стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в уже сложившийся западноевропейский исторический нарратив, центральным событием которого являлся Холокост. В то же время политики из ЦВЕ начали продвижение антитоталитарной парадигмы европейской истории, которая не фокусируется на Холокосте как единственном преступлении против человечности, но заостряет внимание на факте многочисленных нарушений прав человека тоталитарными режимами в Европе. Активность восточноевропейских политиков выразилась в таких мерах на уровне Евросоюза (ЕС), как установление 23 августа днем памяти жертв тоталитарных режимов, принятие в 2009 г. резолюции Европейского парламента (ЕП) «Европейская совесть и тоталитаризм», что способствовало закреплению антитоталитарного консенсуса в политике памяти наднациональных институтов.

В современном мире растет значение неправительственных организаций, являющихся независимым от государства и бизнеса институтом, который представляет интересы граждан в разных областях общественной жизни [1. С. 77]. Наряду с европейскими институтами в политике памяти ЕС принимают участие и неправительственные, общественные организации, одна из которых – Платформа европейской памяти и совести (Platform of European Memory and Conscience; далее – Платформа).

Настоящая статья посвящена анализу криминализации коммунизма как одного из главных направлений европейской политики памяти на примере деятельности организации «Платформа европейской памяти и совести». Платформа была создана при поддержке ЕС, что позволяет говорить о связи между официальными институтами и неправительственным сектором. Вопрос о соотношении между некоммерческими организациями и государством долгое время был предметом академических дискуссий. Исследователи приходят к выводу, что неправительственные организации, являясь частью гражданского общества, во многих случаях получают финансовую поддержку через государственные каналы, поскольку правительство заинтересовано в делегировании части полномочий неофициальному сектору. В этом смысле Платформа не становится исключением: ее главный спонсор – Международный Вышеградский Фонд, формируемый правительствами четырех стран Вышеградской группы. Организацию нельзя также назвать объединением независимого интеллектуального и научного сообщества Европы: руководство состоит из людей, участвующих в работе государственных институтов памяти стран ЦВЕ. В Совет директоров входят европейские политики, во многом ответственные за формирование после восточного расширения ЕС антикоммунистической повестки в Европарламенте и трансформацию исторического нарратива (с включением в него дискурса «коммунистических преступлений»).

Гипотеза, которую я выдвигаю в рамках статьи, заключается в следующем: деятельность неправительственных организаций в странах Центральной и Восточной Европы, направленная на борьбу с коммунистическим наследием, направлена на то, чтобы коммунистические режимы прошлого приравнять к нацистским режимам, исходя из понятия тоталитаризма. Такое уравнивание тоталитаризма коммунистического и национал-фашистского толка приводит к требованию правового оформления ответственности за преступления, совершенные в период коммунистического прав-

ления. Криминализация коммунистического прошлого имеет свои последствия для содержания общеевропейской политики памяти. Криминализация коммунизма означает конкретную правовую практику: административное или уголовное наказание за публичное отрицание преступлений коммунистических режимов, в перспективе – невозможность высказываться о коммунистической идеологии в любом положительном ключе. В таком случае преступления коммунизма и нацизма будут уравнены, и не только в терминах законодательства. Акторы из ЦВЕ добиваются, чтобы в общественном сознании европейцев коммунизм и нацизм воспринимались как одинаковые тоталитарные режимы, между преступлениями которых нет существенной разницы.

В начале статьи будут рассмотрены вопрос восприятия коммунистического прошлого в государствах ЦВЕ и дискурс коммунистических преступлений и криминализации коммунизма в наднациональной политике памяти. Затем будут проанализированы цели и деятельность Платформы европейской памяти и совести, включая информацию об этом объединении (участники и руководство) и акторах, которые стояли за созданием организации. Анализ трех инициатив Платформы позволит рассмотреть ее работу подробнее. Выбор данных кейсов обусловлен различиями в форматах (конференция, выставка, публикация хрестоматии), масштабом, продолжительностью и тем, в какой степени их содержание характерно для деятельности Платформы.

Материалом для написания статьи послужили документы институтов ЕС (резолюции, декларации), выступления политиков, информация с официального сайта Платформы, ежегодные отчеты о выполненных проектах, выпущенная под эгидой организации хрестоматия для школьников.

Криминализацию коммунизма в европейской политике памяти исследовали в своих работах М. Мэлксоо [2, 3], Дж. Минк [4], Д. Кларк [5], М. Зомбори [6], Л. Ноймайер [7, 8], А.И. Миллер [9], А. Литтоз-Монне [10]. Обстоятельный анализ проблемы содержится в монографии французской исследовательницы Л. Ноймайер, опубликованной в 2019 г. [11]. Деятельность Платформы европейской памяти и совести рассматривали С. Бютнер и А. Делиус [12], М. Тот [13]. Ученые приходят к выводу, что ключевую роль в криминализации коммунизма играют консервативные политики из посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, которые инициируют дебаты о европейском прошлом в наднациональных институтах. Однако влияние конкретных инструментов декоммунизации в странах ЦВЕ на общеевропейскую политику памяти определено ими недостаточно ясно.

Коммунизм в политике памяти посткоммунистической Европы

Страны Восточной Европы, вступая в ЕС, имели собственное видение исторического прошлого Европы. В их нарративах центральное место занимали страдания нации в годы коммунистической диктатуры [9. С. 112] и позиция, согласно которой Западная Европа не уделяет должного внимания этой проблеме. Выдержка из речи латвийского политика Сандры Калниете, ставшей затем депутатом Европарламента, наглядно демонстрирует основные положения этого нарратива: «После Второй мировой войны Европа была разделена Железным занавесом. Настоящая история народов Восточной Европы была стерта из общей истории континента. Конечно, людям, пережившим кровавую бойню, тяжело было осознать тот факт, что за Железным занавесом советский режим продолжил геноцид в отношении народов Восточной Европы. Более 50 лет история (старой) Европы писалась без участия этих жертв геноцида... проигравшие должны писать свою историю, потому что она тоже заслуживает законного места в общей истории континента. Иначе история Европы останется односторонней, неполной и нечестной» [14].

В словах политика заключен призыв, во-первых, пересмотреть послевоенную историю Европы. Если с точки зрения Запада («старой» Европы) после 1945 г. началась эпоха мира (пусть и в контексте Холодной войны), процветания и демократии, то с точки зрения Востока («новой» Европы) в 1945 г. один тоталитаризм сменился другим. Позиция Запада игнорирует исторический опыт той части континента, где демократизация стала возможной только после распада социалистического блока. Во-вторых, Калниете высказывает претензию западным странам, поскольку они не препятствовали репрессивной политике советского режима. Российский исследователь А.И. Миллер отмечает: в политике памяти восточноевропейских стран сформировался дискурс «похищения Европы», которое произошло из-за предательства малых наций западными странами [9. С. 116], что позволило затем включить Советскому Союзу эти государства в свою сферу влияния.

С. Калниете является значимой фигурой европейской политики памяти, во многом ответственной за формирование антикоммунистической повестки. Калниете возглавила «Примирение европейских историй» – неформальную группу в ЕП, основная задача которой – «ответить на вызов, связанный с включением опыта посткоммунистических стран в общий нарратив европейской истории» [15]. Большинство группы составляют парламентарии из стран ЦВЕ, принадлежащие к Европейской народной партии – правоцентристской политической фракции Европарламента.

Политиков, которые, подобно Калниете, особо проявили себя в области политики памяти на европейском уровне, Л. Ноймайер предложила называть активистами памяти (memory entrepreneurs). Она разделяет активистов памяти на две группы. К первой относятся бывшие диссиденты, которые занимали важные политические посты в своих государствах, прежде чем стать депутатами Европарламента. Эти политики, используя свой моральный авторитет и биографии (где один из главных сюжетов – борьба с коммунистическим режимом), рассказывают о «преступлениях коммунизма» на площадках Европарламента и других наднациональных организаций (например, Парламент-

ской ассамблеи Совета Европы, ПАСЕ). Наиболее деятельными в этом направлении оказались, кроме С. Калниете, Витаутас Ландсбергис (Литва), Тунне Келам (Эстония), Ласло Тёкеш (Румыния). Во вторую группу входят политики младшего поколения: они не сталкивались с опытом государственных репрессий и не были диссидентами, однако связаны с руководством Европейской народной партии или с национальными правительствами. Среди них Л. Ноймайер называет Йозефа Шажера (Венгрия) и Яну Хибашкову (Чехия) [7. P. 348].

Таким образом, после восточного расширения в наднациональной политике памяти, благодаря мобилизации акторов из «новых» стран, формируется дискурс «коммунистических преступлений». Политики сосредоточились на криминализации коммунизма: таком прочтении прошлого, согласно которому коммунистическая идеология сама по себе являлась преступной [11. P. 2]. В рамках этого дискурса страны ЦВЕ представлены жертвами внешних обстоятельств, их общества в 1945–1989 гг. делятся на группы «потерпевших» и «преступников».

Исследователи отмечают, что действия активистов памяти «подрывали» сложившийся в Западной Европе (и распространившийся на ЕС) консенсус о Холокосте как определяющем событии европейской новейшей истории, которое сформировало самокритичную культуру памяти на основе разделяемой всеми европейскими странами ответственности за эту трагедию [9. С. 112]. Уникальность Холокоста начала размываться из-за инкорпорации в исторический нарратив ЕС памяти о преступлениях, совершенных советским режимом [10. P. 1184]. Обязательство сохранять память о Холокосте было основой европейской идентичности. Точно так же нарративы о страданиях в годы коммунистического правления объединяли общества посткоммунистических стран в переходный от диктатуры к демократии период и сыграли определенную роль в конструировании новых коллективных идентичностей в этих государствах. Чтобы сгладить возможные противоречия между двумя нарративами, наднациональные институты предложили антитоталитарное видение европейской истории. Не без участия активистов памяти из стран ЦВЕ Европарламент выпускает два ключевых в этом направлении документа – «Декларацию о провозглашении 23 августа общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма» (2008) и «Резолюцию о европейской совести и тоталитаризме» (2009).

Авторы декларации (2008) рассматривают преступления двух тоталитарных режимов в категориях военных преступлений и преступлений против человечности, применяя к ним нормы Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод [16]. В тексте резолюции (2009) подчеркивается, что жертвы тоталитарных режимов и их семьи заслуживают «симпатии, понимания и признания своих страданий» [17]. Однако из этого тезиса не следует каких-либо конкретных правовых мер, посредством которых подобное признание могло бы осуществиться. Также отмечается, что, хотя социализм рухнул 20 лет назад, архивы бывших служб государственной безопасности во многих посткоммунистических странах ЕС по-прежнему закрыты. Поэтому государствам рекомендуется принять меры по упрощению доступа к документам в целях научных изысканий и предотвратить возможные злоупотребления архивной информацией ради политических выгод [17].

Институты ЕС признали коммунизм частью общеевропейского исторического нарратива, однако на европейском уровне не были предприняты меры по криминализации коммунизма. Следует отметить резолюцию «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов», принятую ПАСЕ в 2006 г. [18]. Резолюция послужила одним из правовых источников для утверждения европейскими институтами всех дальнейших документов, затрагивающих проблему коммунистических преступлений.

Почему акторы из ЦВЕ столь активно включились в дебаты о памяти и общеевропейской истории, требуя признать свое коммунистическое прошлое преступным? Исследователи видят причины в стремлении стран Восточной Европы добиться равноправного со «старой» Европой статуса в ЕС, получить символическое признание того, что они теперь тоже являются субъектами европейской политики [10. P. 1193]. Иначе говоря – доказать свое право и возможность формулировать видение европейского проекта и европейской идентичности, интерпретируя прошлое и не оставаясь на правах младших партнеров [2. P. 656]. На мой взгляд, акторы из ЦВЕ, привнеся в наднациональную политику памяти антикоммунистическую повестку, запустили широкую дискуссию о ценностях ЕС, поставив вопрос: какое историческое событие – Холокост или коммунизм – в большей степени способствовало формированию демократии в европейских странах? Как отмечает Ч. Кисс, нацизм и коммунизм сопоставляли и прежде, но посткоммунистические страны привнесли в эту дискуссию эмоциональность [19. P. 420]. Также фактором является внутренняя политика стран ЦВЕ. Ряд авторов, например Д. Кларк и Л. Ноймайер, утверждают, что отдельные политические деятели или коалиции политиков стремятся перенести национальные дискуссии на европейский уровень, чтобы превратить их в международную проблему. По мнению Д. Кларка, так политики добиваются поддержки определенной повестки институтами ЕС для усиления своего влияния на национальном уровне [5. P. 113].

Криминализацию коммунизма можно рассматривать как часть более общей стратегии декоммунизации – полного отказа от всех общественно-политических практик периода социализма и перехода к демократическому режиму. Основные инструменты декоммунизации – открытие архивов и люстрация (исключение из публичной политики всех лиц, связанных с предыдущим режимом) [11. P. 28]. Однако многие фигуры, связанные с коммунистическим режимом, остаются в политической жизни своих стран. Перенос проблемы декоммунизации (в форме дебатов об исторической памяти) на европейский уровень давал политикам из стран ЦВЕ возможность окончательно отстранить

от власти прежнюю элиту. Общеевропейское осуждение коммунизма, выраженное в конкретных правовых мерах, сделало бы нелегитимными таких политиков и левые партии (преемственные по отношению к старым коммунистическим партиям), лишило бы их поддержки граждан. Наличие за плечами конкретных деятелей коммунистического прошлого в случае, если коммунизм подлежит осуждению на европейском уровне, способно дискредитировать подобных акторов вплоть до полного запрета на участие в публичной политике или привести их на скамью подсудимых. Так, по мнению Е.Ю. Мелешкиной, принятие в ряде стран ЦВЕ юридических норм о запрете коммунистической символики было инструментом политической борьбы [20. С. 170].

В 2010 г. Европейская комиссия отклонила просьбу шести Восточноевропейских стран (Латвии, Литвы, Венгрии, Болгарии, Румынии и Чехии) о криминализации публичного отрицания преступлений, совершенных коммунистическим режимом, аналогично принятому в странах ЕС запрету на публичное отрицание, оправдание или тривиализацию Холокоста [3. P. 83]. Основным доводом Еврокомиссии было отсутствие законодательного механизма, позволяющего квалифицировать преступления коммунизма как геноцид, ведь «коммунистический режим не проводил целенаправленной политики уничтожения этнических меньшинств» [21]. Представители Литвы заявляли о необходимости изменений в трактовке понятия «геноцид» и включения в это определение преступлений, совершенных против группы лиц на основании ее социального статуса или политических убеждений [Ibid.]. Такое предложение высказывалось еще в 2007 г. при обсуждении «Рамочного соглашения о борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии в терминах уголовного права», которое является главным инструментом для наказания публичных отрицаний, оправданий или упрощенной трактовки преступлений геноцида, преступлений против человечности или военных преступлений [22]. Однако в этом документе речь идет только о ненависти на почве «расового, этнического, национального происхождения или религии».

В декабре 2010 г. Комиссия выпустила отчет, в котором отметила, что Рамочное соглашение не учитывает преступлений, совершенных тоталитарными режимами, «на иной (нежели вышеперечисленные) почве»: т.е. с помощью этого механизма нельзя оформить правовую ответственность за преступления коммунистических режимов. Как сказано в документе, «каждая страна ЕС по-своему решает этот сложный и деликатный вопрос – установление правды и исторической истины для будущих поколений» [23]. Комиссия может создавать условия для дискуссий и обмена лучшими практиками, но пока институты ЕС не готовы выполнить просьбу посткоммунистических государств. Еще одной возможной причиной, почему на европейском уровне преступлениям коммунизма не дают такую же правовую оценку, что и нацистским, явились «отсутствие консенсуса по этому вопросу среди стран ЕС» и опасения западноевропейских политиков, связанные с проблемой антисемитизма на востоке Евросоюза.

В поисках правосудия: Платформа европейской памяти и совести

Платформа европейской памяти и совести создана в октябре 2011 г. Она позиционирует себя как международную некоммерческую и неправительственную организацию [24]. Учреждение Платформы – результат совместных усилий национальных институтов памяти посткоммунистических стран, депутатов Европарламента, являющихся членами неформальной группы «Примирение европейских историй», и представителей политической элиты, за плечами которых – диссидентское прошлое или преследования со стороны коммунистического режима.

Организация основана в рамках «Пражского процесса» – политической кампании 2008 г., стартом которой была конференция «Европейская совесть и коммунизм», проведенная по инициативе чешского сенатора Мартина Мейстржика (в прошлом – один из студенческих лидеров бархатной революции в Чехословакии) и депутата ЕП Я. Хибашковой (активист памяти) [25]. По итогам работы конференции выпущена Пражская декларация, которая содержала призыв к правовому осуждению коммунистических преступлений, отмечала, что нацизм и коммунизм одинаково нарушали права человека, и потому «жертвы коммунизма и их семьи заслуживают такого же признания своих страданий, как и жертвы нацизма» [26]. Авторы декларации предложили создать Платформу европейской памяти и совести, которая, являясь научным институтом, оказывала бы поддержку национальным академическим организациям, чья специализация – исследование тоталитарных режимов в Европе. В то же время новое учреждение стало бы общеевропейским центром документации и мемориалом в честь жертв тоталитаризма [26].

О создании общеевропейской ассоциации для координирования различных национальных исследовательских центров тоталитарной истории было сказано в резолюции Европарламента «Европейская совесть и тоталитаризм» (2009). Эту идею затем поддержали Европейский совет [27. P. 17] и Еврокомиссия [25. P. 9]. 23 августа 2011 г. в Варшаве 17 министров юстиции стран ЕС и председатель Европарламента Ежи Бузек (польский политик, в 1980-е гг. был активистом профсоюза «Солидарность» в Польше) подписали Варшавскую декларацию по случаю европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов. Выразив мысль, что тоталитарные режимы независимо от своих идеологических оснований ответственны «за тягчайшие преступления против человечности, геноцид и военные преступления», подписавшие документ политики «приветствовали» учреждение Платформы «в рамках уже существующих программ ЕС как способ преодоления различий между восприятием опыта тоталитарного прошлого на Востоке и Западе Европы» [28. P. 2]. Видимо, речь шла о создании инструмента политики памяти, подконтрольного институтам ЕС и получаю-

щего финансирование в рамках программы «Европа для граждан». Немецкие исследователи С. Бютнер и А. Делиус отмечают, что основание Платформы явилось прямым результатом политической мобилизации и процесса принятия решений на уровне Европейского Союза [12. P. 395]. Об этом свидетельствует участие политиков – активистов памяти [29].

Сейчас Платформа объединяет свыше шестидесяти организаций – государственных и частных – из 14 стран Евросоюза, а также из Албании, Исландии, Молдовы, Украины, США и Канады [24]. С 2016 г. Платформу возглавляет польский историк Лукаш Каминский, ранее президент Института национальной памяти – польского государственного учреждения, созданного для обработки и хранения документов бывшей службы госбезопасности, в то же время ключевого актора польской политики памяти. Исполнительный совет представлен общественными деятелями, историками, связанными с национальными институтами памяти, и политиками из посткоммунистических стран ЕС. В Совет директоров входят некоторые депутаты Европарламента (исключения составляют французский историк С. Куртуа, автор «Черной книги коммунизма», и чешский актер О. Ветчий), которые участвуют в работе парламентской группы «Примирение европейских историй», – активисты памяти (С. Калниете, Т. Келам, Л. Тёкеш и др.) [30].

Цели Платформы можно разделить на просветительские и общественно-политические, т.е. направленные на поддержку ценностей, которые формируют курс европейской политики. Так, Платформа намерена «просвещать общественность в вопросах европейской истории», а также «распространять знания о тоталитарных режимах среди молодежи и готовить специальные учебные курсы». С другой стороны – «предотвращать рост нетерпимости, радикализма и возникновение антидемократических движений» и «способствовать объединению европейских граждан на основе общих ценностей демократии и уважения прав человека, чтобы укрепить демократические режимы» [24]. Однако среди целей выделяются две, связанные с вопросом криминализации коммунизма в ЕС: «поддерживать те инициативы на европейском уровне, которые способствуют формированию непредвзятого отношения ко всем преступлениям геноцида, преступлениям против человечности и военным преступлениям, а также к их жертвам»; «достигнуть партнерства» с институтами Евросоюза и другими международными организациями в поисках «честной и прозрачной оценки общеевропейского тоталитарного наследия» [31. P. 3].

Л. Ноймайер отмечает, что эксперты и политики Платформы принадлежат к одному кругу: в основном они из посткоммунистических стран, представляют правоцентристские политические партии и придерживаются методологии двух исследовательских школ – тоталитарной историографии коммунизма и концепции законодательной защиты прав человека [11. P. 196]. Показательно, что в Платформе нет левых политиков или интеллектуалов, которые могли бы предложить другой подход к исторической оценке коммунизма и деятельности коммунистических партий в Европе. Национальные организации, входящие в Платформу, по большей части занимаются изучением именно коммунистических преступлений, а не преступлений всех тоталитарных режимов, или являются общественными ассоциациями пострадавших от преследований коммунистического государства. Можно сказать, позиция Платформы в отношении европейского прошлого предопределена самим составом организации.

Еще одним намерением является поддержка «широкой общеевропейской дискуссии о причинах возникновения тоталитарных режимов и последствиях тоталитаризма для Европы», однако если все участники придерживаются схожих политических и методологических взглядов, фокус дискуссии сужается. Кроме того, слишком мало представительство западноевропейских стран, не столкнувшихся с опытом коммунизма, но пострадавших от других тоталитарных режимов. Так, среди участников Платформы есть организации из Франции, Голландии и Швеции, но от каждой из этих стран в Платформу входит по одному объединению. Нет представителей из Испании – европейского государства, граждане которого почти 40 лет находились под диктатурой режима генерала Франко; Италия, пережившая тоталитаризм фашистского толка, тоже не является участницей этой организации.

В 2012 г. в Европейском парламенте под эгидой Платформы состоялась конференция «Правовая оценка коммунистических преступлений» с задачей поиска «новой модели международного правосудия», в рамках которой возможно призвать к юридической ответственности виновных в преступлениях коммунизма. Кроме того, Платформа предлагала решить «вопрос этического, морального и правового долга Европейского союза перед своими гражданами, которые пострадали от грубых нарушений прав человека при тоталитарном коммунистическом режиме, и по отношению к преступникам, ответственным за эти нарушения» [32. P. 8]. По итогам конференции подписана «Декларация 2012», содержащая тот же призыв: обеспечить правосудие на наднациональном уровне и аннулировать привилегии лиц, совершавших в годы коммунистической диктатуры преступления [33]. Участники из посткоммунистических стран (депутаты Европарламента С. Калниете, Т. Келам и др.) в своих выступлениях отметили, что без должной правовой оценки коммунистических преступлений Евросоюзом невозможно подлинное объединение Европы [34].

В том же году Платформа анонсировала открытие передвижной выставки «Тоталитаризм в Европе». Первой площадкой, где была представлена экспозиция, стал театр «Арена» в Братиславе (Словакия). В течение следующих шести лет выставку приняли разные города Европы, а также США и Канады, однако приоритет отдавался посткоммунистическим государствам, причем по большей части экспозиция демонстрировалась на площадках организаций – партнеров Платформы. Для выставки кураторы подготовили стенды, посвященные периодам нацистского и коммунистического тоталитаризма в 12 странах ЕС. Содержательно экспозиция фокусируется на количественных данных о пострадавших от действий режимов и личностях, кото-

рые несли ответственность за военные преступления и преступления против человечности в каждой конкретной стране. Среди преступников названы как местные политические деятели, так и немецкие и советские лидеры и военачальники [35]. Авторы делают упор на сотрудничестве двух тоталитаризмов (пакт Молотова-Риббентропа, раздел Восточной Европы на сферы влияния), тем самым подчеркивая факт сходства этих режимов. Можно отметить, что основная цель выставки – показать отсутствие разницы в методах нацизма и коммунизма и степени нарушений прав человека, что легитимирует требования осудить коммунизм подобно тому, как были осуждены преступления нацизма.

В 2013 г. Платформа опубликовала хрестоматию для учеников старших школ «Чтобы мы не забыли. Память о тоталитарных режимах в Европе» [36]. В книге представлены рассказы о судьбах людей, которые пострадали и от нацизма (например, в годы оккупации), и от коммунизма. У читателя складывается впечатление, что эти режимы оказались полностью преемственны по отношению друг к другу. Издание хрестоматии получило финансовую поддержку Еврокомиссии в рамках программы «Европа для граждан» и стало одним из самых масштабных проектов Платформы. Книга опубликована на чешском, английском, итальянском, французском, немецком, польском и украинском языках. Выбор такой формы рассказа о тоталитаризме – через истории разных людей – отражает намерение заполнить пробел и создать образ «жертвы коммунизма». В общественном сознании есть устойчивые представления о жертвах нацизма (евреи и другие этносы, считавшиеся «неполноценными»в нацистской идеологии) и соответствующих символах преступлений (Освенцим), однако образ «типичной» жертвы коммунизма выглядит размытым и потому нуждается в более ясных «очертаниях».

Французский историк С. Куртуа во вступительной статье предлагает исторический нарратив, в контексте которого ученикам школ следует читать биографии. По его словам, тоталитаризм родился из Октябрьской революции 1917 г., и «коммунистическая тоталитарная модель была немедленно скопирована двумя другими тоталитарными лидерами – Муссолини и Гитлером» [Ibid. P. 10]. Международное сообщество после войны осудило преступления нацизма как «преступления против человечности», эта идеология дискредитирована, и «никто в Европе не вспоминает о нацизме или фашизме как о чем-то хорошем». Коммунизм, по словам С. Куртуа, был точно таким же тоталитарным и преступным режимом, но его не осудили; напротив, в послевоенные годы в коллективной памяти европейцев коммунизм прославлялся – из-за значительного вклада Красной Армии в победу над Германией, а также по причине участия европейских коммунистов в национальных движениях Сопротивления.

Куртуа критикует официальный миф об освобождении Центральной и Восточной Европы, который оправдывал утверждение в этих странах коммунизма. Такая память не позволяла общественности и политикам из Западной Европы критически оценить эту идеологию. За «воссоединением» Европы в 2004 г. не последовало объединение памятей, а общеевропейский взгляд на историю коммунистических режимов не сформирован. Говоря о том, что нацизм был своего рода «копией» тоталитарного коммунизма, С. Куртуа воспроизводит аргументацию немецкого историка Э. Нольте. В книге «Европейская гражданская война» (1987) Нольте писал, что, поскольку преступления нацизма были вторичными по отношению к преступлениям коммунизма, они не могут считаться уникальным случаем репрессивной политики государства [37]. Тезис Нольте спровоцировал в ФРГ «спор историков», итогом которого стало утверждение в Германии (а затем и в Европе) консенсуса об исторической уникальности преступлений нацистского режима и недопустимости попыток «нормализации» нацизма, которая размывала бы ответственность за Холокост. Однако Куртуа преследует цель не «нормализации» нацизма, сопоставляя преступления двух тоталитарных режимов, но формирования общей памяти европейцев на основе антитоталитарного нарратива.

Деятельность Платформы воспринимается неоднозначно в кругах левых европейских политиков [38], а требования провести аналогичный Нюрнбергскому процессу суд над бывшими коммунистическими деятелями, основываясь на концепции военных преступлений (в то время как по большей части преступления коммунизма были совершены в мирное время) вызывают сомнения [39].

Платформа европейской памяти и совести, с одной стороны, вписывается в контекст наднациональной политики памяти, поскольку ее создание было поддержано институтами ЕС при участии политиков из Восточной Европы. С другой стороны, это инструмент национальных политик памяти посткоммунистических стран, где главная задача – декоммунизация. Платформа вносит определенный вклад в установление общеевропейского консенсуса о тоталитарном прошлом, особо фокусируясь на преступлениях коммунизма, однако этот вопрос все еще вызывает разногласия среди представителей различных политических течений и сохраняет конфликтный потенциал между правыми и левыми силами в Европарламенте [40]. За просветительскими целями нередко стоят политические стратегии, и благодаря этому Платформа является не столько площадкой для академического сотрудничества, сколько актором политики памяти. Показательно, что изначально возлагавшиеся на Платформу задачи – организация общеевропейского центра документации и открытие мемориала жертвам тоталитаризма – до сих пор не выполнены.

Выводы

Общеевропейская политика памяти формируется под влиянием внутренней политики стран ЕС. Эта зависимость с особой очевидностью проявилась после присоединения к Евросоюзу посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы. Декоммунизация и демократизация в этих странах обусловили их отношение к европейскому прошлому, что привело к требованиям пересмотра исторического нарратива

ЕС и оценки коммунистического периода в терминах нарушений прав человека. Криминализация коммунизма, которой добиваются акторы из стран ЦВЕ, является продолжением политики декоммунизации и отражает внутриполитическую борьбу.

Основная стратегия криминализации коммунизма состоит в равной оценке преступлений нацизма и коммунизма в рамках понятия «тоталитаризм». Проводниками этой политики выступают правоцентристские депутаты Европарламента из посткоммунистических стран, действия которых привели к изменению исторического нарратива и признанию институтами ЕС антитоталитарного видения европейской истории. Два тоталитарных режима в таком контексте выглядят одинаково преступными, антидемократическими, ответственными за массовые нарушения прав человека. Однако изменение нарратива не привело на уровне Европейского Союза к правовому оформлению ответственности за преступления, совершенные в годы коммунизма. Поэтому деятельность общественной организации «Платформа европейской памяти и совести», за созданием которой стояли политики из Восточной Европы, посвящена общеевропейской криминализации коммунизма. Хотя данная цель заявлена в размытых формулировках, анализ инициатив «Платформы» показал, что организация сфокусирована на формировании общественного и политического консенсуса по поводу восприятия коммунистического режима как тоталитарного и потому заслуживающего однозначной правовой оценки европейскими институтами.

Платформа выбрала ту же стратегию, что и политики в Европарламенте – добиться криминализации коммунизма через сопоставление преступлений нацистского и коммунистического режимов; правомерность такого уравнения определяется нарушениями этими режимами демократических норм и основных прав и свобод человека. Совпадение стратегий вряд ли является случайным: политики, формирующие в европейской политике памяти антикоммунистическую повестку, непосредственно участвуют в работе Платформы.

Криминализация коммунизма затрагивает несколько проблем, в первую очередь отсутствие консенсуса в Европе по поводу восприятия коммунистической идеологии и однозначно негативной оценки коммунистического прошлого. Продолжается спор о политических ценностях, определяющих европейский проект, и создании таких правовых норм, которые позволили бы оформить правовую ответственность виновных в преступлениях коммунизма. В этих проблемах отражены существующие противоречия и практика использования наднациональной политики памяти для решения внутриполитических задач. Однако из этого не следует, что общеевропейская память будет представлять сумму национальных нарративов. Продвижение антитоталитарной парадигмы и криминализация коммунизма показывают тенденцию отношения к памяти как ресурсу для поддержки демократических ценностей ЕС. В этом, видимо, и кроется потенциал формирования европейской памяти, которая выходила бы за рамки национальных воспоминаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсепян В.В. Проблема классификации НПО // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2016. № 2. С. 77–86.
2. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15 (4). P. 653–680.
3. Mälksoo M. Criminalizing Communism: Transnational Mnemopolitics in Europe // International Political Sociology. 2014. Vol. 8 (1). P. 82–99.
4. Mink G. Is there a new institutional response to the crimes of Communism? National memory agencies in post-Communist countries: the Polish case (1998–2014), with references to East Germany // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45, № 6. P. 1013–1027.
5. Clarke D. Communism and Memory Politics in the European Union // Central Europe. 2014. Vol. 12. № 1. P. 99–114.
6. Zombory M. The birth of the memory of Communism: memorial museums in Europe // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45, № 6. P. 1028–1046.
7. Neumayer L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the «Crimes of Communism» in the European Parliament // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363.
8. Neumayer L. Advocating for the cause of the «victims of Communism» in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45, № 6. P. 992–1012.
9. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
10. Littoz-Monnet A. The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? // West European Politics. 2012. Vol. 35, № 5. P. 1182–1202.
11. Neumayer L. The Criminalisation of Communism in the European Political Space after the Cold War. New York : Routledge, 2019. 242 p. (Critical European Studies).
12. Büttner M.S., Delius A. World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents between Epistemic Framing and Political Agenda Setting // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 391–404.
13. Toth M. Challenging the Notion of the East-West Memory Divide // Journal of Common Market Studies. 2019, 23 Apr. // Wiley Online Library. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jcms.12870 (accessed: 17.07.2019).
14. Old Europe, New Europe: Sandra Kalniete's remarks at the Leipzig Book Fair 2004 // Sandra Kalniete. 2018. 22 May. URL: http://kalniete.lv/2018/05/22/old-europe-new-europe-sandra-kalnietes-remarks-at-the-leipzig-book-fair-2004/ (accessed: 14.07.2019).
15. Reconciliation of European Histories. About Us // Demokratiezentrum Wien URL: www.demokratiezentrum.org/fileadmin/media/img/Gedenktage/GO_5.3_Reconciliation.pdf (accessed: 14.07.2019).
16. European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism : Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // Official Journal of the European Union. 2010. 14 Jan. C 8 E/57.
17. European conscience and totalitarianism : European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. Brussels. European Parliament.
18. Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes : Resolution 1481 (2006) // PACE. URL: https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en (accessed: 16.07.2019).
19. Kiss C. Historical Memory in Post-Cold War Europe // The European Legacy. 2014. Vol. 19 (4). P. 419–432.
20. Мелешкина Е.Ю. Отвергая символику прошлого: влияние условий политического развития на принятие законов о декоммунизации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 148–172.

21. EU rejects eastern states' call to outlaw denial of crimes by communist regimes. 2010. 21 Dec // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2010/dec/21/european-commission-communist-crimes-nazism (accessed: 16.07. 2019).
22. Framework Decision on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law // EUR-lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Al33178 (accessed: 16.07. 2019).
23. Report from the Commission to the European Parliament and to the Council. The memory of the crimes committed by totalitarian regimes in Europe // EUR-lex. Brussels, 2010. 22 Dec. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52010DC0783 (accessed: 15.07.2019)
24. About the Platform // Platform of European Memory and Conscience. URL: https://www.memoryandconscience.eu/about-the-platfor/about-the-platform/ (accessed: 15.07.2019).
25. Platform of European Memory and Conscience – a brief history // Platform of European Memory and Conscience. URL: https://www.memoryandconscience.eu/2011/08/17/new-webpage-test/ (accessed: 17.07.2019).
26. Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3rd, 2008, Prague, Senate of the Parliament of the Czech Republic. URL: https://web.archive.org/web/20081209014215/http://www.praguedeclaration.org/ (accessed: 17.07.2019).
27. Conclusions of the General Affairs and External Relations Council of the EU of 15 June, 2009 : Press Release 2950th Council meeting. Luxembourg. 19 p.
28. Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes, 23rd August 2011. Warsaw (Poland). 5 p.
29. Parliament backs totalitarian «remembrance day» // EURACTIV. 2009. 3 Apr. URL:https://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/parliament-backs-totalitarian-remembrance-day/ (accessed: 17.07.2019).
30. Platform Representatives. URL: https://www.memoryandconscience.eu/platform-representatives-2017/ (accessed: 17.07.2019).
31. Agreement establishing The Platform of European Memory and Conscience. 14 October, 2011. Prague. 18 p. URL: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/12/Agreement-and-Statute-of-the-Platform1.pdf (accessed: 17.07.2019).
32. Conference "Legal Settlement of Communist Crimes". June 2012. Activity Report. October 2011 – October 2012. 20 p. URL: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2014/11/activity_report_2011-2012_PEMC.pdf (accessed: 17.07.2019).
33. Declaration 2012 // Platform of European Memory and Conscience. URL: https://www.memoryandconscience.eu/category/documents/declaration-2012/ (accessed: 17.07.2019).
34. Crimes of Communism against humanity: Europe needs to do more // Tunne Kelam. 2012. 05 June. URL: http://www.kelam.ee/in-english/news/crimes-of-communism-against-humanity-europe-needs-to-do-more-jerzy-buzek-mep-sandra-kalniete-mep-gyorgy-schopflin-mep-and-tunne-kelam-mep (accessed: 17.07.2019).
35. Presentations of the international travelling exhibition "Totalitarianism in Europe" // Platform of European Memory and Conscience. URL: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2014/01/Totalitarianism_in_Europe_update_20141.pdf (accessed: 06.08.2019)/
36. Lest We Forget. Memory of Totalitarianism in Europe : a Reader for Older Secondary school students Anywhere in Europe / ed. by G. Purves. Platform of European Memory and Conscience, 2013. 288 p.
37. Люкс Л. Заметки о спорной книге немецкого историка Эрнста Нольте // Знамя. 2004. № 6 // Журнальный зал. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/zametki-o-spornoj-knige-nemeczkogo-istorika-ernsta-nolte.html (дата обращения: 06.08.2019)/
38. The Dangerous Conservative Totalitarianism Discourse in the EU // Transform Europe. URL: https://www.transform-network.net/es/publications/anuario/overview/article/yearbook-2018/the-dangerous conservative-totalitarianism-discourse-in-the-eu/ (accessed: 18.07.2019).
39. A review of the Prague Platform's Travelling Exhibition "Totalitarianism in Europe" // Defending History. URL: http://defendinghistory.com/inclusion-and-occlusion/59470 (accessed: 18.07.2019).
40. Littoz-Monnet A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51, № 3. P. 489–504.

Margarita A. Getman, Tomsk State University. (Tomsk, Russian federation). E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

CRIMINALIZATION OF COMMUNISM IN EUROPEAN UNION'S SUPRANATIONAL REMEMBRANCE POLICY

Keywords: remembrance policy; European Union; Eastern Europe; communism; totalitarianism; NGOs.

The article examines how European Union's supranational remembrance policy deals with the issue on criminalization communism after Eastern Enlargement of EU in 2004. The domestic policy conditions that relate with "coming to terms with totalitarian communism legacy" in respective region significantly influence to European remembrance policy. With efforts of a number MEP's from post-communists states in 2008-2009 the supranational institutions (mainly the European Parliament) implement anti-totalitarian narrative of European history. This provides a basis for equating the Nazism and Communism crimes. The core of the narrative based on the fact that both regimes brutally violated the human rights.

With references on official EU's documents, politician's speeches and activities of non-governmental "Platform of European memory and conscience" author conclude that the main strategy for criminalize the communism is comparing this regime with national-socialists one. This equalize gives the legitimacy to the requirements for legal responsibility on the crimes committed by communists rule in the Central and Eastern Europeas well as banned any public denying or condoning of this crimes qualify them as "genocide".

Since in the EU there is no basic agreement on the assessment of communism as unambiguous negative and criminal political regime, and the main symbol as the crime against humanity is still the Holocaust, one of the task which take on account by "memory entrepreneurs" is the formation of political and public consensus in the interpretation of theirs combusts past based on "totalitarianism" conception.

Author focused on activities and projects of organization "Platform of European memory and conscience" that was established with support from European institutions and Governments of some Central European states. Despite that main goal of the "Platform" as it declared is a keeping memory on crimes committed by different totalitarian regimes in Europe, initiatives of this organization focuses precisely on the criminalization of communism at the pan-European level.

Debates on consequences of totalitarian communism in European history reflect various visions of European project and European identity, but concentration on defense of democracy values and human rights protection has its own potential for shaping supranational pan-European memory.

REFERENCES

1. Hovsepyan, V.V. (2016) The problem of classification of NGOs. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 2. pp. 77–86. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2016-2-77-86
2. Mälksoo, M. (2009) The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*. 15(4). pp. 653–680. DOI: 10.1177/1354066109345049
3. Mälksoo, M. (2014) Criminalizing Communism: Transnational Mnemopolitics in Europe. *International Political Sociology*. 8(1). pp. 82–99. DOI: 10.1111/ips.12041

4. Mink, G. (2017) Is there a new institutional response to the crimes of Communism? National memory agencies in post-Communist countries: the Polish case (1998–2014), with references to East Germany. *Nationalities Papers*. 45(6). pp. 1013–1027. DOI: 10.1080/00905992.2017.1360853
5. Clarke, D. (2014) Communism and Memory Politics in the European Union. *Central Europe*. 12(1). pp. 99–114. DOI: 10.1179/1479096314Z.00000000018
6. Zombory, M. (2017) The birth of the memory of Communism: memorial museums in Europe. *Nationalities Papers*. 45(6). pp. 1028–1046. DOI: 10.1080/00905992.2017.1339680
7. Neumayer, L. (2015) Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the "Crimes of Communism" in the European Parliament. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 344–363. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001825
8. Neumayer, L. (2017) Advocating for the cause of the "victims of Communism" in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields. *Nationalities Papers*. 45(6). pp. 992–1012. DOI: 10.1080/00905992.2017.1364230
9. Miller, A.I. (2016) Politics of memory in post-Communist Europe and its impact on European culture of memory. *Politiya – Politeia*. 1(80). pp. 111–121. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121
10. Littoz-Monnet, A. (2012) The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? *West European Politics*. 35(5). pp. 1182–1202. DOI: 10.1080/01402382.2012.706416
11. Neumayer, L. (2019) *The Criminalisation of Communism in the European Political Space after the Cold War*. New Yor : Routledge.
12. Büttner, M.S. & Delius, A. (2015) World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents between Epistemic Framing and Political Agenda Setting. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 391–404. DOI: 10.1080/14782804.2015.1056116
13. Toth, M. (2019) Challenging the Notion of the East-West Memory Divide. *Journal of Common Market Studies*. 23rd April. [Online] Available from: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jcms.12870 (Accessed: 17th July 2019).
14. Kalniete, S. (20014) *Old Europe, New Europe: Sandra Kalniete's remarks at the Leipzig Book Fair 2004*. [Online] Available from: http://kalniete.lv/2018/05/22/old-europe-new-europe-sandra-kalnietes-remarks-at-the-leipzig-book-fair-2004/ (Accessed: 14th July 2019).
15. Demokratiezentrum Wien. (n.d.) *Reconciliation of European Histories. About Us*. [Online] Available from: www.demokratiezentrum.org/fileadmin/media/img/Gedenktage/ GO_5.3_Reconciliation.pdf (Accessed: 14th July 2019).
16. The European Parliament. (2010) European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism: Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. *Official Journal of the European Union*. 14th January. pp. 8 E/57.
17. The European Parliament. (2009) *European conscience and totalitarianism : European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism*. Brussels: European Parliament.
18. PACE. (2006) *Need for international condemnation of crimes of totalitarian communist regimes: Resolution 1481 (2006)*. [Online] Available from: https://assembly.coe.int/ nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17403&lang=en (Accessed: 16th July 2019).
19. Kiss, C. (2014) Historical Memory in Post-Cold War Europe. *The European Legacy*. 19(4). pp. 419–432. DOI: 10.1080/10848770.2014.919189
20. Meleshkina, E.Yu. (2018) Rejecting symbols of the past: Impact of political conditions on decommunization laws. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 148–172. (In Russian).
21. *The Guardian*. (2010) EU rejects eastern states' call to outlaw denial of crimes by communist regimes. 21st December. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2010/dec/21/european-commission-communist-crimes-nazism (Accessed: 16th July 2019).
22. EUR-lex. (n.d.) *Framework Decision on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law* . [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Al33178 (Accessed: 16th July 2019).
23. EUR-lex. (2010) *Report from the Commission to the European Parliament and to the Council. The memory of the crimes committed by totalitarian regimes in Europe*. 22nd December. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52010DC0783 (Accessed: 15th July 2019).
24. Platform of European Memory and Conscience. (n.d.) *About the Platform*. [Online] Available from: https://www.memoryandconscience.eu/about-the-platfor/about-the-platform/ (Accessed: 15th July 2019).
25. Platform of European Memory and Conscience. (2011) *Platform of European Memory and Conscience – a brief history*. [Online] Available from: https://www.memoryandconscience.eu/2011/08/17/new-webpage-test/ (Accessed: 17th July 2019).
26. Senate of the Parliament of the Czech Republic. (2008) *Prague Declaration on European Conscience and Communism*. 3rd June. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20081209014215/http://www.praguedeclaration.org/ (Accessed: 17th July 2019).
27. EU. (2009) *Conclusions of the General Affairs and External Relations Council of the EU of 15 June, 2009: Press Release 2950th Council meeting*. Luxembourg: [s.n.].
28. Poland. (2011) *Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes*. 23rd August. Warsaw: [s.n.].
29. EURACTIV. (2009) *Parliament backs totalitarian "remembrance day"*. 3rd April. [Online] Available from: https://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/ parliament-backs-totalitarian-remembrance-day/ (Accessed: 17th July 2019).
30. Platform of European Memory and Conscience. (2017) *Platform Representatives*. [Online] Available from: https://www.memoryandconscience.eu/platform-representatives-2017/ (Accessed: 17th July 2019).
31. Platform of European Memory and Conscience. (2011) *Agreement establishing The Platform of European Memory and Conscience*. 14th October. [Online] Available from: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/12/Agreement-and-Statute-of-the-Platform1.pdf (Accessed: 17th July 2019).
32. Platform of European Memory and Conscience. (2014) *Conference "Legal Settlement of Communist Crimes". June 2012. Activity Report. October 2011 – October 2012*. [Online] Available from: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2014/11/activity_report_2011-2012_PEMC.pdf (Accessed: 17th July 2019).
33. Platform of European Memory and Conscience. (2012) *Declaration 2012*. [Online] Available from: https://www.memoryandconscience.eu/category/documents/declaration-2012/ (Accessed: 17th July 2019).
34. Buzek. J., Kalniete, S., Schöpflin, G. & Kelam, T. (2012) *Crimes of Communism against humanity: Europe needs to do more*. 5th June. [Online] Available from: http://www.kelam.ee/in-english/news/crimes-of-communism-against-humanity-europe-needs-to-do-more-jerzy-buzek-mep-sandra-kalniete-mep-gyorgy-schopflin-mep-and-tunne-kelam-mep (Accessed: 17th July 2019).
35. Platform of European Memory and Conscience. (2014) *Presentations of the international travelling exhibition "Totalitarianism in Europe"*. [Online] Available from: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2014/01/Totalitarianism_in_Europe_update_20141.pdf (Accessed: 6th August 2019).
36. Purves, G. (ed.) (2013) *Lest We Forget. Memory of Totalitarianism in Europe : a Reader for Older Secondary school students Anywhere in Europe*. [s.l.]: Platform of European Memory and Conscience.
37. Lyuks, L. (2004) Zametki o spornoy knige nemetskogo istorika Ernsta Nol'te [Notes on the controversial book of the German historian Ernst Nolte]. *Znamya*. 6. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/zametki-o-spornoj-knige-nemeczkogo-istorika-ernsta-nolte.html (Accessed: 6th August 2019).
38. Transform Europe. (2018) *The Dangerous Conservative Totalitarianism Discourse in the EU*. [Online] Available from: https://www.transform-network.net/es/publications/ anuario/overview/article/yearbook-2018/the-dangerous conservative-totalitarianism-discourse-in-the-eu/ (Accessed: 18th July 2019).
39. Defending History. (2013) *A review of the Prague Platform's Travelling Exhibition "Totalitarianism in Europe"*. [Online] Available from: http://defendinghistory.com/inclusion-and-occlusion/59470 (Accessed: 18th July 2019).
40. Littoz-Monnet, A. (2013) Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust. *Journal of Common Market Studies*. 51(3). pp. 489–504. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2012.02317.x

УДК 94 (477.83/.86) “1919–1939”
DOI: 10.17223/19988613/67/12

Л.И. Давыбида

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В 1919–1939 гг.

Рассматривается вопрос организации и развития польской системы здравоохранения на территории Восточной Галиции в межвоенный период. Из анализа количественного и качественного состава медицинских учреждений Восточной Галиции в исследуемый период сделан вывод о труднодоступности стационарного лечения для рядового галичанина. Установлено, что, несмотря на ежегодный прирост медицинского персонала, квалифицированных специалистов не хватало для того, чтобы обеспечить элементарные потребности края.
Ключевые слова: здравоохранение; медицина; Восточная Галиция; врач; госпиталь; амбулатория.

В современной исторической науке все больше усиливается интерес к региональным исследованиям, ориентированным на глубокое проникновение в жизненный мир индивида, изучение условий жизни, труда и отдыха людей в том или ином историческом пространстве. Особое значение приобретает также всестороннее исследование истории Восточной Европы, включая различные аспекты политической, культурной и экономической жизни, деятельности государственных и общественных органов, направленной в том числе и на сохранение здоровья населения. С этой точки зрения актуальным становится изучение развития и функционирования системы здравоохранения в Восточной Галиции в период между двумя мировыми войнами.

Едва ли не одним из лучших специалистов по истории здравоохранения Второй Речи Посполитой выступает Э. Веньцковская. Научное наследие исследовательницы содержит целый ряд работ и публикаций, посвященных рассмотрению врачей как профессиональной группы Второй Речи Посполитой, закрытой и открытой системам медицинской помощи, государственной политике в сфере здравоохранения [1–4]. Изучение вопроса подготовки врачебных кадров было бы невозможным без привлечения статей В. Войткевич-Рок, которая специализируется на истории высшего медицинского образования, в том числе и на деятельности медицинского факультета Львовского университета им. Яна Казимира [5, 6]. Очень информативными являются также научные труды С. Геныка [7], А. Гарагашьяна [8], В. Радыша и О. Сороки [9], в которых отображен процесс развития государственной медицинской службы и врачебных организаций в Прикарпатье. Отдельные вопросы истории развития медицины в Восточной Галиции освещены в работах и других ученых, но все же следует отметить, что проблема организации, развития и кадрового обеспечения медицинских и санитарных учреждений Восточной Галиции в 1919–1939 гг. еще не стала предметом целенаправленных комплексных исследований.

Источниками к написанию данной статьи послужили материалы Архива актов новых в Варшаве, Центрального государственного исторического архива Украины во Львове, Государственных архивов Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей, где хранится документация Департамента службы здоровья, а также воеводских и поветовых учреждений за период с 1919 по 1939 г. Исследование проблемы развития здравоохранения в Восточной Галиции также тесно связанно с использованием статистической информации, содержащейся в таких сборниках, как Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej [10–13] и Mały rocznik statystyczny [14, 15].

К концу второго десятилетия XX в. Восточная Галиция оказалась в крайне затруднительном и невыгодном положении. Разрушительные последствия Первой мировой (1914–1918) и польско-украинской (1918–1919) войн привели к общему расстройству уровня жизни и катастрофическому состоянию экономики. Уничтожению подверглись также здравоохранение и фармацевтика. Сеть гражданских лечебно-профилактических и аптечных учреждений, нехватка которых остро ощущалась и в мирное время, во время военных действий была фактически ликвидирована. Согласно законам военного времени врачи, фельдшеры и фармацевты подлежали обязательной мобилизации, а все имеющиеся запасы лекарственных средств – передаче военным медико-санитарных частям. Исследования Э. Шумиловой подтверждают, что даже отдаленные от фронта местности, как, например, Западная Сибирь, подвергались снижению уровня медицинского обслуживания и риску распространения опасных заболеваний [16. С. 24–25]. Что же касается Восточной Галиции, то здесь практически постоянно происходили боевые действия, и последствия которых были устрашающими. В результате войны резко ухудшилось санитарное состояние, возросла заболеваемость, особенно инфекционная, которая приобрела характер эпидемий с высокой смертностью населения. В связи с этим, не дожидаясь решения международной общественности, которая окончательно признает переход этих земель на правах автономии в состав Польши только после 14 марта 1923 г. [17], польские чиновники начали внедрять на территории Галиции собственную централизованную систему управления, в том числе и санитарную. Стоит отметить, что это было непростой задачей, учитывая все трудности, с которыми приходилось сталки-

ваться молодой республике в процессе становления. И. Залечны, рассматривая историю здравоохранения Варшавского уезда в межвоенный период, утверждает, что кроме последствий войны к катастрофическому состоянию польской медицины привело и многолетнее отставание в реформировании медицинской отрасли [18. S. 378]. Трудно не согласиться с тезисом Э. Веньцковськой, которая утверждает, что в таких сложных условиях формирование системы здравоохранения продолжалось до 1922 г. Для охвата гражданского населения была сформирована общественная администрация службы здравоохранения, которая состояла из государственного и общественного управления [2. S. 69].

Согласно Главному государственному санитарному закону от 19 июля 1919 г. высшее руководство в делах гигиены и медицины было возложено на созданное 16 января 1919 г. Министерство общественного здоровья (далее – МОЗ) [19. S. 166]. Это министерство было органом третьей инстанции и делилось на четыре секции: медицинскую, общественной гигиены и социальной медицины, фармацевтическую и общую. Первая секция занималась делами борьбы с инфекционными и венерическими заболеваниями, лечебными учреждениями, а также вопросами подготовки врачебных кадров. Вторая – школьной гигиеной, санитарным состоянием городов, сел, домов, курортными и санаторными делами, а также наблюдением за продовольственными товарами и санитарно-ветеринарной сферой, опекой над инвалидами и калеками. Фармацевтическая секция контролировала аптеки и аптечные склады, предприятия по выращиванию лекарственных растений и занималась вопросами санитарной апровизации. В компетенцию общего отдела МОЗ входила работа с документацией [20. Л. 2].

Главное управление по делам здоровья неоднократно подвергалось реорганизации. Политический и экономический кризис в Польше, а также ряд социальных беспорядков в ноябре 1923 г. заставили польское правительство сократить аппарат управления. Поэтому 28 ноября 1923 г. МОЗ ликвидировали, а взамен создали Департамент службы здоровья при Министерстве внутренних дел (далее – МВД), который взял на себя большую часть полномочий закрытой инстанции. Медицинская опека над материнством и детьми, а также лечение профессиональных болезней и медицинское страхование перешли в компетенцию Министерства труда и социальной опеки. Разграничение деятельности в сфере здравоохранения между различными министерствами вызвало бюрократические неудобства, поэтому 25 июня 1932 г. новый устав Министерства труда и социальной опеки утвердил положение о полном переходе службы здоровья в министерское ведомство [21. S. 13–16].

Развитие низших звеньев управления здравоохранением в Галиции происходило за счет передачи полномочий санитарных департаментов Галицкого наместничества новообразованным польским институциям. В частности, часть полномочий VII санитарного департамента переходила к образованному 18 марта 1919 г. Окружному управлению здоровья во Львове (далее – ОУЗ) как второй инстанции государственной службы здоровья. До окончания украинско-польской войны, а также в период существования Галицкой Социалистической Советской Республики оно базировалось в Кракове [22. Л. 1]. Однако в ОУЗ не были переданы дисциплинарные дела врачей, которые остались в юрисдикции МВД. Также затягивалась передача дел зубных техников, поскольку их деятельность регулировалась промышленными, а не санитарными законами [23. Л. 18–22].

Директором ОУЗ во Львове, а значит и руководителем всей службы здоровья в пределах вверенного ему округа, был назначен С. Миколайский. В руководящий состав ОУЗ входили также санитарный и фармацевтический инспекторы и юридический референт [24. Л. 1–2]. ОУЗ осуществляло контроль над деятельностью уездных врачей и других государственных и общественных служащих здравоохранения. Управление также занималось надзором за санитарным состоянием городов и сел округа, проведением вакцинации, руководством борьбы с туберкулезом, венерическими болезнями и проституцией, проверкой деятельности госпиталей, ревизией аптек, аптечных складов, фармацевтических фабрик, ведением медицинской статистики. Для помощи ОУЗ 30 апреля 1919 г. был основан Окружной совет здоровья [25. Л. 1], своеобразный совещательный орган, который вносил коллегиальные инициативы относительно санитарных дел, принадлежавших к компетенции управления.

Основная задача ОУЗ заключалась в том, чтобы наладить жизнеспособную систему здравоохранения на территории Галиции, которая долгое время была ареной боевых действий и еще не имела окончательно определенного международного правового статуса. Введение на этих землях постоянной гражданской администрации предусматривало изменения и в структуре медико-санитарного управления. 3 декабря 1920 г. на землях бывшего Королевства Галиции и Лодомерии были созданы органы территориального управления второй инстанции – воеводства Краковское, Львовское, Тернопольское и Станиславовское[1] [26. S. 2064]. Для каждого из них создавался собственный административный аппарат – воеводское управление. В его состав входил и отдел общественного здоровья, который выполнял функции ОУЗ в своих территориальных границах [27. Л. 5–6]. Он же осуществлял и общий контроль над всем врачебным персоналом воеводства и его профессиональными качествами, медицинскими учреждениями, гигиеной и санитарным состоянием.

В 1932 г. отделы общественного здоровья объединили с отделами труда и социальной опеки. С одной стороны, такой подход дал импульс тесной кооперации в деле гигиены труда на основании распоряжения президента Польского государства от 18 января 1924 г. [28. Л. 1], а с другой – привел к росту нагрузки на медицинских работников, особенно на врачей, и увеличению объемов так называемой «бумажной» работы. Учитывая это, несколько больших воеводств Польши, в том числе и Львовское, отказались от практики создания единого отдела труда, социальной опеки и здоровья [21. S. 342]. В Станиславовском и Тернопольском воеводствах такие объединенные институции существовали.

Санитарным органом первой инстанции являлось поветовое староство, где в качестве особого отдела функционировало поветовое управление здоровья под руководством старосты или поветового врача. Последний, как и члены воеводского правления, был государственным служащим, которого на посту утверждал министр здравоохранения. Поветовый врач осуществлял надзор за деятельностью госпиталей, медицинского персонала, аптек и фармацевтических фирм, расположенных в пределах повета. Он также контролировал санитарное состояние городов и сел, занимался делами школьной гигиены, наблюдением за ходом заболеваемости населения, подавал отчеты вышестоящему руководству [29. S. 1]. В то же время он был общественным деятелем, призванным к делам социальной опеки: присматривал за матерями и детьми, воспитанием в школьных учреждениях и детских домах, приютами для инвалидов и т.п. [30. Л. 1–2]. Такое совмещение здравоохранения и социальной сферы вредило выполнению санитарно-медицинских функций врача, поскольку отнимало время на канцелярскую работу и проверку хозяйственной документации попечительских учреждений.

Согласно распоряжению МВД от 13 марта 1926 г. были основаны воеводские и поветовые советы здоровья, которые выступали как совещательные органы и должны были инициировать и координировать различные акции для улучшения здравоохранения [31. Л. 4–6]. В их состав входили местные чиновники. В Станиславовском повете членами Совета здоровья были староста, поветовый и гарнизонный врачи, главврач Дирекции государственных железных дорог, главврач магистрата, главврач местной больничной кассы, школьный инспектор, ревизор труда, государственный делегат управления строительства, представитель поветового отдела. Такой перечень членов Совета здоровья был более или менее типичным и для других уездов как Восточной Галиции, так и Польши в целом.

Трудно не согласится с Э. Веньцковской в том, что санитарная служба местного самоуправления была своего рода исполнительным органом польской государственной службы здравоохранения [2. S. 70]. На местах о здоровье населения заботились коммунальные управления, ведя надзор за соблюдением чистоты окружающей среды, норм строительства, санитарного состояния помещений и личной гигиеной граждан. К их обязанностям также относилась опека над больными, беременными, умственно отсталыми и инвалидами, обеспечение всех вышеперечисленных своевременной и по возможности квалифицированной врачебной помощью. Коммунальные управления сотрудничали с правительством в мероприятиях по борьбе с эпидемиями и венерическими болезнями, проведению профилактических прививок и в деле контроля над продовольственными товарами. Содержание кладбищ и моргов также было в их компетенции. Деятельность коммунальных управлений в гминах контролировали поветовые врачи [32. S. 325–326].

Еще одной важной особенностью, о которой стоит упомянуть, является то, что в исследуемый нами период существовало четкое разграничение между государственной, общественной службой здравоохранения, с одной стороны, и частной практикой и лечением в рамках социального страхования – с другой. П. Грата подчеркивает, что официально страховая медицина была включена в систему общественной службы здравоохранения только перед началом Второй мировой войны, когда 15 июня 1939 г. вступил в силу закон об общественной службе здравоохранения [33. S. 131]. Упомянутый закон был попыткой перестроить здравоохранение и систему управления ею в соответствии с тогдашними европейскими стандартами, прежде всего из-за смещения акцентов с лечения болезней на их профилактику. Этому должны были способствовать развитие амбулаторных отделений и активное привлечение к этому процессу местного самоуправления и страховых компаний. Низшим звеном управления системой здравоохранения становился врач гмины. Если же сельские гмины были слишком бедны, чтобы содержать врача, они могли объединиться в один округ во главе с окружным врачом или получить государственную дотацию. Еще одним новшеством данного закона была ликвидация Государственного совета по делам курортов, полномочия которого переходили Главному государственному совету здоровья [34. S. 858–859]. Этот шаг был своего рода отражением осознания польскими властями значимости санаторного отдыха в лечении и профилактике болезней.

Серьезным недостатком польской системы здравоохранения в Восточной Галиции, унаследованным от Австро-Венгрии, был довольно бедный больничный фонд, не отвечавший реальным потребностям края. В 1922 г. здесь было всего 42 так называемых общих госпиталя, находящихся в общественной или государственной собственности, и еще 67 небольших частных учреждений лечебного типа, к которым относились еврейские медицинские приюты, клиники, открытые частными лицами, фабричные лечебницы, госпитали Сестер Милосердия. Почти все эти лечебные учреждения были небольшими и вмещали от 6 до 50 пациентов[2], обшее количество коек в них не превышало 1 880. Если учесть еще и 5 168 коек общих госпиталей, то весь больничный фонд Галиции мог одновременно принять на лечение в 1922 г. всего лишь 7 048 человек, т.е. на одну койку гипотетически претендовало сразу 780 человек [35. Л. 1–5]. Государственный больничный фонд был довольно скуден. На целую Восточную Галицию государственными медицинскими учреждениями были только общий госпиталь во Львове и заведение для психически больных в Кульпаркове. По подсчетам Э. Веньцковськой, упомянутые проблемы были типичными для всей Польши, которой при норме в 4 кровати на тысячу жителей не хватало около 49% больничных коек [4. S. 57].

Не во всех упомянутых заведениях осуществлялось лечение пациентов, иногда в них просто заботились о больных людях без применения медикаментов. В официальной статистике польских чиновников упоминаются только 42 госпиталя в Восточной Галиции в 1921–1922 гг. [10. S. 297]. Остальные не соответствовали ктребованиям МОЗ к больницам и, скорее, были так называемыми хосписами. В частности, заведение

Сестер Милосердия в Мощанах Ярославского повета Львовского воеводства не имело лицензии на осуществление медицинской деятельности и не обслуживалось квалифицированным врачебным персоналом, но из-за того, что занималось неизлечимо больными и инвалидами, в народе получило название “госпиталь” [36. Л. 9–11]. И все же с точки зрения современности это заведение можно считать важным звеном системы здравоохранения, поскольку монахини предоставляли населению первую медицинскую помощь при травмах.

Даже те частные заведения, которые имели статус госпиталя, не всегда были достаточно оборудованными, чтобы гарантировать пациентам качественное медицинское обслуживание. В госпитале тех же Сестер Милосердия во Львове работал только один врач за 120 злотых в месяц. Сил одного, пусть и высококвалифицированного, специалиста было слишком мало, чтобы одновременно обслуживать сотню пациентов, которых могла вместить эта больница в 1931 г. [36. Л. 5]. Далеко не все медицинские учреждения были обеспечены соответствующим оборудованием для проведения анализов, не хватало микроскопов и кварцевых ламп, не говоря уже о рентгеновских аппаратах. Например, поветовый госпиталь в Городенке Станиславовского воеводства в 1926 г. не обладал даже хирургическими инструментами [37. Л. 1].

Покрытие территории Восточной Галиции сетью лечебных учреждений не было однородным. Бóльшая часть стационарных лечебниц находилась на территории Львовского воеводства[3]. Здесь преобладали крупные больницы, поэтому количество коек почти вдвое превышало суммарное количество больничных коек на остальной территории Восточной Галиции. В Прикарпатье на тысячу человек приходилось 0,8 [12. S. 477], а в Тернопольском регионе – всего 0,6 больничного места [13. S. 462]. Украинский исследователь истории повседневности Р. Чорненький уверяет, что крайне негативно на развитие сети лечебных учреждений повлиял мировой экономический кризис 1929–1933 гг. Например, в 1933 г. в Станиславовском воеводстве из-за экономических трудностей закрылось 5 больниц [38. С. 244]. До 1939 г. в Восточной Галиции действовало всего 65 госпиталей, имевших 8 647 коек [15. S. 296]. Этот показатель был в два, а то и в три раза меньше, чем в других польских воеводствах. Хуже ситуация была только на Полесье и Волыни.

Лечение в госпиталях было платным, за исключением нескольких учреждений, которые предоставляли небольшой фонд для малообеспеченных больных. В больничную таксу входила оплата оказанных медицинских услуг, труда медицинского и вспомогательного персонала, медикаментов и питания. В зависимости от условий содержания и финансовой платежеспособности пациентов больничные палаты делились на три класса. Средняя стоимость пребывания больного в отделении первого класса составляла 12 злотых, второго – 8, третьего – 4,5 [39. Л. 23–25]. Учитывая, что среднестатистический галичанин зарабатывал 30–35 злотых в месяц, а курс лечения в госпитале продолжался 10–12 дней, позволить себе стационарную медицинскую помощь могли далеко не все жители края. В 1934 г. врач К. Лазарович писал: «Если больной не способен заплатить за лечение наличными, то лучше переболеть дома, даже в худших условиях, а может и умереть, чем идти в больницу, рискуя потерять свое имущество, чтобы оплатить больничные долги» [40. S. 6]. Больные люди старались избегать лечения в госпитале из-за его дороговизны, поэтому в больницы попадали пациенты в крайне тяжелом состоянии и довольно часто слишком поздно. Этим объясняется высокая смертность в больницах, которая, по подсчетам П. Паращака, составляла в 1937 г. до 6,2% [41. С. 8].

По своему профилю больничные койки в 1934 г. распределялись следующим образом: терапевтических – 19,3%; фтизиатрических – 24,9%; акушерских – 4,6%; детских – 1,5%; инфекционных – 9,4%; венерологических – 9,2%; офтальмологических – 1,5%; отоларингологических – 0,7%; других – 8,5%. Профиль постели не был стабильным и мог меняться в зависимости от наплыва больных, нуждающихся в стационарном лечении. Поэтому в 1936 г. удельный вес терапевтических коек в Восточной Галиции составлял 34%; хирургических – 16,8%; фтизиатрических – 19,2%; инфекционных – 7,7% и т.д. [9. С. 46]. Что касается специальных лечебных учреждений, то их катастрофически не хватало. В частности, больные психическими расстройствами галичане лечились только в государственном учреждении в Кульпаркове под Львовом, рассчитанном на 1 111 пациентов, а также в частном санатории И. Свянтковского во Львове (16 мест), при том что в 1937 г. в таком лечении нуждались более 6 тыс. человек [42. С. 226].

Отсутствие достаточного количества медицинских учреждений для стационарного лечения и угроза распространения инфекционных заболеваний вынудили санитарное руководство и общественность искать альтернативное решение для реализации проекта охвата местного населения медицинской помощью. Ключевым элементом этого проекта стали амбулатории, которые основывались и содержались различными общественными организациями или коммунальными хозяйствами. К примеру, туберкулезные диспансеры в Рогатыне, Снятыне и Станиславове в 1926 г. финансировались за счет поветовых обществ борьбы с туберкулезом. Всего в течение 1922–1938 гг. только в Станиславовском воеводстве основано 16 противотуберкулезных амбулаторий [43. Л. 1–31]. Кроме противочахоточных клиник в Галиции действовали также спортивные, евгенические, противотрахомые, противовенерические амбулатории. Предполагалось также оказания амбулаторной помощи больным алкоголизмом, однако реальное существование таких наркологических станций в исследованный период фактами не подтверждается.

В 1928 г. с целью интенсификации предоставления населению амбулаторной медицинской помощи отдельные амбулатории объединили в Центры здоровья, которые функционально напоминали современные поликлиники. Центр здоровья расценивался современниками как организация, которая предотвращает социальные и инфекционные болезни путем распространения сведений о гигиене и профилактике среди населения.

Один из создателей этого проекта, М. Кацпжак, писал о его задачах следующее: «В Центре здоровья должна вестись борьба с туберкулезом, трахомой, венерическими болезнями, опека над матерью и ребенком, борьба с алкоголизмом и умственными болезнями. Он может обладать подручной лабораторией, спортивной амбулаторией и другими родственными отделами...» [44. S. 4]. Центры здоровья объединяли несколько гмин до 15 тыс. человек и содержались за счет коммунальных управлений и больничных касс. Кроме амбулаторий в их состав входили санитарный отдел, занимавшийся проблемой водоснабжения, надзора за животными, устранением нечистот, санитарным контролем городов и сел, и вспомогательные отделы пропаганды гигиены и летних детских лагерей. К персоналу организации здоровья принадлежали врач с соответствующей санитарно-административной подготовкой и минимум трехлетним стажем, медсестра-лаборантка и санитарный контроллер, который прошел четырехмесячные курсы в Государственной школе гигиены [45. Л. 2–5]. Поскольку уставы поликлиник предусматривали оказание первой медицинской помощи, при Центрах здоровья могли создаваться добровольные спасательные отряды. По мнению Э. Веньцковськой, Центры здоровья послужили тому, что в Польше сформировался новый тип врача, понимающего роль профилактики для отдельного человека и общества в целом [1. S. 420].

Лечение при социальных и инфекционных заболеваниях в Центрах здоровья было бесплатным, хотя человек, который обратился за помощью, мог оплатить добровольный административный взнос за регистрационную карточку, который составлял 50 грошей. Другие услуги (предоставление молока для детей, облучение кварцевой лампой и рентгеном, выполнение рентгеновских снимков и анализов бактериологических проб) могли предоставляться как бесплатно, так и за денежное вознаграждение, определенное администрацией заведения [46. Л. 33]. Кстати, объявление об открытии и деятельность подобных учреждений осуществлялись как на польском, так и украинском языке.

По состоянию на 1929 г. в Восточной Галиции было открыто всего 32 Центра здоровья, а уже в 1934 г. на территории Тернопольского воеводства было 25 центров, Львовского – 30, Станиславовского – только 14. Их содержание ежегодно требовало около 400–470 тыс. злотых [47. С. 35]. Стоимость совета врача вместе с анализами и рентгеном колебалась в пределах 1,18–2,20 злотых, а амбулаторное лечение – 6,18–6,73 злотых [48. Л. 14]. С каждым годом количество обращений в Центры здоровья уменьшалось. Это объяснялось тем, что время популярности поликлиник как определенной новинки прошло, и ими стали пользоваться только люди, которые действительно нуждались в медицинской помощи. Всего в 1937 г. в Польше действовало 482 Центра здоровья. Правительство Польши запланировало в семь раз большее их количество, однако недостаток финансов и медицинского персонала мешал реализации этих замыслов. Введение в эксплуатацию одного такого лечебного центра стоило 15–20 тыс. злотых [49. Л. 17]. В Восточной Галиции наибольшее количество Центров здоровья концентрировалось в Тернопольском воеводстве – 51. Чуть меньше институций было в Львовском воеводстве – 40, а худшей ситуация была в Прикарпатье, где действовало всего лишь 16 центров [50. Л. 24]. Хотя Центры здоровья должны были облегчить доступ к медицине сельскому населению, спросом у крестьян они не пользовались из-за глубоко укоренившегося в сознании крестьян предубеждения перед дорогостоящей медициной.

Молодые врачи не хотели работать в сельской местности, учитывая низкую заработную плату в 200 злотых, проблемы с жильем и отсутствие клиентуры для частной практики [51. S. 13]. Зачастую в амбулаториях вынуждены были работать поветовые, окружные или городские врачи, пренебрегая при этом выполнением своих прямых обязанностей. Обесценивала работу Центров здоровья также бюрократическая волокита. Медсестра А. Савчинская утверждала, что направления врачей центров в другие социальные учреждения не рассматривались неделями. Также долго длилась процедура размещения тяжелобольных в больницах [52. Л. 3]. В результате население Восточной Галиции продолжало испытывать недостаток качественной медицинской помощи.

Немалой помехой для развития системы здравоохранения в 1919–1939 гг. в Восточной Галиции стало недостаточное бюджетное финансирование. В частности, в 1924 г. Польское государство ассигновало на здравоохранение всего лишь 0,4% общегосударственных расходов. Сельские гмины выделяли на эту цель 3,3% своего бюджета, магистраты поветовых городов и городков – 4,4%, а крупных населенных пунктов – 11,8% [53. С. 120]. Например, в Станиславовском воеводстве в 1935 г. расходы на медицинское и санитарное обеспечение составляли 1 113 310 злотых, т.е. примерно 95 грошей на человека. Только 83 540 злотых из этой суммы поступало из государственного бюджета, еще 425 722 – от городских самоуправлений и 604 048 – от поветовых [8. С. 23–24]. Не стоит думать, что 0,95 злотого на душу населения было постоянной ставкой по всей территории воеводства. Расходы на здравоохранение прямо зависели от доходов каждого отдельного поветового староства и опосредованно – от приоритетов его руководства. В частности, Рогатынский повет Станиславовского воеводства тратил на медицинское обслуживание 26 грошей на душу населения, Калушский – 42, Долынский – 50, Городенковский – 66 [54. Л. 3–4]. Аналогичная ситуация была и в других воеводствах.

Одной из составляющих системы здравоохранения является обеспечение населения медицинскими средствами, в частности лекарствами. В 1922 г. на территории Восточной Галиции действовало 277 аптек, причем 149 – на Львовщине. Остальные примерно поровну размещались в Тернопольском (68 аптек) и Станиславовском воеводствах (60 аптек) [10. S. 305]. К концу 1930-х гг. ситуация с количеством аптек кардинально не изменилась: край, в котором проживало около 5,5 млн человек, обслуживало всего лишь 333 аптеки, т.е. одна аптека обслуживала от 15 до 32 тыс. человек [15. S. 296]. В основном это были небольшие

частные аптечные заведения, которые, кроме продажи лекарств по рецептам врачей, могли заниматься изготовлением и распространением различных галеновых препаратов и косметических средств (сиропы, мази, пластыри, конфеты, эмульсии, кремы, лосьоны, зубные порошки и эликсиры, туалетные воды) [55. С. 74]. Для обеспечения профессиональных интересов большинство местных аптек объединялось в Галицкое аптекарское общество, основанное еще в 1913 г. В 1923 г. оно стало именоваться Аптекарским производственно-торговым союзом «Фармация» [56. Л. 2]. Задачами общества были покупка и продажа медицинских препаратов и сырья, орудий для изготовления лекарств и готовой продукции, а также снабжение ими своих членов по более низким ценам. Основной массив лекарственных средств и сырья для их производства «Фармация» закупала за границей, а частично – в МОЗ (спирт) и на львовской химической фабрике Chemofarm. С 1924 г. на территории Львовского воеводства работал также кооперативный союз Salvia, который занимался выращиванием лекарственных трав для нужд местных аптекарей и фармацевтов [57. Л. 13]. Общий контроль над деятельностью аптек осуществляли польские министерства с помощью законодательных актов и собственных фармацевтических инспекторов, которые находились на службе в воеводских управлениях.

На общественных началах в системе здравоохранения Восточной Галиции действовало также общество Польского Красного Креста (далее – ПКК), в частности его медицинская секция. Автономный отдел общества ПКК в Галиции возник 30 июля 1919 г. в результате ликвидации Галицкого комитета Австрийского общества Красного Креста [58. Л. 1–2]. Задачами ППК в мирное время были: приготовление имущества для выполнения обязанностей организации во время войны; оказание помощи, в том числе и медицинской, военным инвалидам; сотрудничество с государственной властью и общественными организациями в санитарных и спасательных акциях, предоставление всякого рода помощи во время эпидемий, аварий, катастроф. Для выполнения упомянутых задач общество ППК накапливало средства за счет членских взносов и общественных сборов денег, организовывало школы и курсы для подготовки санитарного персонала, учреждало собственные клиники, амбулатории, приюты и пункты питания. С 1920 г. на территории Польши, в том числе и в Восточной Галиции, начала действовать Молодежная организация ПКК, которая учила молодежь заботиться о пациентах, а также проводила различные гигиенические «конкурсы здоровья» с целью привить детям здоровый образ жизни [59. Л. 2–3].

Хотя ячейки и филиалы общества ПКК должны были существовать в каждом повете, их количество и деятельность напрямую зависели от инициативы местного населения. Например, в конце 1920-х гг. в пределах Станиславовского воеводства представительств организации совсем не было в Богородчанском, Жыдачевском, Косовском, Рогатынском и Тлумацком поветах [60. Л. 33]. Если же взглянуть на членские списки организаций, то становится понятно, что в основном их членами были польские чиновники, врачи, учителя, рабочие, т.е. люди, которые обязаны были участвовать в общественной жизни по роду службы. Украинское население или поддерживало собственные медико-санитарные организации, или было индифферентным к любой подобной деятельности. Так, Львовское окружное управление ПКК в 1937 г. обращало внимание Тернопольского воеводства на то, что в состав членов филиалов общества совсем не входили местные крестьяне, хотя членский взнос был сравнительно невысок: 10–25 грошей в месяц. При этом отмечалось, что сельское население довольно часто пользовалось помощью Красного Креста, особенно во время эпидемий [61. Л. 22]. Зато в крупных городах и промышленных центрах Восточной Галиции общество ПКК принесло значительную пользу развитию системы здравоохранения, способствуя подготовке мобильных санитарных отрядов, задачей которых было предоставление скорой помощи гражданским лицам при несчастных случаях. В частности, в Сяноке в 1934 г. организовали санитарные курсы для 110 слушателей, по истечении которых в городе сформировали 4 спасательных отряда [62. Л. 45].

Немалой трудностью для развития системы здравоохранения в Восточной Галиции в 1920-х гг. была острая нехватка квалифицированного медицинского персонала. По состоянию на 10 апреля 1920 г. здесь насчитывалось 672 врача, причем 247 проживали во Львове. Один доктор приходился на 10 117 жителей края [63. Л. 3–4]. Этого было недостаточно, не только чтобы обеспечить доступ населения к качественной медицинской помощи, но и чтобы организовать стабильное функционирование всех уровней государственной службы здоровья. В 1920 г. 22 местных повета[4] не имели собственных поветовых врачей. Еще хуже обстояло дело с организацией врачебной помощи в округах. Из существующих 127 должностей окружных врачей были заняты всего 46, т.е. 64% оставались вакантными [63. Л. 6–8]. Согласно данным М. Марцысяк, даже в 1938 г. 49 из 90 санитарных округов Львовского воеводства оставалось без руководства [64. S. 253].

Причин игнорирования врачами государственной службы было несколько. Во-первых, частная практика приносила гораздо больше прибыли. Даже так называемая «эпидемическая надбавка» к зарплате врачей в Восточной Галиции в размере 210 польских марок[5] в месяц не смогла заставить медицинских работников отказаться от частной практики в пользу государственной службы. Конкурс на должность санитарного инспектора Львова в VI ранге оплаты[6] проводился несколько раз, потому что никто не желал в нем участвовать [65. Л. 33]. Частная практика приносила врачу в месяц вдвое, а то и втрое большую сумму, и при этом не надо было выполнять достаточно сложные служебные поручения и терять время при заполнении отчетной документации. В середине 1930-х гг. обычная консультация у врача стоила примерно 6 злотых, выезд к больному – до 12, перевязка или мелкое хирургическое вмешательство – до 20, операция средней сложности – до 80, сложная операция – до 200 злотых. Помощь врача при обычных родах обходилась в 40 зло-

тых, а с оперативным вмешательством – 80. Ночной вызов следовало оплачивать по двойному тарифу, на 50% возрастала цена за врачебный осмотр в воскресенье и праздничные дни [66. С. 10]. Кроме обычной платы медицинские работники могли получать также дополнительное вознаграждение на усмотрение пациентов. Ввиду больших доходов от частной практики поветовые и окружные врачи очень часто совмещали ее с госслужбой. Случались и откровенное вымогательство и взяточничество. Например, в 1928 г. поветовый врач в Жыдачеве требовал с вдовы В. Куцан 15 злотых за справку о работоспособности, хотя цена такого документа вместе с осмотром составляла 5 злотых [67. Л. 1].

Во-вторых, Восточная Галиция с преобладающим украинским населением в свете украинско-польской войны (1918–1919) считалась беспокойным регионом. Поэтому большинство врачей польской национальности пыталось осесть или в центральной части Польши, или в Западной Галиции. Согласно свидетельству С. Миколайского, даже те врачи, которые уже занимали государственные должности в поветах края, искали себе протекции в высших эшелонах власти с целью перевестись на службу в более спокойную местность. В то же время врачам украинского происхождения запрещалось занимать государственные должности, поэтому вакантные места соглашались занять только малостоящие с профессиональной точки зрения кандидаты, у которых не было шансов на успешную карьеру в других местностях Польши [63. Л. 6].

Проблема нехватки врачебного персонала оставалась актуальной на протяжении всего межвоенного периода. Если в 1921 г. на территории Восточной Галиции занимались врачебной практикой 820 человек, то в 1938 г. количество врачей выросло почти втрое и составляло 2 401. Однако для удовлетворения потребностей местного населения этого было недостаточно. Если в 1921 г. один врач приходился на 10–11 тыс., то в 1938 г. – на 3 тыс. человек [68. S. 183]. Обслужить такое количество людей, особенно во время обострения эпидемической ситуации, один медицинский работник не мог чисто физически. К тому же следует учесть, что основная масса населения проживала в деревнях, тогда как врачи в основном выбирали для своей деятельности города. Только во Львове в 1938 г. проживали 996 врачей, 543 врача проживали в городах и городках Львовского воеводства и только 96 – в сельской местности [69. Л. 33]. Э. Веньцковская, сравнивая количество врачей-дантистов и врачей Львовского воеводства за 1928 г. с данными за 1938 г., пришла к выводу, что без учета Львова можно заметить не только отсутствие прогресса, но и небольшой спад в доступности для жителей квалифицированной медицинской помощи [3. S. 97].

Решить проблемы медицины в деревне должен был закон от 23 июня 1938 г., который обязывал выпускников медицинских факультетов отработать не менее двух лет в местности с населением до 5 тыс. жителей [70. С. 4]. Однако это нововведение не успело внести каких-либо весомых изменений в здравоохранение до начала Второй мировой войны.

Подготовка врачебных кадров для Восточной Галиции в основном осуществлялась на медицинском факультете Львовского университета им. Яна Казимира. Обучение и пользование университетской библиотекой были платными. Поэтому большинство кафедр университета имело свои собственные библиотеки, что способствовало самостоятельной работе студентов. Практическая подготовка будущих врачей с 1924/1925 учебного года осуществлялась по нескольким направлениям: терапия, хирургия, акушерство, гинекология, отоларингология. Обучение продолжалось 6 лет. Выпускники получали дипломы с присвоением звания доктора медицинских наук [6. S. 186].

Одновременно с увеличением количества врачей в Галиции меняется их национальной и гендерный состав. Например, несмотря на препятствия в профессиональной деятельности со стороны польских коллег, количество врачей украинского происхождения в Восточной Галиции выросло с 195 в 1934 г. до 268 в 1937 г. [71. С. 32–35]. Все популярнее врачебный труд становился среди женщин. Если в 1921 г. женщин-врачей было всего 35, то в конце 1938 г. – уже 354. Быстрая феминизация профессии вызвала беспокойство и сопротивление мужчин, причиной чего, по мнению Х. Кулик, была боязнь конкуренции [72. S. 244]. Концепцию введения numerous clausus[7] на обучение для женщин высказывал даже ректор Львовского университета им. Яна Казимира профессор Й. Шемирадзкий, а университетский сенат старался не допускать женщин к защите научных степеней в медицинских науках [73. S. 105]. Наиболее непримиримым противником обучения женщин на медицинском факультете был профессор А. Чешыньский; он обосновывал свою позицию «легкомыслием» женщин, которые выходят замуж и бросают обучение, тем самым отнимая возможность у других студентов учиться на их месте [5. S. 141].

Остро ощущался в Восточной Галиции и недостаток младшего медицинского персонала. В 1936 г. на территории Львовского, Тернопольского и Станиславовского воеводств среди работников 62 Центров здоровья, каждый из которых обслуживал повет в 8–10 гмин с населением 15 тыс. человек, было всего 76 медицинских сестер, или в среднем одна медсестра обслуживала весь повет [74. С. 181–182]. Чуть лучшей была ситуация с медсестрами в больницах, где зачастую работали монахини Сестер Милосердия. Подготовка медицинских работников среднего звена проходила в школе медицинских сестер при общем госпитале Львова. Школа возобновила свою деятельность в 1922 г. и принимала слушательниц, которые закончили 7 классов базового образования в школе, или 6 лет гимназии. Обучение продолжалось один учебный год, а с 1924 г. – два. Лекции читали квалифицированные врачи и опытные Сестры Милосердия Конгрегации св. Викентия де Поля. Дом ордена также служил общежитием для учениц школы [75. Л. 2]. Кроме теоретических знаний, ученики школы проходили практику в медицинских учреждениях. Однако учебные медицинские заведения в Польше не были способны покрыть потребности края в младшем медперсонале. В сентябре 1939 г. в

сельских и городских стационарных медицинских учреждениях Восточной Галиции работала всего лишь 371 медсестра [76. С. 28].

Ситуация с дантистами тоже не была благополучной. В 1931 г. один зубной врач приходился на 10 тыс. жителей Восточной Галиции, и его помощь в основном была недоступной для местного сельского населения. Правда, в польской официальной статистике не учтена деятельность зубных техников, занимавшихся протезированием, но их количество было мизерным и не могло внести какого-либо существенноо улучшения в лечение зубов галичан. В то же время существовала жесткая конкуренция между дантистами, поскольку только каждый пятый житель края был их потенциальным клиентом, а уже из этого количества лишь 20% действительно нуждались в услугах зубного врача [77].

Для надлежащего предоставления медицинской помощи при родах не хватало акушерок. В 1923 г. на территории Восточной Галиции работало всего 1 450 акушерок. Только в Львовском воеводстве их было 848, т.е. примерно 31,4 акушерки на 1 тыс. квадратных километров. В других воеводствах квалифицированные акушерки встречались еще реже: 18,6 на 1 тыс. квадратных километров – в Тернопольском воеводстве, 16,3 на 1 тыс. квадратных километров – в Станиславовском [11. S. 147]. Согласно данным С. Геника, в Прикарпатье без акушерской помощи рожали около 70–75% женщин [7. С. 28]. Отсутствие стационарных роддомов и квалифицированной помощи были главной причиной высокой смертности матерей и младенцев. В восточной части Галиции от послеродового сепсиса в 1933–1935 гг. ежегодно умирали от 40 до 45 родильниц.

Подготовкой акушерок занималась Государственная школа акушерок во Львове. Обучение длилось 2 года и стоило 600 злотых, поэтому не каждый мог себе его позволить. Иногда расходы брала на себя власть гмины или поветовое управление, нуждающееся в специалистах этого профиля. В 1923 г. акушерскую школу закончили 127 учениц: 88 полек, 18 евреек и 21 украинка [78. Л. 38]. При Государственной акушерской школе ежегодно проводились курсы повышения квалификации, а также краткий курс гинекологии. Однако даже наличие соответствующего диплома не всегда гарантировало качество услуг. В частности, в 1925 г. Тернопольское воеводство лишило лицензии Ш. Мехлер, которую признали виновной в преступлении против плода и приговорили к двухлетнему заключению [79. Л. 15]. Подобные случаи не были единичными. В Станиславовском воеводстве в течение 1933–1934 гг. лишили прав заниматься акушерской деятельностью на срок от 2 до 3 лет и направили на переквалификацию 12 акушерок, а еще 3 отправили в тюрьму [80. Л. 8–13]. Вполне возможно, что слишком высокая ответственность отпугивала потенциальных претенденток на эту профессию. Современники утверждали, что в 1938 г. количество работающих по специальности акушерок в Львовском воеводстве не только не выросло, но и существенно снизилось [69. Л. 22]. Недоступность качественной медицинской помощи из-за отсутствия квалифицированных медработников и недостаток средств заставляли жителей Восточной Галиции прибегать к услугам знахарей, гадалок и повитух, которые успешно продолжали заниматься своей практикой в 1920–1930-х гг.

Таким образом, первоочередной задачей любой системы здравоохранения является обеспечение для населения возможности свободного доступа к быстрой и качественной медицинской помощи. Реализация этой задачи возможна только при наличии хорошо развитой сети соответственно оборудованных медицинских учреждений и достаточного количества квалифицированных медработников. Между тем здравоохранение Второй Речи Посполитой не могло похвастаться весомыми успехами в этой сфере, что и послужило одной из основных причин ее низкой эффективности. Количество стационарных лечебных учреждений в Восточной Галиции межвоенного периода не соответствовало реальным потребностям края. Исходя из тогдашних медицинских норм, оно должно было быть как минимум в четыре раза большим. Попытки заменить стационарное лечение сетью амбулаторий, объединенных в Центры здоровья, тоже были малоэффективными, поскольку сталкивались с теми же проблемами, что и больницы, а именно – с отсутствием бюджетного финансирования и низкой самоокупаемостью. На протяжении практически всего межвоенного периода в Польше оставалась типичной проблема нехватки квалифицированного медицинского персонала. Не была исключением в этом плане и Восточная Галиция. Здесь также существовали свои локальные особенности, связанные с нежеланием некоторых врачей работать в столь неспокойном регионе. Эти тенденции ярко проявлялись в начале 1920-х и постепенно угасали к концу 1930-х гг. Однако ни освобождение от стереотипов, ни подготовка кадров на медицинском факультете Львовского университета им. Яна Казимира и в государственных школах для акушерок и медсестер не смогли нивелировать недостаток квалифицированного медицинского персонала и, как следствие, низкую доступность для жителей края качественной медицинской помощи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Современные Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская области.

[2] Исключениями были львовские больницы Сестер Милосердия и еврейского фонда М. Лазаруса, которые могли вместить по сотне пациентов каждая.

[3] В 1921 г. во Львовском воеводстве действовало 24 общих госпиталя, в то же время в Тернопольском и Станиславовском воеводствах всего по 9 больниц в каждом. К середине 1920-х гг. разница в количестве больниц между воеводствами стала менее ощутимой: 26, 14 и 18 соответственно.

[4] 42,3% от общего количества поветов в Восточной Галиции.

[5] Польская марка – денежная единица Польши в 1917–1924 гг. В 1924 г. сменилась на злотый с курсом 1 злотый к 1 млн 800 тыс. польских марок.

[6] 2,1 тыс. польских марок в месяц.
[7] Ограниченное число.

ЛИТЕРАТУРА

1. Więckowska E. Instytucje zdrowia publicznego w II Rzeczypospolitej – organizacja, cele, zadania // Przegląd Epidemiologiczny. 2000. № 3–4. S. 417–425.
2. Więckowska E. Kształtowanie się ochrony zdrowia // Dzieje medycyny w Polsce / red. W. Noszczyk. Warszawa, 2015. T. 2. S. 65–74.
3. Więckowska E. Lekarze jako grupa zawodowa w II Rzeczypospolitej. Wrocław, 2004. 292 s.
4. Więckowska E. Zamknięta i otwarta opieka zdrowotna // Dzieje medycyny w Polsce / red. W. Noszczyk. Warszawa, 2015. T. 2. S. 53–64.
5. Wojtkiewicz-Rok W. Organizacja wyższego szkołnictwa medycznego // Dzieje medycyny w Polsce / red. W. Noszczyk. Warszawa, 2015. T. 2. S. 137–178.
6. Wojtkiewicz-Rok W. Uniwersyteckie wydziały lekarskie i uczelnie stomatologiczne // Dzieje medycyny w Polsce / red. W. Noszczyk. Warszawa, 2015. T. 2. S. 179–222.
7. Генык С. Развитие здравоохранения в Галиции и Советском Прикарпатье (1875–1962 гг.). Историческое и социально-гигиеническое исследование по материалам Калушского и Войниловского районов Станиславской области : автореф. дис. … канд. мед. наук. Ивано-Франковск, 1964. 28 с.
8. Гарагашьян А., Паращак П. Розквіт охорони здоров'я на Радянському Прикарпатті. Київ, 1972. 140 с.
9. Радиш В., Сорока О. Державне регулювання медичної діяльності на Прикарпатті під час польської окупації краю (1920–1939 рр.) // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. Сер. Право та державне управління. 2012. № 1 (5). С. 44–49.
10. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok wydania I (1920/1922). Warszawa, 1923. 378 s.
11. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok wydania II. Warszawa, 1924. 226 s.
12. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok wydawnictwa V. Warszawa, 1927. 610 s.
13. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Rok wydawnictwa VI. Warszawa, 1928. 664 s.
14. Mały rocznik statystyczny. Rok wydawnictwa III. Warszawa, 1932. 167 s.
15. Mały rocznik statystyczny. Rok X. Warszawa, 1939. 425 s.
16. Шумилова Э. Первая мировая война и уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 24–30. DOI: 10.17223/19988613/40/3.
17. Мельник І. Рада амбасадорів про Галичину. URL: http://zbruc.eu/node/3522 (дата обращения: 13.03.2013).
18. Załęczny J. Ochrona zdrowia w powiecie warszawskim w latach 1918–1939 // Rocznik Żyrardowski. 2011. T. IX. S. 377–408.
19. Stych M. Geneza, struktura oraz wybrane zadania głownego inspectora sanitarnego // Rocznik administracji i prawa. Teoria i praktyka. Sosnowiec, 2012. S. 165–183.
20. Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (ЦГИАЛ). Ф. 567. Оп. 1. Д. 28.
21. Polityka społeczna państwa polskiego 1918–1935. Warszawa, 1935. 457 s.
22. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 21.
23. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 22.
24. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 24.
25. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 20.
26. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1920. № 117. S. 2064–2066.
27. Государственный архив Ивано-Франковской области (ГАИФО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 166.
28. Архив актов новых в Варшаве (ААН). Ф. 15. Оп. 2. Д. 39.
29. Monitor Polski. 1919. № 285. S. 1.
30. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 130.
31. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 143.
32. Dziennik Praw Państwa Polskiego. 1919. № 15. S. 325–326.
33. Grata P. Na drodze do publicznej służby zdrowia. Meandry polityki zdrowotnej Drugiej Rzeczypospolitej // Polityka i Społeczeństwo. 2016. № 3 (14). S. 129–143.
34. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1939. № 54. S. 857–859.
35. Государственный архив Львовской области (ГАЛО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 242.
36. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1475.
37. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 123.
38. Чорненький Р. Повсякденне медичне забезпечення поляків Станиславівського воєводства (1921–1939 рр.) // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. 2012. Ч. 20–21. С. 243–249.
39. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1763.
40. Zdrowie Publiczne. 1934. № 7. S. 6.
41. Паращак П. Здравоохранение в Ивано-Франковской области в прошлом и его развитие за годы советской власти (1873–1963 гг.) : автореф. дис. … канд. мед. наук. Ивано-Франковск, 1967. 26 с.
42. Маслов Е. Из истории психиатрии в западных областях УССР // К истории медицины на Украине : на материалах западных областей УССР, Закарпатья и Буковины : сб. науч. тр. Львов, 1961. С. 223–233.
43. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 393.
44. Kacprzak M. Ośrodki zdrowia w Polsce. Warszawa, 1928. 115 s.
45. Государственный архив Тернопольской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 665.
46. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 383.
47. Рябишенко О. Охорона здоров'я населення західних областей України. Київ, 1963. 91 с.
48. ГАТО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 205.
49. ГАТО. Ф. 231. Оп. 6. Д. 778.
50. ААН. Ф. 15. Оп. 2. Д. 12.
51. Fechner A. Dzieci, młodież, dorośli – pacjenci ośrodków zdrowia w latach 30-tych XX wieku. Na przykładzie Piotrkowa Rybunalskiego i powiatu Piotrkowskiego // Dawna Medycyna i Weterynaria / red. M. Felsmann, J. Szarka. Chełmno, 2011. S. 11–29.
52. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2892.
53. Данилейченко В. Санитарно-эпидемиологическая служба в западных областях Украины до и после воссоединения с УССР // К истории медицины на Украине : на материалах западных областей УССР, Закарпатья и Буковины : сб. науч. тр. Львов, 1961. С. 119–127.
54. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 368.
55. Сайковська Ю. Діяльність аптек та виникнення фармацевтичної промисловості на Львівщині у кінці XIX – на початку XX ст. // Фармацевтичний журнал. 1988. № 1. С. 73–74.
56. ЦГИАЛ. Ф. 554. Оп. 1. Д. 1.
57. ЦГИАЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 4.

58. ЦГИАЛ. Ф. 462. Оп.1. Д. 66.
59. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 219.
60. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 107
61. ГАТО. Ф. 231. Оп. 6. Д. 2962.
62. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 9. 1762.
63. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 149.
64. Marcysiak M. Opieka lekarska w województwie lwowskim od 1929 do 1939 roku // Zawód lekarza na ziemiach polskich w XIX i XX wieku / red. B. Urbanek. Warszawa, 2009. S. 245–260.
65. ЦГИАЛ. Ф. 567. Оп. 1. Д. 29.
66. Правда. 1938. Ч. 26. С. 10.
67. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 240.
68. Lekarz Polski. 1938. № 9. S. 183.
69. ААН. Ф. 15. Оп. 2. Д. 489.
70. Новий час. 1938. 30 червня. С. 4.
71. Логаза М. До історії УЛТ у Львові. Розміщення наших лікарів у Галичині перед Другою світовою війною // Лікарський вісник. 1973. Ч. 3. С. 31–38.
72. Kulik H. Feminizacja zawodu lekarza w Polsce // Medycyna i farmacja XIX i XX wieku / red. R. Meissner. Poznań, 2007. S. 242–249.
73. Kempa M. Kobiety lekarzami // Zawód lekarza na ziemiach polskich w XIX i XX wieku / red. B. Urbanek. Warszawa, 2009. S. 101–110.
74. Шегедин М. Розвиток сестринської справи в Україні // Практична медицина. 1998. № 5–6. С. 180–188.
75. ААН. Ф. 15. Оп. 2. Д. 574.
76. Шегедин М. Сестри милосердя // Фармацевт Практик. 2008. № 5. С. 26–28.
77. Olszewski D., Grzesiak-Janas G. Z dziejów polskiej stomatologii. Stan stomatologii w II Rzeczypospolitej Polskiej. URL: http://www.magazyn-stomatologiczny.pl/artykuly/_stan-stomatologii-w-ii-rzeczypospolitej-polskiej (дата обращения: 07.06.2012).
78. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 274.
79. ГАТО. Ф. 231. Оп. 6. Д. 782.
80. ГАИФО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 365.

Lev I. Davybida, University of Warsaw (Wroclaw, Poland). E-mail: lev.davybida@yandex.ua

FEATURES OF DEVELOPMENT AND STAFFING OF MEDICAL INSTITUTIONS WITHIN EASTERN GALICIA (1919–1939)

Keywords: health protection; medicine; Eastern Galicia; doctor; hospital; outpatient clinic.

The article deals with the problem of organization and development of medical institutions network, as well as their staffing within Eastern Galicia during the second republic of Poland in 1919–1939. The study of this question has been quite fragmented given in Polish, Ukrainian and Soviet historiography. There have been no comprehensive studies in this direction. This research is mainly based on the documents of the Archive of New Acts collections in Warsaw and Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv, as well as the state archives of the Lviv, Ternopil and Ivano-Frankivsk regions. After analyzing archival materials the author has come to the conclusion that the management network of health protection consisted of three consecutive authorities: District Departments of Health, Public Health Departments of Lviv, Stanislaviv and Ternopil Voivodeships and the Ministry of Public Health. The last one was reorganized into the Department of Health Care under the Ministry of Internal Affairs. The author also has found out that system of the health protection introduced by the Polish government within the territory of Eastern Galicia was characterized by a clear structuring, interconnectedness and a common goal. That goal was the ensuring of safety for the life and health of the local population before the threat of epidemic diseases. Its implementation included the development of the network of state and public medical institutions, which were engaged in the supervision of environment, construction standards, sanitary conditions of premises and personal hygiene, in the guardianship over sick and disabled people, as well as in the providing them with timely and qualified medical assistance. Local institutions cooperated with the Polish government in the fight against infectious and social diseases, conducted preventive vaccinations and controlled the selling of some products. The author notes that system of the health protection within Eastern Galicia had a number of shortcomings, which has significantly reduced its effectiveness during interwar period. Firstly, it lacked doctors capable of conducting administrative activities for its normal functioning. This situation was stipulated by both a relatively small number of appropriately qualified specialists and a ban for being on state posts to Ukrainian doctors. There was a constant shortage of nurses, midwives and dentists in Eastern Galicia, despite the work of Lviv University named after Jan Kazimir, as well as public schools for nurses and midwives. Secondly, the network of inpatient hospitals and ambulance stations was very poorly developed because of military devastation and lack of money. Thirdly, the high cost of medical services was also the reason of low demand for their. Even the creation of the Health Centers (some kind of outpatient clinic to low-income people) in the late 1920s was not able to improve the situation. These problems have remained unsolved until the Second World War and the transition of Eastern Galicia in the USSR.

REFERENCES

1. Więckowska, E. (2000) Instytucje zdrowia publicznego w II Rzeczypospolitej – organizacja, cele, zadania. *Przegląd Epidemiologiczny*. 3–4. pp. 417–425.
2. Więckowska, E. (2015a) Kształtowanie się ochrony zdrowia. In: Noszczyk, W. (ed.) *Dzieje medycyny w Polsce*. Vol. 2. Warsaw: [s.n.]. pp. 65–74.
3. Więckowska, E. (2004) *Lekarze jako grupa zawodowa w II Rzeczypospolitej*. Wrocław: [s.n.].
4. Więckowska, E. (2015b) Zamknięta i otwarta opieka zdrowotna. In: Noszczyk, W. (ed.) *Dzieje medycyny w Polsce*. Vol. 2. Warsaw: [s.n.]. pp. 53–64.
5. Wojtkiewicz-Rok, W. (2015a) Organizacja wyższego szkolnictwa medycznego. In: Noszczyk, W. (ed.) *Dzieje medycyny w Polsce*. Vol. 2. Warsaw: [s.n.]. pp. 137–178.
6. Wojtkiewicz-Rok, W. (2015b) Uniwersyteckie wydziały lekarskie i uczelnie stomatologiczne. In: Noszczyk, W. (ed.) *Dzieje medycyny w Polsce*. Vol. 2. Warsaw: [s.n.]. pp. 179–222.
7. Genyk, C. (1964) *Razvitie zdravookhraneniya v Galitsii i Sovetskom Prikarpat'e (1875–1962 gg.). Istoricheskoe i sotsial'no-gigienicheskoe issledovanie po materialam Kalushskogo i Voynilovskogo rayonov Stanislavskoy oblasti* [Development of health care in Galicia and the Soviet Carpathian region (1875–1962). Historical and socio-hygienic research based on the materials of the Kalush and Voinilovsky districts of the Stanislav region]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Ivano-Frankovsk.
8. Garagashyan, A. & Parashchak, P. (1972) *Rozkvit okhoroni zdorov'ya na Radyans'komu Prikarpatti*. Kiev: [s.n.].
9. Radish, V. & Soroka, O. (2012) Derzhavne regulyuvannya medichnoï diyal'nosti na Prikarpatti pid chas pol's'koï okupatsiï krayu (1920–1939 rr.). *Visnik Akademiï pratsi i sotsial'nikh vidnosin Federatsiï profspilok Ukraïni. Ser. Pravo ta derzhavne upravlinnya*. 1(5). pp. 44–49.

10. *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej*. (1920/1922).
11. *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej*. (1924).
12. *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej*. (1927).
13. *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej*. (1928).
14. *Mały rocznik statystyczny*. (1932).
15. *Mały rocznik statystyczny*. (1939).
16. Shumilova, E. (2016) The First World War and the level of medical care in the cities of Western Siberia (1914–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 2(40). pp. 24–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/40/3.
17. Melnik, I. (n.d.) *Rada ambasadoriv pro Galichinu*. [Online] Available from: http://zbruc.eu/node/3522 (Accessed: 13th March 2013).
18. Załęczny, J. (2011) Ochrona zdrowia w powiecie warszawskim w latach 1918–1939. *Rocznik Żyrardowski*. 9. pp. 377–408.
19. Stych, M. (2012) Geneza, struktura oraz wybrane zadania głownego inspectora sanitarnego. In: Łaszczyca, G. (ed.) *Rocznik administracji i prawa. Teoria i praktyka*. Sosnowiec : Wydaw. WSZiM. pp. 165–183.
20. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 28.
21. Bornstein-Łychowska, M. (ed.) *Polityka społeczna państwa polskiego 1918–1935*. Warsaw: Nakładem Ministerstwa Opieki Społecznej.
22. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 21.
23. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 22.
24. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 24.
25. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 20.
26. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. (1920) 117. pp. 2064–2066.
27. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 2. File 166.
28. The Archive of New Acts in Warsaw (AAN). Fund 15. List 2. File 39.
29. *Monitor Polski*. (1919) 285. pp. 1.
30. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 5. File 130.
31. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 2. File 143.
32. *Dziennik Praw Państwa Polskiego*. (1919) 15. pp. 325–326.
33. Grata, P. (2016) Na drodze do publicznej służby zdrowia. Meandry polityki zdrowotnej Drugiej Rzeczypospolitej. *Polityka i Społeczeństwo*. 3(14). pp. 129–143.
34. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. (1939) 54. pp. 857–859.
35. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. File 242.
36. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. File 1475.
37. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 5. File 123.
38. Chornenky, R. (2012) Povsyakdenne medichne zabezpechennya polyakiv Stanislavivs'kogo voєvodstva (1921–1939 rr.). *Galichina. Naukoviy i kul'turno-prosvitniy kraєznavchiy chasopis*. 20–21. pp. 243–249.
39. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. File 1763.
40. *Zdrowie Publiczne*. (1934) 7. pp. 6.
41. Parashchak, P. (1967) *Zdravookhranenie v Ivano-Frankovskoy oblasti v proshlom i ego razvitie za gody sovetskoy vlasti (1873–1963 gg.)* [Health care in the Ivano-Frankivsk region in the past and its development during the years of Soviet power (1873–1963)]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Ivano-Frankovsk.
42. Maslov, E. (1961) Iz istorii psikhiatrii v zapadnykh oblastyakh USSR [From the history of psychiatry in the western regions of the Ukrainian SSR]. In: *K istorii meditsiny na Ukraine : na materialakh zapadnykh oblastey USSR, Zakarpat'ya i Bukoviny* [On the history of medicine in Ukraine: a case study of the western regions of the Ukrainian SSR, Transcarpathia and Bukovina]. Lvov: [s.n.]. pp. 223–233.
43. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 4. File 393.
44. Kacprzak, M. (1928) *Ośrodki zdrowia w Polsce*. Warszawa: [s.n.].
45. The State Archives of Ternopil Region (GATO). Fund 4. List 2. File 665.
46. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 4. File 383.
47. Ryabishenko, O. (1963) *Okhorona zdorov'ya naselennya zakhidnikh oblastey Ukraïni*. Kiev: [s.n.].
48. The State Archives of Ternopil Region (GATO). Fund 4. List 2. File 205.
49. The State Archives of Ternopil Region (GATO). Fund 231. List 6. File 778.
50. The Archive of New Acts in Warsaw (AAN). Fund 15. List 2. File 12.
51. Fechner, A. (2011) Dzieci, młodież, dorośli – pacjenci ośrodków zdrowia w latach 30-tych XX wieku. Na przykładzie Piotrkowa Rybunalskiego i powiatu Piotrkowskiego. In: Felsmann, M. & Szarka, J. (eds) *Dawna Medycyna i Weterynaria*. Chełmno: [s.n.]. pp. 11–29.
52. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. File 2892.
53. Danileychenko, V. (1961) Sanitarno-epidemiologicheskaya sluzhba v zapadnykh oblastyakh Ukrainy do i posle vossoedineniya s USSR [Sanitary and epidemiological service in the western regions of Ukraine before and after reunification with the Ukrainian SSR]. In: *K istorii meditsiny na Ukraine : na materialakh zapadnykh oblastey USSR, Zakarpat'ya i Bukoviny* [On the history of medicine in Ukraine: a case study of the western regions of the Ukrainian SSR, Transcarpathia and Bukovina]. Lvov: [s.n.]. pp. 119–127.
54. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 4. File 368.
55. Saykovska, Yu. (1988) Diyal'nist' aptek ta viniknennya farmatsevtichnoï promislovosti na L'vivshchini u kintsi XIX – na pochatku XX st. *Farmatsevtichniy zhurnal*. 1. pp. 73–74.
56. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 554. List 1. File 1.
57. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 549. List 1. File 4.
58. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 462. List1. File 66.
59. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 5. File 219.
60. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 5. File 107
61. The State Archives of Ternopil Region (GATO). Fund 231. List 6. File 2962.
62. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. 1762.
63. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 149.
64. Marcysiak, M. (2009) Opieka lekarska w województwie lwowskim od 1929 do 1939 roku. In: Urbanek, B. (ed.) *Zawód lekarza na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*. Warszawa: [s.n.]. pp. 245–260.
65. The Central State Historical Archives of Ukraine in Lvov (TsGIAL). Fund 567. List 1. File 29.
66. *Pravda*. (1938) 26. pp. 10.
67. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 2. File 240.
68. *Lekarz Polski*. (1938) 9. pp. 183.
69. The Archive of New Acts in Warsaw (AAN). Fund 15. List 2. File 489.
70. *Noviy chas*. (1938). 30th June. p. 4.
71. Logaza, M. (1973) Do istoriï ULT u L'vovi. Rozmishchennya nashikh likariv u Galichini pered Drugoyu svitovoyu viynoyu. *Likars'kiy visnik*. 3. pp. 31–38.

72. Kulik, H. (2007) Feminizacja zawodu lekarza w Polsce. In: Meissner, R. (ed.) *Medycyna i farmacja XIX i XX wieku*. Poznań: [s.n.]. pp. 242–249.
73. Kempa, M. (2009) Kobiety lekarzami. In: Urbanek, B. (ed.) *Zawód lekarza na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*. Warsaw: [s.n.]. pp. 101–110.
74. Shegedin, M. (1998) Rozvitok sestrins'koï spravi v Ukraïni [Development of nursing help in Ukraine]. *Praktichna meditsina*. 5–6. pp. 180–188.
75. The Archive of New Acts in Warsaw (AAN). Fund 15. List 2. File 574.
76. Shegedin, M. (2008) Sestri miloserdya [Sisters of Mercy]. *Farmatsevt Praktik*. 5. pp. 26–28.
77. Olszewski, D. & Grzesiak-Janas, G. (n.d.) *Z dziejów polskiej stomatologii*. *Stan stomatologii w II Rzeczypospolitej Polskiej*. [Online] Available from: http://www.magazyn-stomatologiczny.pl/artykuly/_stan-stomatologii-w-ii-rzeczypospolitej-polskiej (Accessed: 7th June 2012).
78. The State Archives of Lviv Region (GALO). Fund 1. List 9. File 274.
79. The State Archives of Ternopil Region (GATO). Fund 231. List 6. File 782.
80. The State Archives of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). Fund 2. List 4. File 365.

УДК 327
DOI: 10.17223/19988613/67/13

К.В. Сероштанов

ДОГОВОР О ТОРГОВЛЕ ОРУЖИЕМ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТОРГОВЛЕ ВООРУЖЕНИЯМИ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКОЙ

Анализируются формат и реализация регулирования международной торговли вооружениями и военной техникой на современном этапе в рамках Договора о торговле оружием. Констатируется, что он не стал всеобщим, и его действие не распространяется на лидеров рынка вооружений – США, Россию, Саудовскую Аравию и Индию. Формат Договора о торговле оружием более подходит для предотвращения незаконной торговли оружием при условии внесения в него ряда поправок.

Ключевые слова: Договор о торговле оружием; Вассенаарские договоренности; военно-техническое сотрудничество.

В 2017 г. совокупные общемировые военные расходы составили 1 740 млрд долл. США, что эквивалентно 2,2% мирового ВВП [1]. По оценке СИПРИ, объем мировой торговли вооружениями и военной техникой (ВВТ) составил не менее 95 долл. США [2]. Однако эти данные не учитывают незаконную торговлю ВВТ, оценить размеры которой не представляется возможным, при этом ООН оценивает объем незаконного оборота только легких вооружений в миллиарды долларов США [3].

Торговля ВВТ сопряжена с рисками для обеспечения безопасности как в региональном, так и в мировом масштабе: поставка в нестабильные регионы, в места действующих конфликтов, передача неавторизованным субъектам, чрезмерное накопление государствами ВВТ. Даже с учетом этих рисков государствам проблематично выработать общую позицию в отношении регулирования сферы торговли ВВТ, так как военно-техническое сотрудничество (ВТС) является одним из наиболее политически мотивированных видов экономических отношений между государствами.

Последние события, связанные Договором о торговле оружием (ДТО) и его действием, включая систематическое игнорирование его норм, отказ США в ратификации, четкую позицию России по неприсоединению, подтверждают определенный кризис в реализации его норм, а значит – и в существующей системе регулирования торговли ВВТ.

Исследования по данному вопросу можно разделить на две основные группы: анализ регулирования международной торговли ВВТ в целом, а также ДТО в частности. Подробное исследование истории и текущего состояния национального, регионального и международного регулирования торговли ВВТ проводит Р. Столь [4], отмечая, что только совместные активные усилия всех акторов могут привести к более ответственной торговле ВВТ. К первой группе также можно отнести работы, в которых рассматриваются отдельные инструменты регулирования, например Вассенаарские договоренности, как в статье Е. Фроловой [5]. Кроме того, некоторые авторы анализируют регулирование торговли ВВТ с позиции влияния на нарушение прав человека: например, М. Брем [6] показывает связь между гуманитарным правом и торговлей оружием, делая вывод о том, что права человека не имеют решающего значения при поставке ВВТ. Ко второй группе относятся статьи, посвященные анализу ДТО, его предпосылок, действия и перспектив. Н. Калинина и В. Козюлин [7] дают оценку ДТО, рассматривают историю его принятия, а также анализируют позицию России в его отношении, отмечая, что Россия могла бы присоединиться к нему, но только при условии учета определенных предложений российской стороны. В литературе представлены как умеренно позитивные, так и негативные оценки ДТО. Д. Келлман [8] рассматривает ДТО как спорный, но перспективный документ, который, хоть и не лишен недостатков, но в перспективе может поспособствовать более ответственной торговле ВВТ. А. Ставрианакис [9] оценивает ДТО как документ, который устанавливает режим либерального милитаризма, легитимизующий торговлю ВВТ при игнорировании рисков нарушения прав человека. Таким образом, в литературе представлен комплексный анализ регулирования сферы торговли ВВТ, однако недостаточное внимание уделено его перспективам с учетом проблем существующих механизмов, а также анализу формата регулирования, который бы в большей степени удовлетворял все заинтересованные стороны.

Государства для совместного решения каких-либо задач вырабатывают режимы, которые реализуются в рамках различных соглашений. Существуют различные подходы к классификации подобных режимов; например, Э. Хаас выделяет два режима подобного взаимодействия, применяемых для описания любых международных договоров: common interst и common aversion. В режимах типа common interst стороны соглашаются, что если каждая будет действовать в своих интересах, то это приведет к неблагоприятным последствиям, поэтому лучшая стратегия – это сотрудничество. Они устанавливают правила, цель которых – исключить определенное поведение, и создают инсти-

туты, обладающие полномочиями для мониторинга и урегулирования разногласий между ними. В режимах типа common aversion стороны договариваются не о том результате, которого хотят достичь, а о том, которого хотят избежать. Такие режимы предполагают не сотрудничество, а координацию [10. P. 207].

Регулирование не только законной, но и незаконной торговли ВВТ, объем которой довольно велик, обусловливает необходимость комплексного подхода к данной проблеме с учетом особенностей каждой из этих сфер. На основании классификации Хааса можно предположить, что они должны регулироваться в рамках различных подходов. Однако в настоящее время регулирование реализуется в рамках единого подхода в рамках ДТО.

Впервые о необходимости договора, регламентирующего сферу торговли оружием, высказалась в 1997 г. группа лауреатов Нобелевской премии, в которую вошли Оскар Ариас, Далай Лама, Лех Валенса.

С 2005 г. идею разработки ДТО с подачи министра иностранных дел Дж. Стро начала продвигать Великобритания. В 2006 г. данный вопрос впервые появился в повестке дня Генеральной ассамблеи ООН, когда по инициативе Австралии, Аргентины, Великобритании, Кении, Коста-Рики, Финляндии и Японии была принята резолюция «На пути к Договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений». В 2008 г. Великобритания представила на рассмотрение ГА ООН проект резолюции, предусматривавшей создание рабочей группы открытого состава для вовлечения в данный процесс максимального количества государств. Осенью 2009 г. британская делегация внесла очередной проект резолюции, обсуждение которого должно было увенчаться в 2012 г. четырехнедельной конференцией. Принципиальным моментом стало изменение позиции США по вопросу ДТО, что выразилось в поддержке данной резолюции.

После почти двух десятилетий переговоров, в июле 2012 г., была созвана конференция ООН для переговоров по вопросу принятия Договора о торговле оружием, но к консенсусу члены конференции не пришли. В марте 2013 г. была проведена еще одна двухнедельная конференция с целью окончания работы по созданию договора, однако Иран, Северная Корея и Сирия заблокировали его принятие. 2 апреля 2013 г. на Генеральной ассамблее ООН принятие ДТО было поддержано 156 голосам «за», при 3 голосах «против» и 23 воздержавшихся. В июне 2013 г. договор стал доступен для ратификации; он вступил в силу 23 декабря 2014 г., после его ратификации 50 странами – членами ООН [11].

ДТО призван регулировать как международную торговлю ВВТ, так и незаконный их оборот. Принятие и действие ДТО имеет ряд положительных аспектов, которые отмечают отдельные исследователи: развитие транспарентности торговли ВВТ, так как договор обязывает ратифицировавшие его страны представлять отчеты о передаче ВВТ; обязательства по созданию национальных контролирующих органов в случае их отсутствия; сам факт вступления договора в силу. Все это – большой шаг к развитию международного законодательства в сфере торговли ВВТ.

Несмотря на потенциальную знаковость в вопросе контроля рынка ВВТ и продвижение ответственной торговли ВВТ, по состоянию на июнь 2020 г. ДТО не подписали 56 государств [12], включая 19 государств (Россия, Китай, Беларусь, Индия, Саудовская Аравия, Египет, Алжир, Ирак, Катар, Пакистан, Вьетнам, Индонезия, Оман, Афганистан, Азербайджан, Марокко, Иордания, Мьянма, Кувейт), входящих в рейтинги крупнейших акторов торговли ВВТ: за период 2015–2019 гг. их доля в экспорте ВВТ составила 27%, в импорте – 55,2% [13]. Не ратифицировали ДТО, а значит, и не участвуют в его реализации 32 государства [14], включая 9 государств (США, Израиль, Украина, Турция, ОАЭ, Сингапур, Бангладеш, Таиланд, Филиппины) из рейтингов СИПРИ. Доля этих государств в мировом экспорте ВВТ составляет 41,2%, в импорте – 14,3%. Таким образом, общий объем экспорта ВВТ, который проходит вне рамок действия ДТО, составляет 68,2%, импорта – 69% [13]. Фактически мировой рынок ВВТ не регулируется ДТО.

Из государств – лидеров по экспорту и импорту ВВТ в реализации договора участвуют 21 [15] (Франция, Германия, Великобритания, Испания, Италия, Южная Корея, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Канада, Норвегия, Австралия, Чехия, ЮАР, Бразилия, Португалия, Япония, Казахстан, Греция, Мексика, Польша), на них приходится 30% мирового экспорта и 18,9% импорта. При этом, если рассматривать только долю государств ЕС, она составит 25,2% и 5,2% соответственно [13].

ЕС является одним из ключевых участников ДТО, что вполне резонно, так как он был одним из его инициаторов и главных сторонников. Четкая позиция ЕС просматривается и в том, что он через Решение Совета [16] призывал подписать ДТО как можно скорее, что и было сделано. Уже к 2016 г. все государства – члены ЕС подписали и ратифицировали документ [15]. Вероятно, это обусловлено желанием привести мировые стандарты торговли оружия к стандартам ЕС. Как отмечают Н. Калинина и В. Козюлин, «…в Евросоюзе уже действует достаточно эффективный инструмент – Кодекс поведения Европейского Союза в отношении экспорта оружия, принципы и механизмы которого Евросоюз хотел бы распространить на весь мир» [7. С. 84]. Это поставило бы другие государства в равные условия с ЕС, тем самым ограничив конкуренцию.

Проанализируем позицию ключевых экспортеров и импортеров ВВТ, которые не участвуют в реализации ДТО: США, России, Индии и Египта. Лидер по импорту ВВТ – Саудовская Аравия – не рассматривается, так как в доступных источниках не представлена позиция этого государства в отношении ДТО.

США подписали ДТО в 2013 г., но до сих пор его не ратифицировали [14]. Документ был подписан при Администрации Б. Обамы и долгое время не направлялся на ратификацию в Сенат. Обсуждение ратификации было начато уже при Администрации Д. Трампа и в 2019 г. привело к отказу. Основными причинами стали: потенциальные ограничения поставок ВВТ со-

юзникам, в том числе под влиянием определенных групп; наличие у США действующей и эффективной системы экспортного контроля, способствующей ответственной торговле ВВТ; неучастие в ДТО ключевых экспортеров ВВТ (России и Китая) [17]. Кроме того, у организаций – сторонников права на ношение и хранение огнестрельного оружия, например NRA, есть опасения, что под влиянием ДТО это право будет ограничено, как в целом будет ограничен внутренний рынок стрелкового оружия [18].

Позиция России по ДТО сводится к тому, что многосторонние соглашения, регулирующие торговлю ВВТ, не показали своей эффективности. Кроме того, основная проблема торговли ВВТ – их незаконный оборот. Соответственно, в договоре должны быть учтены запреты поставок ВВТ неуполномоченным субъектам (ЧВК, милитаризированным организациям, террористическими экстремистским группировкам), реэкспорта, поставок ВВТ, произведенных без лицензии, а также упорядочение брокерской деятельности. Помимо этого, опасения вызывают гуманитарные критерии, на основании которых должны приниматься решения о поставках ВВТ, так как они сформулированы расплывчато, что дает возможность их недобросовестной интерпретации [19].

Проблемы незаконной торговли ВВТ стали одной из причин неподписания ДТО и для Индии, которая отмечает отсутствие запретов на поставку ВВТ негосударственным акторам и террористическим формированиям. Также ее позиция обусловлена опасениями, что ДТО будет инструментом для стран-экспортеров по ограничению поставок странам-импортерам без каких-либо объективных причин и последствий [20].

Египет также отмечает проблемы ДТО, связанные с ограничением законной торговли ВВТ и при этом недостаточным вниманием к незаконной. Кроме того, Египет критикует ДТО за отсутствие четких определений, что дает возможность манипулировать и монополизировать законную торговлю ВВТ, использовать договор в политических целях. ДТО игнорирует проблемы поставки неавторизованным получателям: террористическим организациям и незаконным вооруженным формированиям [21].

При этом реализация положений ДТО даже в ограниченном масштабе участвующими в нем странами сопряжена с рядом проблем. Некоторые страны, подписавшие и ратифицировавшие ДТО, игнорируют свои обязательства по нему. В частности, Франция, Великобритания и Италия поставляли различные виды ВВТ, в том числе легкое вооружение и боеприпасы, которые могли использоваться для репрессий внутри страны, Египту. Поставки осуществлялись несмотря на то, что правительство Египта жестко подавляло любое проявление несогласия, в результате чего тысячи протестующих были убиты, подверглись пыткам или получили ранения. Те же страны продолжали снабжать оружием Саудовскую Аравию, несмотря на многочисленные доказательства нарушений международного гуманитарного права, совершенных саудовскими войсками в Йемене [22]. Так, министр вооруженных сил Франции Флоранс Парли заявила, что у французского правительства нет никаких доказательств, что поставленные ВВТ используются Саудовской Аравией в Йемене; они применяются только в оборонительных целях [23].

Также одной из целей ДТО было обеспечение транспарентности торговли ВВТ за счет предоставления и обнародования статистики государств, но ожидания по ее улучшению оправдались не в полной мере. Так за 2019 г. было предоставлено 22 отчета, за 2018 г. – 62. Даже первый отчет за 2015 г. к настоящему моменту не предоставили 12 государств [24]. И это без учета того, что некоторые страны предоставляли неполные данные. Подобная ситуация свидетельствует о том, что информация о торговле ВВТ рассматривается государствами как не подлежащая публичной огласке.

Если резюмировать основные проблемные моменты ДТО, то большая часть из них, включая вопросы передачи ВВТ неавторизованным субъектам, реэкспорта, незаконной торговли ВВТ, могут быть решены за счет внесения соответствующих поправок в текст договора. Однако главной проблемой являются опасения государств, что их право на ведение самостоятельной политики в области ВТС будет ограничено. И данные опасения небезосновательны: гуманитарный характер ДТО не соответствует реалиям ведения боевых действий, которые сопряжены с нарушением прав человека. На основании критериев ДТО практически любая поставка ВВТ может быть расценена как противоречащая ему. В случае вооруженного конфликта на территории какого-либо государства на это государство могут быть наложены санкции, запрещающие поставки ему ВВТ, что противоречит его праву на обеспечение обороны и безопасности. Схожая ситуация и с вопросами поставки ВВТ союзникам, которые также могут быть ограничены в случае военного конфликта на территории союзного государства.

Вероятно, причиной неспособности ДТО организовать эффективное регулирование, является то, что ДТО – это режим типа common interest. Кроме того, в рамках единой системы предпринимается попытка регулирования как законной, так и незаконной торговли ВВТ. Однако в такой сфере, как торговля ВВТ, консенсус в определении общих результатов практически невозможен, так как государства будут в первую очередь руководствоваться своими политическими интересами, несмотря на возможные гуманитарные последствия. Контроль со стороны специальных институтов рассматривается государствами как ограничение их прав, что подтверждает позиция всех ключевых не участвующих в ДТО государств. Подобные проблемы указывают на то, что режим common interest не в полной мере соответствует требованиям по регулированию законной торговли ВВТ. Применение же режима common interest подходит для предотвращения незаконной торговли ВВТ, так как в данном случае общий результат может быть определен и консенсус между государствами возможен.

Режим common aversion выглядит более перспективным для регулирования законной торговли ВВТ, так как обеспечивает возможность контроля сферы на том уровне, который бы не препятствовал государ-

ствам в реализации собственной политики в области ВТС. Подобная система реализована в рамках Вассенаарских договоренностей – соглашения между странами-экспортерами для контроля поставок продукции военного и двойного назначения. Соответственно, подобный формат не предполагает всеобщего действия договора. И хотя количество участников этого соглашения увеличилось с 33 до 42 [25], этот режим все равно имеет довольно ограниченное действие, особенно с учетом отсутствия КНР среди его участников.

Концепция Вассенаарских договоренностей – это организация системы экспортного контроля в соответствии с рекомендациями ВД, которая оставляет решение по поставкам ВВТ за государствами, тем самым не вмешиваясь в их политику, а обмен информацией помогает участникам комплексно оценивать риски и корректировать свои действия в сфере ВТС. Кроме того, внутренний обмен информацией о поставках, отказах и рисках обеспечивает государствам необходимую конфиденциальность. При этом сами договоренности не лишены некоторых недостатков, которые ограничивают их эффективность. Во-первых, соглашение представляет собой договоренность экспортеров ВВТ, соответственно, его действие распространяется только на них, тем самым ВД не могут стать всеобъемлющими. Во-вторых, обмен информацией по поставкам и отказам в поставке ВВТ распространяется только на сделки с государствами, не участвующими в договоре, что обеспечивает их дискриминацию и уменьшает возможности по оценке рисков поставок ВВТ между самими участниками. В-третьих, у Вассенаарских договоренностей нет такой поддержки международных организаций, как у ДТО, что также не способствует распространению действия соглашения.

Таким образом, для обеспечения комплексного контроля сферы торговли ВВТ, как законной, так и незаконной, требуется более дифференцированный подход, выражающийся в применении разных режимов. Формат ДТО на основе режима common interest применим для предотвращения незаконной торговли ВВТ, особенно с учетом его гуманитарного характера и поддержки ООН. Однако в текущей редакции ДТО недостаточное внимание уделено проблемам поставки неуполномоченным субъектам, реэкспорту, деятельности оружейных брокеров. Возможно, при внесении поправок, закрепляющих эти положения, а также фокусировке именно на незаконной торговле ВВТ ДТО может получить большую международную поддержку. Реализация регулирования законной торговли вооружениями и военной техникой выглядит более перспективно в режиме формата common aversion, например в рамках Вассенаарских договоренностей с адаптированными положениями, обеспечивающими его всеобщий характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trends in World Military Expenditures, 2017 // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (accessed: 21.06.2020).
2. Financial value of the global arms trade // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/databases/financial-value-global-arms-trade (accessed: 21.06.2020).
3. Small arms: trade & brokering // United Nations. URL: https://www.un.org/disarmament/convarms/trade-brokering/ (accessed: 21.06.2020).
4. Stohl R. Understanding the Conventional Arms Trade // AIP Conference Proceedings. 2017. Vol. 1898, is. 1. URL: https://aip.scitation.org/doi/pdf/10.1063/1.5009220 (accessed: 21.06.2020).
5. Фролова Е.К. Продукция двойного назначения как объект экспортного контроля: проблемы правового регулирования в РФ и США // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 75–80.
6. Brehm M. The Arms Trade and States' Duty to Ensure Respect for Humanitarian and Human Rights Law // Journal of Conflict and Security Law. 2007. Vol. 12, is. 3. P. 359–387.
7. Калинина Н.И., Козулин В.Б. Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать // Индекс безопасности. 2010. Т. 16, № 3. С. 81–98.
8. Kellman B. Controlling the Arms Trade: One Important Stride for Humankind // Fordham International Law Journal. 2014. Vol. 37, is 1. P. 687–732.
9. Stavrianakis A. Legitimizing liberal militarism: politics, law and war in the Arms Trade Treaty // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37 (5). P. 840–865.
10. Haas E. Words Can Hurt You; or, You Said What to Whom About Regimes // International Organization. 1982. Vol. 36, № 2. P. 207–243
11. Treaty Status // Arms Trade Treaty. URL: https://thearmstradetreaty.org/treaty-status.html?templateId=209883 (accessed: 21.06.2020).
12. UN Member States that have not yet joined the ATT // Arms Trade Treaty. URL: https://thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/List%20of%20UN%20Member%20States%20that%20have%20not%20yet%20joined%20the%20ATT%20(29%20April%202020)/List%20of%20UN%20Member%20States%20that%20have%20not%20yet%20joined%20the%20ATT%20(29%20April%202020).pdf (accessed: 21.06.2020).
13. Trends in International Arms Transfers, 2019 // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (accessed: 21.06.2020).
14. ATT Signatories that have not yet ratified, accepted, or approved the Treaty // Arms Trade Treaty. URL: https://thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/List%20of%20ATT%20Signatory%20States%20(20%20April%202020)/List%20of%20ATT%20Signatory%20States%20(20%20April%202020).pdf (accessed: 21.06.2020).
15. States Parties to the ATT(in alphabetical order) // Arms Trade Treaty. URL: https://thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/List%20of%20ATT%20States%20Parties%20(alphabetical%20order)(29%20April%202020)/List%20of%20ATT%20States%20Parties%20(alphabetical%20order)(29%20April%202020).pdf (accessed: 21.06.2020).
16. Council decision 2013/269/CFSP of 27 May 2013 authorising Member States to sign, in the interests of the European Union, the Arms Trade Treaty // EUR-lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:155:0009:0009:EN:PDF (accessed: 21.06.2020).
17. President Donald J. Trump is Defending Our Sovereignty and Constitutional Rights from the United Nations Arms Trade Treaty // White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-is-defending-our-sovereignty-and-constitutional-rights-from-the-united-nations-arms-trade-treaty/ (accessed: 21.06.2020).
18. U.S. to Quit Arms Trade Treaty // Arms Control Association. URL: https://www.armscontrol.org/act/2019-05/news/us-quit-arms-trade-treaty (accessed: 21.06.2020).
19. Международный договор о торговле оружием (МДТО) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/web/guest/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MlJdOT56NKIk/content/id/1125404 (дата обращения: 21.06.2020).
20. Why India abstained on Arms Trade Treaty // The Hindu. URL: https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/why-india-abstained-on-arms-trade-treaty/article4573882.ece (accessed: 21.06.2020).

21. Statement of the Delegation of the Arab Republic of Egypt 73rd Session of the United Nations General Assembly First Committee // United Nations. URL: http://statements.unmeetings.org/media2/20304705/egypt-conventional-weapons.pdf (accessed: 21.06.2020).
22. Killer Facts: The scale of the global arms trade // Amnesty International. URL: https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2017/09/killer-facts-the-scale-of-the-global-arms-trade/ (accessed: 21.06.2020).
23. France confirms arms shipped to Saudi Arabia // RFI. URL: http://www.rfi.fr/en/france/20190509-france-confirms-arms-shipped-saudi-arabia (accessed: 21.06.2020).
24. Annual Reports // Arms Trade Treaty. URL: https://thearmstradetreaty.org/annual-reports.html?templateId=209826 (accessed: 21.06.2020).
25. About Us // Wassenaar Arrangements. URL: https://www.wassenaar.org/ru/about-us/ (accessed: 21.06.2020).

Kirill V. Seroshtanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

ARMS TRADE TREATY AND IMPLEMENTATION OF ARMS TRADE REGULATION

Keywords: Arms Trade Treaty; Wassenaar Arrangements; military technical cooperation.

The article deals with the implementation of the arms trade Treaty (ITT) and individual problems associated with it. The goal of this paper is to consider the ATT format efficiency and evaluate its prospects with the regard to potential amendments to be made.

Issues of arms trade regulation and the ATT are widely covered by Russian and foreign researchers: R. Stohl, M. Brehm, N. Kalinina, V. Kozyulin and etc. The statistics on arms trade is mainly taken from SIPRI resources, the data on the ATT and related statistics – from the official sources of the ATT. The analysis of the ATT and format of arms trade regulation is performed on the basis of E. Haas regimes classification.

Despite the fact that the ATT has some strong points (export control system, arms trade reports and etc.) and could be a milestone for arms trade regulation, it has failed to become inclusive: almost 70% of arms export and import is not covered by its effect. Main players (the USA, Russia, India and Egypt) criticized the Treaty for its inability to tackle problems of illicit arms trade and openness of humanitarian criteria for interpretation.

Probably the main problem of the ATT is that it is aimed both on regulation of official and illicit arms trade, although these issues requires different formats of regulation. While it is easier for states to come to consensus on the necessity to prohibit illicit arms trade, their ability to shape their official arms trade into frames developed by other states and international organization is limited. One example of relatively efficient official arms trade regulation is Wassenaar arrangements that focuses on promotion of national export control system and does not interfere into states decision-making process. So with the regard to Haas classification the most adequate regime for illicit arms trade regulation is regime of "common interests", but for the official arms trade – regime of "common aversion".

The author comes to the conclusion that the current format the ATT based on "common interest regime" is not enough efficient in regulation of arms trade (both official and illicit), but with the corresponding amendments focused on the prohibition of illicit arms trade it can make a bigger contribution to world security. Meanwhile official arms trade could be better regulated without opposition of some states in the form of Wassenaar arrangements based "common aversion" that covers not only exporters' countries, but also importers'.

REFERENCES

1. Tian, N., Fleurant, A., Kuimova, A., Wezeman. P.D. & Wezeman, S.T. (2017) *Trends in World Military Expenditures, 2017*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (Accessed: 21st June 2020).
2. SIPRI. (n.d.) *Financial value of the global arms trade*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/databases/financial-value-global-arms-trade (Accessed: 21st June 2020).
3. United Nations. (n.d.) *Small arms: trade & brokering*. [Online] Available from: https://www.un.org/disarmament/convarms/trade-brokering/ (Accessed: 21st June 2020).
4. Stohl, R. (2017) Understanding the Conventional Arms Trade. *AIP Conference Proceedings*. 189(1). [Online] Available from: https://aip.scitation.org/doi/pdf/10.1063/1.5009220 (Accessed: 21st June 2020).
5. Frolova, E.K. (2017) Dual-use goods as export control objects: legal issues in the Russian Federation and the USA. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Economic problems and legal practice*. 4. pp. 75–80. (In Russian).
6. Brehm, M. (2007) The Arms Trade and States' Duty to Ensure Respect for Humanitarian and Human Rights Law. *Journal of Conflict and Security Law*. 12(3). pp. 359–387. DOI: 10.1093/jcsl/krn006
7. Kalinina, N.I. & Kozulin, V.B. (2010) Dogovor o torgovle oruzhiem: zastavit' pushki zamolchat' [Arms Trade Treaty: Silencing the Guns]. *Indeks bezopasnosti*. 16(3). pp. 81–98.
8. Kellman, B. (2014) Controlling the Arms Trade: One Important Stride for Humankind. *Fordham International Law Journal*. 37(1). pp. 687–732.
9. Stavrianakis, A. (2016) Legitimizing liberal militarism: politics, law and war in the Arms Trade Treaty. *Third World Quarterly*. 37(5). pp. 840–865. DOI: 10.1080/01436597.2015.1113867
10. Haas, E. (1982) Words Can Hurt You; or, You Said What to Whom About Regimes. *International Organization*. 36(2). pp. 207–243. DOI: 10.1017/S0020818300018932
11. UN General Assembly. (n.d.) *Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://thearmstradetreaty.org/treaty-status.html?templateId=209883 (Accessed: 21st June 2020).
12. UN General Assembly. (n.d.) *UN Member States that have not yet joined the ATT*. [Online] Available from: https://thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/List%20of%20UN%20Member%20States%20that%20have%20not%20yet%20joined%20the%20ATT%20(29%20April%202020)/List%20of%20UN%20Member%20States%20that%20have%20not%20yet%20joined%20the%20ATT%20(29%20April%202020).pdf (Accessed: 21st June 2020).
13. SIPRI. (2020) *Trends in International Arms Transfers, 2019*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019_0.pdf (Accessed: 21st June 2020).
14. UN General Assembly. (n.d.) *ATT Signatories that have not yet ratified, accepted, or approved the Treaty*. [Online] Available from: https://thearmstradetreaty.org/hyper-imag-es/file/List%20of%20ATT%20Signatory%20States%20(20%20April%202020)/List%20of%20ATT%20Signatory%20States%20(20%20April%202020).pdf (Accessed: 21st June 2020).
15. UN General Assembly. (n.d.) *States Parties to the ATT(in alphabetical order)*. [Online] Available from: https://thearmstradetreaty.org/hyper-images/file/List%20of%20ATT%20States%20Parties%20(alphabetical%20order)(29%20April%202020)/List%20of%20ATT%20States%20Parties%20(alphabetical%20order)(29%20April%202020).pdf (Accessed: 21st June 2020).
16. EUR-lex. (n.d.) *Council decision 2013/269/CFSP of 27 May 2013 authorising Member States to sign, in the interests of the European Union, the Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2013:155:0009:0009:EN:PDF (Accessed: 21st June 2020).

17. The White House. (2019) *President Donald J. Trump is Defending Our Sovereignty and Constitutional Rights from the United Nations Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-is-defending-our-sovereignty-and-constitutional-rights-from-the-united-nations-arms-trade-treaty/ (Accessed: 21st June 2020).
18. Arms Control Association. (2019) *U.S. to Quit Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://www.armscontrol.org/act/2019-05/news/us-quit-arms-trade-treaty (Accessed: 21st June 2020).
19. Russian Foreign Ministry. (n.d.) *Mezhdunarodnyy dogovor o torgovle oruzhiem (MDTO)* [International Arms Trade Treaty (ATT)]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/web/guest/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MlJdOT56NKIk/content/id/1125404 (Accessed: 21st June 2020).
20. The Hindu. (n.d.) *Why India abstained on Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/why-india-abstained-on-arms-trade-treaty/article4573882.ece (Accessed: 21st June 2020).
21. UNO. (n.d.) *Statement of the Delegation of the Arab Republic of Egypt 73rd Session of the United Nations General Assembly First Committee*. [Online] Available from: http://statements.unmeetings.org/media2/20304705/egypt-conventional-weapons.pdf (Accessed: 21st June 2020).
22. Amnesty International. (2017) *Killer Facts: The scale of the global arms trade*. [Online] Available from: https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2017/09/killer-facts-the-scale-of-the-global-arms-trade/ (Accessed: 21st June 2020).
23. RFI. (2019) *France confirms arms shipped to Saudi Arabia*. [Online] Available from: http://www.rfi.fr/en/france/20190509-france-confirms-arms-shipped-saudi-arabia (Accessed: 21st June 2020).
24. UNO. (n.d.) *Annual Reports. Arms Trade Treaty*. [Online] Available from: https://thearmstradetreaty.org/annual-reports.html?templateId=209826 (Accessed: 21st June 2020).
25. *Wassenaar Arrangements*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.wassenaar.org/ru/about-us/ (Accessed: 21st June 2020).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 32.019.5
DOI: 10.17223/19988613/67/14

В.А. Болдин

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК» (1900–1904)

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, проект № МК-1526.2020.6 «Славянская идея: от национального самоопределения к европейской интеграции (историко-политологический анализ)».

Предпринята попытка доказать авторскую гипотезу, согласно которой панславизм в начале XX в. эволюционировал от «культурного» и «политического» к «культурно-экономическому». Для подтверждения гипотезы был проведен контент-анализ заголовков статей, опубликованных в журнале «Славянский век» (1900–1904). Полученные результаты позволили утверждать правомерность введения в научный оборот новой дефиниции – «культурно-экономический панславизм».

Ключевые слова: «Славянский век»; панславизм; культурно-экономический панславизм; контент-анализ.

Для проверки выдвинутой нами в ранее опубликованных работах гипотезы, согласно которой панславизм в начале XX в. эволюционировал от «культурного» и «политического», каковым он был в предыдущем веке, к «*культурно-экономическому*», был проведен контент-анализ содержания выпусков журнала «Славянский век» (1900–1904) за все четыре года издания на основе ранее составленной описи [1. С. 223–253]. В качестве рабочего в данном исследовании используется следующее определение панславизма: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей» [2. С. 75].

Авторская гипотеза заключается в том, что в начале XX в. панславизм переживает новый виток популярности, а вслед за этим переосмысливаются его идейно-теоретическое наполнение и содержание. Тем не менее наиболее дискуссионным моментом, касающимся русского панславизма, становится вопрос об определении его сущности в начале XX в. В отечественной науке четко прослеживается следующая дихотомия: в начале XX в. панславизм качественно переродился в совершенно новое идейно-теоретическое течение «неославизм», на корню порывавшее со взглядами предыдущих поколений российских панславистов. Однако представляется, что попытка охарактеризовать «неославизм» как совершенно новую идеологию является упрощением. Более обоснованной кажется точка зрения, согласно которой «неославизм» есть лишь одна из форм панславизма, претерпевшего существенные изменения в начале XX в. Учитывая тот факт, что панславизм никогда не являлся цельным идеологическим конструктом, имел различные интерпретации (как на разных этапах своей эволюции, так и у разных славянских народов), дихотомия «панславизм–неославизм» кажется по меньшей мере неоправданной. Применение методов компаративного анализа и политической текстологии (особенно введение в научный оборот ранее не исследованных источников, таких как журнал «Славянский век») позволяет преодолеть сложившуюся в отечественной науке дихотомию, которая является, по нашему мнению, следствием господствовавшей долгое время марксистской методологии, которая трактовала «панславизм» сугубо как реакционную идеологию, а «неославизм» рассматривался на его фоне как «демократическое и освободительное» движение. Однако подобные выводы представляются упрощением, а отрицание генетической связи между «панславизмом» и «неославизмом» приводит мысли о «разрыве» в идеях между поколениями панславистов, что является, конечно же, преувеличением. (Подробнее о существующих дискуссиях в отечественной и зарубежной литературе, касающихся сущности панславизма в начале XX в. см.: [1. С. 61–79].)

Для преодоления сложившейся в отечественной науке дихотомии «панславизм–неославизм» предлагается дополнить существующие классификации русского панславизма («культурный», «политический» и т.д.) новым термином – «культурно-экономический панславизм». Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой – выделяет его основное отличие – преобладание экономической проблематики. Для обоснования введения в научный оборот новой категории и

было решено провести контент-анализ заголовков статей журнала «Славянский век».

Такой анализ текстов выпусков данного журнала, по нашему убеждению, позволяет выявить главный идейно-теоретический вектор эволюции взглядов панславистов – смещение фокуса дискуссии в сторону обсуждения вопросов экономической и культурной тематики. Выбор журнала «Славянский век» в качестве основного источника исследования объясняется тем, что из-за цензурных запретов в России журнал «Славянский век», издававшийся в Вене, был единственной независимой площадкой, где развернулись важные споры о судьбах славянства и о славянской идее, которые предопределили дальнейшие трансформации внутри идеологии панславизма [3. С. 7]. Журнал «Славянский век» ранее рассматривался как ценный источник в рамках исторической науки (в частности, для исследования русинского вопроса) [4. С. 120–127; 5. С. 83–94; 6. С. 86–96], но с точки зрения политической науки журнал анализируется впервые.

Объектом анализа стали все выпуски журнала «Славянский век» за 1900–1904 гг. (всего 92 выпуска), а выборкой – заголовки статей, рубрик, заметок и аннотаций, опубликованных на страницах журнала. Контент-анализ был проведен с использованием категорий, которые были поделены на три группы: «Политика», «Экономика» и «Культура».

В ходе исследования нами были проанализировано 805 заголовков (422 заголовка – за первый и второй годы издания; 383 – за третий и четвертый). Рассматривались лишь заголовки, названия которых вынесены в содержание выпусков журнала и пронумерованы, при этом сознательно опускались заголовки раздела «Приложения», если таковые имелись в выпуске, так как зачастую в нем публиковались статистические сведения о ранее изданных выпусках журнала, именные указатели статей, карты и т.п., не обладающие достаточной репрезентативностью и информативностью для включения в выборку.

Заголовки, названия которых попадали в выборку двух групп или подходили под описание сразу нескольких категорий, на усмотрение автора относились лишь к одной из предложенных категорий, чтобы избежать дублирования заголовков при подсчетах. Кроме того, к той или иной категории были отнесены и подвергнуты подсчету лишь заголовки на русском языке. В то же время заголовки на иностранных языках учитывались при определении общего числа заголовков.

Категории группы «Политика»

Относящимися к сфере политики были определены слова «политика», «война», «государство», «славянофильство», «панславизм», «нация» и производные от них: «политический», «государственный», «военный», «славянофильский», «панславистский», «национальный» и т.п. Было выявлено 54 статьи, посвященных политической тематике, полностью совпадающих с предложенными «категориями» анализа. Это составило 6 % от общего числа проанализированных заголовков (табл. 1).

Таблица 1

Категории группы «Политика», определенные для проведения контент-анализа

Категории	Годы		Всего
	1900–1901; 1901–1902 (выпуски № 1–48)	1902–1903; 1903–1904 (выпуски № 49–92)	
Политика (политический, внешняя политика и т.п.)	4	8	12
Война (военный, войска и т.п.)	4	6	10
Государство (государственный, государственность и т.п.)	1	0	1
Славянофильство (славянофильский, славянофилы и т.п.)	7	5	12
Панславизм (панславистский, панслависты и т.п.)	10	2	12
Нация (национальный, национализм и т.п.)	5	2	7
Всего	31	23	54

Таблица 2

Категории группы «Экономика», определенные для проведения контент-анализа

Категории	Годы		Всего
	1900–1901; 1901–1902 (выпуски № 1–48)	1902–1903; 1903–1904 (выпуски № 49–92)	
Экономика (экономический, экономист, таможенный союз, купеческое общество и т.п.)	4	2	6
Торговля (торговый, торговые, торгово-промышленный и т.п.)	12	0	12
Выставка (кустарная выставка, художественно-промышленная выставка, всеславянская выставка; ремесленный съезд)	3	8	11
Рабочий (рабочее, рабочие, работницы артели и т.п.)	0	4	4
Хозяйство (хозяйственный, материальная)	2	1	3
Капитал (капитализм, империализм)	0	3	3
Объявления	21	-	21
Всего	42	54	96

Категории группы «Экономика»

Относящимися к сфере экономики были определены слова: «экономика», «торговля», «выставка», «рабочий», «хозяйство», «капитал», «объявления» и производные от них: «экономический», «торговый», «художественно-промышленная выставка», «рабочее», «хозяйственный», «капитализм» и т.п. Было выявлено 96 статей, посвященных экономической тематике, что составило 12% от общего числа проанализированных заголовков. Кроме того, начиная с выпуска № 31 раздел «Объявления» перестал выноситься в общее содержание выпуска, хотя по-прежнему продолжал присутствовать на последних страницах каждого выпуска журнала. По этой причине, придерживаясь ранее выдвинутого допущения, согласно которому подсчитываются лишь заголовки, вынесенные в оглавление выпуска, после выпуска № 31 раздел «Объявления» не подсчитывался. В ряде статей рассматривались экономические и торговые вопросы в контексте освещения иных проблем: политических, культурных и т.п. Но так как в их названиях не фигурировали предложенные нами «категории», их рассмотрение сознательно опускалось (табл. 2).

Категории группы «Культура»

Категориями, характеризующими вопросы культурного сотрудничества, были определены следующие слова: «культура», «язык», «школа», «литература», «библиография», «общества» («кружки») и производные от них: «культурный», «языковой», «школьное», «литературный», «библиографический» и т.п.

Таблица 3

Категории группы «Культура», определенные для проведения контент-анализа

Категории	Годы		Всего
	1900–1901; 1901–1902 (выпуски № 1–48)	1902–1903; 1903–1904 (выпуски № 49–92)	
Культура (культурные, культурного и т.п.)	21	8	29
Язык (языкам, языку, русский язык и т.п.)	16	3	19
Школа (школьный, школьном и т.п.)	18	5	23
Литература (литературный, литературная и т.п.)	18	6	24
Библиография (библиографический), книга, книги (книговедение)	29	24	53
Общества (благотворительные общества, русские кружки, матицы и т.п.)	5	75	80
Всего	107	121	228

В качестве категорий не рассматривались фамилии известных русских и славянских писателей, а также деятелей культуры, которым были посвящены многочисленные статьи и заметки. Помимо прочего, в связи с невозможностью четкой систематизации и выявления релевантных категорий опускались статьи, затрагивающие вопросы религиозных и конфессиональных отношений в славянском мире. Было выявлено 228 статей, полностью соответствующих выбранным нами категориям и посвященных «культурной» тематике, что составило 28% от общего числа проанализированных заголовков.

Выводы контент-анализа

Как показали результаты контент-анализа заголовков статей, рубрик, заметок и аннотаций, опубликованных на страницах журнала «Славянский век» за 1900–1904 гг., «политическая» тематика занимала 6% (54 статьи) от общего числа заголовков, «экономическая» – 12% (96 статей), а «культурная» – 28% (228 статей).

«Экономическая» тематика ровно в два раза превышала освещение вопросов «политики» (12 и 6% соответственно).

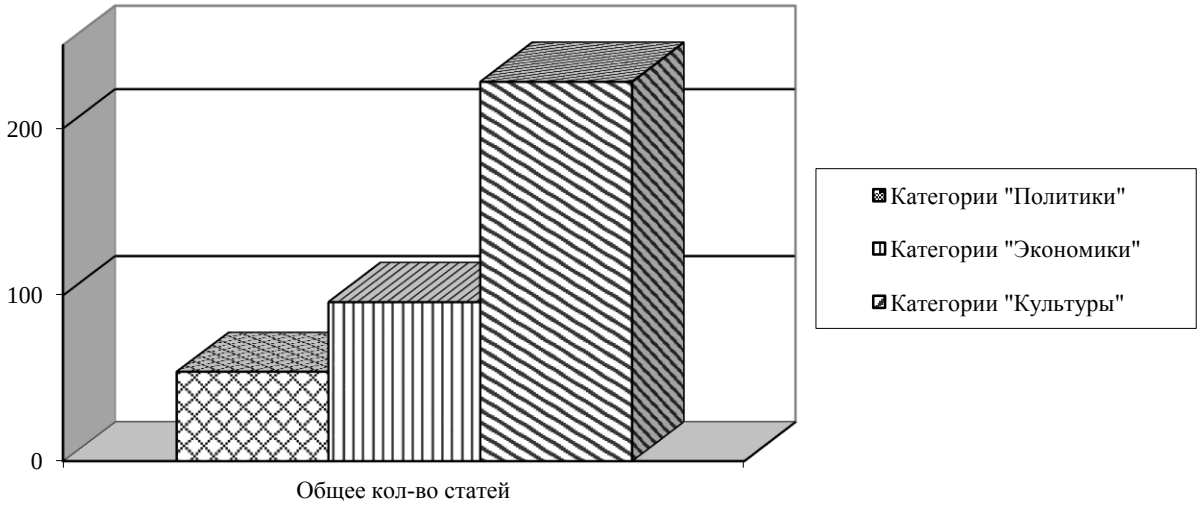

Рис. 1. Соотношение общего количества статей в категориях «Политика», «Экономика», «Культура»

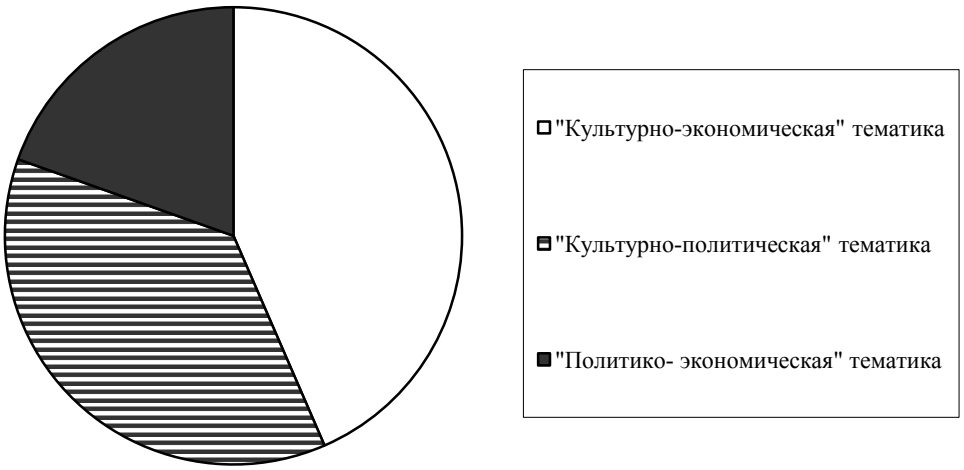

Рис. 2. Соотношение тематик статей журнала «Славянский век» (1900–1904) по отношению друг к другу

В свою очередь, «политико-экономической» тематике посвящено 18% от общего числа статей, а «культурно-политической» – 34%.

Но совокупная «политико-экономическая» тематика все же в 1,5 раза уступала по объему вопросам «культуры» (18 и 28% соответственно).

Таким образом, можно сделать вывод, что совокупно «*культурно-экономической*» тематике посвящено 40% от общего числа проанализированных заголовков журналов, т.е. больше, чем каким-либо иным темам вместе взятым, что полностью подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Общие выводы

Принимая в расчет вышеуказанные допущения, а также тот факт, что в таблицах подсчитаны лишь те статьи, заголовки которых можно было систематизировать по определенным категориям, представляется важным сделать следующие выводы: количественный подсчет заголовков статей журнала «Славянский век» за все четыре года издания позволил уловить важный тренд в эволюции панславизма в начале XX в. – все большее внимание вопросам экономики, однако попрежнему сильна установка на культурные методы интеграции славянских территорий. В связи с этим полностью подтверждается гипотеза, что панславизм в начале XX в. следует характеризовать как «культурно-экономический». Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, он подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой – выделяет его основное отличие – внимание к экономической проблематике.

В современной литературе существует несколько основных классификаций панславизма в XIX в. Наиболее подходящая и систематизированная классификация в свое время была представлена А.А. Ширинянцем: «В рамках русского панславизма можно выделить “культурное” и “политическое” направления. “Культурный панславизм” развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык. “Политический панславизм” создавал проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Эта ветвь панславизма существовала в нескольких вариантах, одни из которых можно обозначить как “революционные”, или “радикальные”, другие – как “консервативные”, или “имперские”». [2. С. 75]. Интересной представляется и классификация О.В. Павленко, выделяющая «истинный панславизм», «имитационный панславизм», «имперский панславизм». [7. С. 15].

В третий и четвертый годы издания журнала «Славянский век» (выпуски № 49–92) фиксируется некий всплеск интереса к «политической» тематике. Однако он объясняется внешнеполитическим контекстом: именно в этот период разразилась Русско-японская война (1904–1905), а также произошло Илинденское восстание в Македонии (1903), что не могло не отразиться на тематике выпусков журнала. Однако даже этот факт в целом не изменил картину процентного соотношения освещаемых тем в пользу «политики».

Вопросы культурной интеграции посредством языка и литературы, как и прежде, оставались наиболее приоритетными. Но, как показывает качественный анализ содержания статей журнала «Славянский век», а также дискуссий, развернувшихся на его страницах между различными «направлениями» панславистов[2], можно констатировать, что именно указанный перекос в сторону «культурного сотрудничества», унаследованный от романтического «культурного панславизма» XIX в., так и не позволил редакции сформулировать четкую политическую программу. Кроме того, выявленные результаты иллюстрируют правоту западнославянских идеологов панславизма, которые к началу XX в. окончательно убедились в том, что достижение славянского единства невозможно путем «пустых» разговоров о создании общего литературного языка. Без практических шагов по продвижению экономических интересов России в славянских странах славяне никогда не будут заинтересованы в изучении русского языка сугубо из «братских» побуждений, ведь «языки изучаются не по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности» [8; 9. С. 5].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В период издания журнала активно обсуждался вопрос об организации и проведении Всеславянской художественно-промышленной выставки в Санкт-Петербурге (Всеславянская выставка, 1903, и ее освещению было уделено значительное внимание на страницах журнала. В связи с этим все заголовки, включающие в себя категорию «выставка» и ее производные, были посвящены экономической тематике. При этом к данной категории мы не относили заголовки, упоминающие Международную выставку исторических и национальных костюмов (Санкт-Петербург, 1902).

[2] Подробнее о дискуссиях между разными поколениями панславистов см.: [8. С. 318–334].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / под общ. ред. А.А. Ширинянца. М. : Аквилон, 2018. 376 с.
2. Ширинянц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М. : Русский миръ, 2008. 412 с.
3. Болдин В.А. Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета : электронный журнал. 2017. № 1. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789 (дата обращения:14.12.2019).
4. Зиновьев В.П., Казаков В.В. Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 120–127. DOI: 10.17223/18572685/43/8.
5. Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83–94. DOI: 10.17223/18572685/39/6.
6. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Публицистика С. Радича на страницах журнала «Славянский век» (1900–1905 гг.) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 86–96. DOI: 10.17223/18572685/42/7.
7. Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
8. Болдин В.А. «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности»: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в // Русин. 2018. Т. 54. № 4. С. 318–334. DOI: 10.17223/18572685/54/19.
9. Стоянович Люб. Общеславянский язык : (посвящается В. И. Ламанскому) // Славянский век. 1901. Вып. 15. С. 4–10.

Vladimir A. Boldin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: boldin.v.a@gmail.com

CONTENT ANALYSIS OF THE «SLAVIC CENTURY» JOURNAL'S HEADLINES (1900–1904)

Keywords: «Slavic Century»; Pan-Slavism; cultural and economic Pan-Slavism; content analysis.

The article is an attempt to confirm the author's hypothesis according to which Pan-Slavism at the beginning of the 20th century evolved from "cultural" and "political" to "cultural and economic". Seems that introduction of a new definition of "cultural-economic" Pan-Slavism into scientific vocabulary will improve the existing classifications of Pan-Slavism in scientific literature and overcome the dichotomy "Pan-Slavism – Neo-Slavism". According to it, at the beginning of the 20th century Pan-Slavism evolved into a new ideology, which completely broke with the views of previous generations of Russian Pan-Slavists. In authors opinion, the dichotomy appeared as a result of the long-prevailing Marxist methodology, which interpreted "Pan-Slavism" as a reactionary ideology, and "Neo-Slavism" as a "democratic and emancipative" movement. However, such conclusions seem to be a simplification, and the denial of the genetic connection between "Pan-Slavism" and "Neo-Slavism" leads to a thought that there is a "gap" between ideas of generations of ideologists of Pan-Slavism. Such conclusions are not quite correct.

To confirm the author's hypothesis according to which Pan-Slavism at the beginning of the 20th century evolved from "cultural" and "political" to "cultural and economic", content analysis of the "Slavic Century" (1900–1904) journal's headlines, notes and annotations was conducted. This journal was chosen as the main object of study, because due to censorship bans in Russia, the "Slavic Century" journal, which was published in Vienna, was the only independent platform where important debates about the fate of the Slavs and the Slavic idea took place. These debates predetermined further transformations within the ideology of Pan-Slavism. The main point of the article is "Neo-Slavism" is only one form of Pan-Slavism.

Three categories were used for the content analysis: politics, economics and culture. Total amount of observed headlines is 805 for four years of publication (1900–1904). The results of the content analysis showed that "political" topics occupied 6% (54 articles) of the total number of headlines, "economic" topics — 12% (96 articles) and "cultural" topics — 28% (228 articles). Total, "cultural and economic" topics were devoted to 40% of the total number of analyzed headlines that is more than any other topics combined, which fully confirms authors hypothesis.

In conclusion, stress that at the beginning of the 20th century Pan-Slavic ideologists started to pay more attention to the issues of economic rather than political integration. However, their attitude to the cultural methods of uniting the Slavs remained strong. On the whole, the results of the content analysis made it possible to legitimate a new scientific term, expanding the existing Pan-Slavism classification in the literature — "cultural and economic Pan-Slavism". This term seems to be the most correct, as on the one hand, it emphasizes the continuity of the line of Russian cultural Pan-Slavism, and on the other hand, it highlights its main difference — the predominance of economic issues.

The introduction of the new scientific term "cultural and economic Pan-Slavism" allows us to overcome the dichotomy "Pan-Slavism - Neo-Slavism" that takes place in Russian science literature.

REFERENCES

1. Boldin, V.A. (2018) *Panslavistskiye politicheskiye kontseptsii: genezis i evolyutsiya* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution]. Moscow: Akvilon.
2. Shirinyants, A.A. (2008) *Russkiy khranitel': politicheskiy konservatizm M.P. Pogodina* [Russian keeper: M.P. Pogodin's political conservatism]. Moscow: Russkiy mir".
3. Boldin, V.A. (2017) Rupor novogo slavyanskogo mirovozzreniya: zhurnal Slavyanskiy vek (1900–1904 gg.) [The speaking trumpet of the new Slavic outlook: Slavyanskiy vek journal (1900–1904)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – The Journal of Moscow Region State University*. 1. [Online] Available from: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789 (Accessed: 13th December 2019).
4. Zinoviev, V.P. & Kazakov, V.V. (2016) Magazine "Slavic century" on the situation of the ruthenians of Galicia in the late 19th – early 20th centurie. *Rusin*. 1(43). pp. 120–127. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/8

5. Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (2015) The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins. *Rusin*. 1(39). pp. 83–94. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/39/6
6. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2015) Publicism of S. Radic in the Slavic Century Journal (1900–1905). *Rusin*. 4(42). pp. 86–96. (In Russian). DOI: 10.17223 / 18572685/42/7
7. Pavlenko, O.V. (2016) Panslavizm i ego modeli [Panslavism and its models]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 3–15.
8. Boldin, V.A. (2018) “Languages are not studied by sympathies or antipathies, but only by requirements of practical suitability”: The dispute between academists Lamansky and Stojanovich about the role of the Russian language for integration of the Slavs in the early 20th century. *Rusin*. 4(54). pp. 318–334. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/19
9. Stoyanovich, L (1901) Obshcheslavyanskiy yazyk : (posvyashchaetsya V. I. Lamanskomu) [Pan-Slavic language (Dedicated to V.I. Lamansky)]. *Slavyanskiy vek*. 15. pp. 4–10.

УДК 94:930.2
DOI: 10.17223/19988613/67/15

А.В. Мунько, О.В. Хазанов

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ Я. АССМАНА И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧИНГИСХАНА НА ПРИМЕРЕ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ» И «РОМАНА О ЧИНГИСХАНЕ» ФРАНЦИСКАНСКОЙ МИССИИ П. КАРПИНИ

Рассмотрены основные положения теории Я. Ассмана, где в рамках заданного дискурса анализируются семантические поля термина «фигуры памяти», а также определены основные этапы процесса канонизации образа в культурной памяти. На основании данной теоретической модели проанализированы источники, относящиеся к монгольскому обществу середины XIII в. Сделан вывод о ключевых элементах в образе создателя Монгольской империи, а также о начале канонизации данного образа в монгольском историческом сознании.
Ключевые слова: теория культурной памяти; Ян Ассман; Чингисхан; «Сокровенное сказание монголов».

В последние десятилетия в историографическом дискурсе набирает популярность одно из направлений интеллектуальной истории – Memory studies. В статье рассмотрен один из вариантов этого направления – теория культурной памяти немецкого египтолога Я. Ассмана. Целью работы является верификация данных теоретических положений на конкретном эмпирическом материале, выходящем за хронологические рамки обществ, на основе которых Ассман апробировал тезисы своей теории, а также подтверждение эвристического потенциала данной теории.

Основа изучения памяти в историческом, культурологическом, философском дискурсах была заложена в работах антиковеда и первого методолога истории И. Дройзена, который указал на возможность изучения воспоминаний как отдельного предмета познания исторической науки. Он писал, что воспоминания являются сущностью и потребностью общества, в связи с чем они могут рассматриваться как предмет истории [1]. Идеи Дройзена о важности воспоминаний для понимания истории развил ученик Э. Дюркгейма М. Хальбвакс. Именно он заложил основы теории коллективной памяти, создав теорию социальной памяти [2–4].

Концепция М. Хальбвакса получила дальнейшее развитие в работах немецкого ученого Я. Ассмана, который в начале 1980-х гг. был членом рабочей группы проекта «Археология культурной коммуникации», где зарождались дискуссии о понимании текста в широком контексте культуры. В 1992 г. Я. Ассман опубликовал труд «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [5], в котором сформулировал теоретические основы выделения культурной и коллективной памяти в обществах Древнего Востока. Его труд условно можно разделить на две части: теоретическую, направленную на раскрытие основных постулатов концепции, и практическую. Прежде всего стоит отметить, что задачей своего исследования Ассман ставил рассмотрение вопросов письменной культуры в широком контексте «конструирования культурного времени» и формирования коллективной идентичности.

Ученый выделил две составляющие: культурную и коллективную память, сопоставил их и определил основные черты данных понятий. Коллективная память, по словам исследователя, охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым общества, отразившимся в сознании большинства индивидов. Ассман постулировал существование двух вариантов коллективной памяти: обосновывающегося воспоминания (знаковые и мнемонические системы) и библиографического воспоминания, – основой которых является опора на социальное воздействие [5. С. 54].

Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, которые сворачиваются в символические фигуры, соединяющие множество частных воспоминаний о данном объекте или событии. По сути, для культурной памяти важна не фактическая история, а ее воссоздание – трансформация определения мифа. Последнее, в понимании Я. Ассмана, является обосновывающей историей, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из прошлого. Культурному воспоминанию свойственны сакральность и преувеличение групповой идентичности, которая также может находить выражение в структурной сопричастности – ситуации, когда группа навязывает человеку должность хранителя истории и традиций [6].

Детализируя свою концепцию, ученый обратил внимание на организацию культурной памяти и ее первичных основ в обществе, он выделил праздники и обряды как изначальную форму репрезентации воспоминаний в традиционном обществе. Другим важным компонентом, формирующим коллективную память этноса, является привязка определенных событий прошлого к конкретным географическим объектам – «местам памяти». Они возникают в случае семиотификации местности, т.е. наделения простых географических объектов особым смыслом.

Обращаясь к вопросу функций памяти в традиционном обществе, исследователь выделил «горячую» и «холодную» опции [Там же. С. 72]. Так, в качестве примера последней Ассман обратил внимание на общества Древнего Египта, в которых, по его мнению,

историю излагали, но не применяли. Документируя прошлое и составляя хронологии, подобные социумы стремились показать, «что не случалось ничего, о чем бы стоило рассказывать» [5. С. 72]. На основе данных суждений ученый сделал вывод, что такие типы обществ пытаются сопротивляться проникновению истории в их жизнь.

«Горячая» опция памяти, наоборот, свойственна достаточно молодым социальным структурам, для которых те или иные воспоминания прошлого могут служить элементом формирования идентичности.

Однако в большинстве случаев в каждой культуре существуют и «горячие», и «холодные» элементы, отвечающие за сохранение и воспроизведение воспоминаний в коллективной памяти народа [Там же. С. 73]. В частности, «охладительные» структуры памяти служат для «консервирования» того или иного события – оно становится повторяющимся действием, которое с течением времени может стать определенной традицией.

Особое внимание Ассман уделял процессу канонизации текста, поскольку канон задает мерила того, что считается в данной культуре великим, прекрасным и значительным. Он устанавливает связь между индивидуальной и коллективной идентичностями и является новым принципом культурной когерентности, «отличающимся как от традиции как форма безальтернативной обязательности, так и от антитрадиционализма как форма произвольной изменчивости норм» [Там же. С. 105].

Завершая обзор теории Я. Ассмана, стоит отметить его достижения в рамках изучения исторической памяти. Исследователь выделил два структурных компонента воспоминаний, охарактеризовал их основные свойства и системные элементы. Также существенным достижением ученого является введение такого понятия, как «канон», и определение основных этапов его формирования. Данный термин позволяет выявлять фазы перехода воспоминаний из коллективной памяти в культурную. При трансформации обрядовой когерентности в письменную общество создает и закрепляет свой канон, который будет являться важнейшим социально-политическим фактором в процессе выделения этноса или народа в особую группу. Выявление культурной памяти позволяет проследить методологию действий автора, а также охарактеризовать основные типологические черты ее проявления в традиционном обществе. Особое внимание исследователя к созданию свода текстового канона, где прописаны методы передачи культурной памяти новому поколению, позволяет поставить вопрос о принципах создания и трансляции культурной памяти на протяжении веков. Отметим, что формирование данного типа памяти социальной общности происходит в сложных или враждебных условиях; таким образом, можно говорить, что создание «канона» является одним из «ответов» на вызовы внешнего мира. Выявление «фигур памяти» способствует созданию идентичности, которая затем будет трансформироваться в зависимости от хода истории.

Исследования, методы и приемы теории Я. Ассмана легли в основу большинства современных исследований по истории памяти, однако в российском историографическом пространстве наибольшее распространение получили идеи А. Ассман [7] и П. Нора [8, 9]. Исследования А. Ассман продолжают идеи Я. Ассмана, значительно конкретизировав и дополнив их в области уточнения дефиниций рядовых понятий. А. Ассман выделила политическую память, отделив ее от социальной и культурной [7. С. 50]. Помимо этого, находясь под значительным влиянием идей Р. Козеллека, она уделила внимание как темпоральным структурам, так и изменению объективных и субъективных сторон восприятия процесса относительно хронологических рамок. Безусловно, дальнейшая проработка данной теории исследовательницей стала значительным шагом в развитии теории памяти и ее репрезентации в современности [10. С. 34], однако релевантность переложения теорий на традиционное кочевое общество является дискуссионным вопросом [11. С. 103].

В данной работе теория культурной памяти Я. Ассмана рассматривается в системе понятий «фигура памяти» и «процесс канонизации» образа правителя. Данная терминология позволяет выявить трансформацию как самой социальной общности, так и основных тенденций передаваемых образов. Обращение в качестве эмпирического материала к монгольскому обществу середины XIII в. обусловлено внутренним развитием общества, поскольку процессы этногенеза и консолидации различных монгольских племен привели к изменениям в формирующейся культурной памяти данного общества.

Основным источником в исследовании является «Сокровенное сказание монголов», написанное около 1240 г. на курултае и, по мнению большинства исследователей [12–14], выражающее позиции бывших дружинников Чингисхана, положение которых при дворе было ослаблено реформами Елуй Чу-Цая [15]. Выбор данного текста обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это внутренний монгольский источник, который отображает историческое сознание монголов этой эпохи, в результате чего «Сказание» имеет существенное преимущество перед записками путешественников и миссионеров этого же периода. Во-вторых, автор произведения принадлежал к близкому кругу дружинников Чингисхана [Там же. С. 140], поэтому помимо репрезентации коллективных воспоминаний о бывшем предводителе в тексте также присутствуют и личные воспоминания [16]. Наконец, немаловажным фактором стало то, что отрывки данного текста впоследствии войдут в официальный канон изображения Чингисхана – в монгольскую летопись «Алтан Тобчи».

К середине XIII в. фигура объединителя племен и создателя Монгольской империи становится «фигурой памяти», которая в соответствии с теорией Я. Ассмана должна быть конкретной – иметь координаты времени, места и личности. При наличии всех трех компонентов в коллективной памяти общества можно говорить о прохождении воспоминаниями «точки кристаллизации» – начального этапа последующей канонизации воспоминаний о данной личности.

Подробнее рассмотрим каждый из вышеперечисленных пунктов. Прежде всего, автор концепции

обосновал необходимость «связи» героя из прошлого с определенным временем. Так, в источнике описание жизни Чингисхана начинается с повествования о самых далеких временах в памяти народа. Описывая предания, в «Сказании» выстроена логическая цепь, в которой показана преемственность власти от далеких предков – Борте-Чино и Гоа-Марал – до Темучина и его отца Есугая. Стоит отметить, что автор подробно остановился на мифологических «фигурах памяти», в частности подробно описал эпизоды из жизни легендарного героя Дува-Сохор [17. С. 6–8]. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что формирование Чингисхана как «фигуры памяти» происходило на основе его включения в традиционную систему повествования относительно героев прошлого.

Автор «Сокровенного сказания монголов» предельно точно локализировал события при помощи отсылок к шестидесятилетнему летнему циклу календаря. Например, поход Чингисхана на татар датируется определенным годом: «Осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с Татарами» [17. § 153]. Календарный цикл, как отметила этнолог Л.Л. Викторова [18], был заимствован у китайской империи. Данная интерпретация воспоминаний образа в памяти дружинников Чингисхана показывает, что в отличие от более «далеких» воспоминаний, перешедших в безтемпоральную плоскость мифа, фигура Чингисхана имеет четкие координаты во времени, которые, с одной стороны, связывают ее с легендарной историей, а с другой – указывают близость данных событий к настоящему.

В «Сказании» заданы пространственные координаты, помещающие повествование о событиях в определенные географические места. По сути, автор максимально локализовал воспоминания о Чингисхане, поместив их в географическую среду, в которой жило монгольское общество. Так, показательной является упоминание горы Бурхан-Халдун и ее связь как с легендарными предками монгольского общества, так и с Темучином. Локализация Чингисхана не только в координатах времени, но и места, показывает значимость образа этой личность для монгольского общества.

Наличие основателя государства как фигуры воспоминаний персонифицирует все происходившие события с деятельностью данного героя, что может являться одним из факторов групповой идентичности. На основании данных аргументов становится понятен и логичен вывод о том, что Чингисхан к середине XIII в. стал «фигурой памяти» для данного общества. На основании этого релевантно поставить следующий вопрос – о начале формирования канона изображения Чингисхана. В теории культурной памяти при переходе от обрядовой к письменной когерентности значимую роль играет процесс канонизации текстов. Канон в изображении определенного деятеля является завершением перехода живых индивидуальных воспоминаний в культурную память [8. С. 114]. Каноничный образ правителя формировался путем выбора из множества коллективных воспоминаний актуальных, поэтому память об определенных событиях активно культивировались в социуме, а о других – предавалась забвению.

Репрезентация основателя Монгольской империи в аутентичных источниках может быть определена следующими параметрами: образ воина и полководца, реформатора в армии и объединителя монгольских племен. Поскольку биография Чингисхана претерпевает изменения даже в имени героя, сначала необходимо обратить внимание на отображение данных параметров у Темучина, затем – у Чингисхана. Итогом будет являться преставление о ключевых характеристиках образа Чингисхана для монгольского общества правления хана Угэдэя.

Начало произведения посвящено раскрытию главных аспектов генеалогии Чингисхана, а также описанию нескольких эпизодов из детства Темучина. Так, первым появлением главного героя в тексте является символический момент его рождения:

Тогда-то ходила на последах беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови [17. § 59].

Рождение из божественного рода с особым знаком являлось элементом легитимации прав Чингисхана на власть. В исследовании Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой подчеркивалась тенденция сакрализации правителей. Так, они выявили, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом, а в 17 случаях он генеалогически был связан с богами [12. С. 185]. Соответственно, образ Темучина подтверждает данное положение.

Следующим эпизодом, по поводу которого в историографии нет единого мнения, является сватовство Темучина, когда его отец, Есугай-Баатур, говорит о том, что мальчик боится собак:

Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: «Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!» [Там же. § 66].

В отечественном монголоведении можно выделить две точки зрения на эту достаточно необычную фразу. Так, Л.Н. Гумилёв [16] воспринимал ее достаточно буквально, считая, что мальчик реально боялся собак, в чем проявлялась трусость и нерешительность будущего создателя Монгольской империи. С другой стороны, Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова обратили внимание на существование культа волка-собаки, который во времена Есугая-Баатура и Чингисхана мог ассоциироваться с определенным племенем [12. С. 190–192]. Действительно, при дальнейшем разборе текста и упоминании эпизодов с собаками (охота, набеги, охрана позиций) нет указаний на боязнь Чингисхана. К тому же, учитывая специфику монгольского общества, где волк является культовым животным-первопредком [Там же. С. 174], собака вполне могла быть тотемным животным одного из монгольских племен.

Вторая глава посвящена юности Темучина, в ней особо выделен рассказ об убийстве Темучином и Хасаром Бектера [17. § 76–78]. Если ранее автор описывал гнев матери Темучина на сыновей за то, что они не могут жить в мире и согласии, то последующее событие – убийство Бектера – приводит ее в ярость.

Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают.
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,
Чью ярость ничто не уймет.
Демонам-змеям, мангусам
Живьем, говорят, пожирающим.
Или же – кречеты вы:
Те свою тень поражают.
Щуки коварные вы:
Засады вы жертву глотаете <…>
Вот с кем вы сходны в злодействе своем [17. § 78].

Подобное гневное и эмоциональное обращение к Темучину является уникальным фрагментом в тексте, раскрывающим не только характер Оэлун-учжин, но и отношение автора «Сказания» к подобному поступку.

Следующий значимый фрагмент – пленение Темучина тайчиутами. Поскольку в «Сказании» не упомянуты причины конфронтации с этим племенем, то данный эпизод породил ряд историографических концепций. В частности, Л.Н. Гумилёв интерпретировал его как трусость Темучина, поскольку последний предпочел сбежать от тайчиутов:

«Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство [Там же. § 79].

Показательным является то, что Темучин, находясь в окружении тайчиутов, дважды пытался выбраться, однако все случавшиеся на его пути препятствия были истолкованы как воля Неба. Первый эпизод: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также погрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает» [Там же. § 80]. Второй эпизод: «Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-камень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. “Не ясно ли, – подумал он, – не ясно ли, что само небо меня удерживает”» [Там же. § 80]. Таким образом, на основе данного отрывка можно проследить актуальные монгольские представления о власти Неба и его влиянии на судьбы.

Не менее важен для раскрытия характера молодого Темучина и эпизод раненым Чарха-ебугеном, над которым Темучин «проливает слезы» [Там же. § 73]. Данный фрагмент раскрывает отношения Темучина и его друга, а подобные упоминания о плаче героев репрезентируют значимость для них тех или иных событий. В частности, отец Наху-Баян «проливал слезы по своему пропавшему сыну Боорчу» [Там же. § 93]; при отказе Чингисхана на просьбу Хасара о мести за его унижение, «роняя слезы, Хасар поднялся и ушел». Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что описание слез подчеркивает важные для героя моменты, но не является признаком слабости, как ранее полагал Л.Н. Гумилёв [16].

В последующих главах «Сказания» внимание акцентировано на военной составляющей деятельности основателя Монгольской империи. Прежде всего описывается процесс наречения Темучина Чингисханом его ближайшей дружиной [17. § 123]. Таким образом, автор подчеркнул значимость дружины в последующем процессе объединения монгольских племен. Дальнейшее описание обязанностей ближнего круга нового монгольского лидера не только репрезентирует привилегированность положения дружины, но и косвенно обосновывает легитимность их претензий на влияние уже при новом хане [Там же. § 123–124]:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять» [Там же. § 123].

Образ Темучина в «Сокровенном сказании монголов» противоречив и неоднозначен. Несмотря на то, что автор источника описывал как положительные, так и отрицательные стороны будущего объединителя племен, стоит отметить превалирование негативных поступков в юности Темучина. Однако с началом повествования об объединении монгольских племен образ героя начинает меняться: акцентируется внимание на роли Чингисхана в качестве военного стратега и политика, что, в свою очередь, формирует образ создателя империи. Репрезентация Чингисхана как воина и полководца раскрывается на протяжении всего текста: так, если, будучи Темучином, он сбегал и прятался от меркитов, то, будучи предводителем племен, он участвовал в битвах [Там же. § 145]. В повествовании автор уделял больше внимания решениям Чингисхана по поддержанию порядка и принципов формирования войска, чем административным нововведениям монгольского лидера. Например, для более успешного продвижения войск Чингисхан определил правило, что воины при общем наступлении не должны задерживаться у добычи, поскольку это уменьшает скорость движения армии. Данное правило дисциплинировало войско, а также помогало быстрым захватам местности, чего как раз и добивался правитель [Там же. § 153].

Главной деятельностью Чингисхана, по мнению автора «Сказания», являлось реформирование армии. В частности, в тексте акцентировано внимание на награждении гвардии и раздаче им должностей, которые упорядочивают управление частями войск на основе десятеричного принципа. Так, § 202–236 посвящены подробному описанию награждения Чингисханом дружины, автор источника максимально красочно описал речь монгольского правителя, в которой подчеркивалась справедливость награждения каждого воина в соответствии с его заслугами. Своеобразным итогом служит описание автором метода назначения на должности Нойнов-тысяников:

Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы… [Там же. § 224].

Справедливым автор видел не только вознаграждение за честную службу, но и наказание за проступки и нарушения. Так, в тексте подчеркивается большая цена, которую пришлось заплатить Онгуру-бавурчи и Архаю-Хасару за принятие подарков от противников Чингисхана [17. § 152]. Необходимо отметить, что акт дарения в традиционном обществе наделялся сакральным значением. Также отмечается, что наиболее суровo в войсках Чингисхана карались трусость в бою и предательство, в частности бежавший с поля битвы татарин, явившийся к шатру Чингисхана, был казнен [Там же. § 156].

Политическая деятельность Чингисхана была репрезентирована посредством описания объединения монгольских племен. Долгое время герой использовал коалиционный метод, воюя вместе с Ван-ханом против Чжамухи. Однако после победы над последним Чингисхан оспаривал лидерство среди монгольских племен с бывшим андой его отца – Ван-ханом. Следует отметить, что покорение племен проходило по нескольким сценариям. Один из них заключался в завоевании соседней общности под предлогом мести за нанесенные обиды. Причем, как было отмечено в § 136, поход на другое племя мог начаться по причине нанесения обиды тем, кто находился под протекцией Чингисхана:

Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Ауруха находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Ауруxe, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили [Там же 7. § 136].

В ответ им лидер монгольских племён также вспомнил прошлые обиды:

Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Ононской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, любомудре вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами [Там же].

Таким образом, в глазах автора происходила легитимация военного похода и последующего разгрома чжуркинцев.

Другим способом покорения племен являлось их завоевание по причине присоединения последних к врагам Чингисхана.

Следующим фактором для создания империи являлась административная деятельность Чингисхана, которой в тексте уделено не так много внимания. Так, в «Сказании» упоминается процесс назначения на покоренные территории новых воевод и дружинников для поддержания порядка и сбора дани [Там же. § 263], однако дальнейшего раскрытия данная тема не получает, поскольку не является сферой интересов автора источника.

Иные акценты в деятельности Чингисхана были расставлены в «Романе о Чингисхане» францисканской миссии Плано Карпини. Данный текст интересен тем, что показывает альтернативные образы Чингисхана в монгольском сознании XIII в. Акцентируя внимание на тех же качествах, которые описаны и в «Сокровенном сказании монголов», данный источник дает им негативную оценку. В связи с борьбой, развернувшейся между «партией двора» и бывшими дружинниками Чингисхана, ратовавшими за продолжение военных подходов, этот текст репрезентирует позицию нарождающейся дворцовой бюрократии.

Привлечение «Романа о Чингисхане» как самостоятельного источника является спорным вопросом, однако его использование в работе обусловлено эвристическим потенциалом концепции А.Г. Юрченко, основанной на анализе гипертекстовых мифов всего среднеазиатского региона. Данная теория имеет релевантное объяснение части спорных вопросов внешней и внутренней критики этого произведения [19]. Согласно гипотезе А.Г. Юрченко, автор текста принадлежал к кругу элиты и был переводчиком с тюркских языков, что является показателем его принадлежности к чиновничьей среде. Исследователь приводит примеры, в которых отображены взгляды и оценки образа Чингисхана, свойственные нарождающейся чиновничьей аристократии во время правления хана Угэдэя [14]. Если в «Сокровенном сказании монголов» подчеркивались достижения Чингисхана в деле объединения племен и формировании армии, то эти же факты репрезентированы в «Романе о Чингисхана» с негативной коннотацией.

Автор «Романа о Чингисхане» подчеркивал нарочитую жестокость героя, упоминая о том, что «он обучился похищать людей и захватывать себе добычу». Присоединения земель и объединение монгольских племен виделись автору источника как насильственные захваты земель и стремление Чингисхана к максимальному увеличению числа данников [13].

Одни и те же качества монгольского лидера противоположно репрезентируются в выбранных источниках. Так, если автор «Сокровенного сказания» оправдывал жестокость героя необходимостью сохранения и поддержания дисциплины в армии и империи, то для автора «Романа о Чингисхане» жестокость завоевателя виделась как сугубо отрицательная черта. Важно упомянуть и то, что в «Сказании» Чингисхан показан как исполнитель воли Неба, в «Романе» автор, наоборот, отразил в фантастическом будущем то, что завоеватель готов преступить волю Неба ради завоевания новых территорий.

Таким образом, исходя из поставленных целей, в исследовании были решены следующие задачи. Прежде всего выявлена релевантность применения концептуальных положений теории культурной памяти Я. Ассмана к средневековым кочевым сообществам, что демонстрирует эвристический потенциал данного концепта. На основании переложения исследуемых теоретических положений к эмпирическому материалу можно сделать некоторые выводы. Во-первых, к середине XIII в. фигура Чингисхана становится «фигурой памяти», объединяющей монгольское общество. Во-вторых, существование двух образов основателя Монгольской империи показывает сложность и вариативность процесса канонизации, итогом которого являет-

ся создание каноничного образа Чингисхана, во многом заложенного в «Сокровенном сказании монголов». Существование дихотомии в трактовке значимого деятеля показывает развитие в обществе «горячей опции памяти», характерной для традиционных обществ в сложной исторической обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Ю.А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 218–226.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (дата обращения: 24.03.2019).
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
4. Сабанчеев Р.Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 127–132.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Ильин Н.П. Философские проблемы культурно-исторической памяти (часть 2) // Культурологический журнал. 2017. № 4 (30). С. 1–18.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
8. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2, №. 2-3. С. 40–41.
9. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
10. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
11. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
12. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М. : Вост. лит., 2006. 557 с.
13. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа: образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб. : Евразия, 2006. 640 с.
14. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб. : Евразия, 2012. 432 с.
15. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана СПб. : Евразия, 2013. 377 с.
16. Гумилёв Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. URL: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article04.htm (дата обращения: 24.03.2019).
17. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А. Козина, М., 2002. URL: https://e-libra.ru/read/106021-sokrovennoe-skazanie-mongolov.html (дата обращения: 24.03.2019).
18. Викторова Л.Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М. : Наука, 1980. 225 с.
19. Юрченко А.Г. Игра с мифами и символами или империя Чингис-хана в обратной перспективе (опыт интерпретации средневековых текстов) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 37–75.

Anastasiya V. Munko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastyamun@mail.ru
Oleg V. Khazanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E -mail: Klio1@yandex.ru

JAN ASSMAN'S THEORY OF CULTURAL MEMORY AND FORMATION OF THE IMAGE OF GENGHIS KHAN ON THE EXAMPLE OF "THE SECRET LEGEND OF THE MONGOLS" AND "THE NOVEL ABOUT GENGHIS KHAN" OF THE FRANCISCAN MISSION OF GIOVANNI DA PIAN DEL CARPINE

Keywords: theory of cultural memory; Jan Assmann; Genghis Khan; "The Secret Legend of the Mongols".

This article is dedicated to the research of the emergence of such phenomenon as memory studies. This article describes the first scientists who studied the problems of collective memory. Also, this article is devoted to continuity in the concept of Jan Assman's theory. The theory of Jan Assman is central for the research in this article. The purpose of this article is to verify and test the theory of Jan Assman on an idiographic material (Mongolian society of the mid-13th century). The theory of cultural memory is promising for memory studies. In analysis of the theory of cultural memory, such concepts as "canon" and "figure of memory" are the main point of study. These concepts are important because of their universality in analysis of memory of different social systems. This article is also describing how the theory of Jan Assman is treated in Russian historiography, as well as the fact that in Russian historiography the theory of Aleida Assmann is more popular than the theory of Jan Assman. In this article, the elements of theory of cultural memory are applied to the Mongolian society of the 13 century. This society was chosen due to the fact that in this society the processes of consolidation of various tribes and ethnogenesis are taking place, and these processes are reflected in the cultural memory. By the middle of the 13th century, the image of Genghis Khan had become "figure of memory" in Mongolian society. Different sources are giving us different images of Genghis Khan in the middle of 13th century. For example, in "Secret Legends of the Mongols" we can distinguish several characteristics of Genghis Khan: warrior, general, politician and reformer. His image as politician and reformer is the main point in formation of Genghis Khan as a "figure of memory". The author of the "Secret Legends of the Mongols" emphasizes on the importance of the Genghis Khan's reformation of army. Personal memories of author are superimposed on both collective memory and legends of Genghis Khan, creating a "canonical" image of Genghis Khan. The author is justifying the brutality of Genghis Khan through the description of his fairness to retinue. Same qualities of Genghis Khan are differently assessed in the "Novel about Genghis Khan" by Carpine (of the Franciscan Mission). The author of this source is focused on the greed and cruelty of the ruler. During the transition from collective to cultural memory, the texts of this period are reflecting quite similar points, such as the unification and conquest of the tribes, but they interpreting them quite differently. Such disagreements can be viewed as the uncertainty of the future path of progress and the struggle in Mongolian society for various development options. Each of the social groups turned to the life and deeds of Genghis Khan as a "figure of memory". However, subsequently the image of Genghis Khan from the "Secret Legend of the Mongols" will become a canonical image of Genghis Khan and his biography.

REFERENCES

1. Vasiliev, Yu.A. (2016) Johann Gustav Droysen's historics as a methodology of history. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 218–226. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2016.2.19
2. Halbwachs, M. (2005) *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and Historical Memory]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html
3. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social memory framework]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izd-vo.

4. Sabancheev, R.Yu. (2014) Memory as a cultural-historical phenomenon in the works of Maurice Halbwachs. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* – Humanitarian Researches in the Russian Far East. 2(28). pp. 127–132. (In Russian).
5. Assman, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Ilyin, N.P. (2017) Philosophical problems of cultural-historical memory (Part 2). *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*. 4(30). pp. 1–18. (In Russian).
7. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [A Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide triumph of memory]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2-3. pp. 40–41.
9. Nora, P. (1999) Problematika mest pamyati [Problems of sites of memory]. In: Nora, P., Ausuf, M. & Puimège, J. de *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Translated from French. St. Peterburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.
10. Assman, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [The New Memorial Culture of Discontent]]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Assman, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is Time out of Joint?: On the Rise and Fall of the Modern Time]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Kradin, N.N. & Skrynnikova, T.D. (2006) *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Yurchenko, A.G. (2006) *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa: obraz Chingis-khana v mirovoy literature XIII–XV vv.* [The historical geography of political myth: The image of Genghis Khan in world literature of the 13th – 15th centuries]. St. Petersburg: Eurasia.
14. Yurchenko, A.G. (2012) *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazn* [[Elite of the Mongol Empire: holidays, penalties]. St. Petersburg: Evraziya.
15. Skrynnikova, T.D. (2013) *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and Power in the Era of Genghis Khan]. St. Petersburg: Evraziya.
16. Gumilev, L.N. (n.d.) *"Taynaya" i "yavnaya" istoriya mongolov XII–XIII vv.* [The "Secret" and "Explicit" History of the Mongols of the 12th – 13th Centuries]. [Online] Available from: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article04.htm
17. Anon. (1941) *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Translated by S.A. Kozin. Moscow; Leningrad: [s.n.].
18. Viktorova, L. L. (1980) *Mongoly: proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [The Mongols. The origin of the people and the beginnings of culture]. Moscow: Nauka.
19. Yurchenko, A.G. (2000) Igra s mifami i simvolami ili imperiya Chingis-khana v obratnoy perspektive (opyt interpretatsii srednevekovykh tekstov) [The game with myths and symbols or the Genghis Khan Empire in the reverse perspective (Experience in interpreting medieval texts)]. *Vestnik Evrazii*. 4. pp. 37–75.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902.21
DOI: 10.17223/19988613/67/16

М.В. Вавулин, О.В. Зайцева, А.А. Пушкарев

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ С «ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»: ВОЗМОЖНОСТИ АЭРОФОТОСЪЕМКИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Показаны возможности применения аэрофотосъемки для выявления памятников археологии в лесной зоне. На примере анализа данных съемки Шайтанского археологического комплекса на юге Томской области продемонстрирована эффективность метода в условиях лиственного леса поздней осенью после опада листвы. Данные аэрофотосъемки обрабатывались с помощью технологии цифровой фотограмметрии и анализировались с использованием различных способов отображения. Основные ограничения метода связаны с хвойными лесами.
Ключевые слова: аэрофотосъемка в археологии; цифровая фотограмметрия; лесная зона; Шайтанский археологический комплекс; БВС.

Введение

Применение аэрофотосъемки в археологии насчитывает уже более чем вековую историю. Первоначально использовались снимки с воздуха, сделанные военными, а не данные, полученные специально для нужд археологических проектов [1].

Общедоступной технологией выявления и документирования памятников археологии аэрофотосъемка стала только в XXI в., с распространением портативных и относительно дешевых беспилотных летательных аппаратов с цифровыми камерами на борту [2]. Развитие вычислительных компьютерных мощностей сделало доступной технологию автоматической цифровой фотограмметрии. Возможность получения цифровой модели высот из серии фотографий позволила активно использовать инструменты анализа рельефа для поиска, документирования и изучения объектов археологии [3–5]. Общеизвестно, однако, что, несмотря на свою доступность, технология фотограмметрии с воздуха сильно ограничена природными условиями и признана малоэффективной при поиске и фиксации памятников археологии на лесных территориях.

В местах с «буйной» растительностью применяется другая технология – лазерное сканирование (LIDAR – Light Detection and Ranging). В средствах массовой информации недавно широко освещалось сделанное с помощью лазерного сканирования сенсационное открытие в непроходимых джунглях Гватемалы: там был обнаружен крупнейший из известных центров майя, где было зафиксировано свыше 60 тыс. древних сооружений [6]. Съемке с воздуха с помощью лидара не препятствует никакая растительность, ее можно проводить при любом освещении и даже в ночное время. Единственное, что сейчас сдерживает массовое применение лидаров в археологии, – их высокая стоимость. Цена комплекса для лазерного сканирования с воздуха начинается от 5 млн рублей, что делает аэрофотосъемку с использованием лидара недоступной для подавляющего большинства российских исследователей.

Вопреки устоявшемуся мнению о бесперспективности применения фотограмметрии с воздуха для обнаружения объектов археологии в залесенной местности, мы решили протестировать эту технологию в западносибирской тайге. Таким образом, цель нашего проекта заключалась в оценке возможности поиска памятников археологии в лесной зоне.

Территория исследования

Для проведения тестовой аэрофотосъемки был выбран хорошо изученный Шайтанский археологический комплекс на юге Томской области. На данную территорию имелись подробные топографические планы и трехмерные модели рельефа, полученные в разные годы с помощью тахеометрической съемки с земли. На территории Шатанского комплекса расположены разнотипные археологические памятники, датирующиеся развитым и поздним средневековьем. Материалы их исследований частично опубликованы [7–13].

В зону съемки с воздуха и последующего анализа вошли восемь памятников – городища Шайтан I, Шайтан II, Шайтан III, Шайтан IV, поселение Шайтан I, местонахождение Шайтан I и могильники Шайтан II и Шайтан III (рис. 1). Все они датируются в рамках развитого и позднего средневековья. Общая площадь съемки составила 120 тыс. м^2.

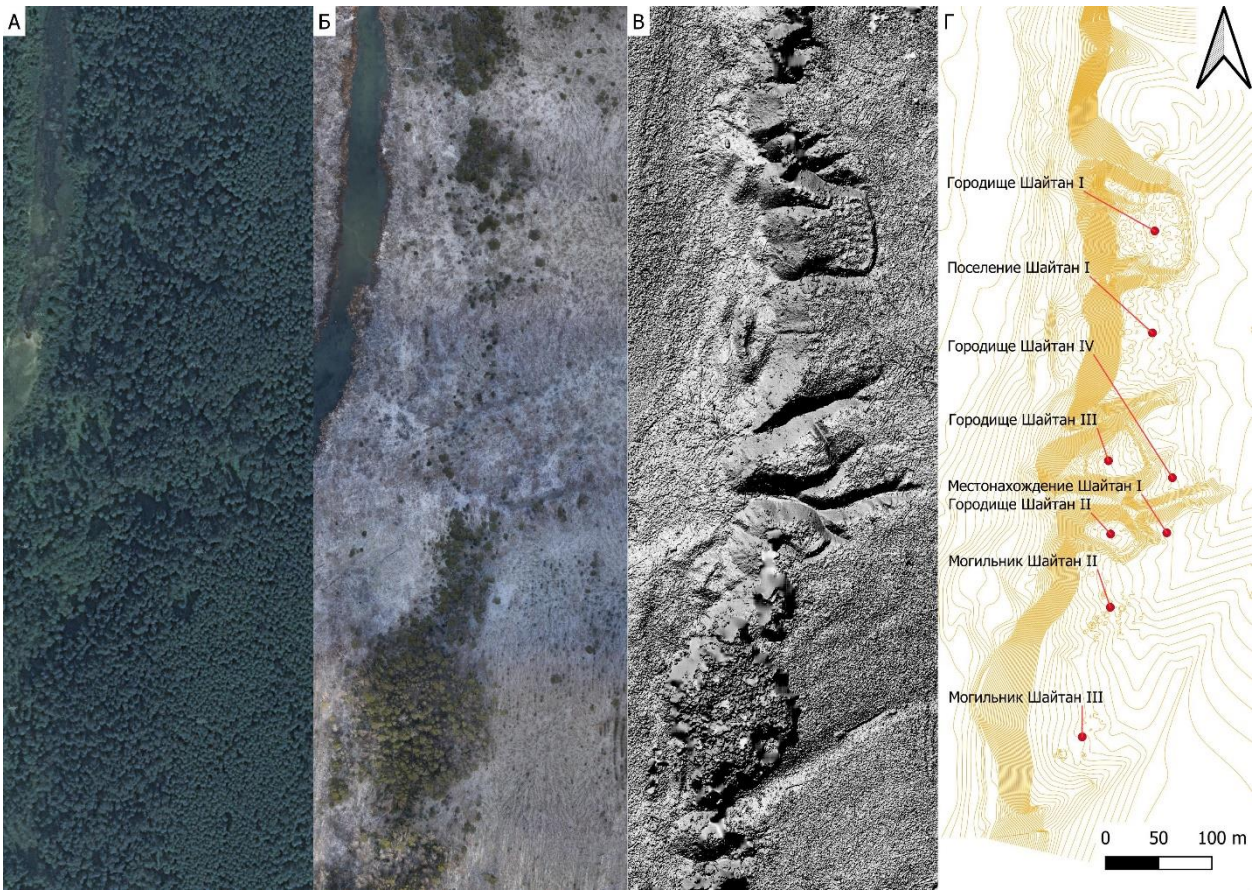

Рис. *1*. Шайтанский археологический комплекс: *А* – спутниковая съемка (Яндекс.Карты); *Б* – ортофотоплан; *В* – теневая отмывка рельефа; *Г* – микрорельеф, снятый с земли, и расположение отдельных памятников в археологическом комплексе

Оборудование и методы

Проведение съемки предполагалось в осенний период, когда лиственный покров деревьев полностью опал, но снег еще не выпал. Для юга Томской области это период конца октября. Однако в ночь накануне проведения исследований неожиданно выпал снег. В итоге съемка проводилась при наличии тонкого слоя снега на поверхности.

Съемка велась с беспилотного воздушного судна (БВС) самолетного типа Геоскан 201 [14] с высоты около 330 м. Использовалась цифровая фотокамера Sony RX1 с полнокадровой матрицей (35,8 мм × 23,9 мм), разрешением 6 000 × 4 000 пикселей и объективом с фокусным расстоянием 35 мм [15]. Вышеперечисленные параметры обеспечили расчетную детализацию снимков около 5,6 см на пиксель [16]. Фотографирование производилось с поперечным перекрытием изображений не менее 50% и продольным перекрытием не менее 70%. Географическая привязка в данном исследовании не требовала большой точности и проводилась на основе данных бортового навигационного ГНСС-приемника. Наземные контрольные точки для проверки точности географического позиционирования не использовались.

Обработка полученных данных проводилась с помощью программного обеспечения Agisoft Meatshape (v.1.6.2). Каждой фотографии были назначены географические координаты в соответствии с данными навигационного ГНСС-приемника. Процесс выравнивания производился с настройками высокой точности и активной функцией преселекции изображений по привязке. Построение плотного облака точек проводилось с настройками максимального качества и «агрессивной» фильтрацией карт глубины. Точки рельефа классифицировались при стандартных настройках. На основе точек рельефа строилась карта высот. Также был построен ортофотоплан с проекцией изображений на карту высот. Данные экспортировались в файлы растровых изображений с географической привязкой в формате geotiff с пространственным разрешением 5,6 см на пиксель.

Мы опасались, что равномерный снежный покров может дать большие ошибки при фотограмметрической обработке [17], но из-за обилия мелких деталей (деревьев) этого не произошло. Следует уточнить, что съемка проводилась в пасмурный день, и на полученных фотографиях не наблюдалось пересвета участков, покрытых снегом, что является одной из проблем воздушной съемки при наличии снега [18. С. 159–163].

Анализ данных

Для анализа данных применялось программное обеспечение Quantum GIS (QGIS). Слой карты высот использовался в двух режимах отображения – в режиме теневой отмывки рельефа для обзорного анализа всей территории (см. рис. 1, *В*) и в режиме одноцветного градиента для подробного анализа локальных

участков (рис. 2, *Б*). Данные наземной съемки в виде изолиний с интервалом 0,1 м были импортированы и выровнены в географическую систему координат. Сначала были произведены поиск и обрисовка археологических объектов, различимых на карте высот, после чего полученные результаты сравнивались с данными наземной тахеометрической съемки.

На теневой отмывке рельефа четко выделяются крупные оборонительные конструкции (рвы и валы) всех четырех городищ (см. рис. 1, *В*). Небольшие объекты теряются на общем фоне и плохо различимы на теневой отмывке рельефа. Для поиска объектов типа жилищных западин использовался режим отображения одноцветного градиента, высоты отображения которого подстраивались для анализа каждого памятника отдельно. Анализ площади всех памятников проводился с растягиванием градиента на 2 м по высоте, при постепенном смещении диапазона с шагом в 1 м. На слое ортофотоплана невозможно было различить ни одного объекта археологии. Таким образом, сам по себе ортофотоплан нельзя использовать для выявления археологических объектов, для дешифровки данных съемки необходимо применять и комбинировать разные способы отображения – теневую отмывку рельефа, отображения одноцветного градиента и т.д.

Городище Шайтан I. На городище Шайтан I (рис. 2) с воздуха четко прослеживаются ров, три сегмента вала и проходы. Высота вала достигает 1,8 м, глубина рва – до 1,4 м. Из небольших объектов на территории городища удалось различить 50 из 62 западин. Западины диаметром 5–7 м достигают глубины до 0,8 м. Двенадцать объектов не удалось различить из-за наличия нескольких хвойных деревьев на территории памятника.

Поселение Шайтан I. На поселении Шайтан I (рис. 3) нет крупных земляных оборонительных сооружений, поэтому оно не так хорошо идентифицируется на теневой отмывке рельефа. На территории памятника присутствует несколько небольших хвойных деревьев, что негативно сказалось на качестве фиксации рельефа в этих местах. На поселении соотнесены 51 из 57 западин. Три западины, расположенные у северного склона, попали под хвойные деревья и не видны на данных воздушной съемки. Еще три западины имеют небольшую глубину – около 10–15 см – и также незаметны на данных с БВС. Большинство западин диаметром 4–7 м достигают глубины до 0,8 м.

Городище Шайтан III. Ров городища Шайтан III (рис. 4) хорошо виден на теневой отмывке рельефа и позволяет провести четкую идентификацию памятника. Ров в центральной части имеет глубину около 2,8 м, вал небольшой, высотой до 0,3 м. На территории городища расположены 28 западин. Из них 26 обнаружены на данных воздушной съемки. Еще 2 западины расположены на западной оконечности мыса, заросшей несколькими хвойными деревьями, где не удалось вычислить рельеф поверхности. Сама площадка имеет уклон около 7°, западины размером от 3 до 7 м в основном врезаны в склон и имеют глубину до 0,5 м.

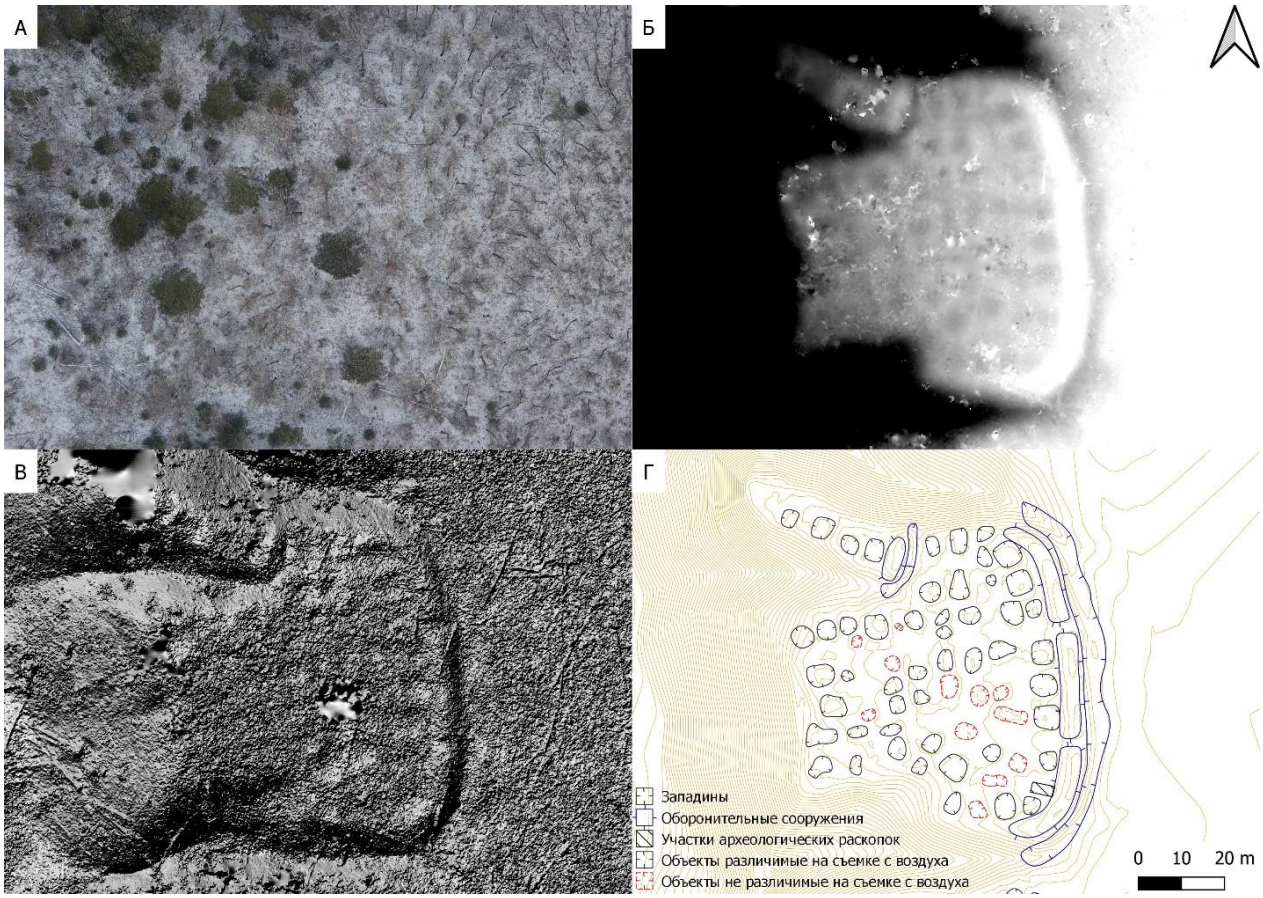

Рис. 2. Городище Шайтан I: *А* – ортофотоплан, *Б* – градиент карты высот, *В* – теневая отмывка рельефа, *Г* – план памятника на основе наземной съемки

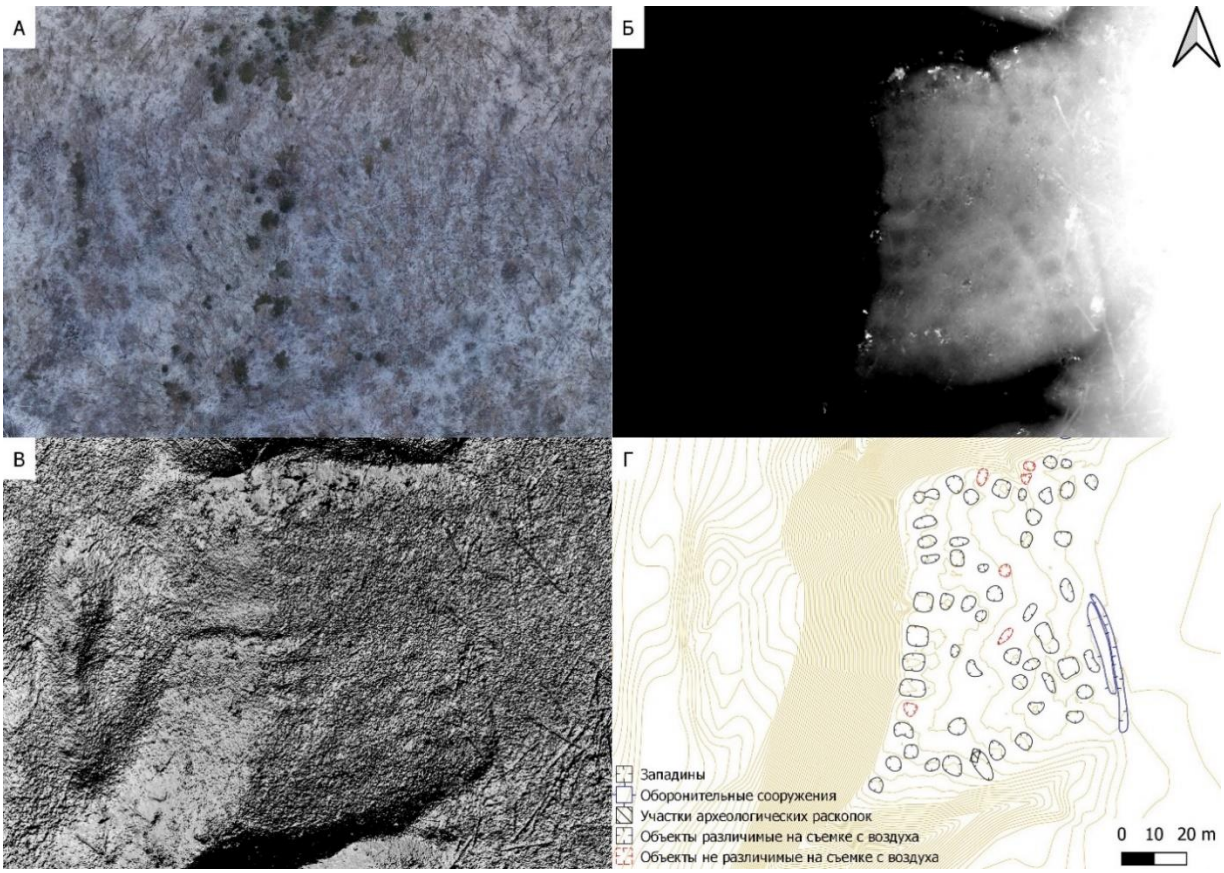

Рис. 3. Поселение Шайтан I: *А* – ортофотоплан, *Б* – градиент карты высот, *В* – теневая отмывка рельефа, *Г* – план памятника на основе наземной съемки

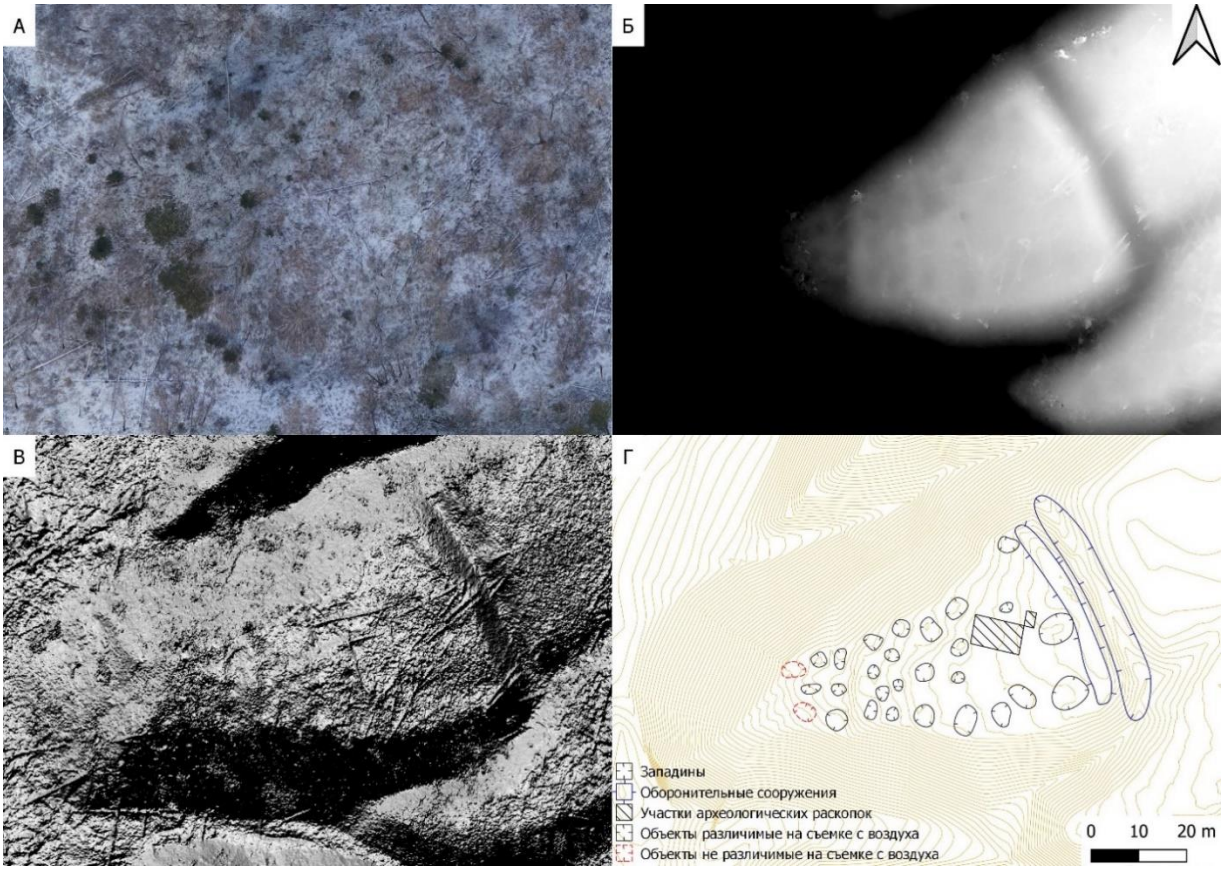

Рис. 4. Городище Шайтан III: *А* – ортофотоплан, *Б* – градиент карты высот, *В* – теневая отмывка рельефа, *Г* – план памятника на основе наземной съемки

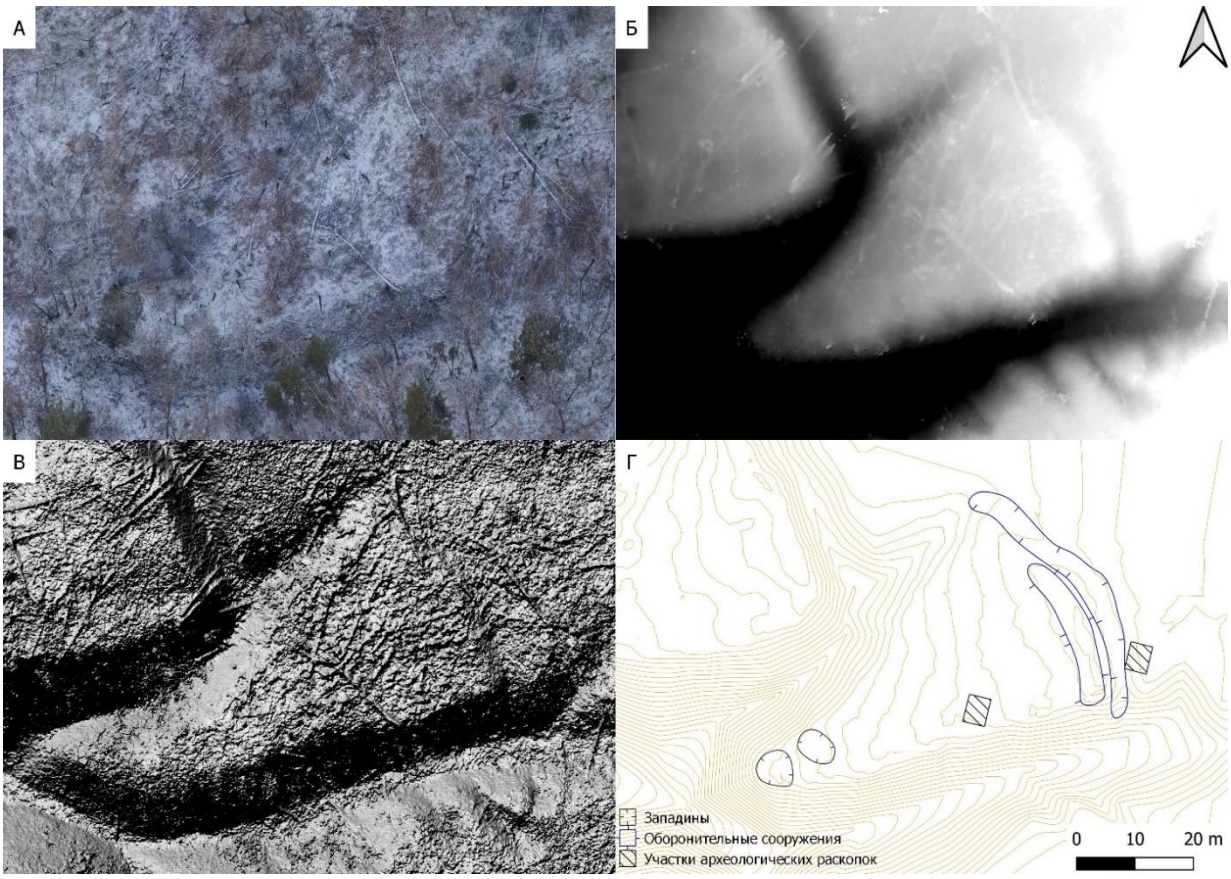

Рис. 5. Городище Шайтан IV: *А* – ортофотоплан, *Б* – градиент карты высот, *В* – теневая отмывка рельефа, *Г* – план памятника на основе наземной съемки

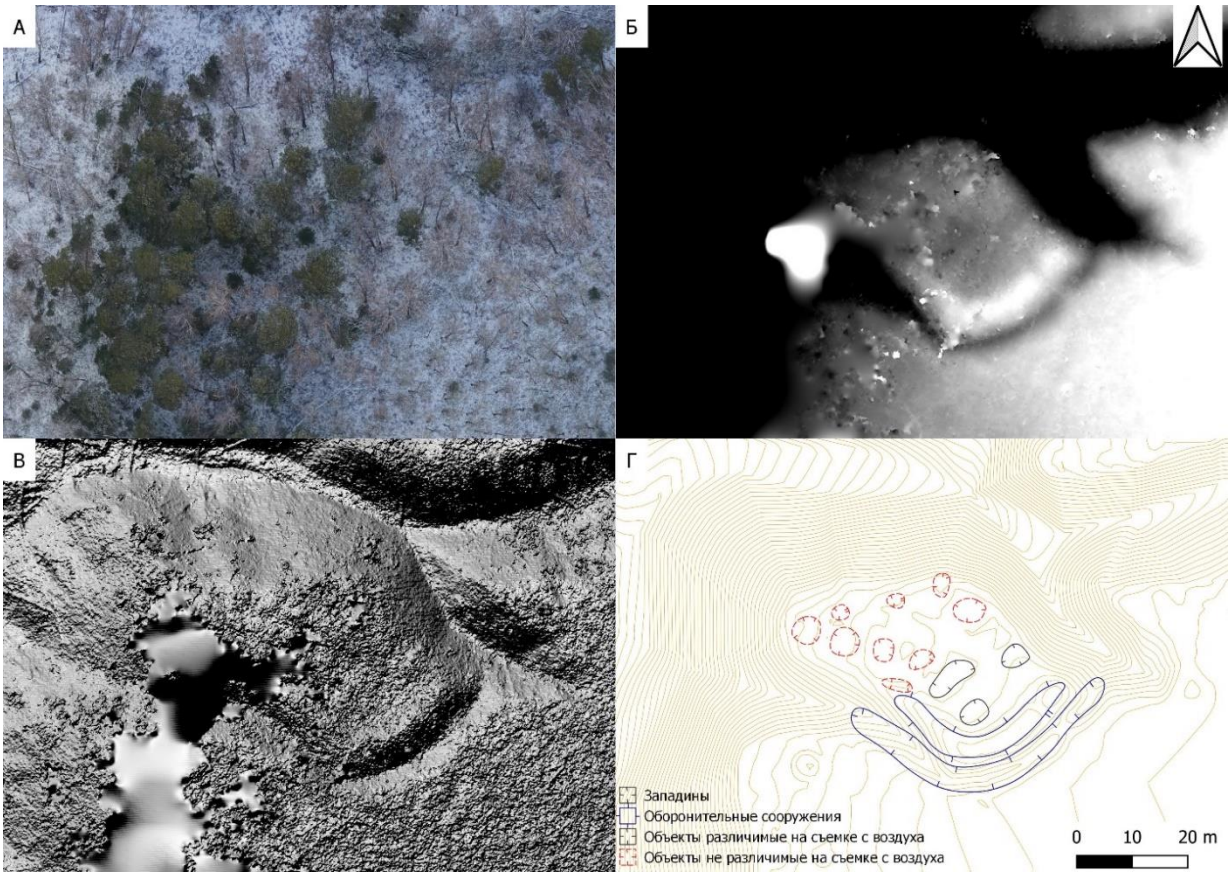

Рис. 6. Городище Шайтан II: *А* – ортофотоплан, *Б* – градиент карты высот, *В* – теневая отмывка рельефа, *Г* – план памятника на основе наземной съемки

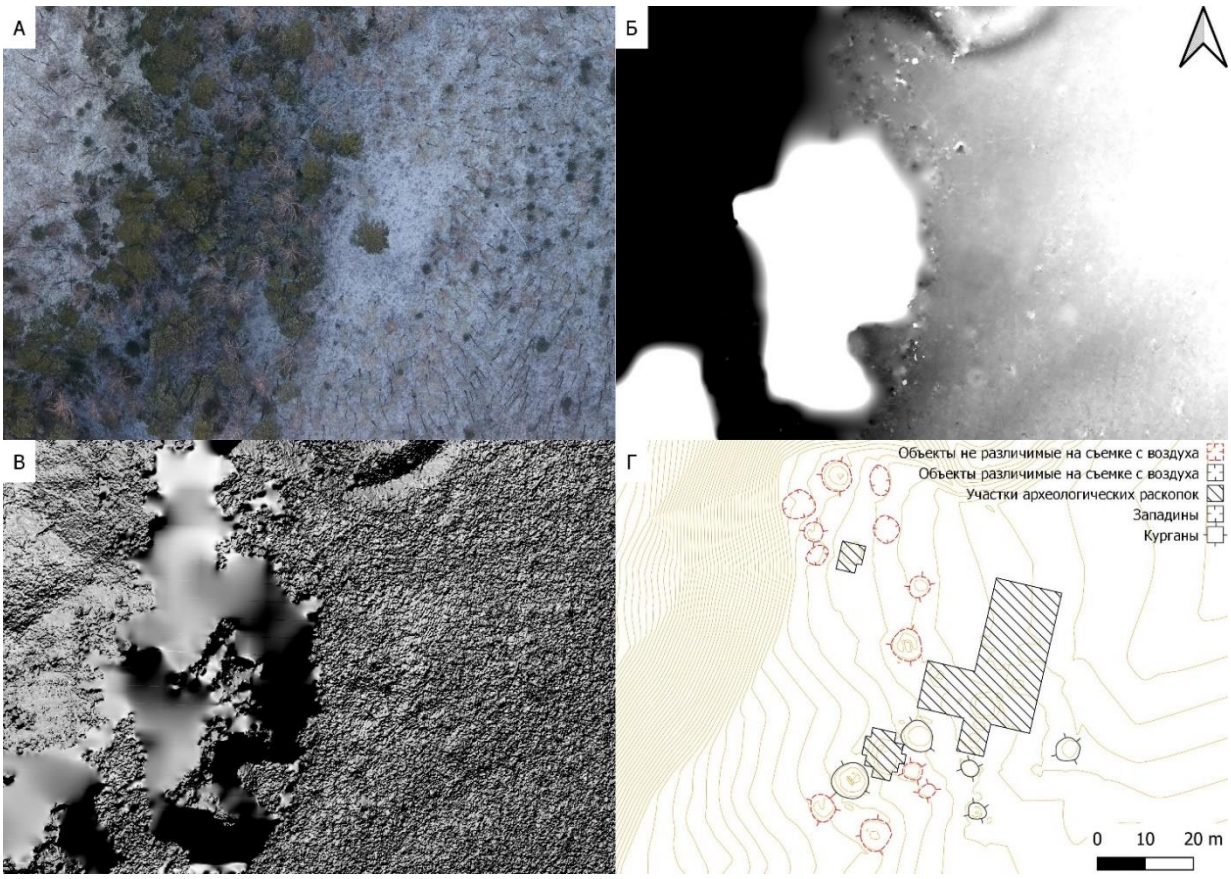

Рис. 7. Могильник Шайтан II. А – ортофотоплан, Б – градиент карты высот, В – теневая отмывка рельефа, Г – план памятника на основе наземной съемки.

Городище Шайтан IV. Городище Шайтан IV (рис. 5) может быть идентифицировано по рву, видимому на теневой отмывке рельефа. На территории городища отсутствуют хвойные деревья, что позволило хорошо зафиксировать всю территорию городища с воздуха. На западной оконечности мыса прослеживается две западины, которые также видны и на данных, полученных с БВС. Глубина рва достигает 1,2 м, высота вала – до 0,9 м. Диаметр западин около 5 м при глубине до 0,3 м.

Городище Шайтан II. Городище Шайтан II (рис. 6) хорошо видно на теневой отмывке рельефа по глубокому рву (до 1,7 м) и высокому валу (до 1,7 м). Площадку городища более чем на 30% покрывают хвойные деревья, поэтому многие объекты незаметны с воздуха. Всего на территории городища расположено 12 западин размерами 3–5 м и глубиной до 0,4 м. Лишь три из них удалось различить по данным воздушной съемки. Под деревьями находится 7 западин, еще две слабо выражены в рельефе (10–15 см в глубину) и не видны на данных воздушной съемки.

Могильник Шайтан II. Вся западная часть могильника Шайтан II (рис. 7) покрыта хвойными деревьями, и нам не удалось получить данные о рельефе на этом участке. Большинство объектов, расположенных в восточной части могильника, было раскопано в предыдущие годы исследования памятника. Из сохранившихся археологических объектов можно выделить четыре западины размером 4 × 5 м глубиной до 0,4 м и 13 курганов диаметром от 2,5 до 8 м, высотой от 0,2 до 1,2 м. Из этих объектов все западины и 8 курганов располагаются под хвойными деревьями и незаметны с воздуха. Два крупных кургана частично расположены на территории хвойного леса и могут быть опознаны как возвышенности. Три небольших кургана расположены на территории лиственного леса и полностью видны на данных воздушной съемки. Из-за отсутствия крупных объектов, выраженных в рельефе, таких как рвы, памятник не может быть распознан на теневой отмывке рельефа при быстром осмотре. Маленькие курганы могут быть выявлены только на карте высот при подробном локальном поиске.

На исследуемой территории расположены еще два выявленных памятника археологии – местонахождение Шайтан I и могильник Шайтан III. Местонахождение Шайтан I расположено в области лиственного леса, и его территория была хорошо зафиксирована. Однако на памятнике отсутствуют объекты археологии, выраженные в рельефе, поэтому такой памятник, естественно, не будет обнаружен при поиске с помощью БВС. Могильник Шайтан II, несмотря на то что содержит крупные курганы, не виден на данных воздушной съемки, так как полностью расположен на хвойном участке леса.

Результаты и обсуждение

На данных, полученных с использованием БВС, удалось детально и точно зафиксировать рельеф поверхности в зоне лиственного леса. При этом рельеф,

расположенный под хвойными деревьями, зафиксирован не был. Точность фиксации по высоте совпадает с данными наземной съемки с погрешностью до 10 см, что может быть объяснено наличием невысокого травяного и снежного покрова. Детальность зафиксированного рельефа позволяет различить все объекты археологии, выраженные в рельефе более чем на 0,2 м. Крупные объекты, такие как рвы и валы городищ, могут быть легко обнаружены при быстром обзорном анализе территории с использованием теневой отмывки рельефа. Для обнаружения более мелких объектов требуется детальное рассмотрение карты высот небольшими локальными участками в узком диапазоне высот. Наличие небольшого снегового покрова в нашем случае не отразилось на качестве фиксации поверхности.

В ходе обработки возникли сложности с автоматическим выравниванием фотографий на некоторых участках леса с однородной текстурой поверхности и без четко выраженных на фотографиях объектах. В нашем случае это были зоны, находящиеся за границами рассматриваемого района. Для исключения подобных проблем в будущих исследованиях следует увеличить перекрытие фотографий при съемке в лесу.

Таким образом, вопреки общераспространенному мнению о бесполезности проведения аэрофотосъемки для поиска археологических памятников в лесной зоне, нами на практике продемонстрировано обратное. Основные ограничения связаны с хвойными лесами. Проведение аэрофотосъемки в лиственных лесах в сезоны до появления или после опада листвы дает прекрасные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский М.О. Использование мультироторных БПЛА и фотограмметрических технологий обработки аэрофотосъемки в современных археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов) : материалы Второй междунар. конф., состоявшейся в Государственном Эрмитаже 1–3 июня 2015 г. СПб., 2015.
2. Campana S. Drones in archaeology. State-of-art and future perspectives // Archaeological Prospection. 2017. Vol. 24. P. 275–296.
3. Hamilton S. Drone Mapping and Photogrammetry at Brandon House 4 // Historical archaeology. 2017. Vol. 51 (4). P. 563–575.
4. Pierdicca R. Mapping Chimu's settlements for conservation purposes using UAV and close range photogrammetry. The virtual reconstruction of Palacio Tschudi, Chan Chan, Peru // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2018. Vol. 8. P. 27–34.
5. Themistocleous K., Agapiou A., King H.M., King N., Hadjimitsis D.G. More Than a Flight: The Extensive Contributions of UAV Flights to Archaeological Research – The Case Study of Curium Site in Cyprus // Digital Heritage. Progress in Cultural Heritage: Documentation, Preservation, and Protection. EuroMed 2014. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Vol. 8740. P. 396–409.
6. Canuto M.A., Estrada-Belli F., Garrison Th.G., Houston St.D., Acuña M.J., Kováč M., Marken D., Nondédéo Ph., Thomas L.A., Castanet C., Chatelain D., Chiriboga C.R., Tomáš Drápela T., Lieskovský T., Tokovinine A., Velasquez A., Fernández-Díaz J.C., Shrestha R. Ancient lowland Maya complexity as revealed by airborne laser scanning of northern Guatemala // Science. 2018. Vol. 361, is. 6409.
7. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии : материалы науч. конф. Омск, 2004. С. 37–40.
8. Пушкарев А.А., Зайцева О.В., Барсуков Е.В. Продолжение исследований могильника Шайтан II // Археологические открытия. М. : Ин-т археологии РАН, 2011. Т. 2008. С. 478.
9. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Исследования объектов черной металлургии на городищах Усть-Таган и Шайтан IV // Археологические открытия. М. : Ин-т археологии РАН, 2015. Т. 2010-2013. С. 604–605.
10. Водясов Е.В. Средневековые сыродутные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 79–83.
11. Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан-III // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 33–39.
12. Водясов Е.В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 1 (19). С. 84–98.
13. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Женский головной убор золотоордынского времени из Томского Приобья // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 119–128.
14. Технические характеристики БВС Геоскан 201 // ГК 'Геоскан'. URL: https://www.geoscan.aero/ru/products/geoscan201/base (дата обращения: 20.12.2019).
15. Технические характеристики фотоаппарата Sony RX1 // Sony. URL: https://www.sony.ru/electronics/cyber-shot-compact-cameras/dsc-rx1-rx1r#product_details_default (дата обращения: 20.12.2019).
16. He J., Li Y., Zhang K. Research of UAV Flight Planning Parameters // Positioning. 2012. Vol. 3. P. 43–45.
17. Bühler Y., Stoffel A., Adams M., Bösch R., Ginzler C. UAS photogrammetry of Homogenous snow cover // Wissenschaftlich-technische Jahrestagung der DGPF. 2016. S. 306–316. (Publikationen der DGPF. Bd. 25, Beiträge. 36).
18. Kraus K. Photogrammetry. Geometry from Images and Laser Scans. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2007.

Mikhail V. Vavulin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 0002004@inbox.ru
Olga V. Zaitceva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru
Andrey A. Pushkarev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: supdron@gmail.com

CULTURAL LANDSCAPES FROM A BIRD'S EYE VIEW: APPLYING AERIAL PHOTOGRAPHY TO IDENTIFY ARCHAEOLOGICAL SITES IN FOREST ZONE

Keywords: aerial photography in archaeology; digital photogrammetry; forest zone; Shaitan archaeological complex; drone.

The article shows the effectiveness of using aerial photography to detect and identify archaeological sites in forests. To test this method, we chose the well-studied archaeological complex of Shaitan in the south of Tomsk region for which detailed topographic plans and 3D elevation models are available, obtained via tacheometric survey on the ground. From the air, we examined eight sites: the hillforts of Shaitan I, II, III, and IV, the wider settlement of Shaitan I and the wider area of Shaitan I, as well as the burial sites of Shaitan II and III.

The survey was performed by an unmanned aerial vehicle Geoscan 201, at the height of 330 meters, with the use of a digital full-frame camera Sony RX1 (35.8 mm x 23.9 mm, 6000 x 4000 pixels, 35 mm focal length), which allowed us to have images with resolution of about 5.6 cm per pixel. The photographs were taken with at least 50% of side overlap and 70% of forward overlap. The total area surveyed amounted to 120,000 m^2.

Aerial photography data were processed using digital photogrammetry and Agisoft Meatshape software. As a result, we produced an orthophoto and a digital elevation model of high resolution which were analyzed in QGIS software. Viewing data in the hillshade layer we were able to identify large defensive constructions—ditches and ramparts present on the fortified sites. To search for smaller objects in the terrain such as minor depressions, we used the single colour gradient mode, with height specifically adjusted for each site. The UAV-collected data allowed us to have a detailed picture of terrain's surface in the deciduous forest zone, excluding, however, the earth's surface under coniferous trees. The data collected in the UAV-enabled survey in the deciduous zone were almost as accurate as the data collected in the survey on the ground (with an estimated error of up to 10 cm due to the presence of grass).

During data processing, difficulties were encountered in aligning photographs for some areas beyond the territory under survey which featured homogeneous surface texture and no clearly distinguishable objects. To avoid such issues, future surveys in forest zones could introduce greater imagery overlap.

Overall, we demonstrated the effectiveness of using aerial photography to search for archaeological sites and monuments in the forest zone, with a major limitation here being associated with coniferous forests. Aerial photography surveys conducted in deciduous forests before tree leaves appear and after they have fallen have proved to be giving excellent results.

REFERENCES

1. Zhukovsky, M.O. (2015) [The use of multi-rotor UAVs and photogrammetric technologies for processing aerial photography in modern archaeological research]. *Virtual'naya arkheologiya (effektivnost' metodov)* [Virtual Archeology (The Effectiveness of Methods)]. Proc. of the Second International Conference. June 1–2, 2015. St. Petersburg: [s.n.]. (In Russian).
2. Campana, S. (2017) Drones in archaeology. State-of-art and future perspectives. *Archaeological Prospection*. 24. pp. 275–296. DOI: 10.1002/arp.1569
3. Hamilton, S. (2017) Drone Mapping and Photogrammetry at Brandon House 4. *Historical archaeology*. 51(4). pp. 563–575. DOI: 10.1007/s41636-017-0069-4
4. Pierdicca, R. (2018) Mapping Chimu's settlements for conservation purposes using UAV and close range photogrammetry. The virtual reconstruction of Palacio Tschudi, Chan Chan, Peru. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*. 8. pp. 27–34. DOI: 10.1016/j.daach.2017.11.004
5. Themistocleous, K., Agapiou, A., King, H.M., King, N. & Hadjimitsis, D.G. (2014) More Than a Flight: The Extensive Contributions of UAV Flights to Archaeological Research – The Case Study of Curium Site in Cyprus. *Digital Heritage. Progress in Cultural Heritage: Documentation, Preservation, and Protection. EuroMed 2014. Lecture Notes in Computer Science*. 8740. pp. 396–409.
6. Canuto, M.A., Estrada-Belli, F., Garrison, Th.G., Houston, St.D., Acuña, M.J., Kováč, M., Marken, D., Nondédéo, Ph., Thomas L.A., Castanet, C., Chatelain, D., Chiriboga, C.R., Tomáš Drápela, T., Lieskovský, T., Tokovinine, A., Velasquez, A., Fernández-Díaz, J.C. & Shrestha, R. (2018) Ancient lowland Maya complexity as revealed by airborne laser scanning of northern Guatemala. *Science*. 361(6409). DOI: 10.1126/science.aau0137
7. Zaytseva, O.V., Barsukov, E.V. & Gusev, A.V. (2004) O vydelenii Shaytanskogo arkheologicheskogo mikrorayona na yuge Tomskoy oblasti [On the allocation of the Shaitansky archaeological microdistrict in the south of Tomsk region]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological microdistricts of Northern Eurasia]. Omsk: [s.n.]. pp. 37–40.
8. Pushkarev, A.A., Zaytseva, O.V. & Barsukov, E.V. (2011) Prodolzhenie issledovaniy mogil'nika Shaytan II [Continued research of the Shaitan II burial ground]. In: Lopatin, N.V. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Vol. 2008. Moscow: RAS.
9. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2015) Issledovaniya ob"ektov chernoy metallurgii na gorodishchakh Ust'-Tagan i Shaytan IV [Research of objects of ferrous metallurgy at the settlements of Ust-Tagan and Shaitan IV]. In: Lopatin, N.V. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Vol. 2010–2013. Moscow: RAS. pp. 604–605.
10. Vodyasov, E.V. (2012) Medieval blast furnaces of Shaytansky archaeological microdistrict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journa*l. 359. pp. 79–83. (In Russian).
11. Barsukov, E.V. (2016) The 'dark age' in the medieval archaeology of the Tomsk Ob area: results of a study of a XVth century construction at the Shaitan III fortified settlement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 33–39. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/7
12. Vodyasov, E.V. (2018) Ust-Tagan hillfort: Iron smelting site in the Upper Ob River Region. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*. 1(19). pp. 84–98. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-1-84-98
13. Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2019) Female Headdress of the Golden Horde Time from Tomsk Ob River Region. *Povolzhskaya arkheologiya* – The Volga River Region Archaeology. 4(30). pp. 119–128. (In Russian).
14. GK 'Geoskan'. (n.d.) *Tekhnicheskie kharakteristiki BVS Geoskan 201* [Technical characteristics of UAV Geoscan 201]. [Online] Available from: https://www.geoscan.aero/ru/products/geoscan201/base (Accessed: 20th December 2019).
15. Sony. (n.d.) *Tekhnicheskie kharakteristiki fotoapparata Sony RX1* [Technical characteristics of Sony RX1]. [Online] Available from: https://www.sony.ru/electronics/cyber-shot-compact-cameras/dsc-rx1-rx1r#product_details_default (Accessed: 20th December 2019).
16. He, J., Li, Y. & Zhang, K. (2012) Research of UAV Flight Planning Parameters. *Positioning*. 3. pp. 43–45. DOI: 10.4236/pos.2012.34006
17. Bühler, Y., Stoffel, A., Adams, M., Bösch, R. & Ginzler, C. (2016) UAS photogrammetry of Homogenous snow cover. *Wissenschaftlich-technische Jahrestagung der DGPF*. pp. 306–316.
18. Kraus, K. (2007) *Photogrammetry. Geometry from Images and Laser Scans*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

УДК 902.01
DOI: 10.17223/19988613/67/17

С.П. Грушин, А.В. Фрибус, А.А. Тишкин, В.О. Сайберт

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90004, а также при частичной финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

Статья посвящена результатам определения состава металлических элементов двух наборных поясов, найденных в раннесредневековых погребениях археологического комплекса Чумыш-Перекат в Верхнем Приобье. Представлены результаты, которые дают основания приступить к оформлению базы данных по раннесредневековому металлу региона, которая в дальнейшем должна стать основой для историко-металлургических и технологических реконструкций.

Ключевые слова: Верхнее Приобье; раннее Средневековье; наборный пояс; рентгенофлуоресцентный анализ.

Введение

Наборные пояса являются одним из важных элементов костюма периода раннего Средневековья. Их появление в кочевнической среде обычно связывают с предыдущей эпохой. Начиная с VI в. н.э. наборные пояса получили широкое распространение на просторах степной и лесостепной Евразии. На территории Внутренней Азии и Южной Сибири этот процесс был связан с формированием и развитием тюркской культуры и влиянием тюрок на население соседних регионов. Изучение наборных поясов имеет большое значение для историко-культурных реконструкций, поскольку элементы гарнитуры, с одной стороны, являлись предметом моды, а с другой – всегда обладали определенной этнокультурной спецификой. Кроме того, пояс у номадов выполнял роль своеобразного маркера, определявшего статус человека и его место в сформировавшейся иерархии.

Изучению наборных поясов раннего Средневековья посвящено значительное количество научных трудов. Исследователи обращались к вопросам типологии и хронологии элементов поясной гарнитуры, реконструкции зафиксированных наборов и их семантике, а также рассматривали значение поясов в военной, бытовой, социальной, сакральной и других сферах деятельности [1–6 и др.]. Имеются исследования, посвященные анализу состава сплавов элементов поясных гарнитур и технологии изготовления таких изделий [7–9 и др.]. Комплексный подход при рассмотрении указанной категории археологических находок представляется важным для выявления центров производства наборных поясов, а также для решения целого ряда проблем, связанных с этнокультурными реконструкциями.

Данная статья посвящена результатам определения состава металлических элементов двух наборных поясов, найденных в раннесредневековых погребениях археологического комплекса Чумыш-Перекат в Верхнем Приобье.

Материалы и методы

Некрополь Чумыш-Перекат расположен на северо-востоке Алтайского края, в западных предгорьях Салаирского кряжа, на правом берегу Чумыша (правого притока Оби). Памятник оказался разновременным. Он включает комплексы неолита, средней и поздней бронзы (андроновская и ирменская культуры), скифо-сакского времени и периода раннего Средневековья [10, 11 и др.]. Раннесредневековый могильник представлен 17 погребениями, которые на данном этапе исследований можно отнести к одинцовской общности и датировать по комплексу признаков в рамках VII–VIII вв. н.э. В погребальном обряде и предметах материальной культуры фиксируется южное (тюркское) влияние. Одним из признаков этого является наличие в погребениях наборных поясов (рис. 1).

Фрагменты поясов, а также отдельные элементы поясной гарнитуры из цветного металла происходят из шести могил (№ 18, 23, 25, 28, 29, 30). Примечательно, что они найдены не только в мужских, но и в женских и даже детских погребениях, что не свойственно для тюркской традиции. Всего коллекция насчитывает 78 предметов, из них отметим семь пряжек, три наконечника ремня, 60 блях различных типов, включая псевдопряжки. Для анализа были привлечены элементы поясных гарнитур из двух погребений (№ 23 и 28). В обоих случаях фрагменты поясов сохранились *in situ*.

Могила № 23 представляла собой ярусное погребение, совершенное на древней дневной поверхности. Умершие женщины были уложены друг на друга (вытянуто на спине, головой на северо-запад). В ногах погребенных находилась собака. При расчистке первого человеческого скелета обнаружен следующий сопроводительный инвентарь: керамический сосуд, железный нож, серьга, кольцо, пронизи из цветного металла. У второго скелета зафиксированы керамический сосуд, деревянный гребень и изделия из цветного металла (головное украшение, серьги, подвески и пронизи).

В районе костей таза находился фрагмент кожаного ремня с четырьмя бляхами и пряжкой с деревянным язычком. Еще одна пряжка и наконечник ремня обнаружены у правой лучевой кости и справа за черепом.

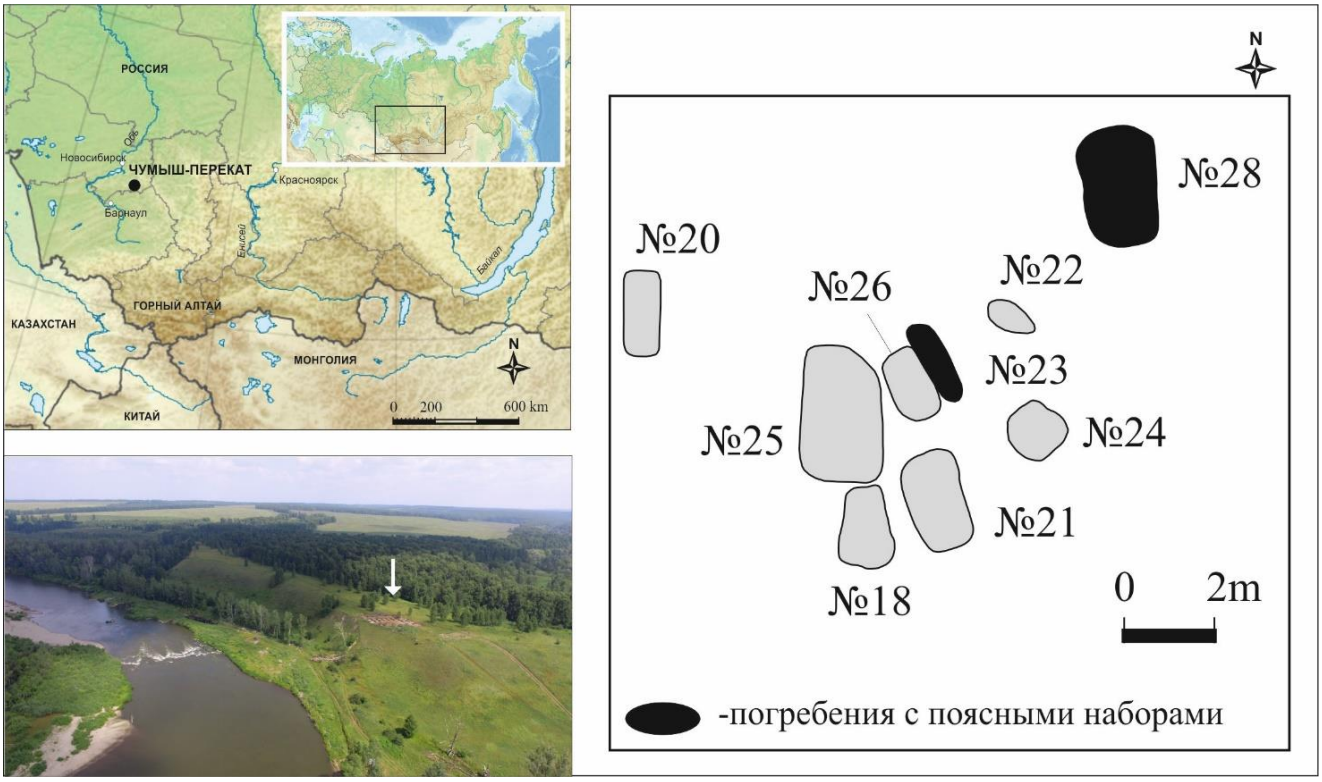

Рис. 1. Могильник Чумыш-Перекат. Месторасположение и план основной группы погребений раннего Средневековья

Могила № 28. Материалы погребения частично опубликованы [12]. Захоронение совершено в прямоугольной грунтовой яме, в западной половине которой в беспорядке располагались кости лошади, железные удила, стремя и пряжка. Умерший мужчина был уложен в восточной половине могилы (вытянуто на спине, головой на север). С ним находился следующий сопроводительный инвентарь: берестяной колчан с набором стрел (железо, кость), железный кинжал, кочедык, бронзовые пронизи, кожаный пояс с бляхами различных типов и пряжкой.

Большая часть элементов поясных гарнитур находит аналогии в комплексах одинцовской культуры Лесостепного Алтая [13. С. 128–130; 14. Табл. XI; 9. С. 235–240], верхнеобской культуры Новосибирского Приобья [15. Рис. 26] и рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья [16. Рис. 29]. Также аналогичные пряжки встречены в материалах саратовской культуры Кузнецкой котловины [17. Рис. 25]. Изделия в геральдическом стиле имеют аналогии в материалах кудыргинского этапа тюркской культуры [18. Табл. XVIII]. Часть предметов аналогична по своей форме известным находкам на памятниках Поволжья, Приуралья (Лагереево, Ново-Бикинский курган) и Кавказа (Чирюртский грунтовый могильник, Чми) [19. С. 178–296].

По костям человека из могилы № 28 была получена одна радиоуглеродная дата. Определения проводились в Аналитическом центре Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (Томск). Измерение содержания C^{14} и соотношения изотопов осуществлялось жидкостно-сцинтилляционым методом на низкофоновом спектрометре-радиометре Quantulus 1220 Томского центра коллективного пользования СО РАН (руководитель работ и аналитик – канд. техн. наук Г.В. Симонова). Расчет радиоуглеродного возраста осуществлялся с помощью программы EasyView. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарные показатели произведена с помощью доступной программы CalibREV7.1.0.

Для определения элементного состава металлических изделий, входящих в поясные наборы, был выполнен рентгенофлуоресцентный анализ с помощью спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с КПК (карманным переносным компьютером) и испытательным стендом. Тестирование археологических находок осуществлялось с помощью программы «Аналитическая», которая обеспечила возможность получения количественных показателей о химическом составе 32 предметов из могильника Чумыш-Перекат. Анализу подверглись элементы поясной гарнитуры, в состав которой входили бляхи-накладки различной формы, наконечники ремня и пряжки.

Некоторые находки из цветного металла оказались хрупкими и покрытыми слоем разрушающих окислов. Рентгенофлуоресцентный анализ выполнялся до реставрационных мероприятий[1]. В случаях неудовлетворительного состояния предмета исследование проводилось без предварительного снятия окислов, что осложняло получение прямых результатов, в других случаях анализ осуществлялся на участке поверхности изделия с частично удаленными окислами.

Результаты и обсуждение

Пояс-1 из могилы № 23 представлен фрагментом кожаного ремня, на котором было закреплено восемь идентичных горизонтально симметричных блях (рис. 2). Все изделия имеют одинаковую подпрямоугольно-восьмеркообразную форму. Их размеры колеблются в пределах 2,2 × 1,4 см. Предметы зафиксированы в могиле *in situ*. Они располагались под спиной в районе пояса умершего человека.

Предмет 1 (см. рис. 2, *1*) – бляха-накладка со сломанным шпеньком. Тестирование указанным спектрометром производилось на участке поверхности, частично освобожденной от окислов, на обратной стороне изделия: Cu (медь) – 43,92%, Ag (серебро) – 39,64%, Sn (олово) – 9,18%, Zn (цинк) – 6,1%; Pb (свинец) – 0,54%; Fe (железо) – 0,62%.

Предмет 2 (см. рис. 2, *2*) – бляха-накладка. Исследование прибором осуществлялось на участке поверхности с частично удаленными окислами в центре обратной стороны изделия: Cu – 57,98%; Ag – 27,89%; Sn – 8,22%; Zn – 5,11%; Fe – 0,51%; Pb – 0,29%.

Предмет 3 (см. рис. 2, *3*) – бляха-накладка. Тестировалась аналогичным способом, что и в предыдущем случае: Cu – 47,5%; Ag – 37,86%; Sn – 7,64%; Zn – 5,64%; Pb – 0,93%; Fe – 0,43%.

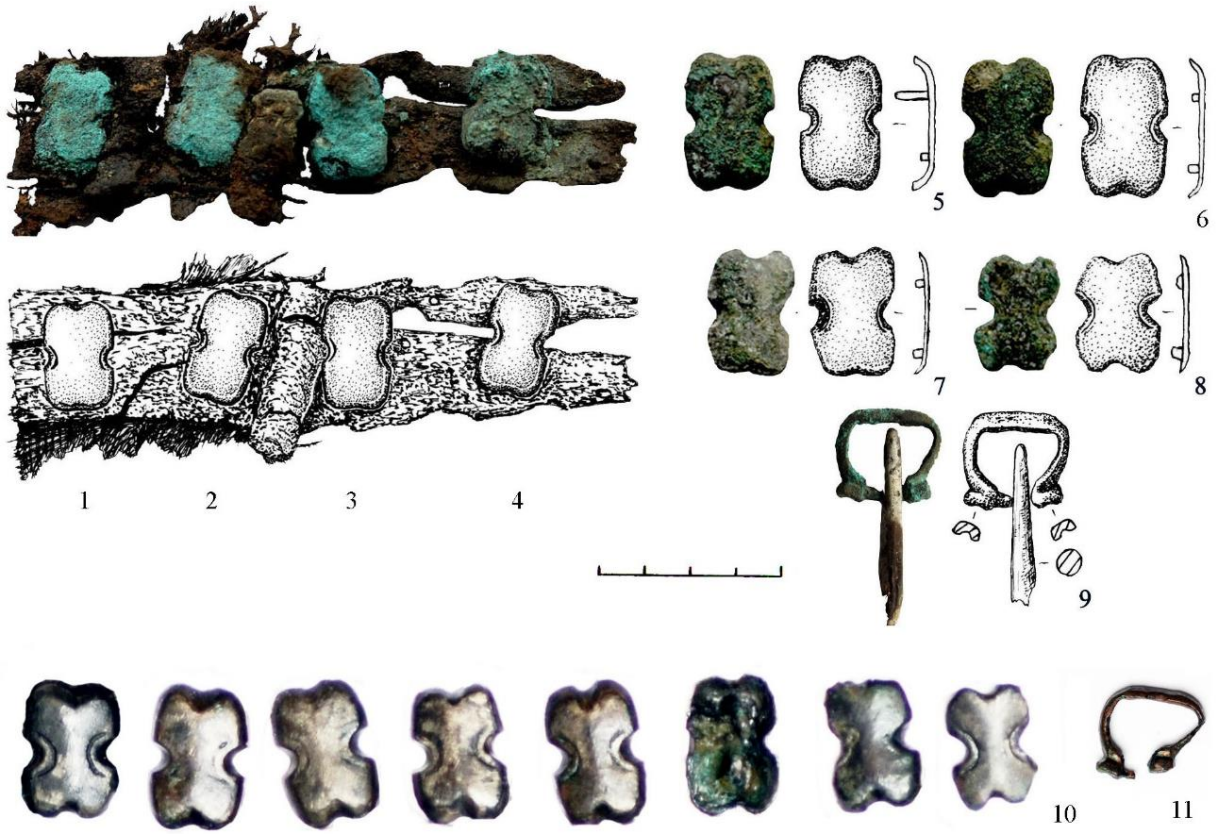

Рис. 2. Могильник Чумыш-Перекат. Предметы из цветного металла из поясного набора 1:
1–9 – до реставрации; *10, 11* – после реставрации

Изучение следующих изделий из-за их плохой сохранности проводилось на участке лицевой или оборотной стороны с окисленной поверхностью. Эти данные могут рассматриваться в виде качественных, а не количественных показателей.

Предмет 4 (см. рис. 2, *4*) – бляха-накладка с фрагментом кожи: Cu – 56,71%; Ag – 27,71%; Sn – 7,9%; Zn – 7,16%; Fe – 0,29%; Pb – 0,23%.

Предмет 5 (см. рис. 2, *5*) – бляха-накладка с фрагментом кожи: Cu – 57,07%; Ag – 29,97%; Zn – 6,97%; Sn – 5,23%; Fe – 0,41%; Pb – 0,35%.

Предмет 6 (см. рис. 2, *6*) – бляха-накладка с фрагментом кожи: Cu – 75,96%; Ag – 16,37%; Zn – 4,2%; Sn – 2,18%; Fe – 0,71%; Pb – 0,58%.

Предмет 7 (см. рис. 2, *7*) – бляха-накладка: Cu – 41,79%; Ag – 41,66%; Sn – 9,37%; Zn – 6,54%; Pb – 0,37%; Fe – 0,27%.

Предмет 8 (см. рис. 2, *8*) – бляха-накладка: Cu – 50,23%; Ag – 39,9%; Zn – 6,11%; Sn – 2,32%; Fe – 1,03%; Pb –0,41%.

Предмет 9 (см. рис. 2, *9*) – металлическая пряжка с деревянным язычком. Тестирование осуществлялось на участке, где механическим путем частично были удалены поверхностные окислы: Cu – 94,6%, Sn – 3,11%, Pb – 1,77%, Fe – 0,52%.

Судя по полученным определениям, все бляхи-накладки пояса-1 отлиты из схожего и своеобразного медно-серебряно-оловянно-цинкового сплава, что предполагает одновременное их изготовление. Присутствие в составе металлического изделия свинца можно было бы рассматривать в качестве рудной примеси, но не исключена его специальная добавка или появление вообще по другим причинам. Стабильное наличие железа в приведенных поэлементных рядах отражает

процессы активного окисления предметов в течение длительного времени и попадания загрязнений на поверхность. Следует обратить особое внимание на наличие существенного количества цинка в выявленном сплаве, что свидетельствует о довольно высоком уровне технологии изготовления представленных изделий. Дело в том, что этот металл не только резко повышает жидкотекучесть сплава меди с серебром, но и участвует в формировании привлекательного белосерого цвета изделия, о чем свидетельствуют результаты реставрационных работ (рис. 2, *10*). Пряжка для пояса сделана отдельно из медно-оловянно-свинцового сплава, который обеспечивал типичные нагрузки при использовании пояса.

Пояс-2 (рис. 3) из могилы № 28 представлен фрагментом кожаного ремня, от которого сохранился только органический тлен. Поясная гарнитура состояла из 23 металлических предметов: пряжек, наконечников ремня, псевдопряжек, блях-накладок различной формы. Часть пояса (семь элементов) сохранилась в могиле *in situ* и располагалась под костями таза умершего человека, ближе к поясничному отделу позвоночника. Остальные были зафиксированы в различных частях могильного пространства.

Рис. 3. Могильник Чумыш-Перекат. Предметы из цветного металла из поясного набора 2:
1–23 – до реставрации; *24* – после реставрации

Тестирование спектрометром и описание элементов рассматриваемого изделия производились по их видовым группам. Первыми были изучены лотосовидные бляхи-накладки (4 экз.), представляющие собой изделия размерами 2 × 1,5 см со шпеньком для крепления. Для получения результатов химического анали-

за состава металла у каждого изделия механическим путем частично удалялись поверхностные окислы с внутренней стороны.

Предмет 10 (см. рис. 3, *1*) – маленькая бляха-накладка в виде лотоса, со шпеньком: Cu – 43,76%; Zn – 42,98%; Pb – 8,56%; Fe – 1,59%; Sn – 1,46%; As (мышьяк) – 1,32%; Ni (никель) – 0,33%.

Предмет 11 (см. рис. 3, *2*) – маленькая бляха-накладка в виде лотоса, со шпеньком: Cu – 56,79%; Zn – 32,41%; Pb – 8,75%; As – 1,39%; Fe – 0,57%; Ni – 0,09%.

Предмет 12 (см. рис. 3, *3*) – маленькая бляха-накладка в виде лотоса, со шпеньком: Cu – 60,28%; Zn – 30,67%; Pb – 6,62%; As – 1,06%; Fe – 0,78%; Sn – 0,42%; Ni – 0,17%.

Предмет 13 (см. рис. 3, *4*) – маленькая бляха-накладка в виде лотоса, со шпеньком: Cu – 53,98%; Zn – 36,74%; Pb – 7,97%; Fe – 0,98%; Ni – 0,33%.

Следующая группа предметов пояса-2 представлена бляхами щитовидной формы (7 экз.) размерами 2 × 1,5 см. Изделия крепились на кожаную основу с помощью шпенька. У основания на некоторых экземплярах сохранились крючки для подвешивания псевдопряжек, которые также подвергались тестированию и будут представлены ниже. У этих и всех следующих предметов для тестирования спектрометром частично удалялись окислы на небольшом участке с внутренней или внешней стороны (кроме отдельно указанных случаев).

Предмет 14 (см. рис. 3, *6*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 81,9%; Zn – 15,5%; Pb – 2,24%; Fe – 0,23%; Ni – 0,08%; Nb (ниобий) – 0,05%.

Предмет 15 (см. рис. 3, *7*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 52,9%; Zn – 41,16%; Pb – 5,52%; Fe – 0,22%; Ni – 0,14%; Nb – 0,06%.

Предмет 16 (см. рис. 3, *8*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 82,55%; Zn – 15,18%; Pb – 2,08%; Ni – 0,08%; Fe – 0,07%; Nb – 0,04%.

Предмет 17 (см. рис. 3, *9*) – бляха-накладка с обломанным краем со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 84,38%; Zn – 12,37%; Pb – 3,05%; Fe – 0,12%; Ni – 0,08%.

Предмет 18 (см. рис. 3, *10*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 86,81%; Zn – 11%; Pb – 1,95%; Fe – 0,11%; Ni – 0,08%; Nb – 0,05%.

Предмет 19 (см. рис. 3. *11*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 75,52%; Zn – 20,07%; Pb – 4,06%; Ni – 0,15%; Fe – 0,14%; Nb – 0,06%.

Предмет 20 (см. рис. 3, *12*) – бляха-накладка со шпеньком и петлей для подвешивания: Cu – 74,02%; Zn – 23,46%; Pb – 2,13%; Ni – 0,19%; Fe – 0,16%; Nb – 0,04%.

Следующая проанализированная группа изделий – псевдопряжки (4 экз.), размерами 2 × 2 см, В-образной формы. Каждая пряжка имеет четыре круглых отверстия (два в центральной части и два меньшего размера в нижней) и овальную прорезь. Через центральное отверстие был продернут кожаный шнурок. Изделия подвешивались на крючки блях, описанных выше, и связывались одним шнурком, пропускаемым через отверстия. Тестирования этой категории предметов дали следующие результаты.

Предмет 21 (см. рис. 3, *13*) – псевдопряжка: Cu – 75,15%; Zn – 21,52%; Pb – 2,33%; As – 0,71%; Fe – 0,13%; Ni – 0,1%; Nb – 0,06%.

Предмет 22 (см. рис. 3, *14*) – псевдопряжка: Cu – 74,36%; Zn – 21,27%; Pb – 3,65%; As – 0,41%; Fe – 0,17%; Ni – 0,09%; Nb – 0,05%.

Предмет 23 (см. рис. 3, *15*) – псевдопряжка во фрагментах: Cu – 71,02%; Zn – 25,45%; Pb – 3,0%; Fe – 0,33%; Ni – 0,15%; Nb – 0,05%.

Предмет 24 (см. рис. 3, *16*) – псевдопряжка: Cu – 78,44%; Zn – 17,03%; Pb – 3,44%; As – 0,79%; Fe – 0,21%; Ni – 0,09%.

Предмет 25 (см. рис. 3, *22*) – прорезная бляха-накладка прямоугольной формы, размером 3 × 2 см. Боковые стороны изделия вогнуты, по центру два прорезных дугообразных отверстия, которые повторяют форму бляхи. На внутренней стороне имеются два противопоставленных друг другу шпенька для крепления. Тестирование было произведено на зачищенном участке с внешней стороны изделия: Cu – 63,15%; Zn – 31,38%; Pb – 4,21%; As – 0,71%; Fe – 0,45%; Ni – 0,1%.

Следующая проанализированная группа – это бляхи-накладки (прямоугольные (2 экз), с прорезью, размерами 2 × 1,2 см), на внутренней стороне которых имеются шпеньки для крепления.

Предмет 26 (см. рис. 3, *20*) – бляха-накладка прямоугольная, с прорезью и двумя шпеньками: Cu – 72,42%; Zn – 24,27%; Pb – 3,18%; Fe – 0,13%.

Предмет 27 (см. рис. 3, *19*) – бляха-накладка прямоугольная, с прорезью и двумя шпеньками: Cu – 81,53%; Zn – 14,48%; Pb – 3,75%; Fe – 0,16%; Ni – 0,08%.

Предмет 28 (см. рис. 3, *5*) – З-образная бляха со шпеньком для крепления, размером 1,8 × 1,0 см: Cu – 39,8%; Zn – 38,36%; Pb – 16,21%; As – 4,36%; Fe – 0,63%; Bi (висмут) – 0,47%; Ni – 0,17%.

Предмет 29 (см. рис. 3, *17*) – бляха прорезная (наконечник ремня?). Ажурная бляха в виде пятиугольника, размером 2 × 2 см. На внутренней стороне имеется шпенек для крепления. Тестирование было произведено на зачищенном участке бортика изделия: Cu – 79,91%; Zn – 14,53%; Pb – 4,04%; As – 1,06%; Fe – 0,39%; Ni – 0,07%.

Предмет 30 (см. рис. 3, *18*) – пряжка с В-образной рамкой по внешнему и внутреннему контуру, изготовленная из выпукло-вогнутого в сечении дрота. Язычок короткий, не выступающий за передний конец пряжки, также изготовлен из выпукло-вогнутого в сечении дрота, слабо изогнут, огибает задний конец пряжки замыкающейся петлей. Щиток с подвижным соединением, имеет пятиугольную форму с вогнутыми боками. Длина пряжки 3,8 см. Тестирование проводилось на всех элементах изделия, при этом осуществлялось удаление поверхностных окислов на маленьких участках:

– носик: Cu – 75,87%; Zn – 19,42%; Pb – 3,59%; As – 0,81%; Fe – 0,17%; Ni – 0,09%; Nb – 0,05%;

– щиток: Cu – 75,95%; Zn – 21,38%; Pb – 2,46%; Ni – 0,11%; Fe – 0,1%;

– язычок: Cu – 70,99%; Zn – 23,33%; Pb – 4,41%; As – 0,75%; Fe – 0,42%; Ni – 0,1%;

– фиксатор: Cu – 56,24%; Zn – 36,7%; Pb – 5,92%; As – 0,39%; Fe – 0,52%; Ni – 0,17%; Nb – 0,06%.

Предмет 31 (см. рис. 3, *23*) – наконечник ремня подпрямоугольной формы с округлым окончанием (размером 4 × 1,6 см, толщиной 0,2 мм). Внутренняя поверхность заполнена ажурным узором, бортик оформлен пуансонным орнаментом. На внутренней стороне имеются шпеньки для крепления. Тестирование было произведено на участке внутренней части изделия, освобожденном от поверхностных окислов: Cu – 71,68%; Zn – 24,64%; Pb – 3,37%; Fe – 0,19%; Ni – 0,12%.

Предмет 32 (см. рис. 3, *21*) – бляха-накладка сложно-фигурная с язычковидным носиком и раздвоенным основанием в виде хвоста рыбы (размеры изделия 4 × 2 см). На основании имеется четыре округлых отверстия диаметром 0,2 см. На внутренней стороне находится два шпенька для крепления. Тестирование было произведено на участке внутренней части изделия, освобожденном от поверхностных окислов: Cu – 67,03%; Zn – 27,64%; Pb – 3,95%; As – 0,89%; Fe – 0,33%; Ni – 0,11%; Nb – 0,05%.

Как видно из описаний и представленных иллюстраций, бляхи пояса-2 оказались более разнообразными по своим морфологическим особенностям. При этом основным сплавом для изготовления элементов поясной гарнитуры являлась свинцовая латунь (Cu-Zn-Pb) – медно-цинковый сплав, в который добавлялся такой легирующий элемент, как свинец. Данное заключение указывает на то, что исследованные изделия произведены и сформированы в одной мастерской, где была отработана соответствующая технология. Считается, что традиция изготовления латуней характерна для ювелирного дела исламского Востока с VIII в. н.э., хотя в китайских хрониках VI–VII вв. н.э. такой металл уже назывался «персидским» [20. С. 99–111]. Использование цинка (Zn) для изготовления элементов поясной гарнитуры можно объяснить преимущественными свойствами этого металла при реализации определенных технологических особенностей. Цинк повышает прочность изделий, сплавы с ним пластичны и устойчивы к коррозии. Важным моментом является его способность долго сохранять цвет. Стабильно представленный в поэлементных рядах такой редкий элемент, как ниобий (Nb), обычно сопровождает цинк (возможно, в качестве рудной примеси). Свинец (Pb) сознательно использовался мастерами для улучшения качества сплава. Такая практика реализуется и в современных условиях для более эффективной обработки изделий из свинцовой латуни. Устойчивое присутствие среди показателей мышьяка (As), вероятнее всего, отражает его присутствие в качестве примеси в исходной медной руде. Зафиксированное содержание железа (Fe) и никеля (Ni) является отражением процессов окисления металла и взаимодействия с окружавшей средой. В двух случаях отмечено наличие олова (Sn). Возможно, его также добавляли для улучшения сплава (олово повышает прочность и способствует улучшению антикоррозийных свойств). Существенное добавление указанного металла в качестве легирующей добавки формирует так называемую сложную, или многокомпонентную, латунь. Такая традиция имела распространение в средневековых технологиях производства изделий из цветных металлов [7. С. 41–74]. При всем вышеуказанном, не стоит исключать использование переплавленного лома из бракованных предметов или отходов производства.

По костям человека из могилы № 28 была получена радиоуглеродная дата (ИМКЭС-14С161). Радиоуглеродный возраст – 1 526 ± 95BP. Калиброванные значения: по 1δ (sigma) (68,2%) 427–605AD; по 2δ (sigma) (95,4%) 268–669 AD (рис. 4).

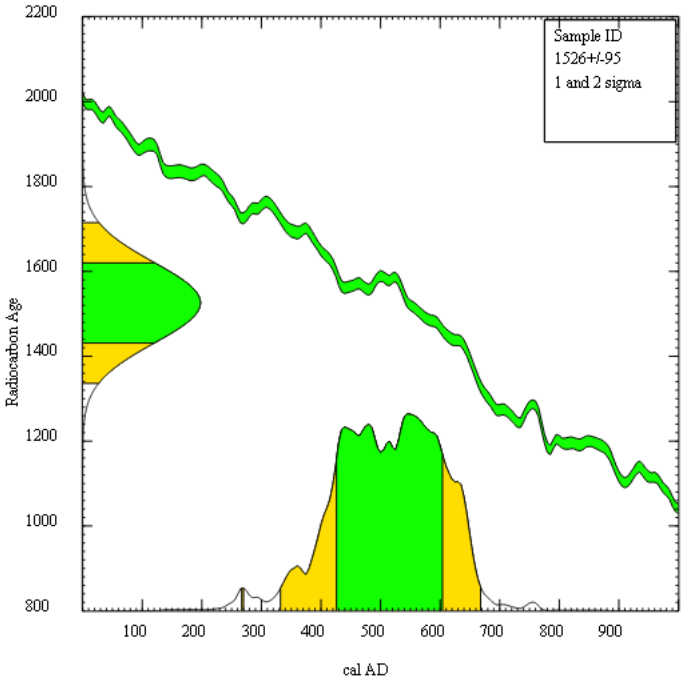

Рис. 4. Результаты радиоуглеродного датирования костей могилы № 28

Результаты радиоуглеродного датирования демонстрируют хронологический диапазон III–VII вв. н.э. по 2δ (sigma) (95,4%) и более узкий период V–VII вв. н.э. по 1δ (sigma) (68,2%). Такой показатель в целом соотносится с археологической датировкой раннесредневекового комплекса Чумыш-Перекат, а незначительная тенденция на ее удревнение требует дальнейшего изучения.

Заключение

Выявленные сплавы, использовавшиеся для изготовления блях двух поясов, значительно отличаются друг от друга по составу и количественному содержанию зафиксированных элементов. Результаты демонстрируют относительно однородную картину внутри каждого комплекса изделий и отличную – между предметами разных поясных наборов. Это свидетельствует о разном происхождении рассматриваемых гарнитур. Сравнивая полученные данные о составе металлических изделий из могильника Чумыш-Перекат с аналогичными показателями у находок из других одинцовских памятников Верхнего Приобья, прежде всего из могильника Страшный Яр-1, отметим уже обозначившуюся тенденцию. Состав металла из последнего характеризуется в целом оловянными бронзами с достаточно широким спектром варьирования в сплавах свинца (от 0,61 до 39,69%). Присутствие таких элементов, как цинк и серебро, за единичным исключением, характеризуется низкими процентами [9. С. 237].

Важным показателем для сравнительного анализа является наличие цинка. Дело в том, что проанализированные изделия из могильников раннего этапа сросткинской культуры оказались выполненными из латуни [7. С. 107–108], что в определенной мере подтверждает наличие культурных связей между населением одинцовской и сросткинской культур. Дальнейшие исследования существенного количества изделий из цветного металла, обнаруженных в раннесредневековых памятниках Лесостепного и Горного Алтая, позволит наметить определенные закономерности. Имеющиеся на настоящий момент времени данные по составу сплавов металлических изделий из поясных наборов из раннесредневековых памятников Верхнего Приобья демонстрируют достаточно разнообразную картину как при сравнении поясов из одного могильника, так и при рассмотрении изделий из разных памятников. Уже имеющиеся материалы дают основания приступить к оформлению базы данных по раннесредневековому металлу региона, которая в дальнейшем должна стать основой для историко-металлургических и технологических реконструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Реставрационные работы были проведены Н.С. Кургановым.

[2] Аккуратное механическое удаление поверхностных окислов не наносит ущерба изделию. Данная процедура является обязательной при реставрации или консервации музейного предмета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии восточной Европы. II // Советская археология. 1971. № 3. С. 106–134.
2. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М. : Наука 1979. 112 с. (САИ Е1-2).
3. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Наука, 1990. 174 с.
4. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
5. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.
6. Бернц В.А. К вопросу о типологии поясов древнего населения Удмуртского Прикамья (по позднепьяноборским материалам III–V вв. н.э.) // Современные решения актуальным проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 3–6.
7. Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае : морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул : Азбука, 2009. 144 с.
8. Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Ренгенофлюоресцентный анализ поясного набора из кургана Бирюзовая катунь-3 // География – теория и практика : современные проблемы и перспективы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 240–243.
9. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Фролов Я.В. Комплексный анализ наборного пояса из самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшнай Яр-1 в Барнаульском Приобье // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 235–240.
10. Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы могильника Чумыш-Перекат (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 196–199.
11. Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 42–47.
12. Fribus A.V., Grushin S.P., Onishchenko S.S., Vasyutin S.A. Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. Vol. 29, № 5. P. 860–867.
13. Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–130.
14. Савинов Д.Г., Новиков А.Н., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2008. 424 с.
15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. 152 с.
16. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
17. Илюшин А.М. Могильник Саратовка : публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.
18. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
19. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М. : ИА РАН, 1996. Вып. 3. 303 с.
20. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород : Тип. «Новгород», 2000. Т. 14. С. 99–111.

Sergey P. Grushin, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: gsp142@mail.ru
Aleksey V. Fribus, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: fribus@list.ru
Alexey A. Tishkin, Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru
Violetta O. Saybert. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: vita77792@mail.ru

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF EARLY MEDIEVAL PLATED BELTS FROM THE CHUMYSH-PEREKAT BURIAL SITE (UPPER OB REGION)

Keywords*:* Upper Ob; early Middle ages; plated belt; x-ray fluorescence analysis.

A significant number of scientific papers are devoted to the study of plated belts. Such studies address various aspects. The main issues are classification and typology, chronology and cultural affiliation of complexes. Studies of the composition of the metal elements of belt sets from the monuments of the early Middle Ages of the Upper Ob are just beginning. The purpose of the article is a comprehensive analysis of two metal plated belts found in burials of the 7th – 8th centuries AD cemetery Chumysh-Perekat (Zalesovsky district of the Altai Region). To determine the chemical composition of the alloys of the detected products, we used an innov-x systems alpha series™ X-ray fluorescence spectrometer (Alpha 2000 model, manufactured in the USA) complete with a test bench and a hand-held portable computer.

The fragments of a belts, as well as single elements of a non-ferrous metal waistband, were found at the Chumysh-Perekat burial site not only in men's, but also in women's and even children's burials. In total, the collection has 78 items, including seven buckles, three belt tips, 60 badges of various types, including pseudo-harnesses. For analysis were used two elements of waist sets preserved *in situ* in two burials.

The Belt-1 from a grave № 23 is represented by a fragment of a leather belt on which eight identical horizontally symmetrical plates were fastened. All products have the same sub-square eight-shape and are located under the back near the waist of the deceased person. Judging by the obtained definitions, all the plated-overlays of the belt are cast from a similar and peculiar copper-silver-tin-zinc alloy, which suggests their simultaneous manufacture.

The Belt-2 from a grave № 28 is represented by 23 metal objects: buckles, belt tips, pseudo-harnesses, plates of various shapes. The main alloy for the manufacture of the belt elements set was lead brass (Cu-Zn-Pb) - a copper-zinc alloy in which an alloying element such as lead was added. This conclusion indicates that the investigated products were manufactured and formed in one workshop where the corresponding technology was worked out.

The alloys revealed were used for the manufacture of plates of two belts significantly differ from each other in the composition and quantitative content of the fixed metals. The results show a relatively unificate picture within each set of products and excellent between objects of different belt sets. This case indicates the different origin of the overseen headsets. Further studies of a fairly significant number of non-ferrous metal products found in early medieval monuments of the Forest-Steppe and Mountain Altai will allow us to outline certain patterns.

REFERENCES

1. Ambroz, A.K. (1971) Problemy rannesrednevekovoy khronologii vostochnoy Evropy. II [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe. II]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 106–134.
2. Kovalevskaya, V.B. (1979) *Poyasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki* [Belt sets of Eurasia of the 4th – 9th centuries. Buckles]. Moscow: Nauka.
3. Dobzhansky, V.N. (1990) *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Plated belts of Asian nomads]. Novosibirsk: Nauka.
4. Ovchinnikova, B.B. (1990) *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh* [Turkic antiquities of the Sayan-Altai in the 6th – 10th centuries]. Sverdlovsk: Ural State University.
5. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the Altai ancient Turks (based on materials from burial sites)]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Bernts, V.A. (2013) K voprosu o tipologii poyasov drevnego naseleniya Udmurtskogo Prikam'ya (po pozdnep'yanoborskim materialam III–V vv. n.e.) [On the typology of the belts of the ancient population of the Udmurt Kama region (based on late Pianoborsk materials of the 3rd – 5th centuries AD)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nym problem evraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions to Topical Problems of Eurasian Archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 3–6.
7. Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A. & Khavrin, S.V. (2009) *Srednevekovye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altae: morfologicheskiy analiz, tekhnologii izgotovleniya, sostav splavov* [Medieval decorations for horse harness in Altai: morphological analysis, manufacturing technology, alloy composition]. Barnaul: Azbuka.
8. Tishkin, A.A., Kiryushin, K.Yu. & Matrenin, S.S. (2009) Rengenoflyuorestsentnyy analiz poyasnogo nabora iz kurgana Biryuzovaya katun'-3 [X-ray fluorescence analysis of the belt set from the Turquoise Katun-3 barrow]. In: Kiryushin, K.Yu. et al. *Geografiya – teoriya i praktika: sovremennye problemy i perspektivy* [Geography – theory and practice: modern problems and perspectives]. Barnaul: Altai State University. pp. 240–243.
9. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. & Frolov, Ya.V. (2018) Comprehensive Analysis of a Plated Belt from a 6th – 7th Century Samodian Burial at Strashny Yar-1 Site in the Barnaul Ob Region. *Arkheologiya evraziyskikh stepey – The Archaeology of the Eurasian Steppe*. 6. pp. 235–240. (In Russian).
10. Fribus, A.V. & Grushin, S.P. (2015) Kul'turno-khronologicheskie kompleksy mogil'nika Chumysh-Perekat (predvaritel'noe soobshchenie po rezul'tatam rabot 2014 g.) [Cultural and chronological complexes of the Chumysh-Perekat burial ground (preliminary report based on the results of work in 2014)]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology]. Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, 2015. Vyp. 3. pp. 196–199.
11. Fribus, A.V., Grushin, S.P., Saybert, V.O. & Trusova, E.V. (2018) Problemy khronologii drevnikh i srednevekovykh kompleksov mogil'nika Chumysh-Perekat v Zapadnom Prisalair'e [Problems of the chronology of ancient and medieval complexes of the Chumysh-Perekat burial ground in the Western Salair region]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions to urgent problems of Eurasian archeology]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 42–47.
12. Fribus, A.V., Grushin, S.P., Onishchenko, S.S. & Vasyutin, S.A. (2019) Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia. *International Journal of Osteoarchaeology*. 29(5). pp. 860–867. DOI: 10.1002/oa.2789
13. Abdulganeev, M.T. (2001) Mogil'nik Gornyy-10 – pamyatnik drevnetyurkskoy epokhi v severnykh predgor'yakh Altaya [Burial ground Gorny-10 - a monument of the ancient Turkic era in the northern foothills of Altai]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 128–130.
14. Savinov, D.G., Novikov, A.N. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of the eras (the Basandai culture)]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: SB RAS.
16. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob region in the early Middle Ages (the Relkin culture)]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Ilyushin, A.M. (1999) *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya* [The Saratovka burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological research]. Kemerovo: Kuzbass State Tehnical University.
18. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [The Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
19. Gavritukhin, I.O. & Oblomsky, A.M. (1996) *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst* [The Gaponovsky treasure and its cultural and historical context]. Vol. 3. Moscow: RAS.
20. Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A. & Saracheva, T.G. (2000) Latuni srednevekovogo Novgoroda [Brasses of medieval Novgorod]. In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology]. Vol. 14. Novgorod: Novgorod. pp. 99–111.

УДК 903.08(083)
DOI: 10.17223/19988613/67/18

С.Ф. Кокшаров

ВАРИАНТ ПЕРЕДАЧИ ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕЗЬБЕ БОЛЬШОГО ШИГИРСКОГО ИДОЛА

Статья представляет собой переработанный доклад, зачитанный на конференции «Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии» (12–16 июня 2017 г., Екатеринбург).

Рассмотрена эволюция взглядов на датировку и прочтение образов Большого Шигирского идола. Ключевое значение отведено материалам поселения Волвонча I и Игнатиевской пещеры. Они позволили обособить группу специфических антропоморфных существ, выполненных в скелетном варианте рентгеновского стиля, а также идентифицировать разнополых персонажей на теле идола. Новые раннеголоценовые даты идола актуализируют поиск параллелей в других памятниках ледниковой эпохи.

Ключевые слова: Большой Шигирский идол; изобразительное творчество; рентгеновский стиль; иконографический канон; фигуративные и нефигуративные образы; перспектива; палеолит; мезолит; Урал.

Обстоятельства нахождения Большого Шигирского идола в одном из торфяников Среднего Зауралья, рассмотрение вариантов его реконструкции, вопросы датировки и определение количества антропоморфных образов освещены в статьях некоторых исследователей [1. С. 50–52; 2. С. 130–135; 3]. Внимание, обозначившееся к этому уникальному памятнику древнего изобразительного творчества на рубеже XX–XXI вв., нельзя назвать спонтанным. Оно носило, скорее, пульсирующий характер, поскольку появлению упомянутых работ предшествовала череда других, не менее важных, открытий.

В 70-е гг. XX в. наиболее полная графическая реконструкция Шигирского идола с тщательно прорисованными образами и узорами, выполненная еще в начале XX в. В.Я. Толмачевым [4. С. 96, 98–99. Табл. II], фигурирует в монографиях С.В. Иванова и В.И. Мошинской, посвященных анализу древней и современной скульптуры народов Урала и Сибири. Таким образом, статья В.Я. Толмачева, перешедшая по прошествии 60 лет в разряд раритетных, была вновь востребована и введена в научный оборот, что свидетельствовало о возросшем интересе к этому уникальному археологическому источнику (рис. 1, *12*).

С.В. Иванов, крупнейший специалист в сфере изобразительного творчества народов севера Евразии, отнес находку к первому типу деревянной скульптуры таежных угров, отметив ее глубокую древность. Для изображений данного типа характерны вытянутое лицо, суживающееся по плечам, плоский лоб, переходящий в прямой нос, часть лица под глазницами углублена и стесана на щеках до подбородка. Рот углублен, иногда слегка приоткрыт. У большинства фигур конечности едва намечены или вовсе отсутствуют [5. С. 61, 285]. С.В. Иванов не анализировал отдельно декор, покрывающий «тело» идола, а сосредоточил внимание исключительно на главном образе, венчающем изваяние, и на личинах, вырезанных на широких плоскостях. Опираясь на выводы археологов, исследователь датировал Шигирского идола серединой III тыс. – первой четвертью II тыс. до н.э.

К исследованию В.И. Мошинской привлечены образцы скульптуры из кости, рога, камня и керамики, созданные древними народами Урала и Западной Сибири. Среди материалов археологических исследований и случайных находок, хранящихся в различных музейных фондах, помещена реконструкция идола, выполненная В.Я. Толмачевым [6. Табл. II]. В книге приведены взгляды на возраст шигирской находки, предложенные в разные годы В.Я. Томачевым, Д.Н. Эдингом П.А. Дмитриевым, Е.М. Берс и М.Е. Фосс [Там же. С. 46, 47, 61, 99]. Исследователь сожалела, что сложно подыскать аналоги этому объекту среди антропоморфных изображений Урала и Западной Сибири.

В монографии подробно рассмотрены детали главного скульптурного изображения идола – головы, а также отмечены 4 человеческих личины на противоположных широких плоскостях идола. В отличие от С.В. Иванова, В.И. Мошинская замечает, что «*индивидуальной и характерной особенностью этой скульптуры в целом является наличие линейного орнамента, вырезанного на досках*» [Там же. С. 43]. Как выяснилось позднее, Ванда Иосифовна и ее предшественники упустили из внимания даже не 4, а 7 образов [2], выполненных в оригинальной объемно-резной технике. Более того, тщательное изучение «тела» идола в 2014 г. позволило открыть еще одну, восьмую личину [7. С. 7]. Внимательное рассмотрение резьбы на плоскостях позволило констатировать, что не все узоры относились к линейным, как указывала В.И. Мошинская. Часть из них представлена геометрическими мотивами, такими как зигзаги, ромбы и шевроны. Независимо от исполнения, резной декор, сопутствующий личинам на гранях идола, нес не столько эстетическую, сколько смысловую нагрузку.

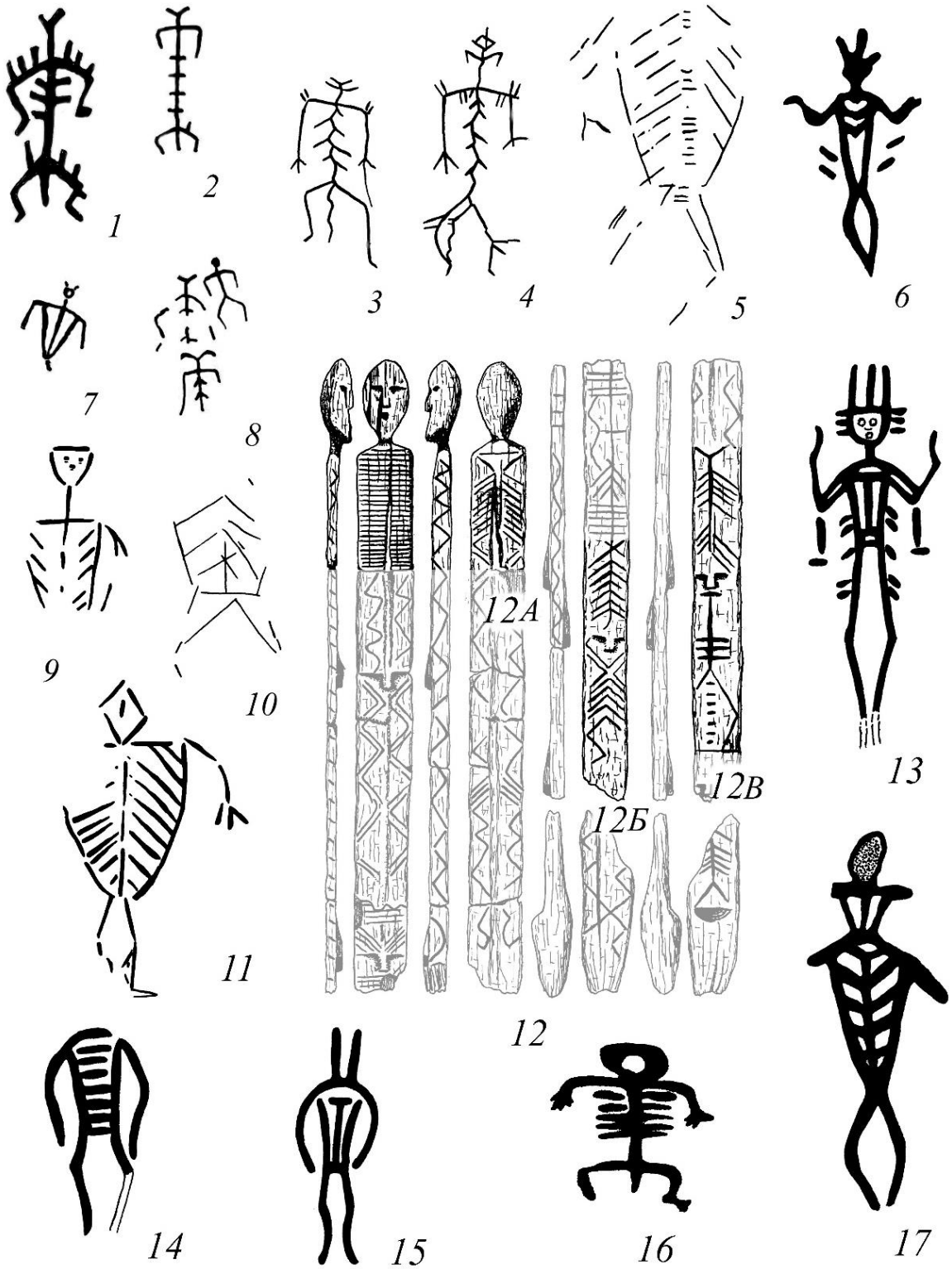

Рис. 1. Скелетный вариант рентгеновского стиля в древнем искусстве Урала (*1–4, 7–8, 12*), Сибири (*5–6, 9–11, 13–15, 17*) и северо-запада Китая (*16*):
1–2, 7 – Писаный Камень на р. Тагил [8. С. 36; 9. Рис. 32, *60–62*]; *3–4* – каменный диск из окрестностей г. Нижний Тагил [10. Рис. 5, *1*]; *5, 10–11* – поселение Волвонча I [11. Рис. 3, *1, 4–5*]; *6, 17* – р. Ангара [12. Fig. 2, *a, b*]; *9* – поселение Старый Хангокурт II [11. Рис. 3, *2*]; 13–15 – поселение Самусь IV [13. Рис. 33А, *1, 4*; 34, *1*]; 16 – сосуд культуры яншао [14. Рис. 41, *a*]

Важные детали, сопутствующие скульптурным образам – главному персонажу и личинам, – переданные нефигуративными мотивами (резным декором), удалось прочесть на рубеже 1980–1990 гг., после открытия группы антропоморфных существ на керамике энеолитического поселения Волвонча I, расположенного на р. Конда в Западной Сибири [11. С. 5–14. Рис. 1. Рис. 2, *1*. Рис. 3, *1–2, 4–5*. Рис. 6; 15. P. 510. Table 2, *3, 6*]. Образы, воспроизведенные на керамике, контурные, выполненные отпечатками гребенчатых штампов в спе-

цифическом варианте рентгеновского стиля (рис. 1, *5, 10–11*). Его правильнее определить, как «скелетный», поскольку понятие «рентгеновский» более широкое, отождествляемое в целом с интеллектуальным реализмом [16. С. 292]. Рисунки с поселения Волвонча I сближаются с шигирскими не только стилистически, но и фронтальным размещением персонажей на полусогнутых ногах с развернутыми на 180º ступнями. И на идоле, и на посуде они воспроизведены на предварительно подготовленных плоскостях: в первом случае на затесанном стволе лиственницы, во втором – на внутренней и внешней стенках керамических емкостей.

В поиске аналогов материалам Волвончи I был рассмотрен не только Шигирский идол [11. Рис. 3, *3, 6*. Рис. 4], но и некоторые уральские писаницы (рис. 1, *1–2, 7–8*), где нередко встречаются антропоморфы, выполненные анфас в уже знакомой скелетной манере [Там же. Рис. 2, *2–4*]. Тогда же особое внимание привлекла женская фигура из «Красного панно» на потолке Дальнего зала Игнатиевской пещеры, находившаяся в оппозиции крупному млекопитающему в противоположной части композиции [Там же. С. 14; 17. С. 74. Рис.]. Половую принадлежность образа выдает не только грудь, но и ряды точек, помещенных между ног (рис. 2, *2*). Рисунок уникален, так как ни на одном другом «из известных памятников наскального искусства на Урале нет человекообразных существ с линиями пятен между ногами» [18. С. 103]. Тот же способ подчеркивания пола фиксируется и у одной из фигур, находящихся в основании Шигирского идола, что послужило основанием для отнесения последней к числу женских (рис. 1, *12В*; 2, *1*). Таким образом, на противоположных плоскостях идола были дифференцированы разнополые образы [11. С. 8–14. Рис. 3].

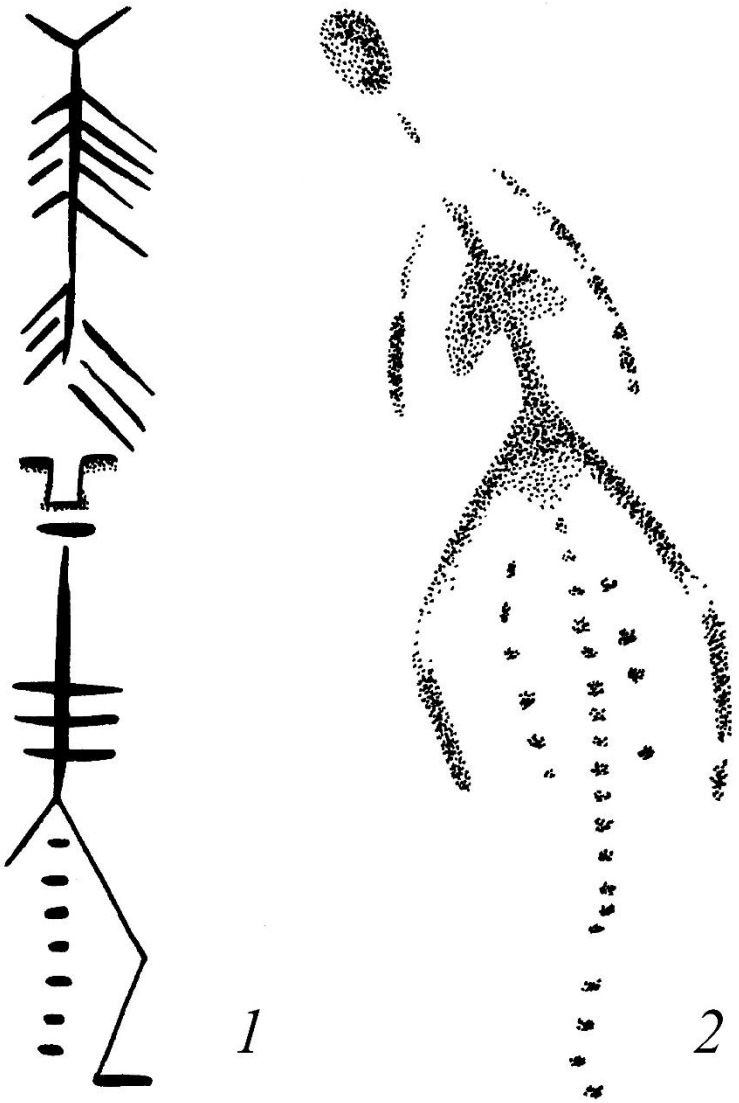

Рис. 2. Женские образы на Большом Шигирском идоле (*1*) и в Дальнем зале Игнатиевской пещеры (*2*) (по В.Я. Толмачеву [4. Табл. II] и В.Т. Петрину [19. Рис. 43])

Выявленные параллели сочтены достаточным основанием для пересмотра возраста находки из торфяника. Если В.И. Мошинская датировала его эпохой железа [6. С. 99], а С.В. Студзицкая ограничивала его создание развитым бронзовым веком и также допускала омоложение находки [20. С. 318], то материалы западносибирского поселения позволяли отодвинуть нижнюю границу по меньшей мере до энеолита [11. С. 14, 23].

В качестве дополнительного аргумента для более радикального удревнения скульптуры рассматривалась также единая манера изображения женских образов на идоле и в панно Игнатиевской пещеры [11. С. 14. Рис. 3, *6*]. Действительно, ведущие специалисты продолжают приводить аргументы, указывающие на палеолитический возраст рисунков в Игнатиевке [17. С. 74; 19. Рис. 42–43; 21. Рис. 24. Фото 85 и др.]. Однако отнесение Шигирского идола в начале 1990-х гг. даже к периоду энеолита вызывало неоднозначную реакцию коллег, и, разумеется, тогда было бы еще неосмотрительнее поднимать вопрос об очередной и более существенной хронологической ревизии предмета.

Обращение к образцам изобразительного творчества при датировке археологических материалов, безусловно, оправданно, но всегда следует помнить, что искусство, отражающее изменения в духовной жизни человека, воплощается по особым законам, и для вынесения заключения о глубокой древности идола следовало опираться на дополнительные и, по возможности, проверяемые данные. Такие материалы появились через несколько лет, когда были получены первые ^{14}C калиброванные даты. Образцы, взятые из внутренних слоев ствола лиственницы, из которой был вытесан Шигирский идол, свидетельствовали о мезолитическом возрасте дерева [1. С. 52]. Недавно эти датировки откорректированы германскими специалистами, установившими, что возраст древесины Шигирского идола может составлять около 11 500 лет [22. С. 5].

Новые данные важны тем, что сужают хронологический разрыв между Шигиром и Игнатиевкой, придавая убедительность выстраиваемым параллелям. Несмотря на различия в технике воплощения антропоморфных фигур из торфяника и пещеры (резьба по дереву и роспись красным пигментом с включением органического материала на своде пещеры [23. С. 110]) и в манере исполнения («скелетная» и линейная), сравниваемые женские образы объединяют расположение анфас, согнутые нижние конечности, единый прием в передаче пола и предельная стилизация. Впрочем, стилизация, схематизм и статичность вообще характерны для образных фигур Игнатиевской пещеры [21. С. 90].

Новые изотопные данные, свидетельствующие о значительной древности Шигирского идола, позволяют подойти к рассмотрению нефигуративных резных изображений, сопряженных с персонажами обоих полов, тем более что ранее указывалось на перспективность подобных исследований [24. С. 85].

Наше внимание привлекли вертикальные шевроны, возвышающиеся над головами существ, определенных как мужское и женское. В первом случае шеврон состоит из 7 резных уголков, а во втором – из 8, сгруппированных с небольшим интервалом по 3 и 5. Принимая во внимание минимальный хронологический разрыв между Шигирским идолом и рисунками Игнатиевской пещеры (финал плейстоцена – начало голоцена), можно предположить, что перед нами своеобразное воплощение одного из художественных приемов, хорошо известного по творчеству верхнего палеолита.

Речь идет о передаче перспективы в плоскостном рисунке, в котором объединялось несколько сходных образов. В подобных композициях наблюдается совмещение фигуративных изображений с производными (переходными) от них формами.

К числу хрестоматийных примеров верхнепалеолитического творчества относится лучевая кость орла с гравировкой движущегося слева направо стада оленей, найденная в пещере Тейжа [26. С. 12], а под другим источникам – в Лортэ [27. С. 83. Рис. 44, *7*] или в Grotte de la Mairie [28. С. 234–235, 266]. Древний мастер использовал возможности горизонтальной перспективы, воспроизведя лишь переднее и заднее животное, тогда как все промежуточные олени изображены простыми косыми черточками, а соответствующие им рога нарисованы очень крупными и стилизованными (рис. 3, *1*). Г. Обермайер, поместивший прорисовку в своей работе, разделяет наблюдения А. Брейля о том, что «путем упрощения таких изображений … произошли простые орнаменты… возникшие из очертаний животных» [Там же. С. 267]. Он подытоживает, что художники четвертичного периода, перешедшие к стилизации рисунков, отталкивались от натуралистичных изображений фигур животных. Наметившаяся тенденция получила свое логическое развитие в изобразительном творчестве последующей мезолитической эпохи [26. С. 14].

Другим примером использования перспективы является каменная плитка с гравировкой, обнаруженная в Шаффо, на которой воспроизведены два табуна лошадей (рис. 3, *2*). По замечанию Б.А. Фролова, в обоих случаях животные утрачивают индивидуальные черты, превращаясь в абстрактные единицы, удобные для счета [27. С. 83. Рис. 43, *4*].

Вполне допустимо, что обитатели Шигирского палеоозера реализовали перспективу в передаче антропоморфных образов на лиственничном стволе. Если эти рассуждения верны, то количество углов в шевроне соответствовало количеству антропоморфных персонажей, выстроенных как бы «в колонну», тела которых заслонял образ первого плана (рис. 4). Однако в отличие от рисунков из Тейжа и Шаффо перспектива на идоле передана по вертикали, поскольку в древности он удерживался в этом положении намеренно [29. С. 6].

Сопоставляемые материалы из Шигирского торфяника и Игнатиевской пещеры свидетельствуют не только о преемственности в изобразительной деятельности древнего уральского населения в позднем палеолите и мезолите. Изваяние примечательно и тем, что на нем фиксируется новый иконографический канон, который, возможно, следует определить, как *шигирский*. Как это ни странно, но он позволял древним художникам импровизировать в рамках скелетного варианта рентгеновского стиля при воплощении антропоморфов. Последние воспроизводились анфас, на полусогнутых ногах с разведенными врозь ступнями [11. С. 23; 30. С. 20]. В области головы схематично обозначались глаза и рот, хотя обезличенные персонажи были тоже нередки. Контур туловищ, охватывающий хорду и ребра, мог отсутствовать, либо переда-

вался овалом, усеченным в верхней части, или высокой трапецией с меньшим основанием внизу. В приведенной подборке можно ознакомиться с образами мезолита-бронзового века, которые зафиксированы на территории от Урала до северо-западного Китая (см. рис. 1, *1–17*).

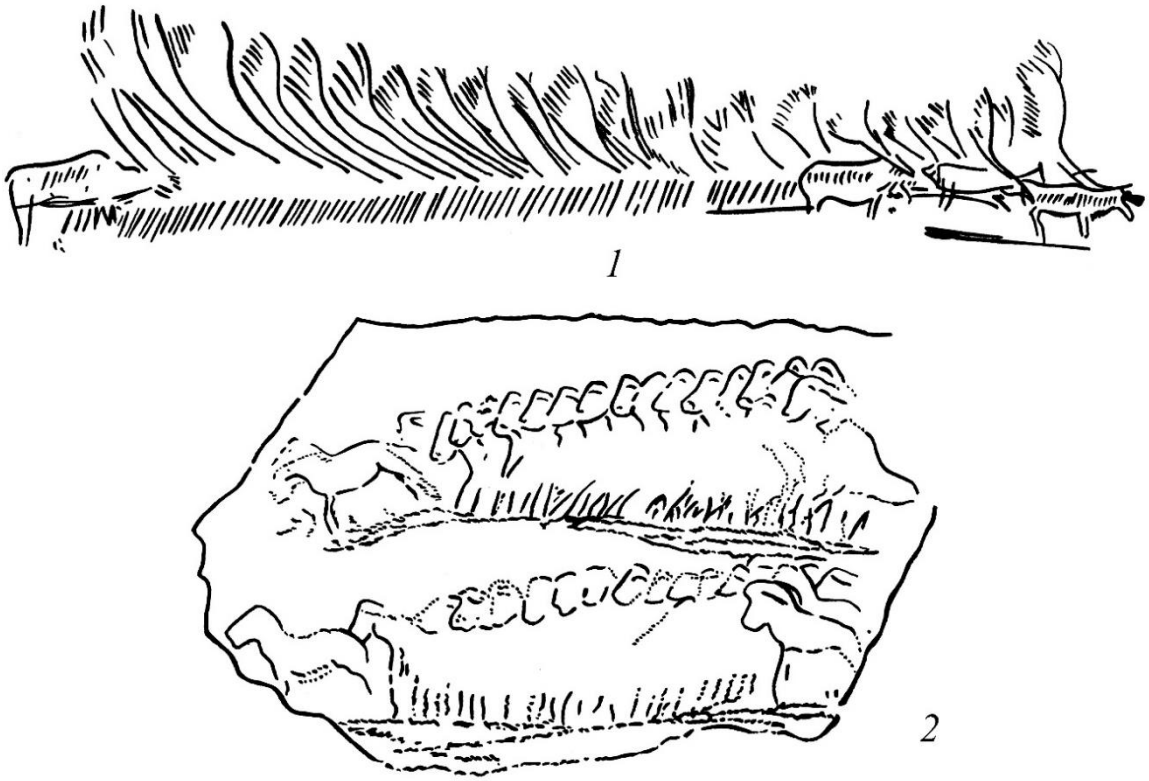

Рис. 3. Передача перспективы на гравировках по кости из пещеры Тейжа (*1*) и камню из Шаффо (*2*) (по Г. Обермайеру [28. Рис. 127] и Б.А. Фролову [27. Рис. 43, *4*])

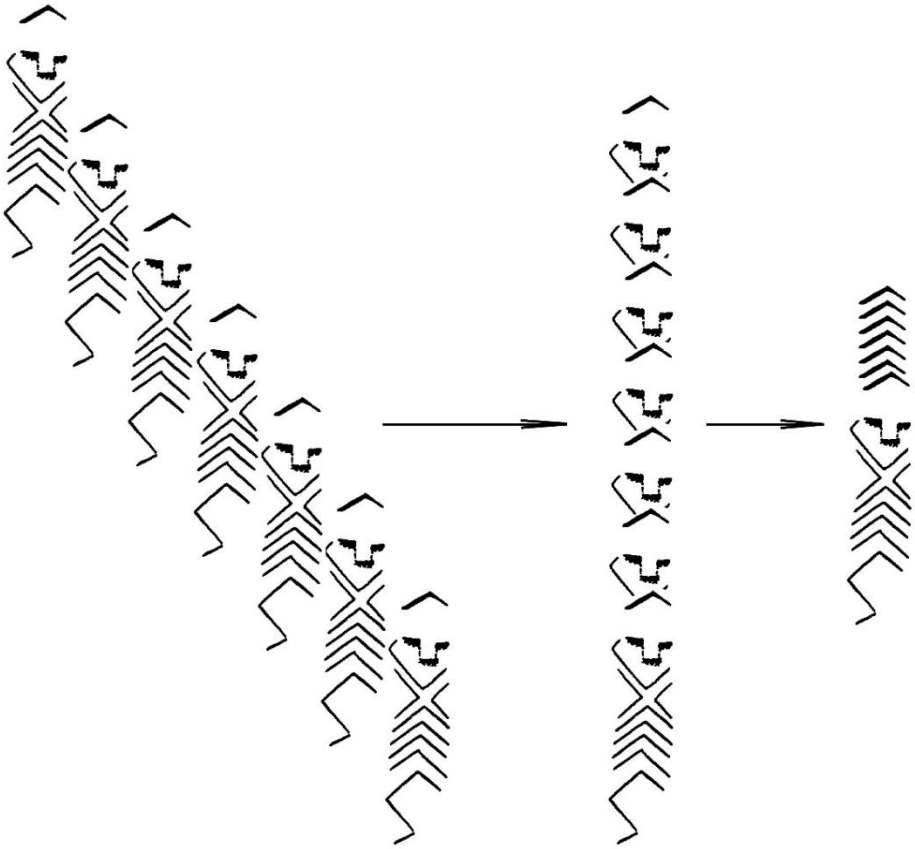

Рис. 4. Резной шеврон на Шигирском идоле как отражение перспективы

Маловероятно, что новая традиция сложилась впервые на границе Европы и Азии, где найден Шигирский идол, а затем была заимствована соседями древних уральцев. Художественная завершенность разнополых существ в основании идола, подчиненных одному стереотипу, может свидетельствовать о латентном периоде, когда вызревал обозначенный канон. Его формирование могло начаться в конце палеолита или в переходное время от палеолита к мезолиту в одной или сразу нескольких частях Северной Евразии, население которой никогда не было изолировано друг от друга и сохраняло постоянные или эпизодические контакты. Правда, уральскому региону повезло в том отношении: именно здесь, благодаря уникальным условиям залегания в торфе, сохранился Большой Шигирский идол. Наложение образов, помещенных на деревянном изваянии, их иерархичность и так называемая «коллективная индивидуальность» свидетельствуют о сложности системы миропонимания не только у конкретной общины рыболовов и охотников, но и у других популяций той исторической эпохи. Судя по Шигирскому идолу, в мезолите были востребованы иные, нежели в ледниковую эпоху, взгляды человека на самого себя и окружающий его мир, который наполнялся множеством антропоморфных персонажей.

Проблема реконструкции мифологических представлений у архаичных обществ Урала и Сибири действительно очень сложна и выходит за рамки данной работы. Ее очень образно охарактеризовал А.М. Сагалаев, отмечавший, что традиционное миропонимание напоминает сеть, сплетенную разумом, которая как бы наброшена на окружающий мир. Она далеко не идеальна, так как ее пустоты чередуются с плотными частыми узелками. «Подобные сравнения при всей их условности демонстрируют такие качества мировоззрения, как избирательность в построении картины мира, гибкость и принципиальную незавершенность. Галерея архаичного мировоззрения – не монументальные полотна, а эскизы», в которых многое «…предполагается, допускается, но не постулизируется» [31. С. 23]. Попытки прочтения образов, запечатленных на идоле, с опорой на сюжеты и персонажи из позднейшей мифологии обских угров представляются излишне прямолинейными, поскольку археологический источник и фольклор разделены многими тысячелетиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С.В. Иванов относит шевроны к бордюрам, обладающим третьим видом симметрии. Они имеют ось переносов параллельную плоскости симметрии [25. С. 38. Рис. 12, *3*]

[2] Данный художественный прием следует отличать от палимпсеста, в котором происходит наложение разновременных рисунков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савченко С.Н. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга : материалы науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. Ч. 1: Из истории уральской археологии. С. 46–53.
2. Савченко С.Н., Жилин М.Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2004. С. 130–147.
3. Чаиркина Н.М. Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 100–110.
4. Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград : Тип. Главного Управления Уделов, 1916. Вып. 60. С. 94–99.
5. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л. : Наука, Лен. отд-ние, 1970. 296 с.
6. Мошинская В.И. Древняя скульптура народов Урала и Западной Сибири. М. : Наука, 1976. 132 с.
7. Савченко С.Н. К вопросу о изображениях на Большом Шигирском идоле // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 7–8.
8. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Вып. 1 // САИ. 1964. Вып. В4-12. 52 с.
9. Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы: река Тагил. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 112 с.
10. Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2002. Вып. 24. С. 127–150.
11. Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1990. С. 4–28.
12. Jacobson E. The appearance of narrative structures in the petroglyphic Art of prehistoric Siberia and Mongolia // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 92–106.
13. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура // Труды музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
14. Евсюков В.В. Мифология китайского неолита : по материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 128 с.
15. Koksharov S.F. Eneolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva // Congressus primus Historiae Fenno-Ugricae. I:1. Oulu, 1996. P. 507–512.
16. Кабо В.Р. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства. М. : Искусство, 1972. С. 275–299.
17. Окладников А.П., Петрин В.Т. Новая пещера на Урале с палеолитическими росписями // Природа. 1982. № 1. С. 70–75.
18. Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // Российская археология. 2006. № 2. С. 99–105.
19. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. 207 с.
20. Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. : Наука, 1987. С. 318–326.
21. Широков В.Н. Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.
22. Тербергер Т., Жилин М.Г., Савченко С.Н., Хансен С., Хойсснер К.-У. Датировка Шигирского идола и его контекст // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 5.

23. Широков В.Н., Дубровский Д.К., Суриков В.Т., Киселева Д.В., Петрищева В.Г. Наскальные изображения Среднего и Южного Урала: микроэлементный состав образцов древних красок // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 100–111.
24. Петрин В.Т., Усачева И.В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2003. С. 83–86.
25. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX–XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока // Труды Института этнографии. Новая серия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 81. 500 с.
26. Бозунова-Пестрякова И.В. Первобытное искусство // История искусства зарубежных стран. М. : Изобразительное искусство, 1981. С. 7–28.
27. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. 240 с.
28. Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913. 687 с.
29. Жилин М.Г. Результаты трасологического анализа Большого Шигирского идола // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 6, 37–38.
30. Кокшаров С.Ф. Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 15–20.
31. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 155 с.

Sergei F. Koksharov, Institute of History and Archaeology Urals Branch RAS (Ekaterinburg, Russian federation). E-mail: serg.koksharov@mail.ru

RENDERING PERSPECTIVE IN THE CARVINGS OF THE GREAT SHIGIR IDOL

Keywords: The Great Shigir Idol; artwork; X-Ray style; iconographic canon; figurative and non-figurative images; perspective; Paleolithic; Mesolithic; Ural.

Present article gives an overview of different topics related to the history of studying the Great Shigir Idol that was found in a peat bog in the Middle Urals. The starting point of this overview is 1916 when Vladimir Tolmachev published the most explicit graphic reconstruction of the Idol, and covers contemporary days marked by new important discoveries. The present article considers different opinions of the researchers regarding the dating of the Idol as well as interpretations of the patterns engraved on the wooden sculpture. Special consideration is given to the materials from the Eneolithic settlement of Volvoncha I by the river Konda, Western Siberia; these materials allowed to date the anthropomorphic ornamentations in X-Ray style (skeleton variant) back to the III millennium B.C. Figurative patterns from the Rear Chamber of the Ignatievka Cave (Upper Paleolithic) were involved in a search for the patterns similar to the ones found on the Shigir Igol. These figurative patterns led to the discovery of the diclinous anthropomorphic characters placed at the base of the Idol. New radiocarbon dating obtained in the latest years at the research centers of Russia and Germany indicates the early Holocene age of the Idol and thus refers the search for parallels to the Ice Age monuments of art. We are talking not only about the cave paintings but also about the art pieces of small dimensions found among Western European monuments that use the artistic device of the perspective. Under these premises, we consider some parts of the chevron ornamentations that tower above certain faces on the Idol body. The author believes that each element forming chevrons may represent a separate stylized anthropomorphic image.

New data on artwork narrow the chronological range between the Shigir and the Ignatievka. This gives convincing parallelism. Despite the differences in the technique of the embodiment of anthropomorphic figures from peat bogs and caves (wood carving and painting in red pigment with the inclusion of organic material on the cave arch), in a manner of execution (X-Ray style and lineal style), the compared images from the Shigir and Ignatievka share common features. This arrangement is full-face, bent lower limbs, a single technique in the transmission of sex und ultimate stylization.

Anthropomorphic images reproduced in full face in skeletal or X-ray style, it is proposed to combine the concept of “Shigir style”. Apparently, it was widely distributed in the fine arts of the populations of the Northern Eurasia in prehistory and Middle Ages.

REFERENCES

1. Savchenko, S.N. (1999) Istoriya formirovaniya kollektsii shigirskikh drevnostey v Sverdlovskom oblastnom kraevedcheskom muzee [Shigir artefacts in the Sverdlovsk Regional Local Lore Museum (the stages of archaeological collection formation)]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala* [120 years of the eastern slope of the Urals]. Ekaterinburg: URGU. pp. 46–53.
2. Savchenko, S.N. & Zhilin, M.N. (2004) O novykh detalyakh izobrazheniy Bol'shogo Shigirskogo idola [On the new details of the Great Shigir Idol`s images]. In: Panina, S.N. (ed.) *Chetvertye Bersovskie chteniya* [Fourth Bersov Reading]. Ekaterinburg: Akva-Press. pp. 130–147.
3. Chairkina, N.M. (2013) Big Shigir Idol. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(41). pp. 100–110. (In Russian).
4. Tolmachev, V.Ya. (1916) Derevyannyy idol iz Shigirskogo torfyanika [Wooden Idol from Shigir peatbog]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii*. 60. pp. 94–99.
5. Ivanov, S.V. (1970) *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the Norht Siberian peoples in the 19th – first half of the 20th Centuries]. Leningrad: Nauka.
6. Moshinskaya, V.I. (1976) *Drevnyaya skul'ptura narodov Urala i Zapadnoy Sibiri* [Prehistoric sculpture of the Ural and Western Siberian peoples]. Moscow: Nauka.
7. Savchenko, S.N. (2017) [On the images on the Big Shigir Idol]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasia Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 7–8. (In Russian).
8. Chernetsov, V.N. (1964) Naskal'nye izobrazheniya Urala [The rock arts of the Urals]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* Vols. 4-12.
9. Shirokov, V.N., Chairkin, S.E. & Shirokova, N.A. (2005) *Ural'skie pisanitsy: reka Tagil* [The rock arts in the Urals: the Tagil river]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
10. Serikov, Yu.B. (1991) Proizvedeniya pervobytnogo iskusstva s vostochnogo sklona Urala [Works of primitive art from the eastern slope of the Urals]. *Voprosy archeologii Urala*. 24. pp. 92–101.
11. Koksharov, S.F. (1990) *Materialy po izobrazitel'noy deyatel'nosti drevnego naseleniya Urala* [Materials on the prehistoric art of the Urals people]. Sverdlovsk: USSR AS. pp. 4–28.
12. Jacobson, E. (1990) The appearance of narrative structures in the petroglyphic Art of prehistoric Siberia and Mongolia. In: Vasilevsky, R.S. (ed.) *Semantika drevnikh obrazov. Pervobytnoe iskusstvo* [The semantic of the prehistoric images. Primitive art]. Novosibirsk: Nauka. pp. 92–106.
13. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: Samus'skaya kul'tura* [Ancient art of Siberia: The Samus culture]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Evsyukov, V.V. (1988) *Mifologiya kitayskogo neolita : po materialam rospisey na keramike kul'tury yanshao* [Mythology of the Chinese Neolithic: Based on Ceramic Paintings of the Yangshao Culture]. Novosibirsk: Nauka.
15. Koksharov, S.F. (1996) Eneolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva. *Congressus primus Historiae Fenno-Ugricae*. I:1. pp. 507–512.
16. Kabo, V.R. (1972) Sinkretizm pervobytnogo iskusstva (po materialam avstraliyskogo izobrazitel'nogo iskusstva) [Syncretism of Primitive Art (Based on the Materials of Australian Fine Art)]. In: Meletinsky, E. (ed.) *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of the Art]. Moscow: Iskusstvo. pp. 275–299.

17. Okladnikov, A.P. & Petrin, V.T. (1982) Novaya peshchera na Urale s paleoliticheskimi rospisyami [A new cave with paleolithic paintings in the Urals]. *Priroda*. 1. pp. 70–75.
18. Shirokov, V.N. (2006) Problema vozrasta nastennykh izobrazheniy Ignatievskoy peshchery v svyazi s pervymi radiouglerodnymi datirovkami krasochnogo pigmenta [The problem of the age of wall images of the Ignatievskaya cave in connection with the first radiocarbon dating of the colorful pigment]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 2. pp. 99–105.
19. Petrin, V.T. (1992) *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale* [A paleolithic sanctuary in the Ignatievskaya cave in the South Urals]. Novosibirsk: Nauka.
20. Studzitskaya, S.V. (1987) Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [The Art of the Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age]. In: Bader, O.N., Kraynov, D.A. & Kosarev, M.F. (eds) *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [The Bronze Age in the forest zone of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 139–146.
21. Shirokov, V.N. & Petrin, V.T. (2013) *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale* [The Ice Age art. Ignatievskaya and Serpievskaya-2 caves in the South Urals]. Ekaterinburg: [s.n.].
22. Terberger, T., Zhilin, M.G., Savchenko, S.N., Hansen, S., Hoissner, K.-U. (2017) Datirovka Shigirskogo idola i ego kontekst [Dating the Shigir idol and its context]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasian Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. p. 5.
23. Shirokov, V.N., Dubrovsky, D.K., Surikov, V.T., Kiseleva, D.V. & Petrisheva, V.G. (2014) Petroglyphs of the Middle and the South Ural: microelement composition of ancient paint samples. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(42). pp. 100–111. (In Russian).
24. Petrin, V.T. & Usacheva, I.V. (2003) Antropomorfnaya skul'ptura epokhi neolita s Yuzhnogo Urala [Anthropomorphic sculpture of the Neolithic era from the South Urals]. In: Chairkina, N.M. (ed.) *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh* [The images und sacral space at prehistoric time]. Ekaterinburg: Akva-Press. pp. 83–86.
25. Ivanov, S.V. (1963) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX–XX v.)* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – 20th centuries)]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
26. Bozunova-Pestryakova, I.V. (1981) Pervobytnoe iskusstvo [Prehistoric art]. In: Chubova, A.P. (ed.) *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Foreign Art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. pp. 7–28.
27. Frolov, B.A. (1974) *Chisla v grafike paleolita* [Numbers on the Paleolithic graphic art]. Novosibirsk: Nauka.
28. Obermayer, G. (1913) *Doistoricheskiy chelovek* [Prehistoric man]. St. Petersburg: [s.n.].
29. Zhilin, M.G. (2017) [The results of the traceological analysis of the Big Shigir idol]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasian Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. p. 6, 37–38. (In Russian).
30. Koksharov, S.F. (2010) Ob istokakh antropomorfnykh obrazov na keramike samus'skoy kul'tury [On the sources of anthropomorphic images on the Samus culture ceramics]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(26). pp. 15–20.
31. Sagalaev, A.M. (1991) *Uralo-altayskaya mifologiya. Simvol i arkhetip* [The Urals-Altay mythology. The symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka.

УДК 903.43
DOI: 10.17223/19988613/67/19

Н.П. Матвеева, Е.А. Третьяков

К ВОПРОСУ О СКОТОВОДСТВЕ БАКАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

Работа посвящена реконструкции хозяйства (скотоводства) населения Зауралья в раннем средневековье. На материалах Коловского городища (опорного памятника по изучению бакальской культуры) было выделено несколько хозяйственно-экономических ареалов, формировавшихся вокруг центров – городищ. Основываясь на численности и составе стада, материальной культуре и этнографических данных, тип скотоводства, практиковавшийся носителями бакальской культуры, определен нами как полуоседлый с высокой долей крупного рогатого скота в стаде.

Ключевые слова: Зауралье; Среднее Притоболье; скотоводство; Средневековье; бакальская культура; палеоэкономика.

Расположение поселенческих комплексов на местности напрямую связанно с хозяйственной деятельностью коллективов прошлого. Их топография, конфигурация и площадь могут помочь исследователю выявить способы адаптации к окружающей среде посредством реконструкции хозяйственно-экономического типа обитателей, в том числе на основе анализа остаточных схем расселения. Носители бакальской культуры, памятники которой локализуются преимущественно в лесостепной полосе, жили в достаточно аридных условиях, сменившихся в VII–VIII вв. более прохладными и влажными [1]. Существенные изменения климата и ландшафтов создавали условия для меридианальных миграций групп населения из соседних природных зон, влиявших на передел зон землепользования [2. С. 201]. Тонкие и мало насыщенные остатками культурные слои памятников, сезонные жилища привели исследователей к выводу, что население практиковало комплексное хозяйство с преобладанием подвижного скотоводства [3. С. 182; 4. С. 176–179; 5. С. 86; 6. С. 183]. Однако существенная доля крупного рогатого скота в остеологических коллекциях поселенческих комплексов, контрастирующая с характером жилых построек, ставит вопрос о специфике и динамике хозяйства населения бакальской культуры.

Исходя из этого, мы постарались выстроить модели, позволяющие понять логику расселения и хозяйственной адаптации средневековых групп населения в лесостепном Зауралье.

Опираясь на теорию центральных мест Б. Блоуэта [7] и опыт картографирования памятников эпохи раннего железного века в рассматриваемом регионе, где археологические комплексы располагались через 40–50 км вдоль водных артерий [8. С. 36; 9. С. 22], мы предположили, что и городища бакальской культуры раннего и развитого Средневековья также должны были являться экономическими, политическими и торговыми центрами, вокруг которых со временем формировался ареал расселения определенной общины. Поскольку установлено, что они приурочены к наиболее высоким гипсометрическим отметкам, что, скорее всего, обеспечивало военный контроль вдоль рек в радиусе 10–15 км [10. С. 76], то примем факт, что территория вокруг них в первую очередь являлась защищаемой зоной эксплуатации ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения.

Исходя из этнографических данных о количестве членов семей у кочевых и полукочевых обществ, а также сопоставления их с площадями жилищ, возможно определить численность общины в целом или отдельной семьи в частности на конкретном поселении. Так, нашими предшественниками по изучению систем жизнеобеспечения в лесостепной зоне выведена средняя норма жилой площади на одного члена семьи, которая определена как 3,5–4 м^2 [11. С. 169]. Используя методику, апробированную для саргатской культуры [9. С. 168; 12. С. 129–134], отталкиваясь от опубликованной характеристики структуры питания и видов домашних животных в стаде, а также приблизительной численности общины, с учетом их трудозатрат на ведущие отрасли деятельности проведем детализацию экономических зон вокруг городищ, рассчитаем пастбищные ресурсы конкретной местности и количество затрат труда при занятии скотоводством.

Анализ расположения городищ бакальской культуры на местности позволяет нам сделать вывод о рассредоточении данных комплексов вдоль крупных водных артерий через 30–40 км (рис. 1). Потенциальная экономическая зона очерчивается в ареал радиусом 15–20 км от центра. Скорее всего, подобное расположение обусловлено способами взаимодействия нескольких общин посредством путей сообщения вдоль рек с использованием конного транспорта и возможностью подавать светодымовые сигналы в случае опасности. На сегодняшний день одним из опорных комплексов по изучению средневековых древностей является Коловское городище [4]. Большая площадь исследований и полноценный массив датированных источников по природной среде, зоологическим остаткам, постройкам и инвентарю позволяет сегодня более аргументированно реконструировать хозяйственно-экономические процессы средневекового населения Зауралья и Западной Сибири.

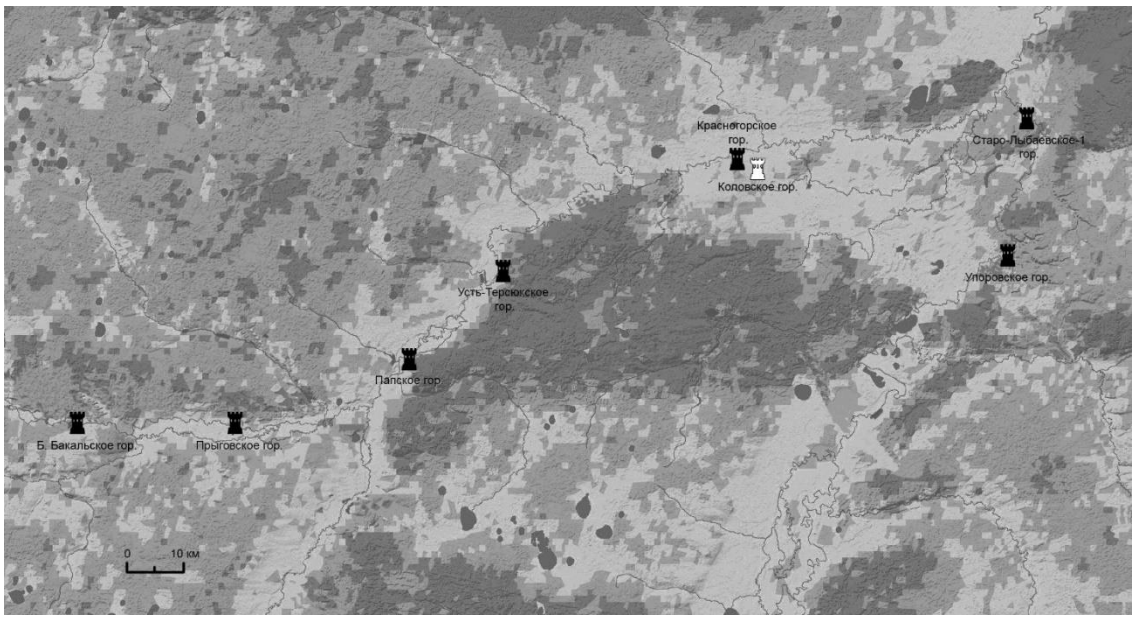

Рис. 1. Расположение центров расселения бакальской культуры

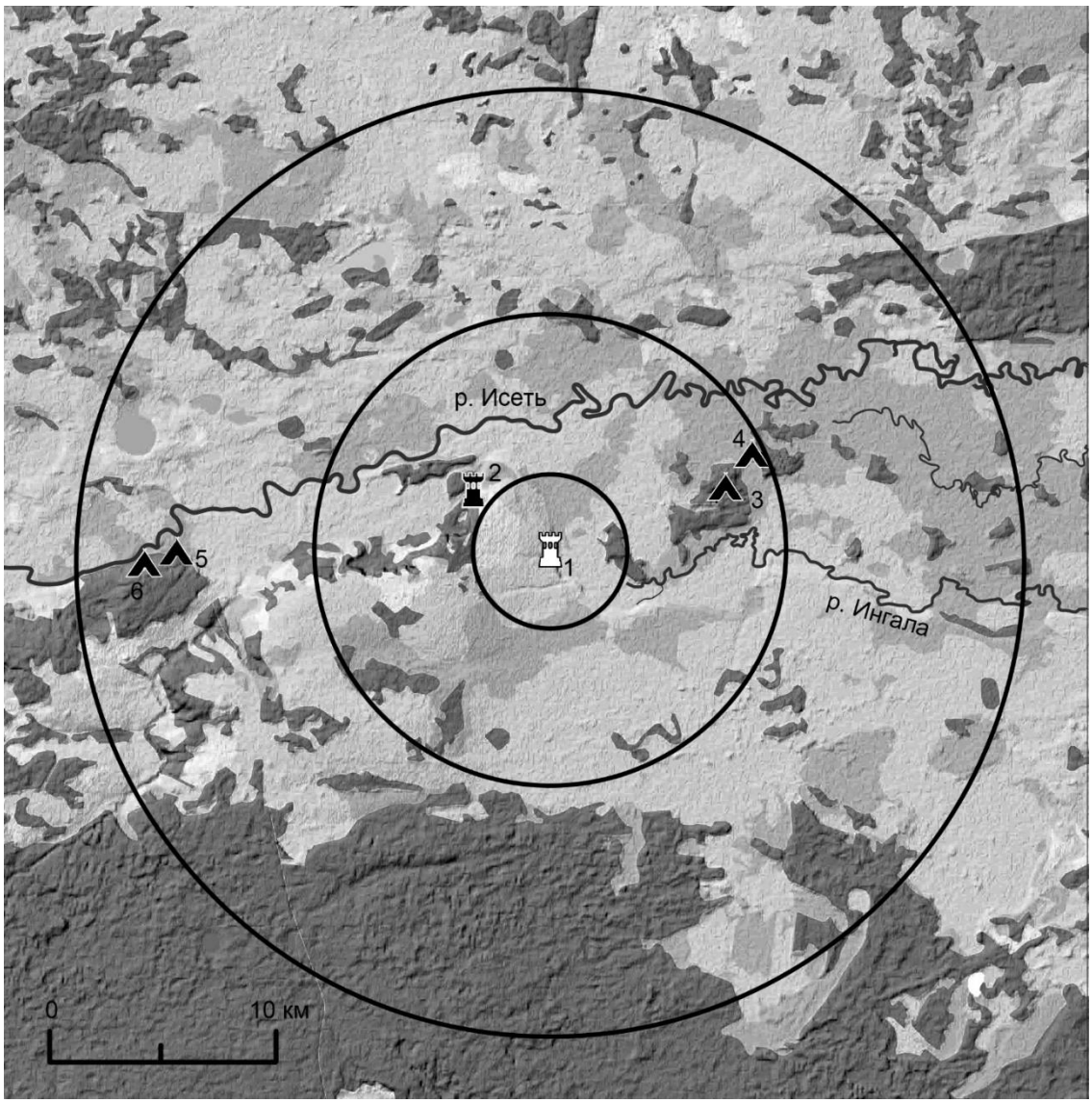

Рис. 2. Схема эксплуатации экономической зоны Коловского городища: *1* – гор. Коловское; *2* – гор. Красногорское; *3* – пос. Онуфриевский Борок-15; *4* – пос. Сосенка 24; *5* – пос. Исетское-2; *6* – пос. Исетское-3

Рассмотрим Коловское городище как условный центр заселения территории, в которую входят Красногорское городище, неукрепленные поселения Исетское-2 и Исетское-3, Онуфриевский Борок-15, Сосенка 24 [13. С. 49–66; 14. С. 29–40] (рис. 2). Границы данного ареала укладываются в рамки 30–40 км. Как нам кажется, это обусловлено тем, что всадник может достичь любого места этой хозяйственной зоны и вернуться домой за один световой день. Разумеется, на расстояние дневного перехода лошади влияет множество факторов, начиная от ее породы, тренированности, массы груза, типа местности, и даже погоды, однако усредненный показатель составляет 40–50 км [15. С. 64; 16. С. 35]. Приняв его, мы можем обратиться к скорости лошади и высчитать, за какой промежуток времени она может преодолеть расстояние в 40 км. Способности лошади довольно ограничены, обычным темпом ее передвижения является шаг с переходами на кратковременные ускорения, в среднем 7–10 км/ч. Таким образом, со скоростью 8,5 км/ч лошадь за 2,5 часа достигает края ареала, где ей потребуются отдых, вода и корм. Приблизительно столько же времени она затратит, чтобы вернуться домой. Можно предположить, что со временем, в целях рационализации передвижения, на границах ареалов начинают появляться сезонные стоянки и неукрепленные поселки. Например, поселения Исетское-2 и Исетское-3, расположенные на периферии большого ареала, скорее всего, были связаны с отгонным выпасом скота, а также с охотой, рыбной ловлей и другими видами присваивающих отраслей.

Площадь Коловского городища равна 6 440 м^2, а количество бакальских жилищ в раскопах общей площадью 1 450 м^2 (23%) составило 4 ед. Однако на памятнике зафиксировано два этапа обитания: в IV–VI вв. и VII–VIII вв. н.э., – поэтому данные показатели целесообразно будет разделить надвое, выводя усредненный показатель по каждому периоду.

Сооружения средневекового периода не имеют углубления в материк и фиксируются исключительно в верхних слоях поселения. Жилые постройки представляют собой остатки центрального столба, очаг размерами 0,7 × 0,7 м и скопление вокруг него бакальской керамики, инвентаря и остатков костей животных. В среднем материал распространяется на площади 25–30 м^2 [4. С. 157].

Вариант 1. Рассчитаем приблизительную численность общины, заселявшей укрепленное поселение. В соответствии со всей площадью памятника количество существовавших домохозяйств могло быть около 17–18 [4. С. 21. Рис. 9]. Опираясь на данные из этнографии, широко используемые в археологии, будем считать, что на одного человека приходилось от 3,5 до 5,5 м^2 (в среднем 4,5) жилой площади [17. С. 17]. Учитывая их принадлежность к двум периодам обитания, получим 8–9 домохозяйств, примерно 45–50 человек. Данное число обитателей находит аналогию в этнографии: так, у полукочевых казахов аул состоял из 5–15 домохозяйств, а его коллектив насчитывал около 50 человек [18. С. 134, 136]. Другая часть общины, предположительно, расселялась в неукрепленных поселках в обширной пойме. На сегодняшний день нельзя точно утверждать, одна или несколько общин расселялись в рамках рассматриваемого ареала.

Определим приблизительный состав стада бакальского населения, проживавшего на Коловском городище. Исходя из зоологической коллекции, вычислим состав животных, употребляемых в пищу, а по определениям состава стада, проведенным специалистами для Коловского городища, можно вывести доли домашних животных в структуре потребления и общей численности поголовья [4. С. 26. Табл. 22][1].

Как известно из этнографии, рацион питания кочевников, расселявшихся в степной зоне, большую часть годового цикла базировался на молочной диете [19. С. 197]. К примеру, у казахов доля молочной пищи достигала 80% всего рациона [20. С. 548–595]. Поэтому мы предполагаем, что мясо в чистом виде употреблялось в малом количестве и, видимо, не ежедневно. Так, при учете баланса молочного и растительного продукта условную часть обычной мясной пищи мы определяем как 0,3 кг в день на человека [21. С. 47]. Получим, что коллективу в 50 человек на день требовалось 20 кг мясной пищи, а на год 5 500 кг.

Стоит отметить, что доля мелкого рогатого скота по данным раскопок обычно является заниженной. Из-за небольших размеров и «мягкости» кости овец и коз, в отличие от более массивных конских или коровьих, почти полностью утилизируются псовыми. Также из-за сравнительно малых размеров овечьей туши ее могли брать с собой при переходе с поселения на поселение либо на дальние территории в качестве провианта. В свою очередь, корову либо лошадь, скорее всего, кололи и съедали на поселении «стационарно». Овцы и козы являются одними из самых продуктивных домашних животных, а период их взросления относительно короткий и составляет около одного года.

Учитывая, что кроме забойной доли в стаде должны быть животные, оставляемые на воспроизводство, рассчитаем «продуктовую» часть стада – 30 ед. (табл. 1). Это количество необходимо исключительно для прокорма населения, а также для получения кожевенного сырья, шерсти, конского волоса и т.д. Однако период достижения зрелого возраста у каждой из групп животных укладывается в разные сроки. Поэтому на основании коэффициентов, принятых для каждого вида [22. С. 149–151; 23. С. 358], мы выводим общую численность стада, которое кроме забойного скота, включает молочных животных и молодняк, – 93 особи (табл. 2).

Также скот является обменной единицей, его приносят в жертву при осуществлении ритуалов, связанных с духовной жизнью людей, определенное количество скота готовят для свадебных и поминальных пиров и т.д. Кроме того, на семью требуется около 3–4 верховых и тягловых лошадей, поэтому будет резонно увеличить полученные показатели с учетом вышеперечисленных факторов (в данном случае минимально, так как развернутых данных о масштабах имущественного расслоения не имеется).

Чтобы приблизительно сориентироваться в размерах затрат на общественные и семейные мероприятия, обратимся к этнографии скотоводческих народов. Довольно детальные сведения по киргизам можно по-

черпнуть у Ф.А. Фиельструпа, который, перечисляя расходы на обряды плодородия, защиты от болезней, обеспечение благополучия перекочевок, строительство дома, календарные праздники, называет минимальное число: на семью 2 лошади, 1 корова, 9 баранов [24. С. 228]. Если мы за неимением других сведений примем данные цифры, то в нашем случае на общину Коловского городища в 9 домохозяйств это будет примерно 18 лошадей, 9 коров, 80 баранов. На обряды, связанные со сбором калыма и проведением свадьбы, у одной семьи уходило 55 голов крупных животных (35 + 20) и 50 баранов [Там же. С. 34, 54], на похороны и поминки – минимально 2 лошади и 60 баранов [Там же. С. 146, 149], на обряды, связанные с детьми – 1–2 барана. Но поскольку эти затраты несли все родственники совместно, и не каждый год, то возьмем усредненное число на все три вида обрядов жизненного цикла: 12 лошадей, 7 коров, 37 баранов. Полагаем, что принятый нами размер социальных затрат позволяет включить в данное количество определенную часть скота для обмена и обеспечения кавалерии, условно, в те годы, когда не было семейных обрядов (табл. 3).

Таблица 1

Расчет численности стада Коловского городища, содержавшегося для питания

Вид	Зоологические остатки, кол-во особей[2]	Доли, %	Средний живой вес особи	Убойный вес, %/кг	Убойный вес, кг (всего)	Кол-во особей
Лошадь	21	30%	400	50 / 200	1800	9
КРС	37	50%	380	60 / 230	3450	15
МРС	16	20%	85	55 / 45	270	6
Итого	74	100%			5520	30

Таблица 2

Расчет общего поголовья животных Коловского городища

Вид	Кол-во забойного стада	Общее кол-во стада с учетом молодняка и молочного скота	Скот для социальных потребностей	Транспорт	Всего, ед.	Всего, %
Лошадь	9	36	12	36	93	43,2
КРС	15	45	7		67	31,2
МРС	6	12	37		55	25,6
Итого	30	93	56	36	215	100

Таблица 3

Общий состав стада Коловского городища с учетом всех отраслей деятельности

Вид	Кол-во особей в забойном стаде	Период взросления особи, годы	Доля забойного скота в общем стаде	Кол-во особей
Лошадь	9	3	1/4	36
КРС	15	2	1/3	45
МРС	6	1	1/2	12
Итого	30			93

Таблица 4

Объем корма, потребляемый стадом в летний и зимний периоды

Вид	Кол-во	Зима – корм, кг/день	Лето – корм, кг/день	За 200 дней, кг	За 165 дней, кг	Кг/год
Лошадь	93	20	40	372 000	613 800	985 800
КРС	67	15	40	201 000	442 200	643 200
МРС	55	1,5	10	16 500	99 750	116 250
Итого	215			589 500	1 155 750	1 745 250

Годовой цикл делится на зимний и летний периоды в соотношении дней 200/165. Потребность животных в корме в зависимости от сезона меняется: зимой животному требуется гораздо больше калорий, чем летом, это обусловлено его энергозатратами на теплообмен. Однако в суровых условиях Сибири зимой довольно сложно прокормить животное, не заготавливая кормов на зиму. Поэтому зимние показатели на потребление корма снижены до уровня сохранения минимальной доли стада для последующего воспроизводства.

Исходя из потребности в корме стада на день и среднего количества корма, собираемого с одного гектара, мы можем вывести приблизительную площадь выпасных угодий, необходимую для прокорма 215 голов скота (табл. 4). Отметим, что с одного гектара лугов в лесостепной полосе в среднем получают около 1 000 кг кормов [25. С. 94–96]. Таким образом, основываясь на данных табл. 4, мы можем вычислить приблизительное количество гектаров, необходимых коловскому стаду: 1 745 250/1 000 = 1 745,2 га; округлим данный показатель до 2000 га.

Однако в рамках большого ареала находятся крепости и селища, к примеру Красногорское городище [26. С. 76–89] и др., на которых также проживало бакальское население и вело аналогичное хозяйство (см. рис. 2). Поэтому выпасную площадь не ограничиваем расчетными 2 000 га, а увеличиваем в четыре раза по количеству вспомогательных поселений: 2 000 × 4 = 8 000 га, – и допускаем в четыре раза большее поголовье без существенной антропогенной нагрузки на ландшафт – 860 ед.

Отдельного рассмотрения заслуживает характер животноводства. Исходя из условий выпаса коров, которым необходимо около 8 часов кормления и по 2–3 часа

на перегон при скорости передвижения 5 км/ч, при минимальном световом дне летом (165 дней) в среднем 10 часов мы можем высчитать территорию для выпаса крупного рогатого скота. Общая площадь данной территории вполне логично укладывается в ареал радиусом 10 км и будет составлять 314 км^2. Однако стоит учесть, что не вся площадь в округе городищ и поселений пригодна для выпаса скота: приблизительно 1/3 часть лесостепи занята озерами, болотами, реками, лесами и т.д. [27. С. 9]. Поэтому пастбищная площадь ареала радиусом в 10 км составляет 209 км^2, или 20 900 га. Расчетная площадь в 8 000–9 000 га укладывается в эти рамки, составляя около половины всей потенциальной экономической зоны, и оставляет место для выпаса скота домохозяйств, располагающихся в неукрепленных поселениях в пойме. Так, в радиусе до 10 км от Коловского городища располагаются селища Сосенка-24 и Онуфриевский Борок-15, которые также относятся к бакальской культуре (см. рис. 2). Их местонахождение позволяет нам предположить, что именно в их округе располагались выпасные угодья для табуна и отары.

Практически все виды домашнего скота являются конкурентами за пастбищные угодья по отношению диким, поэтому со временем происходит частичное вытеснение дикой фауны за границы обитания домашних животных. Можно предположить, что территория центрального круга в основном была предназначена для производящего хозяйства, а зона периферийного круга позволяла заниматься вспомогательными отраслями присваивающего типа, такими как охота, рыболовство, собирательство и т.д. (рис. 3). Кроме того, существуют некоторые ресурсы, в которых человек и общество нуждаются в первую очередь, такие как вода, топливо, строительные материалы, гончарная глина, железная руда и т.д. Таким образом, наиболее активно использовался минимальный ареал, в рамках которого в первую очередь происходили процессы жизнеобеспечения.

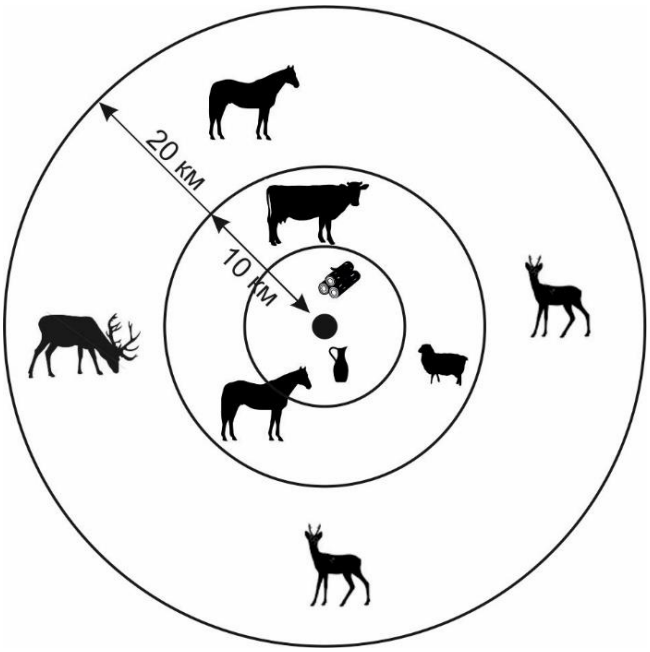

Рис. 3. Схема формирования экономических ареалов

Данный вариант скотоводства обеспечивал модель полуоседлого образа жизни [28. С. 66–67] бакальского населения. Принять ее без сомнений не позволяет нерешенность вопроса о том, как осуществлялась зимовка на территории Зауралья. Во-первых, не ясно, как обеспечивали прокорм скота в данный период. Свидетельств в пользу того, что бакальское население заготавливало на зиму корма, практически нет. Единичные находки серпов выступают скорее доказательством зачатков земледелия, нежели орудиями для заготовки сена, поскольку они мало пригодны для сенокоса на внушительное бакальское стадо. Правомерно предположить, что в довольно длительный зимний период стадо находилось на тебеневке, а в неблагоприятных условиях его кормили вениками из сушеной березы и осины. Естественно, все поголовье в этот период должно было значительно терять в весе, а часть скота гибла от нехватки кормов.

Такой способ зимовки пригоден только в том случае, если стадо состоит в основном из лошадей и мелкого рогатого скота, и только при условии, что снежный покров будет не более 40–50 см. В нашем случае около 30% поголовья составляет крупный рогатый скот. В период суровых сибирских зим на подножном корме и вениках корову практически невозможно прокормить, поэтому без заготовки сена стадо обречено на гибель. Во-вторых, животные довольно хорошо переносят низкие температуры, но очень боятся ветра. Поэтому все они нуждаются в ветрозащитных загонах, но свидетельств о существовании их на сегодняшний момент также нет. Возможно, на поселениях в пойме скот выпасали в перелесках и небольших сосновых борах, в условиях, естественно защищенных от ветра, как это принято в некоторых казахских аулах.

Как видим, состояние источников указывает на то, что пока очень слабо изучены неукрепленные поселе-

ния и их межжилищное пространство, где, возможно, и происходила хозяйственная деятельность населения, в том числе мало уделяется внимания реконструкции наземных сооружений. С другой стороны, предполагать, что скот держали на территории городищ, мы также не можем из-за их малых размеров.

Вариант 2. Другая форма экономики являет собой синтез полуоседлого и полукочевого типа хозяйствования, но, по сути, уже не является полноценной полукочевой [29. С. 77–80]. На поселениях в зимний период оставались рядовые и маломобильные группы населения, а аристократическое сословие с основной частью стада (и почти весь крупный рогатый скот) откочевывало на зиму на более южные территории, а с приходом весны возвращалось назад в лесостепной регион. Таким образом, оседлая часть общины выпасала небольшую долю скота, необходимую для пропитания оставшегося населения, преимущественно лошадей и овец, способных к тебеневке. В этом случае важная роль должно отводиться земледелию, но на сегодняшний день у нас нет оснований говорить о земледельческой традиции у носителей бакальской культуры, поскольку этот вопрос почти не исследовался. Для верификации гипотезы о специфике хозяйствования сословных групп социума требуются новые материалы из могильников и междисциплинарные палинологические и карпологические исследования проб через флотацию культурного слоя поселенческих комплексов. Так, на сопредельных территориях земледелие фиксируется как полноценная отрасль хозяйства, например в древностях потчевашской и усть-ишимской культур [27. С. 144–157].

Обитание бакальского населения в одной экологической нише с кочевниками Казахстана, практиковавшими круглогодичное кочевание, должно было создавать конфликты, выливавшиеся в военные противостояния. И могильники Бобровский, Пахомовский, Ингала, Медный борок [30; 31; 32. С. 514–516] как будто бы подтверждают чересполосное расселение разных этнокультурных групп, хозяйствовавших посезонно в лесостепи и степи.

Таким образом, последний вариант сочетания полуоседлого и полукочевого хозяйства более разносторонне представляет характер проживания средневековых коллективов в Зауральском регионе. Предполагаем, что он базировался прежде всего на сословном делении общества с комплексным хозяйством рядового населения, у которого преобладали коневодство и разведение мелкого рогатого скота, дополнявшиеся промыслами. У аристократического сословия вероятен полукочевой образ жизни.

Другой вопрос, который возникает у нас при определении бакальской экономики как сочетания полукочевого и полуоседлого укладов, заключается в том, какие причины обусловили строительство и поддержание массивных оборонительных сооружений на городищах [33, 34]. Для чего кочевому населению, присутствующему в лесостепном регионе полгода, осуществлять трудозатраты на строительство массивных линий обороны? С другой стороны, почему данное население не строило более серьезных и долговечных жилых построек, например в срубной технике или технике заплота, а продолжало жить в «юртах», но при этом в хорошо укрепленных городищах?

Наличие центров освоения и закрепления территории показывает, что они состояли из различных хозяйственно-экономических ареалов, которые были обусловлены количеством населения, составом стада, уровнем социальной сложности и характером военной угрозы. Вероятно, в дальнейшем удастся выявить динамику перехода определенных групп к оседлости или, наоборот, к кочеванию, поскольку широкая хронология поселенческих комплексов бакальской культуры оставляет для этого возможности. Но надо отметить, что объяснение экономического уклада обществ прошлого через построение моделей в силу неизбежно усредненных показателей не может дать полного знания о характере и уровне их развития. Необходимо привлекать другие данные: по военному делу, торговле, социальной дифференциации, что авторы и намерены предпринять в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стоит отметить, что данный комплекс является сложно стратифицированным объектом, и зоологические материалы раннего железного века трудно дифференцировать от костей средневекового горизонта. Поэтому для более точной характеристики стада нами были исключены находки, вызывающие сомнение по привязке к конкретной эпохе.

[2] Суммарно 2003, 2005, 2006 гг. раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С. Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 170–176.
2. Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху великого переселения народов (проблемы культорогинеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.
3. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
4. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск : Наука, 2008. 240 с. (Древности Ингальской долины: археолого-палеографические исследования. Вып. 2).
5. Рафикова Т.Н., Чикунова И.Ю. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 85–96.
6. Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Боталов С.Г. Городище Усть-Утяк-1 // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей, 2016. С. 59–188. (Этногенез уральских народов).
7. Bloouet B.W. Factors influencing the evolution of settlement patterns // Man, settlement and urbanism. Duckworth, 1972.
8. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке : лесостепная и подтаежная зоны. Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.

9. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири : (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск : СО РАН, 2005. 228 с.
10. Третьяков Е.А. Топографические особенности локализации средневековых памятников. Притоболье (Западная Сибирь) // Материалы 55-й Междунар. науч. студенческой конф. МНСК–2017 : археология / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. С. 75–76.
11. Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатсколй культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуван II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 165–177.
12. Чикунова И.Ю. Хозяйство и быт населения саргатской культуры Притоболья (к реконструкции хозяйственно-культурного типа) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2006. 24 с.
13. Берлина С.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В., Новиков И.К., Ткачев А.А., Цембалюк С.И. Исетское-3 поселение в лесостепном Зауралье // AB ORIGINE. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. Вып. 8. С. 49–66.
14. Берлина С.В., Костомаров В.М., Рафикова Т.Н., Ткачев А.А., Новиков И.К. Поселение эпохи средневековья Исетское 2 в Приисетье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 29–40.
15. Масанов Н.Э. Проблеммы социально-экономической истории Казахстана на рубежеXVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1981. 109 с.
16. Даржа В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : ТувиИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.
17. Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы : автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1984. 11 с.
18. Курылев В.П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX – начала XX в. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1978. С. 132–143.
19. Ахметова Ш.К. Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации // Материальная культура народов России. Новосибирск : Наука, 1995. Т. 1. С. 122–123.
20. Толыбеков С.Е. Кочевое хозяйство казахов в XVII–XX вв. Алма-Ата : Наука, 1971. 633 с.
21. Гречко О.Н. К вопросу о хозяйственном потенциале скотоводства средневекового населения Тарского Прииртышья (по материалам археологии и этнографии) // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 44–49.
22. Барминцев Ю.Н. Коннозаводство и конный спорт. М. : Колос, 1972. 319 с.
23. Борисенко Е. Я. Разведение сельскохозяйственных животных. 4-е изд., М. : Колос, 1967. 434 с.
24. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 300 с.
25. Парахин Н.В., Кобозев И.В., Горбачев И.В. Кормопроизводство : учебник для студентов вузов. М. : КолоС, 2006. 432 с.
26. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // AB ORIGINE. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. Вып. 1. С. 76–99.
27. Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск : Наука, 2007. 466 с.
28. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы : Дак-Прайс, 2002. 604 с.
29. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья : (поиски исторических закономерностей). М. : Наука, 1982. 190 с.
30. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана : Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 406 с.
31. Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 128–137.
32. Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей, 2016. С. 468–541. (Этногенез уральских народов).
33. Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.
34. Матвеева Н.П. Фортификация городища Старо-Лыбаевское-1 в лесостепном Зауралье // Вестник пермского университета. 2017. Вып. 1 (36). С. 53–62.

Natalya P. Matveeva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federaton). E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru
Evgeny A. Tretyakov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federaton). E-mail: gor-tom@mail.ru

CATTLE BREEDING OF THE BAKALSKAYA CULTURE'S POPULATION OF THE TRANS-URALS

Keywords: Transurals; cattle-breeding; Middle Ages; Bakal culture; paleoeconomics.

Residual models of spatial exploitation formed under the impact of sustenance processes of ancient population groups. This attempt of reconstruction of medieval common's economic activity is able to display adaptation model to climatic and social conditions of the I millennium AD. Controversial issue about type of breeding among Bakalskaya culture's population discusses by analyzing results of paleoeconomical model of Kolovskoye settlement. The research was based on information about the dwellings, the implement and zoology collections.

Calculations are based on ethnographic information about number of family members between the nomads and semi-nomads, expenses for ceremonies and nutrition. We took into account average standard of housing space per person, reconstructed composition of nutrition and domestic animal specimens, estimate number of the society and livestock. Grassland's resources of specific area and pattern of its use were computed for further detailing of economic areas around settlements.

Basing on central place theory and results of mapping the region (archaeological complexes are located at the distance of 30-40 km along the rivers) we came to the conclusion that Bakalskaya culture's settlements of the Early and High Middle Ages were economic, political and trade centers. Kolovskoe fortified settlement with secondary Krasnogorskoye settlement and four unfortified settlement are interpreted as a center of territory development and appropriation. Economic area of Kolovskoye settlement included different areas depended on number of society (50-200), herd's composition, level of social stratification, pattern of military threats.

Model 1 – the early medieval society in the forest-steppe area of Trans-Urals could practice the semi-settled type of breeding with high proportion of cattle in livestock, appropriating economy provided feeding of cattle implements by "tebenevka" and keeping in pens in floodplain. Ratio of settlement's complexes located on the same economic area reflects formation of hard-stratified society in Middle Ages and possibility of model 2 realization. In this model an aristocratic class had a semi-nomadic type of breeding and ordinary population has the semi-settled type of breeding based on horse-breeding and sheep-breeding. They had beginning of agriculture and appropriating branches economy. Aristocracy had most of cattle and grazed them on winter pasture in steppe area. Accommodation population of Bakalyskaya culture and nomads of Kazakhstan in the same ecological niche (basing on data of cemeteries Bobrovskij, Pakhomovskij, Ingala, Mednij borok) confirms alternating resettlement different ethno-cultural populations in the forest-steppe and the steppe, which they managed seasonally.

The authors suggest ways of hypothesis verification about economic dynamics in the settlement's areas according to the state of the environment, the complication social stratification.

REFERENCES

1. Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. & Afonin, A.S. (2015) New data on the habitat of Transural population in the early Middle Ages. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(30). pp. 170–176. (In Russian).
2. Matveeva, N.P. (2016) *Zapadnaya Sibir' v epokhu velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'torogineza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Western Siberia in the era of the great migration of peoples (problems of culture genesis according to data from burial sites)]. Tyumen: Tyumen State University.
3. Mogilnikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
4. Matveeva, N.P., Berlina, S.V. & Rafikova, T.N. (2008) *Kolovskoe gorodishche* [Kolovskoe settlement]. Novosibirsk: Nauka.
5. Rafikova, T.N. & Chikunova, I.Yu. (2012) Economy of a medieval population of the forest steppe and sub-taiga Trans Urals. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(19). pp. 85–96. (In Russian).
6. Kaydalov, A.I., Sechko, E.A. & Botalov, S.G. (2016) Gorodishche Ust'-Utyak-1 [Ust-Utyak-1]. In: Botalov, S.G. et al. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe Early Iron Age and Middle Ages (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk: Rifey. pp. 59–188.
7. Bloouet, B.W. (1972) Factors influencing the evolution of settlement patterns. In: Tringham, R., Dimbleby, G.W. & Ucko, P.J. (eds) *Man, Settlement and Urbanism*. Duckworth: Duckbacks.
8. Matveeva, N.P. (2000) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke: lesostepnaya i podtaezhnaya zony* [Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age: forest-steppe and subtaiga zones]. Novosibirsk: Nauka.
9. Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V. & Chikunova, I.Yu. (2005) *Kompleksnoe izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri : (problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii v rannem zheleznom veke)* [Comprehensive study of the living conditions of the ancient population inf Western Siberia: (problems of socio-cultural adaptation in the early Iron Age)]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Tretyakov, E.A. (2017) Topograficheskie osobennosti lokalizatsii srednevekovykh pamyatnikov. Pritobol'e (Zapadnaya Sibir') [Topographic specificity of medieval monuments localization. Tobolye (Western Siberia)]. *MNSK–2017: arkheologiya* [MNSK-2017. Archeology]. Proc. of the 55th International Conference. Novosibirsk: Nobosibirsk State University. pp. 75–76. (In Russian).
11. Koryakova, L.N. & Sergeev, A.S. (1989) Nekotorye voprosy khozyaystvennoy deyatel'nosti plemen sargatskoly kul'tury (opyt paleoekonomicheskogo analiza selishcha Duvan II) [Some questions of the economic activity of the the Sargatskol culture tribes (a paleoeconomic analysis of the Duvan II settlement)]. In: Viktorova, V.D. & Smirnov, N.G. (eds) *Stanovlenie i razvitie proizvodyashchego khozyaystva na Urale* [Formation and development of a productive economy in the Urals]. Sverdlovsk: Nauch. Ural. nauch. tsentr. pp. 165–177.
12. Chikunova, I.Yu. (2006) *Khozyaystvo i byt naseleniya sargatskoy kul'tury Pritobol'ya (k rekonstruktsii khozyaystvenno-kul'turnogo tipa)* [The economy and life of the population of the Sargat culture in Tobol region (on the reconstruction of the economic and cultural type)]. Abstract of history Cand. Diss. Tyumen.
13. Berlina, S.V., Kostomarov, V.M., Kostomarova, Yu.V., Novikov, I.K., Tkachev, A.A. & Tsembalyuk, S.I. (2016) Isetskoe-3 poselenie v lesostepnom Zaural'e [Isetskoe-3 settlement in the forest-steppe Trans-Urals]. *AB ORIGINE*. 8. pp. 49–66.
14. Berlina, S.V., Kostomarov, V.M., Rafikova, T.N., Tkachev, A.A. & Novikov, I.K. (2017) The medieval settlement of Isetskoie 2 in the Iset river basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(38). pp. 29–40. (In Russian).
15. Masanov, N.E. (1981) *Problemmy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII – XIX vekov* [Problems of the socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the 18th – 19th centuries]. Alma-Ata: [s.n.].
16. Darzha, V.K. (2003) *Loshad' v traditsionnoy praktike tuvintsev-kochevnikov* [The horse in the traditional practice of the Tuvinian nomads]. Kyzyl: SB RAS.
17. Evdokimov, V.V. (1984) *Narodonaselenie stepnogo Pritobol'ya v epokhu bronzy* [Population of the steppe Pre-Tobol region in the Bronze Age]. Abstract of History Cand. Diss. Kiev.
18. Kurylev, V.P. (1978) Semeyno-rodstvennye gruppy u kazakhov kontsa XIX – nachala XX v. [Family-related groups among Kazakhs of the late 19th – early 20th centuries]. In: Snesarev, G.P. (ed.) *Sem'ya i semeynye obryady u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Family and family rituals among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka. pp. 132–143.
19. Akhmetova, Sh.K. (1995) Pishcha kazakhov Zapadnoy Sibiri: traditsii i novatsii [Food of the Kazakhs of Western Siberia: traditions and innovations]. In: Akhmetova, Sh.K. et al. *Material'naya kul'tura narodov Rossii* [Material Culture of the Peoples of Russia]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka. pp. 122–123.
20. Tolybekov, S.E. (1971) *Kochevoe khozyaystvo kazakhov v XVII–XX vv.* [The nomadic economy of the Kazakhs in the 17th – 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka.
21. Grechko, O.N. (2008) K voprosu o khozyaystvennom potentsiale skotovodstva srednevekovogo naseleniya Tarskogo Priirtysh'ya (po materialam arkheologii i etnografii) [On the economic potential of cattle breeding of the medieval population of the Tara Irtysh region (based on materials of archeology and ethnography)]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 6(74). pp. 44–49.
22. Barmintsev, Yu.N. (1972) *Konnozavodstvo i konnyy sport* [Horse breeding and equestrian sports]. Moscow: Kolos.
23. Borisenko, E.Ya. (1967) *Razvedenie sel'skokhozyaystvennykh zhivotnykh* [Breeding farm animals]. 4th ed. Moscow: Kolos.
24. Fielstrup, F.A. (2002) *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kyrgyz in the early 20th century]. Moscow: Nauka.
25. Parakhin, N.V., Kobozev, I.V. & Gorbachev, I.V. (2006) *Kormoproizvodstvo* [Feed production]. Moscow: Kolos.
26. Matveeva, N.P., Rafikova, T.N. & Berlina, S.V. (2007) K voprosu o khronologicheskoy pozitsii bakal'skoy kul'tury (po materialam isetskikh gorodishch) [On the chronological position of the Bakal culture (based on the materials of the Iset settlements)]. *AB ORIGINE*. 1. pp. 76–99.
27. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e* [Omsk Irtysh region in the early and developed Middle Ages]. Omsk: Nauka.
28. Khazanov, A.M. (2002) *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outer world]. 3rd ed. Almaty: Dak-Prays.
29. Pletneva, S.A. (1982) *Kochevniki Srednevekov'ya: (poiski istoricheskikh zakonomernostey)* [Nomads of the Middle Ages: (a search for historical patterns)]. Moscow: Nauka.
30. Arslanova, F.Kh. (2013) *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya* [Essays on medieval archeology of the Upper Irtysh region]. Astana: O.H. Margulan Institute of Archeology in Astana.
31. Gening, V.F. & Ovchinnikova, B.B. (1969) Pakhomovskiy mogil'nik [The Pakhomovsky burial ground]. *Voprosy arkheologii Urala*. 8. pp. 128–137.
32. Botalov, S.G. (2016) Istoriko-kul'turnye gorizonty v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya lesostepnogo Zaural'ya [Historical and cultural horizons in the era of the early Iron Age and the Middle Ages of the forest-steppe Trans-Urals]. In: Botalov, S.G. et al. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe Early Iron Age and Middle Ages (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk: Rifey. pp. 468–541.
33. Rafikova, T.N., Berlina, S.V., Kaydalov, A.I. & Sechko, E.A. (2013) Fortifications of the early and developed Middle Ages in the forest-steppe and sub-taiga Trans Urals. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(23). pp. 42–51. (In Russian).
34. Matveeva, N.P. (2017) Fortifikatsiya gorodishcha Staro-Lybaevskoe-1 v lesostepnom Zaural'e [Fortification of Staro-Lybaevskoe-1 settlement in the forest-steppe Trans-Urals]. *Vestnik permskogo universiteta*. 1(36). pp. 53–62.

УДК 902 (571.16)
DOI: 10.17223/19988613/67/20

Ю.В. Менщикова, М.П. Чёрная, И.Н. Коробейников, А.А. Идимешев

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ СТЕКЛА ИЗ РАСКОПОК ТОМСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ РАБОТ 2017 г.)

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Анализируется коллекция археологического стекла, полученная в 2017 г. в ходе охранно-спасательных работ на территории бывшего верхнего острога на Воскресенской горе г. Томска. Выявлены основные типы обнаруженных стеклянных изделий XVII–XX вв. (сосуды, украшения, оконное стекло), их технико-морфологические особенности, дана историко-культурная характеристика коллекции, определено значение стеклянной продукции в жизни сибирского города и развитии его связей с европейскими странами.
Ключевые слова: Томск; Воскресенская гора; верхний острог; XVII–XX вв.; археологическое стекло; технико-морфологические особенности; европейский импорт.

В последние 10–15 лет проведение охранно-спасательных работ в Томске стало едва ли не ежегодным, что связано с повышением интенсивности застройки в исторических районах города. Именно такой характер носили исследования полевого сезона 2017 г. на участке предполагаемого строительства, расположенного на территории бывшего верхнего острога на Воскресенской горе.

Географически Воскресенская гора представляет собой фрагмент третьей надпойменной террасы р. Томи высотой 20–25 м с относительно ровной, местами слегка волнистой поверхностью. Гора разделена ручьями или оврагами на несколько мысов. Исторически Воскресенская гора связана с основанием Томска и его средневековым прошлым. На ней располагались первый, постройки 1604 г., Томской город и сменивший его в 1648 г. Томский кремль, а также верхний острог – посадская часть поселения, где обитало большинство жителей. Как археологический памятник Воскресенская гора (от современной ул. Обруб до ул. Октябрьской) включена в реестр объектов культурного наследия под названием «Томский острог» [1]. Название не вполне отражает историческое содержание памятника, поскольку на горе и поблизости от нее находился не только собственно острог XVII–XVIII вв., но и общественно-политический центр города середины XVII – конца XVIII в. (Томский кремль на южном мысе), Воскресенский могильник XVI – начала XVII в., Воскресенское городище (на восточном мысе), территория которого полностью застроена.

История археологических исследований на Воскресенской горе насчитывает более 50 лет. Первые раскопки на южном мысе Воскресенской горы, проведенные В.И. Матющенко в 1968 г., выявили остатки деревянных построек воеводской усадьбы XVII в. и захоронений аборигенного населения [2; 3. № 1194. С. 118; 4. С. 87].

Основной объем работ осуществлен в 1980–2000-е гг. М.П. Чёрной, когда раскапывался Томский кремль на южном мысе Воскресенской горы. В ходе этих исследований был создан основной фонд археологических источников, сделаны реконструкции главных объектов кремля, воссоздающих его облик, – оборонительной системы и воеводской усадьбы, доказана несостоятельность традиционной точки зрения о месте основания Томска на южном мысе [4, 5]. В 2002–2004 гг. была выполнена шурфовка по всей улице Бакунина, на южном склоне горы и на северо-западном мысе, которая показала наличие культурного слоя XVII–XVIII вв. и перспективность дальнейших поисков первоначального расположения Томска в районе Воскресенской церкви [6, 7]. В 2007–2008 гг. во дворе католической гимназии (ул. Бакунина, 6) раскапывалась усадьба XVIII в., предположительно воеводская, вынесенная в 1760-е гг. за пределы кремля [5. С. 23].

Полученные за несколько десятилетий результаты о динамике застройки, изменении городского пространства, среды обитания томичей во всем разнообразии ее социокультурных характеристик заложили базу дальнейших изысканий на территории Томского острога.

Проведение археологических исследований осложняют два фактора: изменение исторического ландшафта Воскресенской горы из-за антропогенного воздействия и наличие разных землепользователей. Вследствие этого полевые работы на территории средневекового Томского острога в 2000-е гг. носят по большей части охранно-спасательный характер и, как правило, существенно ограничены площадью конкретного земельного участка.

Охранно-спасательные раскопки 2017 г. площадью 500 кв. м проведены сотрудниками НИ ТГУ под научным руководством М.П. Чёрной в пределах границ земельного участка по адресу ул. Бакунина, 12 (бывшая

Ефремовская улица) (рис. 1). Участок неоднократно подвергался застройке, что привело к серьезному изменению его естественного рельефа и нарушениям сложившейся системы напластований. Хронологический диапазон культурного слоя, мощность которого доходила до 3,5 м, широкий – с XVII по XX в. Выявлены остатки разновременных объектов, не составлявших единого комплекса.

Рис. 1. Ситуационный план с обозначением раскопа 2017 г.

Вещевая коллекция состоит из 5 тыс. предметов и включает в себя фрагменты керамической посуды, изделия из металла, кости, дерева, кожи, стекла. Значительная часть собранных в 2017 г. артефактов – русская и аборигенная керамика, кожаная обувь, подковки, костяные наконечники стрел, пули, монеты и др. – имеет аналоги в вещевых коллекциях раскопок предыдущих лет.

Стеклянных изделий в общей массе находок сравнительно немного (252 экз. – около 5%), небольшая их часть сохранилась полностью, подавляющее число – осколки. Однако информационный потенциал этой категории предметов весьма значителен. Научный интерес представляет выявление историко-культурного содержания стеклянных изделий, что делает их предметом настоящего исследования.

Находки из стекла, представленные фрагментами посуды, украшениями, пуговицами, встречаются при раскопках практически всех русских памятников Сибири. В Томске стекло найдено при археологическом исследовании кремля и острога, а также в других районах города в ходе охранно-спасательных работ, например в Заозерье [8. С. 77, 78]. Исследователи в большинстве случаев ограничиваются перечнем находок, кратким описанием, иногда констатацией того, что это привозные изделия – европейский импорт.

Коллекция археологического стекла из томской воеводской усадьбы подвергнута более детальному анализу как категория предметов престижного потребления и маркер высокого статуса, что рассмотрено через призму технологических особенностей изделий и их несомненного европейского происхождения [5. С. 206–210; 9. С. 678–680]. Стеклу филигранного типа из раскопок Мангазеи также дана технологическая характеристика [10. С. 51–54]. Есть публикации о истории стекольного дела в Томской губернии в XIX и XX вв. [11, 12]. Однако обобщающих работ по археологическому стеклу Сибири пока нет. Это объясняется рядом причин: процесс накопления источников продолжается, анализ стекла требует специальных знаний и технологий, а главное, осознание важности археологического стекла как исторического источника только начинается.

Характер залегания стекла в раскопе 2017 г. обусловлен особенностями культурного слоя. Система напластований на разных участках заметно отличается. Это связано с неоднократными перестройками и перекопами, смещением грунта, что затрудняет датировку слоев и содержащихся в них остатков, тем более определение четких временных границ между ними. По технико-морфологическим особенностям находки стекла хронологически можно разделить на несколько групп: XVIII – рубеж XVIII/XIX вв. (около 140 фр.); XIX в. (около 70 фр.); XX в. (около 30 фр.). Часть стекла находилась в переотложенном состоянии.

Описание археологического стекла сделано по методике Ю.Л. Щаповой [13] на основе основных морфологических и технологических признаков: категория вещи, сохранность, конструктивные элементы, форма и размеры, техника изготовления, наличие декора и техника его исполнения.

Типы стеклянных находок выделены согласно функциональному назначению предметов: сосуды, украшения и оконное стекло.

Тип 1 – сосуды. Зафиксированы штофы (рис. 2, *а, б*), бутыли винные (рис. 2, *в*), аптечные и парфюмерные емкости, бокалы.

Сосуды в XVII–XIX вв. изготавливались выдуванием. Этим способом можно было производить почти все виды стеклянных изделий. Концом железной выдувальной трубки рабочий набирал из печи необходимое количество стекла, называемого баночкой, или пулькой. Держа трубку концом вниз и вращая ее (чтобы стекло не упало с трубки), мастер вдувал в трубку воздух, отчего в массе стекла образовывалась полость. Для придания изделиям более законченного вида выдувание производили в формах [14. С. 285–286].

Рис. 2. Донца штофов (*а, б*); винная бутыль (*в*); осколки с клеймами (*г, д*)

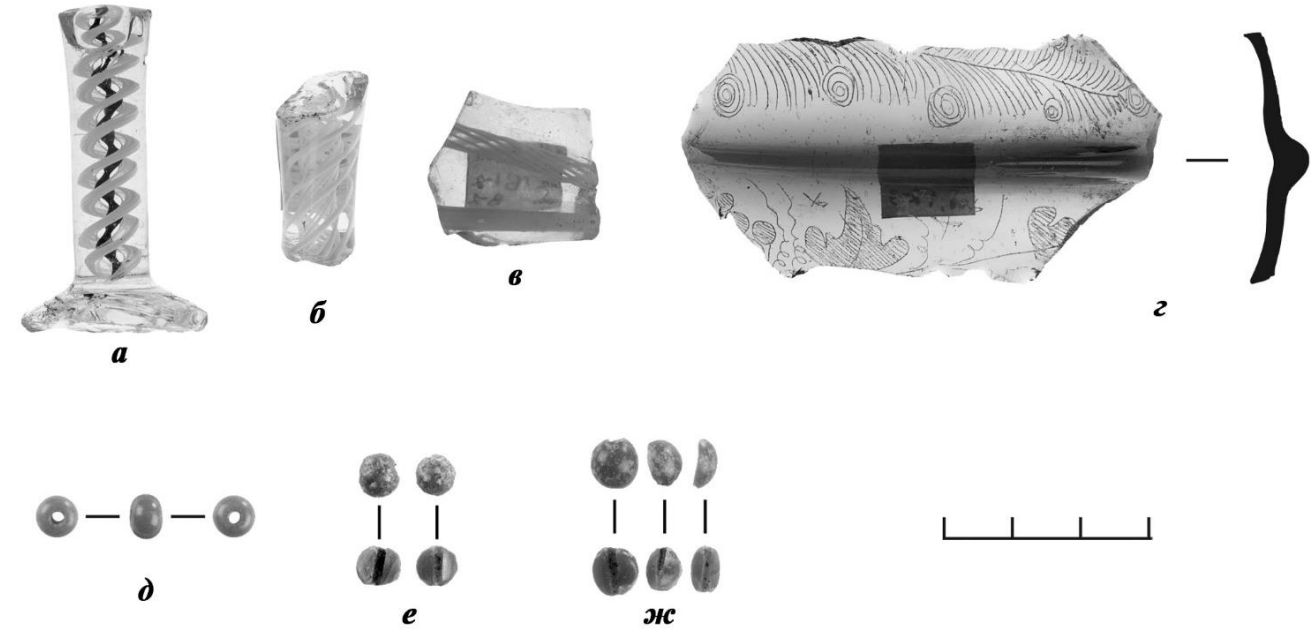

Рис. 3. Фрагменты изделий с филигранью (*а–в*); фрагмент сосуда с гравировкой (*г*); бусины (*д–ж)*

Емкости XX в. являются предметами промышленного производства. К этой категории относятся аптечные и парфюмерные флаконы, сосуды для спиртных напитков и уксуса, чернильницы.

Интересной находкой являются осколки бутылей из полупрозрачного стекла зеленоватого оттенка с клеймами. Оба клейма по контуру декорированы маленькими точками, и по кругу идет надпись «HAUT-SAUTERNE», в центре одного клейма буквы «DD» (рис. 2, *г*), другого – изображение виноградной лозы (рис. 2, *д*). Форма горлышка бутылок, по-видимому, коническая. Аналогии обнаружены в материалах раскопок Москвы [15. С. 289–290. Рис. 4] и Казани [16. С. 378–379]. В сосуды с такими клеймами разливали сладкое белое вино Сотерн (Sauternes), произведенное в регионе Бордо (Франция). Приставка «Haut», в переводе с французского – «высокий», в приложении к названию винодельческого хозяйства служила индикатором качества вина [17. С. 249]. Разнообразие изображений на клеймах позволяет предположить, что они идентифицировали конкретное производство. Предварительно такие клейма можно датировать первой половиной XIX в.

В Российской империи сотерн ценился и был широко распространен. Например, князь П.А. Вяземский в письме А.И. Тургеневу просит: «…выбрать мнѣ двѣ

хорошія бочки (бутылокъ по 300) столоваго вина, краснаго и бѣлаго, напримѣръ St.-Julien, Barsac или Sauterne. Кажется, что рублей по 450 или 500 можно имѣть вино хорошее; разумѣется, не тонкое и не праздничное, но чистое и будничное» [18. С. 194. Письмо № 385, 2-го августа 1821 г.].

Тип 2 – украшения. Украшения в коллекции стекла представлены одной целой бусиной и двумя фрагментированными (рис. 3, *д–ж*). Предметы относятся к XVII–XVIII в. Цвет стекла – бирюзовый. Оттенки бирюзового и синего цветов получали путем окрашивания оксидом меди [19. С. 41]. Изделия не имеют декора. Они изготовлены из тянутой трубочки. Об этом свидетельствует круглая форма пузырей, расположенных вдоль отверстия, без спирального распределения.

Аналогичные бусины бирюзового цвета обнаружены в Томском кремле, Тобольске, Мангазее, Березовском городище, на сельских поселениях Среднего Прииртышья в слоях конца XVI–XVIII в. [5. С. 207–208; 20. Т. 1. С. 166; 21. С. 170, 172–173; 22. С. 178]. Подробный анализ морфологии и технологии бус, сделанный на мангазейских материалах, показал, что бусы производились в Нидерландах на основе венецианских полуфабрикатов [23. С. 307–310]. В XVII в. такие бусины активно производили в Голландии.

Тип 3 – оконное стекло. Оконное стекло относится к поздним слоям памятника – XIX–XX вв.

Стекло производилось на небольших предприятиях, расположенных поблизости от лесных ресурсов, необходимых для топки печей и получения золы, содержащей необходимые части шихты – поташ и известь. Песок брался рядом с конкретным заводом, поэтому качество сырья могло быть различным [24. С. 266–267]. Производство имело экстенсивный характер, и по мере выработки леса завод могли переместить в другое место.

Часть стеклянных изделий XIX–XX вв. (в том числе оконные стекла), обнаруженных в ходе полевых работ 2017 г., могла быть произведена уже на заводах Томской губернии. В первой половине XIX в. на ее территории были основаны завод купца Е.И. Королёва [25. С. 106–107], стеклоделательный завод купца Лянунова [26. С. 116–117], а в начале XX в. ряд других производств [12]. Кроме того, есть архивные сведения 1908 – начала 1910-х гг. о расположении в доме 12 на Ефремовской улице зеркальной мастерской В.Г. Кутьянова [27. Л. 2], а также о том, что «на складе стекла П.Ф. Дроздова на Магистратской улице» можно купить «специально заготовленное стекло для оранжерейных рам по умеренным ценам» [28]. Возможно, это стекло – также продукт местного производства.

Потребителями местного стекла выступали в первую очередь горожане. Изделия были «низшего сорта» и не отличались эстетичностью. Хотя первый стекольный завод на территории Сибири появился в первой четверти XVIII в., на нем вырабатывали изделия низкого качества, не способные конкурировать по красоте и прочности с импортной продукцией.

В коллекции археологического стекла из раскопок 2017 г. кроме трех основных типов изделий присутствуют находки, атрибуция которых затруднительна в силу высокой степени фрагментарности и повреждений. Основная масса фрагментов повреждена сквозной коррозией и поверхностной иризацией, лишь немногие осколки отлично сохранились. Большинство предметов XVIII – первой половины XIX в. имеет пороки стекла в виде пузырьков и инородных включений. Стекло XX в., когда производство стеклянных изделий пробрело промышленный характер и вышло на высокий уровень, как правило, не обладает явно выраженными пороками.

В коллекции присутствуют находки, украшенные в техниках филиграни и гравировки алмазом. Такие осколки принадлежат сосудам XVII–XVIII вв. Предметы с филигранью представлены осколками полупрозрачного и прозрачного стекла с включением трубочек и палочек белого и синего цветов. Среди таких предметов – фрагменты ножек бокалов, осколок стенки сосуда, а также фрагмент вазы (?) (рис. 3, *а–в*).

Особенность техники филиграни состоит в том, что художественный элемент помещался в саму массу стекла, а не на ее поверхность. Белые или цветные нити, составляли симметричный узор. Стволики толщиной 0,3–0,6 см устанавливали по периметру цилиндрической формы, после чего в середину формы вводилась баночка (пулька). Далее заготовку раздували до стенок формы, при этом стволики вдавливались в поверхность сосуда. Затем следовало извлечение заготовки из формы и ее раскатывание, чтобы стволики вошли глубже. Также было необходимо вторичное погружение в жидкое стекло, разогревание и раскатывание. На последней стадии мастер выдуванием придавал изделию любые формы и обрабатывал его поверхность [10. С. 53; 24. С. 117].

Особенно популярны были сосуды из прозрачного или бесцветного стекла, украшенные внутренним узором из нитей молочного цвета. Части именно таких предметов присутствуют в коллекции 2017 г. Фрагменты ножек бокалов с филигранью могут датироваться второй половиной XVIII в. Предметы имеют отличную сохранность, стекло прозрачное без значительных газовых включений, что указывает на высокий уровень производства стекла и очистки его исходного сырья. Подобные находки более раннего времени редко обладают аналогичными свойствами.

Описание бокала с филигранным узором присутствует в мемуарах С.Т. Аксакова «Семейная хроника». Повествуя о приезде Алексея Степановича Багрова в 1788 г. в родительский дом, автор упоминает парадный бокал, употреблявшийся в семье в торжественных случаях: «…бокал с белыми узорами и синеватой струйкой, которая извивалась внутри стеклянной ножки» [29. С. 115].

Сосуды с аналогичными филигранными элементами из коллекции ГИМ в Москве Н.А. Ашарина относит к продукции Милятинского стекольного завода графа М.Ф. Орлова в Калужской губернии (ранее завод Немчинова), существовавшего в начале XIX в. [30. Гл. 6. № 43]. Возможно, на отечественных заводах для изготовления парадных сосудов использовали полуфабрикаты европейского производства (в том числе ножки с филигранью), поскольку в российском стек-

лопроизводстве техника филиграни не была распространена. В самой Европе предметы с филигранью широко бытовали как минимум с середины XVIII в., в частности в Англии около 1750 г. [31. P. 240. № F10048].

К XIX в. венецианское стекло выходит из моды. Формы изделий становятся вычурными, а декор перегружен деталями, утрачиваются простота, легкость и изящество. На смену приходят богемские изделия – тяжелые толстостенные сосуды из бесцветного стекла, украшенные глубокой резьбой. Таким образом, фрагменты ножек с филигранью из коллекции 2017 г. могут быть датированы скорее второй половиной XVIII в., нежели XIX в.

Осколок сосуда с филигранным декором европейского происхождения имеет аналогии с материалами, обнаруженными ранее в Томске, Мангазее, Кузнецке и Москве в слоях XVII–XVIII вв. [5. С. 206. Рис 195, *3*; 21. С. 251. Рис. 135, *11, 13; 31*; 33].

При раскопках в 2017 г. найден фрагмент сосуда с растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки алмазной иглой (рис. 3, *г*). Орнамент разделен лепным бордюром. В верхней части изображена густая ветвь с плодами, в нижней – листья и плоды. Цвет – оливковый, средний темный. Вероятно, изделие изготовлено способом выдувания в керамическую форму. Пузыри эллиптической формы расположены хаотично. Внешняя поверхность блестящая, следы иризации и коррозии отсутствуют. Изделие европейского производства.

В Венеции, Нидерландах, Франции, Англии изображения цветов и птиц на стекле, выполненные гравировкой, были очень популярны в XVI и XVII вв. Технологию алмазной гравировки по стеклу заимствовали из металлообработки. Способ требовал твердой руки, так как ошибки невозможно было исправить. Использование алмазного острия не требовало длительного обучения. Основное требование, предъявляемое граверу по стеклу – умение хорошо рисовать [32; 33; 34. С. 412].

Стакан с аналогичной техникой декора импортного происхождения обнаружен в г. Сергиев Посад Московской области в некрополе церкви Сошествия святого Духа Троице-Сергиевой лавры. Он изготовлен во второй половине – конце XVII в., вероятно, на юго-восточной территории Речи Посполитой (западные районы современной Украины), где изготавливали гравированное стекло, подражавшее чешским и немецким образцам [34. С. 420].

Стеклянные предметы XVII–XVIII вв., которыми Европа снабжала Россию, могли быть произведены в Голландии, Германии, Венеции Богемии, Речи Посполитой. Товары поставлялись преимущественно северным морским путем через Архангельск.

В Сибири стеклянные предметы распространялись в XVII–XVIII вв. и через систему ярмарок [19. С. 44]. Ближайшая к Томску располагалась в Тобольске. В XVII в. этот город был одним из крупных торговых центров страны, он находился в узле торговых дорог, соединявших Сибирь с европейской частью России, Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией и Китаем. Среди «русских» товаров, ввозимых в Тобольск с 1639 по 1695 г., товары отечественного производства занимали основное место, второе – европейский импорт, третье – восточный. Из Тобольска товары разными путями распространялись далее на восток. Торгово-промышленное движение от Тобольска до Томска было дольно оживленным, и этот участок уже в первой половине XVII в. был наиболее освоенным [35. С. 8, 81,84; 36. С. 65, 119, 120].

Поступавшие в Сибирь товары направлялись не только на удовлетворение хозяйственных и бытовых потребностей местного населения, но и для торговли с иностранными государствами. Так в XVII в. в связи с развитием русско-монгольско-китайской торговли увеличился ввоз «русских» товаров в Томск для их дальнейшей транспортировки [35. С. 136].

Вместе с тем изделия из стекла могли попадать за Урал не только путем торговли. Известно, что в XVII в. Московское государство часто выдавало жалование иностранными товарами, в том числе стеклянными изделиями. Ежегодно большое количество таких вещей высылалось в Сибирь [37].

Стеклянные изделия на русских археологических памятниках Сибири не являются массовым материалом. Стекло XVII–XVIII вв. исключительно европейского производства и в значительной части относится к престижному потреблению. Остатки винных бутылей, парфюмерных флаконов свидетельствуют об употреблении русскими сибиряками дорогих импортных напитков и снадобий, не распространенных в повседневном рационе. Опустошенная тара выполняла эстетическую функцию, украшая быт [5. С. 210].

Емкости, декорированные в европейских техниках, к которым принадлежат осколки сосудов с филигранью и гравировкой алмазом из коллекции раскопок 2017 г., также относятся к парадной посуде и не использовались в ежедневном обиходе.

Наличие на русских сибирских памятниках изделий европейского производства, в том числе стеклянных, документируют присутствие устойчивого западного компонента в культурной и социально-экономической жизни сибирского города XVII–XIX вв., в частности Томска. Предметы «русского» импорта, включающие западную продукцию, отражают этнокультурные контакты, которые охватывали не только торгово-меновые отношения, но весь спектр повседневной жизни сибирского сообщества [38. С. 48–50]. Хотя выявление европейской составляющей в ископаемом и историческом контексте колонизации – новая тема для русской археологии Сибири, ее источниковая база с каждым годом пополняется. Находки фрагментов европейского стекла в раскопках 2017 г. служат тому дополнительным подтверждением.

Анализ коллекции стекла из охранно-спасательных раскопок 2017 г., пополнившей археологическую базу данных по истории Томска XVII–XIX вв., подтверждает значимость этой категории предметов не только для изучения повседневной жизни конкретного города, но и для развития культурных связей Сибири с Западом как важной части общего процесса европеизации страны, выразительным маркером которого являются импортные стеклянные изделия.

Углубленное изучение археологического стекла как особой категории вещей должно стать темой специального исследования в русской археологии Сибири, что позволит в дальнейшем полнее раскрыть разные аспекты его бытования и значения в жизни русского населения Азиатской России.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность кандидату исторических наук, советнику по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве Ю.А. Лихтер за помощь в интерпретации находок и технологий их изготовления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении границ объекта археологического наследия «Томский острог» : приказ Департамента по культуре Томской области от 16.08.2011 № 232/01-07.
2. Матющенко В.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Томским государственным университетом летом 1968 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 341.
3. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 207 с.
4. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
5. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 275 с.
6. Отчет по государственному контракту № 308/11 от 17.06.2002 г. на выполнение научных изысканий для проведения реставрационных работ на памятнике федерального значения «Томский острог» г. Томск, Воскресенская гора. Томск, 2002 // Архив ОГАУК «Центр по охране памятников». Б/н.
7. Березовская Н.В. Отчет об археологических исследованиях по ул. Обруб в 2003 г. // Архив ОГАУК «Центр по охране памятников». Б/н.
8. Чёрная М.П., Торощина Н.В., Чернова И.В., Торощин А.Г. Опыт изучения историко-археологического контекста городского быта в современной застройке Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 76–79.
9. Чёрная М.П. Власть и престиж воеводы в историко-археологическом контексте усадьбы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 678–680.
10. Лихтер Ю.А. Стекло facon de Venice из раскопок в Москве и других городах (Вязьма, Мангазея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 51–55.
11. Пилецкая Л.В. Становление стекольного дела в Томском крае в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 13–17.
12. Пилецкая Л.В. История стеклоделия в Томском крае в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 68–72.
13. Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1989. 120 с.
14. Руководство по товароведению. М. : Изд. Моск. практической Акад. коммерческих наук, 1910. 786 с.
15. Лихтер Ю.А. Стеклянные сосуды из раскопок 2015 года в Черниговском переулке (Москва) // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М., 2017. Т. 13. С. 284–298.
16. Кайсин А.О. Бутылочное стекло Нового времени с раскопов Казанского кремля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно- педагогического университета. Пермь, 2012. № 8. С. 375–380.
17. Григорьева А.А. Вина Бордо. М. : Би-Би-Пи-Джи, 2010. 312 с.
18. Переписка князя П.А. Вяземскаго съ А.И. Тургеневымъ // Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, 1812–1845. СПб., 1899. Ч. II: 1820–1823. 371 с. URL: https://imwerden.de/publ-1686.html (дата обращения: 28.07.2019).
19. Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Стеклянные бусы из слоев сельских поселений Среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №. 2. С. 37–45.
20. Балюнов И.В. Материальная культура города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 279 с.
21. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования : (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
22. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 166–178.
23. Лихтер Ю.А. Стеклянные бусы из Мангазеи (раскопки 2011–2012 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2017. С. 310–311.
24. Качалов Н.Н. Стекло. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 465 с.
25. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск, 1899. 780 с.
26. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 577 с.
27. Дело о рассмотрение проекта на установку нефтяного двигателя в зеркальной мастерской В.Г. Кутьянова по ул. Ефремовской, 12 в г. Томске (20.03.1914–21.04.1914). 9 л. // Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1953.
28. Голос Томска. 1908. 2 марта.
29. Аксаков С.Т. Семейная хроника. М. : Правда, 1987. 542 с.
30. Ашарина Н.А. Русское стекло XVII – начала XX в. М. : Галарт, 1998. 255 с.
31. Ruempel A.P.E., van Dongen A.G.A. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800. Amsterdam : de Bataafsche Leew, 1991. 304 p.
32. Историческое прошлое упаковки // Музей-заповедник Кузнецкая крепость : интернет-сайт. Новокузнецк, 2013. URL: http://kuzn-krepost.ru/index.php/fondy-kollektsii/2015-04-06-02-34-49/istoricheskoe-proshloe-upakovki.html (дата обращения: 28.07.2019).
33. Лихтер Ю.А. Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара М., 2015. Т. 11. С. 501–525.
34. Столярова Е.К., Энговатова А.В. Стеклянные слезницы из некрополя церкви Сошествия святого Духа Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М., 2016. Т. 12. С. 410–422.
35. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М. : Наука, 1967. 324 с.
36. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVII–XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
37. Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России. М., 1928. С. 5–118. (Труды ГИМ. Вып. 4: Отдел исторический общий).
38. Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 42. С. 46–52.

Yuliya V. Menshchikova, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: menshchikova.yu@mail.ru
Mariya P. Chernaya, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

Asap A. Idimeshev, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: asap.i@mail.ru
Iliya N. Korobeinikov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: russianViking@yandex.ru

A COLLECTION OF GLASS FROM THE TOMSKIY OSTROG ARCHAEOLOGICAL MONUMENT BASED ON FIELD-WORK MATERIALS OF 2017

Keywords: Tomsk; Voskresenskaya Gora; upper fortified settlement; 17th–20th centuries; archaeological glass; technical and morphological features; European imports.

Researches of the field season of 2017 were of a security and rescue nature and were carried out on the site of the proposed construction located in the historical district of Tomsk on the territory of the former upper settlement on the Voskresenskaya Gora (Resurrection Mountain). As an archaeological site, Voskresenskaya Gora is included in the register of cultural heritage sites under the name Tomskiy Ostrog (the Tomsk's fortified settlement). Archaeological research in this part of the city has been going on for more than 50 years. Professional excavations were begun in 1968 by V.I. Matyushchenko. The main volume of excavations was carried out in the 1980–2000s by M.P. Chernaya on the southern cape of the Voskresenskaya Gora, where in 1648 the Tomsk Kremlin was built, and along the streets of Bakunin and Oktyabrsky Vzvoz, where the town's upper fortified settlement was located. In the course of these studies, a main fund of archaeological sources was created; reconstructions of the defensive system of the Kremlin and the voivode estate were made, the inconsistency of the traditional point of view about the place of Tomsk foundation on the southern cape was proved. The results obtained over several decades laid the foundation for further research in the territory of Tomskiy Ostrog.

Protective and rescue excavations in 2017, with an area of 500 square meters, were carried out within the boundaries of the land plot at 12 Bakunin street (former Efremovskaya street). In the cultural layer of the 17th–20th centuries, with a thickness of up to 3.5 m were the remains of objects of different times that were not a single complex were revealed.

The entire collection (5 thousand pieces) includes a variety of objects, including glass. A relatively small collection of glass products has a significant information potential. This made the given category of finds the subject of this study, the purpose of which is to identify the historical and cultural content of glass products.

Glass on the basis of technical and morphological features is divided into three chronological groups: of the 18 - turn of the 18/19 centuries; of the 19 century; of the 20 century. According to the functional purpose of glass products are divided into several types: vessels, jewelry, and window glass.

Vessels of the 19-20 centuries are represented by fragments of bottles, wine, pharmacy and perfume containers, vials for vinegar and ink. The 18th – 19th centuries ware of European and Russian production was made by blowing, including in the mold. Fragments of wine bottles of the first half of the 19 century with brands were found. Sweet white Sauternes wine of high (Haut) quality produced in France was poured into those bottles.

Jewelry is represented by turquoise beads made of a stretched tube. European-made beads, possibly Dutch, are dated back to the 17th – 18th centuries.

Window glass of the 19th–20th centuries is presumably of local production.

Fragments of products made using the filigree technique were found, as well as a fragment of a vessel with floral ornaments made using the technique of engraving with a diamond needle.

European-made vessels - with filigree, engraving, wine bottles, perfume vials with expensive imported drinks and drugs, and to a large extent belonged to prestigious consumption items. The presence of imported glass products on Russian Siberian monuments reflects the development of cultural ties between Siberia and Europe.

Glass products as a special category of objects with a rich historical and cultural content in the future should become the subject of a special study in Russian archeology of Siberia.

REFERENCES

1. The Department of Culture of Tomsk Region. (2011) Order No. 232 / 01-07 of the Department of Culture of Tomsk Region "On the approval of the boundaries of the archaeological heritage site "Tomskiy Ostrog" of August 16, 2011.
2. Matyushchenko, V.I. (n.d.) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Tomskim gosudarstvennym universitetom letom 1968 g.* [Report on archaeological research conducted by Tomsk State University in the summer of 1968]. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University.
3. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological map of Tomsk region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [Tomsk Kremlin of the mid-17th – 18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760 gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Voivode Manor in Tomsk. 1660 to 1760: Historical and Archeological Reconstruction]. Tomsk: D-Print.
6. The Center for the Protection of Monuments. (2002) *Otchet po gosudarstvennomu kontraktu № 308/11 ot 17.06.2002 g. na vypolnenie nauchnykh izyskaniy dlya provedeniya restavratsionnykh rabot na pamyatnike federal'nogo znacheniya "Tomskiy ostrog" g. Tomsk, Voskresenskaya gora. Tomsk, 2002* [Report on State Contract No. 308/11 of June 17, 2002, for the implementation of scientific research for restoration work on the monument of federal significance "Tomskiy Ostrog", Tomsk, Voskresenskaya Gora. Tomsk, 2002]. The Archive of The Center for the Protection of Monuments.
7. Berezovskaya, N.V. (2003) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po ul. Obrub v 2003 g.* [Report on archaeological research along Obrub St. in 2003]. The Archive of The Center for the Protection of Monuments.
8. Chernaya, M.P., Toroshchina, N.V., Chernova, I.V. & Toroshchin, A.G. (2016) Experimental study of the historical and archaeological context of urban lifestyle in the modern urban development of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 76–79. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/16
9. Chernaya, M.P. (2014) Vlast' i prestizh voevody v istoriko-arkheologicheskom kontekste usad'by [The power and prestige of the voivode in the historical and archaeological context of the estate]. In: Sitdikov. A.G. (ed.) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo. pp. 678–680.
10. Likhter, Yu.A. (2016) Façon de Venice Glass from Excavation in Moscow and Other Cities (Mangazeya, Vyazma). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 51–55. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/10
11. Piletzskaya, L.V. (2010) Glass business formation in Tomsk Region in the middle of the 19-th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 13–17. (In Russian).
12. Piletzskaya, L.V. (2014) History of glass-making in Tomsk region in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Tomsk State University Journal. 384. pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/384/12

13. Schapova, Yu.L. (1989) *Drevnee steklo. Morfologiya, tekhnologiya, khimicheskiy sostav* [Ancient glass. Morphology, technology, chemical composition]. Moscow: Moscow State University.
14. Petrov, P.P. (1910) *Rukovodstvo po Tovarovedeniyu. Izdanie Moskovskoy prakticheskoy Akademii Kommercheskikh nauk* [Guide to Commodity. Edition of the Moscow Practical Academy of Commercial Sciences]. Moscow: I.D. Sytin.
15. Likhter, Yu.A. (2017) *Steklyannye sosudy iz raskopok 2015 goda v Chernigovskom pereulke (Moskva)* [Glass vessels from the excavations of 2015 in Chernihiv Lane (Moscow)]. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Vol. 13. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 284–298.
16. Kaysin, A.O. (2012) Butylochnoe steklo Novogo vremeni s raskopov Kazanskogo kremlya [Bottle glass of the New Age from the excavations of the Kazan Kremlin]. *Trudy KAEE PGPU*. 8. pp. 375–380.
17. Grigoryeva, A.A. (2010) *Vina Bordo* [The wines of Bordeaux]. Moscow: Bi-Bi-Pi-Dzhi.
18. Vyazemsky, P.A. & Turgenev, A.I. (1899) Perepiska knyazya P.A. Vyazemskago s A.I. Turgenevym [Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev]. In: Saitov, V.I. (ed.) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh 1812–1845* [The Ostafyevo Archives of the Princes Vyazemsky, 1812–1845]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. [Online] Available from: https://imwerden.de/publ-1686.html (Accessed: 28th July 2019).
19. Dovgalyuk, N.P. & Tataurova, L.V. (2010) Glass Beads from Russian Villages in the Middle Irtysh Area with Reference to the Trade Links of Russian Settlers in 17th–18th Century Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 38(2). pp. 37–45. (In Russian).
20. Balyunov, I.V. (2014) *Material'naya kul'tura goroda Tobol'ska kontsa XVI–XVII vekov po dannym arkheologicheskikh issledovaniy* [Material culture of the city of Tobolsk in the late 16th – 17th centuries according to archaeological research]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
21. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological research (the materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
22. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) Arkheologicheskie issledovaniya Berezovskogo gorodishcha [Archaeological research of the Berezovsky settlement]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Apelsin. pp. 166–178.
23. Likhter, Yu.A. (2017) Steklyannye busy iz Mangazei (raskopki 2011–2012 gg.) [Glass beads from Mangazeya (excavations of 2011–2012)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 310–311.
24. Kachalov, N.N. (1959) *Steklo* [Glass]. Moscow: USSR AS.
25. Tomsk Province. (1899) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1899 god* [The list of the inhabited places of Tomsk province for 1899]. Tomsk: [s.n.].
26. Tomsk Province. (1911) *Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 god* [The list of the inhabited places of the Tomsk province for 1911]. Tomsk: [s.n.].
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). (1914) *Delo o rassmotrenie proekta na ustanovku neftyanogo dvigatelya v zerkal'noy masterskoy V.G. Kut'yanova po ul. Efremovskoy, 12 v g. Tomske* [The case on the consideration of the project for the installation of an oil engine in the mirror workshop of V.G. Kutyanov on 12 Efremovskaya St., Tomsk (March 20, 1914 – April 21, 1914)]. Fund 3. List 41. File 1953.
28. *Golos Tomska.* (1908) 2nd March.
29. Aksakov, S.T. (1987) *Semeynaya khronika* [The Family Chronicle]. Moscow: Pravda.
30. Asharina, N.A. (1998) *Russkoe steklo XVII – nachala XX v.* [Russian glass of the 17th – l early 20th century]. Moscow: Galart.
31. Ruempel, A.P.E. & van Dongen, A.G.A. (1991) *Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800*. Amsterdam: de Bataafsche Leew.
32. Anon. (2013) *Istoricheskoe proshloe upakovki* [The historical past of packaging]. [Online] Available from: http://kuzn-krepost.ru/index.php/fondy-kollektsii/2015-04-06-02-34-49/istoricheskoe-proshloe-upakovki.html (Accessed: 28th July 2019).
33. Likhter, Yu.A. (2015) *Novye nakhodki steklyannykh izdeliy v Moskve (Zamoskvorech'e)* [New finds of glass products in Moscow (Zamoskvorechye)]. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Vol. 11. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 501–525.
34. Stolyarova, E.K. & Engovatova, A.V. (2016) Steklyannye sleznitsy iz nekropolya tserkvi Soshestviya svyatogo Dukha Troitse-Sergievoy lavry [Glass lachrymal vases from the necropolis of the Church of the Descent of the Holy Spirit of the Trinity-Sergius Lavra]. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Vol. 12. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 410–422.
35. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i torgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade of Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
36. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVII – XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the 17th – 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
37. Baklanova, N.A. (1928) Privoznye tovary v Moskovskom gosudarstve vo vtoroy polovine XVII veka [Imported goods in the Moscow state in the second half of the 17th century]. In: Baklanova, N.A. et al. *Ocherki po istorii torgovli i promyshlennosti v Rossii* [Essays on the history of trade and industry in Russia]. Moscow: State Historical Museum. pp. 5–118.
38. Chernaya, M.P. (2016) The European Component in the Ethnic and Cultural Dialog of Siberian Society: The Archaeological and Historical Context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 42. pp. 46–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/9

УДК 94(47) "19-20"
DOI: 10.17223/19988613/67/21

Н.И. Скоробогач

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА»

Определив границы понятий «объединения», «организации», «движения», «землячества» и «диаспоры», автор обосновывает введение в научный оборот термина «общественные объединения этнического характера» как универсального термина для обозначения всех общественных объединений, созданных для защиты интересов определенных этносов и культур. Данную ситуацию автор связывает в первую очередь с отсутствием в современной науке единого подхода в определении понятия «этнос».
Ключевые слова: национальное объединение; этническая организация; национальное движение; землячество; диаспора; национально-культурная автономия; общественные объединения этнического характера.

Общественные объединения на сегодняшний день играют довольно значимую роль в политической жизни международного сообщества – Грин Пис, Всемирный еврейский конгресс (ВЕК), ЛГБТ-движение и т.д. Среди них довольно часто встречаются объединения этнического характера, защищающие интересы какого-либо этноса, как, например ВЕК, НКАИ (Национальный конгресс американских индейцев). Они не имеют статуса политической партии, но в то же время обладают большим весом в политической системе США и лоббируют свои интересы через представителей своего народа в американском парламенте. Другой пример – Ассоциация айнов Хоккайдо, организация, которая на протяжении второй половины XX в. боролась за соблюдение прав айнов внутри Японии и при поддержке международных правозащитных групп, в том числе ООН, смогла вынести данную проблему на международный уровень и защитить интересы своего этноса.

Современные ученые не обходят стороной данные процессы: они изучают деятельность такого рода объединений. В вокабуляре современных ученых, журналистов, чиновников встречаются следующие термины: «национальная / этническая организация», «национальное / этническое объединение», «национальное / этническое движение», «национально-культурная автономия», «диаспоры», «землячества», и др. При этом в одном тексте мы можем встретить ситуацию, когда автор, определяя один и тот же объект, использует и термин «этническое объединение», и термин «национальная организация». В данном исследовании мы попробуем охарактеризовать все вышеперечисленные понятия, определить границы их использования, а также вывести корректное определение, объединяющее все термины.

Логичнее всего начать с определения понятий «этнос», «нация» и «национальность». Говоря об этносе, стоит подчеркнуть, что в современной науке не существует единого определения этноса. Среди основных подходов к трактовке понятий этноса и нации обычно выделяются следующие направления.

Примордиалистский подход (К. Гирц [1], С. Гринберг [2], Б. Малиновский [3] и др.), трактующий «этнос» как эволюционно сложившуюся социальную общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, расовый тип, религия, психический склад, культура и т.д. К этой традиции можно отнести и работы Л.Н. Гумилёва, определявшего этнос как устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени [4].

Конструктивистский подход (Б. Андерсон [5], Э. Хобсбаум [6], В.А. Тишков [7] и др.) объясняет национальную и этническую идентичность как сконструированную реальность, а не как объективность.

Достаточно близок к конструктивизму инструменталистский подход (С. Олзак [8], Дж. Нейгел [9], Ф. Барт [10]), исходящий из того, что этничность определяется ситуационно.

Теория этноса (Ю.В. Бромлей [11], В.И. Козлов [12], С.А. Арутюнов [13], М.О. Мнацаканян [14] и др.) в объяснении этничности имеет сходство с примордиализмом, однако с учетом того, что каждой социально-экономической формации свойствен свой, особый тип этнической общности, которая подвергается модификации. Дуалистическая теория, следуя примордиалистской парадигме, выделяет стабильное ядро этноса, сохраняющееся на всем протяжении истории, ему было дано наименование «этникос». К этникосу Бромлей относил совокупность культурных элементов – язык, материальную культуру, нормы поведения, психический склад и самосознание, выраженное в самоназвании (этнониме). Этнос в более широком смысле понимался уже как «этносоциальный организм (ЭСО)», существующий в пределах государства. В то же время этническая общность шире этникоса, так как включает основные социальные группы, присущие обществу на определенном этапе его развития.

Определяя общее из данных подходов, мы обнаружили, что большинство специалистов «этнос» сопоставляют с «нацией», причем этнос является исторически-природным феноменом, а нация – средством достижения групповых интересов, результатом дея-

тельности интеллектуальных элит этноса. Таким образом, можно утверждать, что этнос является о сновной единицей классификации, характеризующей этнические общности различного порядка, такие как род, племя, народность, нация (рис. 1).

В научной и политической литературе понятие «нация» употребляется в нескольких значениях. В западной науке преобладает взгляд, что нация – это совокупность граждан государства, а следовательно, – это народ, достигший высокого уровня культуры и высокой степени политической организации, составляющий общность с единым языком и культурой и объединенный на основе системы государственных организаций. Таким образом, в понимании западных ученых, нация – это согражданство, т.е. территориально-политическая общность. В таком случае нация совпадает с государством. Именно такие государства-нации образуют мировое сообщество государств, в том числе Организацию Объединенных Наций. Не менее распространенным является понимание нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, для которой характерна общность экономической жизни, языка, территории и определенных черт психологии (национальный характер, самосознание, интересы и т.д.), проявляющихся в особенностях ее культуры и быта.

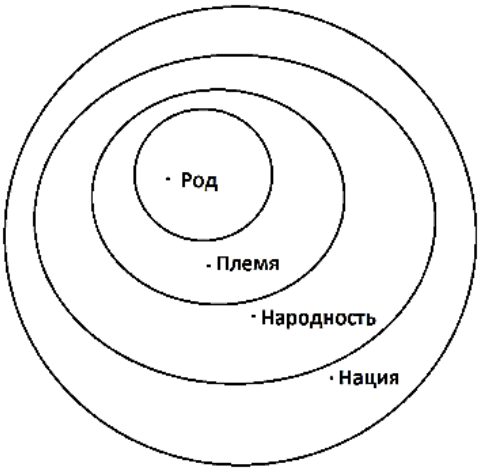

Рис. 1. Соотношение понятий «род», «племя», «народность», «нация»

Термин «национальность» является производным от «нации» и употребляется в двух значениях. В большинстве современных европейских языков соответствующий термин (например, англ. nationality) в официальных документах обозначает гражданство или подданство. При этом русскому слову «национальность» больше соответствует термин ethnicity. В этих целях нередко применяется выражение «этническая национальность». В отечественной историографии термин «национальность» используется как собирательный в тех случаях, когда им заменяется перечень различных форм социально-этнических общностей (наций, народностей, этнических групп и т.д.).

Описав границы интересующих нас этнических общностей – этноса, нации, национальности, – следует перейти к описанию форм обозначенных союзов, таких как объединение, организация, движение, землячество и диаспора. Под общественным объединением понимается совокупность равноправных граждан, добровольно объединившихся на основе общности интересов для совместной реализации своих прав [15]. В своей деятельности общественные объединения выполняют ряд функций: объединение граждан, представительство и защита интересов граждан; мобилизация действий; посредничество; формирование общественного мнения и др.

Большое количество общественных объединений, естественно, предусматривает существование их различных типологий. В самом общем виде общественные движения и организации можно разделить на два типа: политические и неполитические. Грань между ними условна и подвижна.

Существуют и другие критерии типологизации:

а) в зависимости от отношения к социальным изменениям: реформаторские, консервативные и т.д.

б) по способам и методам действий: насильственные, ненасильственные;

в) по демографическому признаку: молодежные, женские, детские, ветеранские и т.д.;

г) по социальной принадлежности: крестьянские, рабочие, и т.д.;

д) по профессиональному признаку: движения железнодорожников, учителей, бизнесменов и т.д.;

е) по целям и задачам: религиозные, этнические, культурные, спортивные и т.д.

Несмотря на то, что общественные объединения не ставят, как политические партии, целей завоевания власти, тем не менее деятельность многих из них на современном этапе носит политическую окраску. Так, одни организации оказывают прямое влияние на политические решения (например, лоббистские), другие политизированы в большей или меньшей степени. Сегодня наибольшую популярность имеют такие объединения, как профсоюзное, пацифистское, экологическое, антиглобалистское, феминистское, анархистское и др.

Существует два типа общественных объединений: общественная организация и общественное движение. Общественная организация является стабильным социальным образованием с управленческим аппаратом, имеющим устав, внутреннюю иерархию и постоянное

членство с уплатой определенного взноса. Согласно характеру деятельности, организации можно разделить на общественные и хозяйственные. Хозяйственные организации создаются для удовлетворения материальных и социальных потребностей человека и общества и получения предпринимательской прибыли. Общественные организации – добровольные объединения граждан, создаваемые для удовлетворения их нематериальных потребностей.

Существует также два типа организаций по отношению к власти: правительственные и неправительственные. В первом случае организации создаются органами государственной власти для решения определенных задач. Организации правительственного типа имеют официальный статус и соответствующие права и привилегии. Неправительственные организации – это инициатива физических или юридических лиц для решения частных задач. Никакими особыми правами или привилегиями неправительственные организации не обладают. В зависимости от государственной принадлежности различают национальные (отечественные) организации и организации, созданные с участием иностранных физических и юридических лиц (например, предприятия с иностранными инвестициями).

В отличие от общественной организации общественное движение не представляет собой такой четко организованной структуры, имеет довольно пестрый состав участников с различными политическими взглядами, в нем отсутствует фиксированное членство и т.д. В качестве основных отличий общественных движений от политических партий можно выделить отсутствие стремления к завоеванию политической власти, хотя не всегда, и широкую социальную базу.

Термины «землячество» и «диаспора», по сравнению с другими вышеперечисленными объединениями, определяемыми Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ [16], конкретного определения не имеют. В общем виде под диаспорой понимают часть этноса, проживающую вне страны своего происхождения, которая образует сплоченные и устойчивые этнические группы (объединения) в стране проживания и имеет социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности. Землячество – объединение уроженцев одного субъекта, проживающих на территории другого [17]. Говоря о нормативно-правовом статусе землячеств, большинство экспертов указывают, что данные объединения необходимо охарактеризовать, как национально-культурные общественные организации (НКО) и национально-культурные автономии (НКА).

Наиболее активное развитие национально-культурных объединений, в особенности национально-культурных автономий, отмечается с начала 2000 г. Национально-культурная автономия в основном трактуется как обычная общественная организация, деятельность которой распространяется на представителей данной этнической группы, а не на конкретную территорию. Финансирование происходит в основном через региональные бюджеты субъекта РФ или посредством участия в грантах на проведение отдельных мероприятий (национальных праздников, фестивалей, конкурсов) [18].

Рассмотрим данную схему на примере общественных объединений этнического характера Республики Хакасия. На сегодняшний день, по данным Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия [19], на территории субъекта действует 27 зарегистрированных национальных общественных объединений этнической направленности и 15 объединений без образования юридического лица. В количественном отношении упоминаются 8 хакасских, 10 шорских, 6 немецких, 2 польских, 2 кыргызских, 2 азербайджанских, по одной – таджикская, таджико-узбекская, еврейская, корейская, славянская, армянская, чувашская, украинская, дагестанская, алтайская, тувинская и татарская организации.

Первое общественное объединение этнического характера в Хакасии было создано в 1988 г. Это была Ассоциация хакасского народа «Тун» («Возрождение»). Ее создателями стали представители хакасского этноса, бывшие студенты вузов Ленинграда. Ассоциация хакасского народа «Тун», по замыслу организаторов, была создана в целях сохранения, возрождения и развития титульного этноса, для утверждения его суверенных прав в сфере политики, экономики и культуры [20. С. 220]. Активисты этого объединения брали на себя право и обязанность оказывать всестороннюю поддержку в выполнении программ, касающихся хакасского народа, представлять интересы хакасского этноса на всех уровнях управления и во всех сферах общественной жизни [21. С. 27]. Члены этого движения активно включились в национальное строительство. По инициативе АХН «Тун» были воссозданы обряд поклонения предкам, праздник национальной государственности «Ада Хоорай», проведены первые Съезды хакасского народа.

Съезды хакасского народа стали регулярными с 1990 г. Съезд хакасского народа (Чыылыг) с Народным советом (Чон Чобі) во главе объявил себя высшим органом общественного самоуправления хакасского народа. Со временем именно Съезд стал ведущей политической силой среди национальных объединений республики. Основной костяк правления съезда – инициативную группу – составили представители творческой и научной интеллигенции республики. Таким образом, именно хакасская творческая и научная интеллигенция стала генератором основных задач, идей и перспектив этнонационального строительства.

С момента создания Съезд был призван рассматривать и вырабатывать предложения, заявления, резолюции, декларации от имени коренного этноса – хакасов. Данная общественная организация должна была стать ведущей силой общественного самоуправления хакасского народа. На заседания Съезда выносились злободневные вопросы развития современной Хакасии, обсуждались проблемы исторического развития титульного этноса, его современное состояние, пути выхода из кризиса, восстановление традиций и обычаев хакасов. Согласно изначальным планам организаторов Съезда, именно исполнительный орган Чон Чобі, который позднее был преобразован в Республиканский совет старейшин, должен был стать основной политической, культурной силой, решающей проблемы воз-

рождения народа, единственным актором, способным восстановить ценности традиционного общества и определить стратегию его развития [22].

Помимо Съезда на территории Республики Хакасия в 1990-е гг. была образована национальная общественная организация «Лига хакасских женщин “Алтынай”», а также группа национально-культурных центров: общества российских немцев «Видергебурт» (1991), украинцев «Ватра» (1992), поляков «Полония» (1993), «Центр азербайджанской культуры» (1998), «Грузия» (1999), Центр таджикской и узбекской культуры «Согдиана» (1999), армянский национально-культурный центр «Наири» (1999), еврейский национальный культурный центр «Ха-Тиква» (1999), «Кыргызстан» (2002), «Ассоциация корейской диаспоры» (2002) и др. [23. С. 156].

Таким образом, проанализировав понятия, мы можем более корректно сформулировать объединяющий термин. Для более наглядного понимания обратимся к рис. 2.

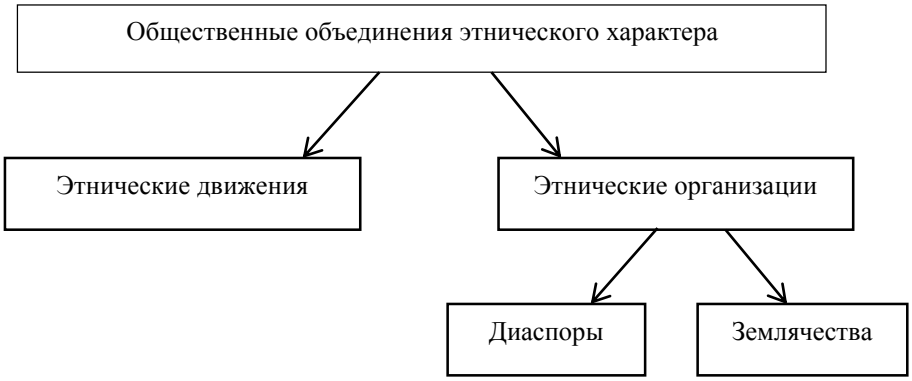

Рис. 2. Определение понятия «общественные объединения этнического характера»

Мы приходим к выводу, что именно «этнос» выступает основной единицей классификации, а понятия «нация» и «народ» являются более обобщающими и в некоторых случаях используются в контексте определения принадлежности к государству, а не к этносу, как говорилось о «национальных организациях» выше. При этом самым корректным термином для обозначения объединения граждан по этническому признаку для продвижения своих национально-культурных интересов будет термин «общественные объединения этнического характера». Стоит отметить, что данный термин уже используется некоторыми государственными структурами, например, Федеральным агентством по делам национальностей [24], но на данный момент в широкую аудиторию, в том числе научную, не введен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 560 с.
2. Stanley B. Greenberg Race and state in capitalist development: comparative perspectives. New Haven : Yale University Press, 1980. 489 p.
3. Малиновский Б. Избранное: динамика культуры / пер.: И.Ж. Кожановская, В.Н. Порус, Д.В. Трубочкин. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М. : Айрис-пресс, 2016. 560 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер.: В.Г. Николаев. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
6. Hobsbawm E.J. Nations and nationalism since 1780. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 218 p.
7. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. 240 с.
8. Olzak S. The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict. Palo Alto : Stanford University Press, 1992. 288 p.
9. Nagel J. Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture // Social Problems. 1994. № 41 (1). P. 152–176.
10. Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference // ed. by F. Barth. Oslo : Universitetsforlaget, 1969. 153 p.
11. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. Москва : Наука, 1987. 333 с.
12. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М. : Старый сад, 1999. 343 с.
13. Арутюнов С.А. Народы и культуры. М. : Наука, 1989. 247 с.
14. Мнацаканян М.О. Нации в современном глобальном мире : модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М. : Анкил, 2011. 324 с.
15. Чулюкова С.А. Общественные организации (объединения) и их роль в становлении гражданского общества // Научная электронная библиотека / Рос. акад. естествознания. 2012. URL: https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=164 (дата обращения: 30.04.2018).
16. Об общественных объединениях : федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (последняя ред.) // Гарант. 2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 11.02.2020).
17. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М. : ИЭА РАН, 2018. 315 с.
18. Ильина А.А. Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности и этапы формирования // Культурологические исследования в Сибири. 2012. № 4. С. 14–21.
19. Отчет министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2017 год // Правительство Республики Хакасия : официальный сайт. Абакан, 2018. URL: https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/54998.html (дата обращения: 15.04.2018).
20. Скоробогач Н.И. Предпосылки процесса «национального возрождения» в Республике Хакасия (на примере деятельности организации «Тун») // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Томск, 2017. Вып. 13, т. 1. С. 219–223.
21. Бутанаев В.Я. Современные этнополитические процессы в Хакасии // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии) : материалы Всерос. конф. Омск, 1992. С. 25–30.

22. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории (ГКУ РХ «Национальный архив» ОДНИ). Ф. 884. Оп. 1–46.
23. Тугужекова В.Н. Актуальные проблемы истории Хакасии (1917 – начало 2000-х гг.) : учеб. пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, учителей. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2010. 179 с.
24. Федеральное агентство по делам национальностей : официальный сайт. М., 2020. URL : http://fadn.gov.ru/ (дата обращения: 11.02.2020).

Nikita I. Skorobogach, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorobogach_nikita@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE TERM OF «ETHNIC PUBLIC ASSOCIATIONS»

Keywords: national association; ethnic organization; national movement; hometown association; expatriate community; national and cultural autonomy; ethnic public associations

Nowadays, public associations exercise significant influence on the world. Most popular of them, such as Green-peace, LGBT, WJC (World Jewish Congress) could even be serious players in political mainstream. Some of associations were established as organizations that should protect interests of certain cultures, ethnic groups or nations, e.g. WJC or NCAI (National Congress of American Indians). Despite the fact that such organizations are not political parties, they remain key stakeholders in global sociopolitical processes. Contemporary national and foreign science has no equal term that could define and unify such terms as national association (in the meaning of the community uniting representatives of certain ethnic group), ethnic organization, national movement, hometown association, expatriate community (diaspora), national cultural autonomy.

The first part of this research is focused on the definition of terms “nation”, “nationality”, “ethnos”. Studying different scientific attitudes such as primordialism, constructivism, instrumentalism approaches and theory of ethnos the author draws the conclusion that “ethnos” is the main classification unit. On the other hand, the terms “nation” and “nationality” are more abstract and general. These terms are often used to identify the affiliation with the state, not with a certain ethnic group.

The second part of the article is devoted to differentiation of such terms as: association, organization and movement. The author concludes that “association” is the most inclusive term which is based on the Federal Law of the Russian Federation “About public associations” and opinions of modern experts in law, ethnology, history and sociology. At the same time “movement” and “organization” are types of association, while hometown association, expatriate community, national cultural autonomy are types of organizations.

The author examines this scheme in the final part of the paper on the case of ethnic public associations of the Republic of Khakassia introducing the example of the Congress of Khakas People (the CKP). This organization has contributed much to shaping of political and social structure of the Republic. The author also focuses on the activities of other ethnic public associations like Khakass national movement "Tun", the League of Khakass Women “Altynay” and the group of national cultural centers: the Russian-German society “Widergeburt”, Ukrainians society “Vatra”, Poles center “Polonia”, “Center of Azerbaijani Culture”, “Georgia”, Center of Tajik and Uzbek Culture “Sogdiana”, Armenian National Cultural Center “Nairi”, Jewish National Cultural Center “Ha-Tikva”, “Kyrgyzstan” center, “Association of the Korean Diaspora”.

The author emphasizes in the conclusion that the most correct term to identify the association responsible for promoting interests of different ethnic groups is “ethnic public association”.

REFERENCES

1. Geertz, K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
2. Stanley, B. (1980) *Greenberg Race and state in capitalist development: comparative perspectives*. New Haven: Yale University Press.
3. Malinovsky, B. (2004) *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Selected works: dynamics of culture]. Translated from Polish by I.Zh. Kozhanovskaya, V.N. Porus, D.V. Trubochkin. Moscow: ROSSPEN.
4. Gumilev, L.N. (2016) *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the earth]. Moscow: Ayris-press.
5. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V.G. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
6. Hobsbawm, E.J. (2012) *Nations and nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Tishkov, V.A. (2001) *Etnologiya i politika. Nauchnaya publitsistika*. Moscow: Nauka.
8. Olzak, S. (1992) *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Palo Alto: Stanford University Press.
9. Nagel, J. (1994) Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture. *Social Problems*. 41(1). pp. 152–176. DOI: 10.2307/3096847
10. Barth, F.(ed.) (1969) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget.
11. Bromley, Yu.V. (1987) *Etnosotsial'nye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Ethnosocial processes: theory, history, modernity]. Moscow: Nauka.
12. Kozlov, V.I. (1999) *Etnos. Natsiya. Natsionalizm. Sushchnost' i problematika* [Ethnos. Nation. Nationalism. Essence and problems]. Moscow: Staryy sad.
13. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury* [Peoples and cultures]. Moscow: Nauka.
14. Mnatsakanyan, M.O. (2011) *Natsii v sovremennom global'nom mire: modernistskie, konstruktivistskie i postmodernistskie teorii* [Nations in the modern global world: modernist, constructivist and postmodern theories]. Moscow: Ankil.
15. Chulyukova, S.A. (2012) *Obshchestvennye organizatsii (ob"edineniya) i ikh rol' v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva* [Public organizations (associations) and their role in the formation of civil society]. [Online] Available from: https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=164 (Accessed: 30th April 2018).
16. The Russian Federation. (2001) *Ob obshchestvennykh ob"edineniyakh: federal'nyy zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ (poslednyaya red.)* [On public associations: Federal Law No. 82-FZ of May 19, 1995 (last edition)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (Accessed: 11th February 2020).
17. Tishkov, V.A. (ed.) (2018) *Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnosheniy, 19 dekabrya 2017 g., Moskva* [Proceedings of the session of the RAS Scientific Council on complex problems of ethnicity and interethnic relations, December 19, 2017, Moscow]. Moscow: RAS.
18. Ilina, A.A. (2012) National cultural associations as an innovative potential of the region in modern Russia: a sociological analysis. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 4. pp. 14–21. (In Russian).
19. The Government of the Republic of Khakassia. (2018) *Otchet ministerstva natsional'noy i territorial'noy politiki Respubliki Khakasiya za 2017 god* [Report of the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia for 2017]. [Online] Available from: https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/ 251/54998.html (Accessed: 15th April 2018).
20. Skorobogach, N.I. (2017) Predposylki protsessa “natsional'nogo vozrozhdeniya” v Respublike Khakasiya (na primere deyatel'nosti organizatsii “Tun”) [Preconditions for the “national revival” in the Republic of Khakassia (the activities of the organization “Tun”)]. *Voprosy istorii, arkheologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya*. 13(1). pp. 219–223.

21. Butanaev, V.Ya. (1992) Sovremennye etnopoliticheskie protsessy v Khakasii [Modern ethnopolitical processes in Khakassia]. In: Seleznev, A.G. (ed.) *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym etnografii)* [Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (according to ethnography)]. Omsk: Omsk State University. pp. 25–30.
22. The National Archives of the Republic of Khakassia. The Department of Contemporary History Documents. Fund 884. List 1–46.
23. Tuguzhekova, V.N. (2010) *Aktual'nye problemy istorii Khakasii (1917 – nachalo 2000-kh gg.)* [Topical problems of the history of Khakassia (1917–early 2000s)]. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
24. The Federal Agency for Ethnic Affairs. Official Website. [Online] Available from: http://fadn.gov.ru/ (Accessed: 11th February 2020).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 93/904+069.01
DOI: 10.17223/19988613/67/22

Е.В. Минина

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Статья посвящена проблемам использования музейных коллекций в историко-технических исследованиях. Рассматривается история формирования музейных коллекций научно-технического содержания, выявляется круг исследователей, в том числе зарубежных, использующих музейные коллекции в трудах по истории науки и техники, анализируются их работы. Предлагается авторский подход к раскрытию информационного потенциала вещественных источников по истории науки и техники, который может стать основой для более широко использования музейных коллекций как источника по истории науки и техники.
Ключевые слова: музейные коллекции; история науки и техники; вещественный источник; информационный потенциал вещественного источника.

Музеи, наряду с архивами и библиотеками, являются важнейшими хранилищами памятников истории материальной и духовной культуры, в том числе и тех, которые отражают историю накопления научно-технических знаний и освоения различных технологий. Организация и проведение промышленных выставок, а затем и создание в ведущих странах Европы, в том числе и в России, специальных научно-технических музеев – это ответная реакция общества на промышленную революцию и инновационный скачок конца XIX – начала XX в., связанный с освоением электричества, появлением двигателя внутреннего сгорания, развитием коммуникационных технологий и другими важнейшими техническими достижениями. В дальнейшем из-за постоянного расширения области применения результатов научно-технической деятельности, проникновения их из сферы производства в повседневную жизнь людей коллекции, демонстрирующие различные аспекты развития науки и техники, стали формироваться практически в каждом музее (историческом, краеведческом, мемориальном, естественнонаучном, медицинском и др.). С одной стороны, это дает историкам практически неограниченное поле для исследований, с другой – требует внимания к проблеме интерпретации музейных коллекций как источников по истории науки и техники.

Разработка проблем источниковедения истории науки и техники тесно связана со становлением и развитием этой научной дисциплины, а также с развитием общего исторического источниковедения. Для современного источниковедения характерен широкий интегрированный подход к источникам различных видов и типов. Такой подход важен и для истории науки и техники, где в силу сложившейся традиции дисциплинарного развития используются преимущественно письменные источники, тогда как реальные объекты техники в качестве вещественных источников исследуются значительно реже. По нашему мнению, это связано с тем, что информация в них представлена в неявном виде и требует применения специальных методов обработки для перевода с «языка вещей» на язык функционирования науки – текст. В связи с этим первоначально считалось, что вещественные источники могут использоваться преимущественно для изучения «дописьменных» периодов развития общества и их изучение, что является задачей археологии.

Регулярные археологические исследования в нашей стране начались во второй половине XIX в. В результате к началу XX в. был накоплен обширный материал, в том числе связанный с различными ремеслами, т.е. относящийся к истории научно-технических знаний. Археологические коллекции были представлены в столичных и в большей части региональных музеев, но их изучение часто ограничивалось описанием предметов; в качестве исторических источников, в том числе и по истории техники, археологические материалы привлекались редко. Исключение составляют работы И.Е. Забелина и В.И. Сизова, в которых авторы проанализировали технику и технологию изготовления предметов из металла [1, 2]. Во второй половине 1920-х гг. начались систематические раскопки городищ и сельских поселений, в результате которых были найдены орудия труда ремесленников, образцы сырья, полуфабрикатов, готовые изделия. Это дало толчок к формированию в археологии исследовательского направления, связанного с изучением производственной деятельности человека, в том числе ее технической и технологической составляющих. Достаточно подробный обзор исследований по данному направлению в период второй половины XIX – середины XX в. сделан Б.А. Рыбаковым в монографии «Ремесло Древней Руси» (1948) [3. С. 7–23]. В этом фундаментальном труде, опираясь на коллекции, хранящиеся в Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, Русском музее, а также в краеведческих музеях Рязани, Коломны, Курска, Владимира, Смоленска,

Новгорода, Истры, Орла, Брянска, Киева, Чернигова, Минска, Гомеля и др., Б.А. Рыбаков проследил этапы развития ремесел, связанных с получением и обработкой металлов, гончарного дела, обработки дерева, кожи, меха и ткачества у славян Восточной Европы. Изучение археологических источников, среди которых были особо выделены предметы со следами обработки, позволило Б.А. Рыбакову провести анализ техники и технологии различных производств по каждому хронологическому периоду. В дальнейшем изучение металлургии и металлообработки Древней и Средневековой Руси и других регионов, в том числе и в историко-техническом отношении, оформилось в археологии как самостоятельное направление, которое активно развивается и в настоящее время. Значительный вклад в его развитие внесли Б.А. Колчин, Н.Н. Терехова, Т.А. Вознесенская, В.И. Завьялов и др.

Еще одним заметным направлением в отечественной археологии, в котором большое внимание уделялось вопросам техники и технологии, стало изучение истории производства стекла, основателем которого стал академик М.А. Безбородов [4]. Исследованиями в этой области занимались Ю.Л. Щапова, Д.А. Наумова, Е.К. Столярова, Е.М. Алексеева, Н.П. Сорокина и др.

В рамках обозначенных направлений как в нашей стране, так и за рубежом были разработаны и постоянно совершенствовались соответствующие методики работы с музейными археологическими коллекциями, активно использовались естественнонаучные методы исследования, внедрялись методы исторической реконструкции технологий, что позволило достичь значительных успехов в изучении древней и средневековой техники и технологии. Однако этот опыт не распространился на исследование музейных коллекций, относящихся к более позднему времени, которые и являются основным объектом рассмотрения в данной статье.

Естественнонаучные коллекции, научные приборы и инструменты, а также предметы техники были представлены в собрании первого в России общедоступного музея – Петербургской Кунсткамеры. Различные «технологические пособия» (коллекции минералов и руд, флоры и фауны, научные приборы и инструменты, макеты, модели, подлинные образцы техники) собирались и в учебных заведениях, где впоследствии были организованы музеи, такие как музей Петербургского горного института (1773), музей Института инженеров путей сообщения (1813), музей Московского императорского технического училища (1832), музей Константиновского межевого института (1835), музеи Московского и Санкт-Петербургского университетов и др. Формирование коллекций научно-технического содержания происходило также в музеях, создаваемых на предприятиях: Златоустовская оружейная фабрика (1825), Колывано-Воскресенские заводы (1827), Нижнетагильский завод Демидовых (1840), Императорский фарфоровый завод (1844), Тульский оружейный завод (1873) и др.

В последней четверти XIX в. стал активно обсуждаться вопрос о создании национального технического музея. В 1872 г. в Москве по инициативе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ) была проведена Политехническая выставка, экспонаты которой стали основой собрания Музея Прикладных Знаний (Политехнический музей), а также Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Александра Александровича (Государственный исторический музей) и Почтово-телеграфного музея (Центральный музей связи им. А.С. Попова).

Музейные коллекции по науке и технике формировались и в провинции. Так, комплекс музеев Томского университета включал Минералогический музей и кабинет, Зоологический музей, Ботанический музей и сад, Археологический музей [5]. В местных музеях собирались не только археологические находки, коллекции минералов, флоры и фауны, но и предметы, отражающие развитие производства, его техническое оснащение. Особенно активно этот процесс протекал в Сибири, где организация местных музеев была вызвана необходимостью всестороннего изучения природных ресурсов региона [6].

В результате уже в начале XX в. в различных музеях хранилось значительное количество предметов техники, научных приборов XVIII–XIX вв. Эти коллекции использовались в качестве учебных пособий, для целей технического просвещения, и только в 1911 г. Н.А. Умовым в рамках работы Общества им. Х.С. Леденцова и в 1917 г. П.П. Лазаревым в Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук впервые была сформулирована задача сохранения памятников науки и техники и создания комплексных музеев истории науки и техники [7].

Музейное строительство активно продолжалось в 1920–1930-е гг. В этот период был организован ряд музеев, посвященных выдающимся российским ученым И.М. Сеченову, И.И. Мечникову, В.М. Бехтереву, хранящих не только мемориальные предметы, но и коллекции медицинских инструментов, научных приборов. Были также предприняты попытки создания специализированных музеев истории науки и техники, таких как Музей истории естествознания при Коммунистической академии (1929) и Музей истории науки и техники (1932–1938), прекративший свое существование в связи с разгромом Института истории науки и техники.

Послевоенный период ознаменовался формированием музейной сети АН СССР и академий союзных республик, широким движением по созданию ведомственных музеев. Историко-научное и историко-техническое направление стало развиваться и в вузовских музеях, таких как музей истории физики Томского университета, музей Казанской химической школы Казанского университета [8]. В постсоветский период, несмотря на экономические трудности, развитие «старых» и создание новых музеев продолжались. Так, современные корпоративные музеи не только занимаются рекламой и PR, но и хранят в своих коллекциях памятники истории науки и техники [9, 10].

Таким образом, в музеях различного профиля сегодня накоплен значительный комплекс предметов, характеризующих развитие различных направлений науки и техники. Однако если в археологии накопление ис-

точниковой базы способствовало постоянному росту количества и расширению тематики исследований, в том числе изучающих историю техники IX–XVII вв., то по отношению к истории науки и техники XVIII–XX вв. этого не произошло. И вплоть до сегодняшнего дня такие исследования достаточно редки.

По нашему мнению, первые научные работы, рассматривающие музейные предметы как исторические источники, которые и сегодня можно считать классическими, были выполнены в Институте истории науки и техники, созданном в 1932 г. по инициативе Н.И. Бухарина на базе Комиссии по истории знаний АН СССР. Объектами изучения И.А. Ростовцова и В.А. Каменского стали тогда коллекция токарных станков мастерской Петра I [11], коллекция велосипедов [12] и две модели (модель горизонтальной пушечно-сверлильной машины Олонецкого завода 1822 г. и модель доменной печи Александровского завода 1776 г.), хранившиеся в музее Института [13, 14]. Анализ этих работ показал, что исследования носили комплексный характер, основывались на тщательном сравнительном анализе данных изучения вещественных источников, письменных и изобразительных материалов. К сожалению, эти работы не получили дальнейшего развития. В результате политических репрессий 1930-х гг. Институт истории науки и техники был закрыт, а собранные музейные коллекции распределены среди других музеев.

В 1947 г. вышла книга известного историка техники, специалиста в области индустриального наследия В.В. Данилевского «Русская техника», в которой автор достаточно часто ссылался на музейные предметы, рассматривая их как «вещественные доказательства научных и технических свершений русского народа», т.е. как вещественные источники. Так, подтверждая приоритет российских мастеров-оружейников в создании клинового затвора и пушек с винтовой нарезкой ствола, В.В. Данилевский опирался на результаты изучения орудий XVII в. из собрания Артиллерийского музея в Ленинграде [15. С. 139–140]. Описывая отечественные приоритеты в электросвязи, он в качестве доказательства привел сведения о телеграфных аппаратах П.Л. Шиллинга и Б.С. Якоби, хранящихся в музеях [Там же. С. 343–348].

Фундаментальное исследование С.Л. Соболя «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в.» (1949) также во многом основано на детальном изучении собранной им коллекции микроскопов и микроскопических препаратов, которая в настоящее время хранится в Политехническом музее [16]. Изучение предметов коллекции было выполнено С.Л. Соболем с источниковедческих позиций и позволило получить новую информацию по истории микроскопических исследований в нашей стране. Так, считалось, что первые микроскопические исследования в России относятся к 1860-м гг. и связаны с именами И.И. Мечникова, К.Э. Бэра, однако С.Л. Соболь доказал, что такие исследования проводились в нашей стране уже в XVIII в.

В работах директора Музея М.В. Ломоносова В.Л. Ченакала (1914–1977) предметом изучения также стали научные приборы. Он описал наиболее значительные собрания астрономических инструментов, находящихся в музеях и обсерваториях СССР, что позволило существенно расширить информацию по истории оптических исследований и оптического приборостроения в России [17].

Среди ученых, внесших большой вклад в изучение музейных коллекций по истории науки и техники, следует назвать выдающегося специалиста, историка науки и техники, сотрудника Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ИИЕТ АН СССР) Л.Е. Майстрова (1922–1982). В результате масштабной исследовательской работы в музеях и научных организациях СССР им было подготовлено три издания, посвященных приборам и инструментам XVII–XX вв. [18–20]. Являясь, по существу, научными каталогами, книги Л.Е. Майстрова содержат подробные описания и изображения объектов, а также исторические справки по соответствующим научным направлениям. Л.Е. Майстров также выступил инициатором исследовательской программы «Памятники естествознания и техники в музеях РСФСР» (1978–1984), к реализации которой был привлечен Государственный исторический музей в лице известного музейного деятеля А.М. Разгона (1920–1989) [21]. К сожалению, цель программы – подготовка сводного каталога «Памятники истории естествознания и техники в музеях РСФСР» – не была достигнута, однако в ее рамках разработаны методические рекомендации по описанию различных видов музейных предметов (зрительных труб, паровозов, судов, солнечных и механических часов, счетных приборов, оружия и др.), а также выпущена серия сборников «Памятники науки и техники», в каждом из которых помещалась информация о различных типах памятников, в том числе и хранящихся в музеях.

В дальнейшем это направление получило развитие в Политехническом музее, который с 1992 г. совместно с ИИЕТ РАН реализует программу «Памятники науки и техники в музеях России». Были разработаны методики для идентификации музейных предметов как памятников науки и техники [22, 23], издается продолжающаяся серия научно-популярных альбомов, содержащих научно-техническую и историческую информацию о таких объектах. В этот период в Политехническом музее была также развернута масштабная работа по научному описанию музейных предметов и коллекций, проработан ряд связанных с этим методических вопросов [24]. В 2007 г. вышел первый (и до настоящего времени единственный) научный каталог, посвященный одной из коллекций Политехнического музея – вычислительным машинам для выполнения арифметических действий [25]. Как показывает изучение материалов ряда профессиональных конференций, при методической поддержке Политехнического музея как головного научно-технического музея страны планомерную работу по изучению своих собраний проводили и другие научно-технические музеи.

Вместе с тем, несмотря на значительный объем и охват различных направлений науки и техники, результаты исследовательской деятельности музеев практически не используются в историко-технических и историко-научных работах. Так, за последние двадцать

лет выявлено лишь шесть диссертационных исследований по специальности «История науки и техники», в той или иной мере использующих музейные коллекции [26–31], в то время как в других исторических дисциплинах (нумизматика, фалеристика, сфагистика и др.) музейные коллекции используются значительно чаще.

Обращаясь к зарубежному опыту в этой области, следует отметить, что в середине XX в. в истории науки и техники стало формироваться самостоятельное направление, связанное с изучением коллекций научных инструментов и приборов. Такие исследования успешно развиваются и в настоящее время, причем зарубежные коллеги уже не ограничиваются изучением конструкций, истории создания научных инструментов и приборов, а активно используют артефакты, хранящиеся в музеях, как источники в биографических исследованиях, изучении научных коммуникаций, культурологии [32–34]. По мнению директора Музея истории науки Оксфордского университета С. Аскермана, это связано в том числе и с тем, что в условиях экономического кризиса музеи не получают достаточного финансирования для проведения самостоятельных научно-исследовательских работ и более активно привлекают к изучению своих собраний ученых-историков, которые гораздо шире трактуют информационный потенциал музейных коллекций [35]. Следует отметить, что и в нашей стране изучение музейных коллекций как источников по истории науки и техники также наиболее успешно развивалось в те периоды, когда удавалось совместить усилия историков науки и техники и музейных работников (ИИНТ и его музей; ИИЕТ АН СССР, Музей М.В. Ломоносова и ГИМ; ИИЕТ РАН и Политехнический музей). Объектом исследования историков науки за рубежом являются также естественнонаучные коллекции [36]. Вместе с тем, при всем богатстве собраний зарубежных научно-технических музеев, хранящиеся там предметы техники (инструменты, оборудование, транспорт) с источниковедческих позиций практически не исследуются.

Безусловно, для историков науки и техники музейные коллекции в качестве объекта исследования являются менее доступными, чем архивные материалы. Но, по нашему мнению, одной из основных причин сложившегося отношения к музейным коллекциям является недостаточная разработка теоретических и методологических вопросов, связанных с систематизацией вещественных источников и методикой раскрытия их информационного потенциала.

Как отмечалось выше, в археологии разработке методологии и методики работы с вещественными источниками уделяется большое внимание. Изучение вещественных источников здесь базируется на функциональном подходе, основанном на определении их назначения, способов и материалов изготовления [37, 38]. В этом случае археологические материалы, в том числе и хранящиеся в музеях, рассматриваются в основном как источники для изучения производственной деятельности человека [39].

В истории науки и техники специальные источниковедческие исследования, особенно касающиеся вещественных источников, немногочисленны. Основоположником этого направления является С.В. Шухардин (1917–1980), разработавший одну из первых классификаций источников по истории техники, в том числе вещественных. Анализируя критерии выделения типов источников, можно заметить, что С.В. Шухардин предложил не классификацию, а, скорее, типологию вещественных источников, объединив их в группы на основе места в технологической цепочке, функционального назначения и типа предмета [40. С. 175]. Он также первым выделил в группе вещественных источников по истории техники музейные предметы, которые, по его мнению, могли быть представлены не только подлинными машинами, приборами, устройствами, инструментами и другими техническими средствами, но и их макетами и моделями.

Дальнейшее развитие источниковедения истории науки и техники было направлено на разработку методологии использования источников различных видов, в основном письменных [41–44]. Спустя почти 30 лет после издания «Основ истории техники» С.В. Шухардин вновь вернулся к проблеме классификации вещественных источников по истории техники [45. С. 36–38]. Выделенные им виды не имели существенных отличий от обозначенных ранее, т.е., в отличие от изучения письменных источников, значительного продвижения в разработке теоретических вопросов источниковедения вещественных источников по истории науки и техники за прошедший период не произошло. По нашему мнению, это связано с тем, что, в отличие от археологии, для истории науки и техники раскрытие информационного потенциала вещественного источника не может ограничиваться изучением его функционального назначения. Многомерность информационного потенциала таких объектов заключается в том, что они не только являются носителями информации о материальной культуре определенной эпохи, но и представляют овеществленное знание человека о законах природы.

Действительно, принцип действия любого технического средства основан на использовании природных процессов и явлений. Например, на горении различных веществ и материалов для создания источников света; сжатии и нагревании газов и жидкостей для создания двигателей, особенностях распространения света в различных средах для создания оптических приборов и др. Используемый принцип действия реализуется с помощью определенного технического решения – инженерных и конструкторских разработок, обеспечивающих необходимую для данного объекта функциональность. Техническое решение, в свою очередь, воплощается в жизнь через использование различных технологий материального производства, т.е. совокупности используемых материалов и способов их обработки. Совмещение во времени этих трех составляющих (принцип действия, техническое решение и технология изготовления) определяет возможность появления того или иного материального объекта. Таким образом, эти три параметра (принцип действия, техническое решение и технология изготовления) можно рассматривать как основные элементы изучения вещественного источника по истории науки и техники.

Рассматривая с этих позиций информационный потенциал вещественных источников, можно условно выделить в них три уровня выявления исторической информации:

1-й уровень – информация о развитии естественных наук, т.е. о познании человеком законов природы;

2-й уровень – информация о развитии инженерии и технических наук, т.е. об использовании человеком знаний о свойствах материалов, закономерностях протеканий физических и химических процессов;

3-й уровень – информация о развитии материального производства, т.е. о технологиях производственной деятельности.

Таким образом, вещественные источники, как нам представляется, нельзя разделить на источники по истории науки и источники по истории техники, как предлагали некоторые исследователи [46]. Каждый из таких источников, в зависимости от цели и задач исследователя, в комплексе с источниками других видов (письменными, изобразительными) может использоваться для извлечения информации по истории естественных и технических наук, инженерной и конструкторской деятельности, развития производства и отдельных предприятий. В этом отношении информационный потенциал музейных коллекций, представляющих собой совокупность уже отобранных из социальной среды вещественных источников вместе с сопровождающими их материалами о происхождении музейных предметов и истории их бытования, практически неисчерпаем.

Одним из направлений историко-технических исследований, для которого музейные коллекции играют важную роль, является изучение истории развития различных видов техники (источников света, автомобилей, вычислительных машин, авиационных двигателей, приборов и инструментов и др.). В этом случае изложенный выше подход к раскрытию информационного потенциала вещественных источников по истории науки и техники может быть использован как основа для комплексного изучения музейной коллекции. Для технических объектов с одним функциональным назначением переход от одного этапа развития к другому может происходить:

1) путем перехода к более рациональному принципу действия (например, от пламенных источников света к электрическим);

2) за счет переходов к более рациональным техническим решениям в рамках одного принципа действия (например, от парового двигателя к газотурбинному);

3) в рамках неизменного принципа действия и технического решения – путем улучшения отдельных параметров и эксплуатационных характеристик (скорости, точности, экономичности, веса, размера, эргономичности);

4) при неизменном принципе действия, техническом решении и основных характеристиках – за счет совершенствования технологии изготовления (например, переход от механической обработки к 3D-печати).

Взяв за основу такой подход, мы можем выделить основные типы, виды и разновидности исследуемых объектов техники, сложившиеся в ходе их эволюции, и расположить их в хронологическом порядке, т.е. разработать периодизацию [47, 48].

В заключение отметим, что в последние два десятилетия внимание историков науки и техники все больше привлекают социальные аспекты, анализ влияния на развитие науки и техники экономических и идеологических факторов, изучение науки и техники как феноменов культуры. Это требует расширения источниковой базы исследований, естественным образом направляя внимание историков науки и техники на музейные коллекции, изучение которых открывает широкие возможности для исследований в области социальной истории техники. Это связано с тем, что отбор объекта из окружающей среды и превращение его в музейный предмет основывается на оценивающем отношении человека к реальности. Поэтому формирование музейных собраний отражает не только развитие техники и технологии как таковой, но и происходящие в обществе социальные, экономические и даже политические процессы.

С другой стороны, одной из основных задач музеев является разработка научно обоснованных критериев отбора предметов в коллекции, трактовки их в экспозиционной и научно-просветительской деятельности, что невозможно без использования методов источниковедения. Именно такие взаимозависимость и взаимовлияние, как нам кажется, делают изучение музейных коллекций как источников по истории науки и техники перспективным и для историков науки и техники, и для научных сотрудников музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забелин И. Е. О металлическом производстве в России до конца XVII столетия. СПб., 1853. 136 с.
2. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902. 36 с. (Материалы по археологии России. № 28).
3. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
4. Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск : Изд-во АН БССР, 1956. 306 с.
5. Томские музеи. Музеи университетов : материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / под общ. ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 388 с.
6. Труевцева О.Н. Развитие музейного дела в Сибири XVIII–XX вв. // Музеология: стимул к международному сотрудничеству. Барнаул, 2010. С. 23–32.
7. Шлеева М.В. Сохранение памятников науки и техники в России в первые десятилетия XX века // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная конференция, 2009. М. : Анонс Медиа, 2009. С. 637–640.
8. Анохина И.Н., Сорокин А.Н. Музей истории физики // Томские музеи. Музеи университетов : материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / под общ. ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 222–225.
9. Сергеев С.В. Корпоративные музеи – от выставки продукции до интерактивной историко-технической экспозиции // История науки и техники в свидетельствах и памятниках : материалы науч. конф. Москва, Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 24 апреля 2014 г. М. : ИИЕТ РАН, 2014. С. 73–75.
10. Бирюков С.В., Романенко Л.В. Музейные коллекции ООО «Газпром трансгаз Ставрополь» как источник по истории газового дела // Газовая промышленность. 2011. № 10. С. 20–23.

11. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 485. Оп. 1. Д. 239.
12. Ростовцов И.А. Основные моменты истории велосипеда (по материалам Музея истории науки и техники) // Архив истории науки и техники. 1934. Вып. 4. С. 411–425.
13. Каменский В.А. Модель Олонецкой пушечно-сверлильной машины первой четверти XIX в. // Архив истории науки и техники. 1934. Вып. 2. С. 247–265.
14. Каменский В.А. Модель Петрозаводской домны 1776 г. // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 5. С. 333–348.
15. Данилевский В.В. Русская техника. Л. : Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1949. 516 с.
16. Соболь С.Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 605 с.
17. Ченакал В.Л. Иван Иванович Беляев – русский оптик XVIII века (1710–1788). Л. : Наука, 1976. 102 с.
18. Научные приборы: приборы и инструменты исторического значения / ред.-сост. Л.Е. Майстров. М. : Наука, 1968. 273 с.
19. Майстров Л.Е. Научные приборы исторического значения: микроскопы. М. : Наука, 1974. 159 с.
20. Майстров Л.Е., Петренко О.Л. Приборы и инструменты исторического значения: вычислительные машины. М. : Наука, 1981. 157 с.
21. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 546. Д. 209.
22. Выявление и ранжирование памятников науки и техники. Вещевые источники-подлинники : метод. рекомендации / Политехн. музей. М. : Знание, 2000. 32 с.
23. Выявление и ранжирование памятников науки и техники. Вещевые источники: копии, модели, макеты : метод. рекомендации / Политехн. музей. М. : Знание, 2001. 24 с.
24. Научное описание музейных предметов основного вещевого фонда по истории науки и техники : метод. рекомендации. / Политехн. музей. М. : Знание, 2000. 32 с.
25. Ананьева О.А. Вычислительные машины для выполнения арифметических действий. Арифмометры, суммирующие и табличные машины : науч. каталог коллекции / Политехн. музей. М. : Куна, 2007. 212 с.
26. Бессуднова З.А. Геологические и минералогические исследования в музее естественной истории Московского университета, 1759–1930 гг. : дис. … канд. геол.-минер. наук. М., 2002. 169 с.
27. Слепкова Н.В. Развитие зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.) : дис. … канд. биол. наук. СПб., 2006. 335 с.
28. Минина Е.В. Музейные коллекции по горному делу в России как источник по истории науки и техники : дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 236 с.
29. Гинак Е.Б. Метрологическая реформа Д.И. Менделеева (конец XIX – начало XX вв.) : дис. …. канд. ист. наук. М., 2008. 190 с.
30. Абрамова Ю.А. Музейные коллекции по истории горно-металлургической промышленности Алтая XVIII–XIX веков как источник по истории науки и техники : дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 247 с.
31. Масликов С.Ю. Астролябии как научный инструмент: от Античности до Нового времени : дис. … канд. физ.-мат. наук. М., 2016. 230 с.
32. Anderson K. Beyond the Glass Cabinet: the History of Scientific Instruments // Revista Electrónica de Fuentes y Archivos. 2013. № 4. P. 34–46.
33. Videira A. Between accelerators and mountains: the High Energy Physics research in the Brazil-Japan Collaboration // Book of Abstracts : 25th International Congress of History of Science and Technology, 23–29 July 2017, Rio de Janeiro, Brazil. P. 197.
34. De Groot J. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. London : Routledge, 2009. 292 p.
35. Scientific Instruments on Display / S. Ackermann, R. Kremer, M. Miniati (eds.). Leiden : BRILL Academic Pub., 2014. 268 c.
36. Skulls and roses: natural history collections and their meaning in 18–19th centuries // Book of Abstracts : Symposium 29 : 7th International Conference of the European Society for the History of Science. Prague, Czech Republic, 22–24 of September, 2016. P. 34–40.
37. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ; ЛНИАО, 1991. 448 с.
38. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию : учеб. пособие. СПб. : Бельведер, 2004. 470 с.
39. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников: возможности формализованного подхода / Ин-т археологии РАН, Гос. Эрмитаж. М. : ИА РАН, 2013. 183 с.
40. Шухардин С.В. Основы истории техники. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 278 с.
41. Кузин А.А. Методические особенности использования архивных документов в истории техники // Из истории энергетики, электроники и связи. 1981. Вып. 11. С. 43–57.
42. Макашова О.В. Изобразительные памятники науки и техники и их использование в историко-научных работах // Памятники науки и техники. М., 1981. С. 51–61.
43. Уварова Л.И. Источниковедческий анализ научно-технической документации // Архив истории науки и техники. М., 1995. Вып 2. С. 62–82.
44. Валькова О.А. Введение в источниковедение истории науки : учеб. пособие для студентов, аспирантов, обучающихся по специальности «история науки и техники». М. : ИИЕТ РАН, 2013. 82 с.
45. Шухардин С.В., Кузин А.А. Источниковедческая база истории техники // Актуальные вопросы истории техники : сб. ст. / под ред. Г.Г. Григоряна, А.А. Кузина. М. : Знание, 1990. С. 23–39.
46. Боярский П.В. Теоретические основы памятниковедения науки и техники // Памятниковедение науки и техники : теория, методика, практика. М. : Изд-во АН СССР, 1988. С. 47–87.
47. Минина Е.В. Исторические этапы развития техники и технологии бурения скважин : (по материалам музейных коллекций Москвы и Санкт-Петербурга) // Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2011. М. : Янус-К, 2012. С. 546–549.
48. Минина Е.В. История рудничного освещения в отечественных и зарубежных музейных коллекциях // История техники и музейное дело : материалы науч.-практ. конф. Москва, 2–4 декабря 2014 г. М., 2015. С. 177–182.

Ekaterina V. Minina, S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology. (Moscow, Russian Federation). E-mail: minina@ihst.ru

MUSEUM COLLECTIONS AS SOURCES FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Keywords: museum collections; the history of science and technology; a material source; the information potential of material sources.

The paper reviews the problems of using museum collections in the studies in the history of science and technology. The authors aims to identify the specific features of the information potential of museum collections and develop the approaches for studying such collections as sources for the history of science and technology. The history of science and technology is largely based on written sources while material objects of technology including those stored in the museums are studied much less often. The only exception is the history of the ancient and medieval engineering and technology where archaeological materials are being extensively used and the methodologies for working with material sources are being developed. Based on the reconstruction of historical process of forming the museum collections whose content is relevant to the history of science and technology, it is concluded that, by now, a considerable wealth of objects related to the history of science and technology has accumulated in the museums of various kinds. The author identifies a range of researchers, both Russian and international, who use museum collections in their works in the history of science and technology. These works are analyzed, and it is emphasized that such studies are still very few. It is assumed that the existing widespread attitude towards museum collections is associated with the lack of advanced theoretical and methodological approaches to working with material sources.

The author's original approach to fulfilling the information potential of material sources in the history of science and technology is based on using the following parameters as main elements of the critique of such sources: the operating principle, the engineering solution, and the manufacturing technology. Reviewing the information potential of material sources from this perspective, three levels of historical information revealed in such sources may be identified: the information concerned with the history of science, the information concerned with the development of engineering and technology, and the information about the development of manufacturing technology. One of the areas in the history of technology for which the museum collections play an important role is the history of development of particular technologies. In this case the described approach to enhancing the information potential of material sources in the history of science and technology may be used as a basis for identifying the main types and species of an object under study that emerged in the course of its evolution, and for periodization of its development. In closing, having pointed out the topical objectives for the history of science and technology and museum work, the author concludes that studying museum collections offers good prospects for both the historians and the museums' researchers.

REFERENCES

1. Zabelin, I.E. (1853) *O metallicheskom proizvodstve v Rossii do kontsa XVII stoletiya* [On metal production in Russia till the end of the 17th century]. St. Peterburg: [s.n.].
2. Sizov, V.I. (1902) *Kurgany Smolenskoy gubernii* [Mounds of the Smolensk province]. St. Peterburg: [s.n.].
3. Rybakov, B.A. (1948) *Remeslo Drevney Rusi* [Trades and crafts in Ancient Russia]. Moscow: AS USSR.
4. Bezborodov, M.A. (1956) *Steklodelie v Drevney Rusi* [Glass-making in Ancient Russia]. Minsk: AS BSSR.
5. Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) (2012) *Tomskie muzei. Muzei universitetov* [Tomsk museums. The University Museums]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Truevtseva, O.N. (2010) Razvitie muzeynogo dela v Sibiri XVIII–XX vv. [The development of museum studies in Siberia in the 18th–20th century]. In: Truevtseva, O.N. & Viregg, Kh.K. (eds) *Muzeologiya: stimul k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu* [Museology: an incentive for international cooperation]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 23–32.
7. Shleeva, M.V. (2009) *Sokhranenie pamyatnikov nauki i tekhniki v Rossii v pervye desyatiletiya XX veka* [Preservation of monuments of science and technology in Russia in the first decades of the 20th century]. Proc. of the 26th Annual Conference of the Institute of the History of Science and Technology. Moscow. June 2–4. pp. 637–640.
8. Anokhina, I.N. & Sorokin, A.N. (2012) Muzey istorii fiziki [Museum of the History of Physics]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds.) *Tomskie muzei. Muzei universitetov* [Tomsk museums. The University Museums]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 222–225.
9. Sergeev, S.V. (2014) [Corporate museums: from an exhibition of products to an interactive show on the history of technology]. *Istoriya nauki i tekhniki v svidetel'stvakh i pamyatnikakh* [History of science and technology in evidence and monuments]. Proc. of the Conference. Moscow. 24th April, 2014. Moscow. pp. 73–75. (In Russian).
10. Biryukov, S.V. & Romanenko, L.V. (2011) Muzeynye kollektsii OOO "Gazprom transgaz Stavropol"' kak istochnik po istorii gazovogo dela [Museum collections of OOO Gazprom transgaz Stavropol as a source for the history of gas industry]. *Gazovaya promyshlennost' – Gas industry.* 10. pp. 20–23.
11. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Fund 485. List 1. File 239.
12. Rostovtsov, I.A. (1934) Osnovnye momenty istorii velosipeda (po materialam Muzeya istorii nauki i tekhniki) [Milestones in the history of bicycle (based on the materials of the Museum of the History of Science and Technology)]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. 4. pp. 411–425.
13. Kamensky, V.A. (1934) Model' Olonetskoi pushechno-sverlil'noi mashiny pervoi chetverti XIX v. [A model of the Olonets cannon-boring machine from the first quarter of the 19th century]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki.* 2. pp. 247–265.
14. Kamensky, V.A. (1935) Model' Petrozavodskoi domny 1776 g. [A model of the 1776 blast furnace from Petrozavodsk]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki.* 5. pp. 333–348.
15. Danilevsky, V.V. (1949) *Russkaya tekhnika* [Russian technology]. Leningrad: Leningradskoye gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo.
16. Sobol, S.L. (1949) *Istoriya mikroskopa i mikroskopicheskikh issledovanii v Rossii v XVIII veke* [The history of microscope and microscopic studies in Russia in the 18th century]. Leningrad: AS USSR.
17. Chenakal, V.L. (1976) *Ivan Ivanovich Belyaev – russkii optik XVIII veka (1710–1788)* [Ivan Ivanovich Belyaev, an 18th century Russian opticist (1710–1788)]. Leningrad: Nauka.
18. Maystrov, L.E. (ed.) (1976) *Nauchnye pribory: pribory i instrumenty istoricheskogo znacheniya* [Scientific devices: historical devices and instruments]. Moscow: Nauka.
19. Maystrov, L.E. (1974) *Nauchnye pribory istoricheskogo znacheniya: mikroskopy* [Historical scientific devices: microscopes]. Moscow: Nauka.
20. Maystrov, L.E. & Petrenko, O.L. (1981) *Pribory i instrumenty istoricheskogo znacheniya: Vychislitel'nye mashiny* [Historical devices and instruments: calculating machines]. Moscow: Nauka.
21. The Written Sources Department of the State Historical Museum. Fund 546. File 209.
22. The Politechnic Museum. (2000) *Vyyavlenie i ranzhirovanie pamyatnikov nauki i tekhniki. Veshchevye istochniki podlinniki. Metodicheskie rekomendatsii* [Identification and ranking of monuments of science and technology. Original material sources. Guidelines]. Moscow: Znanie.
23. The Politechnic Museum. (2001) *Vyiavlenie i ranzhirovanie pamyatnikov nauki i tekhniki. Veshchevye istochniki: kopii, modeli, makety. Metodicheskie rekomendatsii* [Identification and ranking of monuments of science and technology. Material sources: copies, models, miniatures. Methodological Guidelines]. Moscow: Znanie.
24. The Politechnic Museum. (2002) *Metodicheskie rekomendatsii. Nauchnoe opisanie muzeynykh predmetov osnovnogo veshchevogo fonda po istorii nauki i tekhniki* [Methodological Guidelines. Scientific description of museum items from the main material fonds for the history of science and technology]. Moscow: Znanie.
25. Ananieva, O.A. (2007) *Vychislitel'nye mashiny dlya vypolneniya arifmeticheskikh deistvii. Arifmometry, summiruyushchie i tablichnye mashiny: nauchnyi katalog kollektsii* [Computing machines for performing arithmetic operations. Arithmometers, summarizing and tabular machines: scientific catalog]. Moscow: Kuna.
26. Bessudnova, Z.A. (2002) *Geologicheskie i mineralogicheskie issledovaniya v muzee estestvennoi istorii Moskovskogo universiteta, 1759–1930 gg.* [Geological and mineralogical studies at Moscow University Museum of Natural History: 1759–1930]. Geology Cand. Diss. Moscow.
27. Slepkova, N.V. (2006) *Razvitie zoologicheskogo muzeya Akademii nauk kak centra issledovanii po sistematike (1883–1932 gg.)* [Development of the Zoological Museum of the Academy of Sciences as a centre of taxonomy research (1883–1932)]. Biology Cand. Diss. St. Petersburg.
28. Minina, E.V. (2007) *Muzeynye kollektsii po gornomu delu v Rossii kak istochnik po istorii nauki i tekhniki* [Mining museum collections in Russia as a source for the history of science and technology]. History Cand. Diss. Moscow.
29. Ginak, E.B. (2008) *Metrologicheskaya reforma D.I. Mendeleeva (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Mendeleyev's metrological reform (late 19th – early 20th century)]. History Cand. Diss. Moscow.
30. Abramova, Yu.A. (2009) *Muzeynye kollektsii po istorii gorno-metallurgicheskoy promyshlennosti Altaya XVIII–XIX vekov kak istochnik po istorii nauki i tekhniki* [Museum collections on the history of mining and smelting industry in Altai in the 18th – 19th century as a source for the history of science and technology]. History Cand. Diss. Barnaul.

31. Maslikov, S.Yu. (2016) *Astrolyabii kak nauchnyy instrument: ot Antichnosti do Novogo vremeni* [Astrolabe as a scientific instrument: from the Ancient to Modern World]. Physics & Mathematics Cand. Diss. Moscow.
32. Anderson, K. (2013) Beyond the Glass Cabinet: The History of Scientific Instruments. *Revista Electrónica de Fuentes y Archivos*. 4. pp. 34–46. DOI: 10.1007/s11191-012-9568-z
33. Videira, A. (2017) Between accelerators and mountains: The High Energy Physics research in the Brazil-Japan Collaboration. *25 International Congress of History of Science and Technology*. July 23–29, 2017. Rio de Janeiro, Brazil. p. 197.
34. De Groot, J. (2009) *Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture*. London: Routledge.
35. Ackermann S., Kremer, R. & Miniati, M. (eds) (2014) *Scientific Instruments on Display*. Leiden: BRILL Academic Pub.
36. Fedotova, A. & Loskutova, M. (2016) Skulls and roses: natural history collections and their meaning in 18–19th centuries. *Symposium 29. 7th International Conference of the European Society for the History of Science*. Prague, Czech Republic, September 22–24, 2016. pp. 34–40.
37. Klein, L.S. (1991) *Arkheologicheskaya tipologiya* [Archaeological typology]. Leningrad: LF TsENDISI; LNIAO.
38. Klein, L.S. (2004) *Vvedenie v teoreticheskuyu arkheologiy* [Introduction into theoretical archaeology]. St. Peterburg: Bel'veder.
39. Kamenetsky, I.S., Marshak, B.I. & Sher, Ya.A. (2013) *Analiz arkheologicheskikh istochnikov: vozmozhnosti formalizovannogo podkhoda* [Analysis of archaeological sources: the possibilities of a formalized approach]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS).
40. Shukhardin, S.V. (1961) *Osnovy istorii tekhniki* [Fundamentals of the History of Technology]. Moscow: AS USSR.
41. Kuzin, A.A. (1981) Metodicheskie osobennosti ispol'zovaniya arkhivnykh dokumentov v istorii tekhniki [Methodology of using archive documents in the history of technology]. In: *Iz istorii energetiki, elektroniki i svyazi* [From the history of energy, electronics and communications]. Vol. 11. pp. 43–57.
42. Makashova, O.V. (1981) Izobrazitel'nye pamyatniki nauki i tekhniki i ikh ispol'zovanie v istoriko-nauchnykh rabotakh [Graphical monuments of science and technology and their use in the history of science studies]. In: *Pamyatniki nauki i tekhniki* [Monuments of science and technology]. Moscow: Nauka pp. 51–61.
43. Uvarova, L.I. (1995) Istochnikovedcheskiy analiz nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii [Source analysis of the scientific and technical documents]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki.* 1(10). pp. 62–82.
44. Valkova, O.A. (2013) *Vvedenie v istochnikovedenie istorii nauki* [Introduction to Source Studies for the History of Science]. Moscow: RAS.
45. Shukhardin, S.V. & Kuzin, A.A. (1990) Istochnikovedcheskaya baza istorii tekhniki [Source base for the history of technology]. In: Grigoryan, G.G. & Kuzin, A.A. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii tekhniki* [Topical Problems in the History of Technology]. Moscow: Znanie.
46. Boyarskiy, P.V. (1988) Teoreticheskie osnovy pamyatnikovedeniya nauki i tekhniki [Theoretical foundations for the studies of the monuments of science and technology]. In: Batov, V.I. (ed.) *Pamyatnikovedenie nauki i tekhniki: teoriya, metodika, praktika* [Studies of the Monuments of Science and Technology: Theory, Methodology, Practices]. Moscow: AS USSR.
47. Minina, E.V. (2011) Istoricheskie etapy razvitiya tekhniki i tekhnologii bureniya skvazhin [Historical stages in the development of well-drilling technology]. *Proc. of the 28th Annual Conference of the Institute of the History of Science and Technology*. Moscow. May 24–26, 2011. pp. 546–549.
48. Minina, E.V. (2014) [The history of mine lighting in the museum collections in Russia and abroad]. *Istoriya tekhniki i muzeynoe delo* [The History of Technique and Museum Studies]. Proc. of the Conference. Moscow. December 2–4. pp. 177–182. (In Russian).

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 930.85
DOI: 10.17223/19988613/67/23

Н.В. Лескина

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

На основе анализа основных документов Болонского процесса, результатом которого стало создание Европейского пространства высшего образования, выделяются его основополагающие принципы и нормы. Анализируются эволюция и взаимосвязь трех групп норм, лежащих в основе процесса: фундаментальных, социальных и экономических. Болонский процесс рассматривается как попытка рефлексии о прошлом, настоящем и будущем европейского университета с целью сохранения лучших достижений и его адаптации к современным потребностям.
Ключевые слова: нормы; ценности; Европейское пространство высшего образования; Болонский процесс.

По мнению Комиссии Корнеги по высшему образованию, со времен Реформации до наших дней дошли лишь 66 институтов западноевропейской цивилизации: Католическая и Лютеранская церкви, Парламенты Исландии и острова Мэн и 62 университета [1]. Отличительные черты университета, сложившиеся еще в Средневековье, такие как наличие названия, автономия, корпорации преподавателей и студентов, передача знаний в лекционной форме, процедуры сдачи экзаменов, присуждение степеней и административное деление на факультеты, сохранились до наших дней [2. P. 8].

В то же время современные процессы активной трансформации и коммерциализации университетов вызывают опасения об утрате их европейской идентичности [3]. Ведь институт – это в первую очередь набор правил и норм [4. P. 123–124], в не организационная структура. Одной из наиболее масштабных комплексных программ модернизации высшего образования является Болонский процесс, ставящий своей целью создание единого пространства высшего образования. В результате Европа должна стать более привлекательной и конкурентоспособной в мировом масштабе, что обеспечило бы жизнеспособность и эффективность ее цивилизационных основ [5]. Возрожденное пространство должно быть воздвигнуто на европейском интеллектуальном, научном и культурном наследии. Тем не менее Болонский процесс критикуют за стандартизацию высшего образования, его рыночную направленность и потерю европейской идентичности вузов [3, 6, 7].Создается противоречивая картина, которая делает необходимыми систематизацию его принципов и их пояснение. Вклад в современную дискуссию о ценностях и основополагающих принципах университета в Европе может внести анализ исторических предпосылок их возникновения.

В соответствии с подходом, получившим название исторического институционализма, любой институт формируется в определенных социальном, политическом и культурном контекстах, под влиянием прошлого опыта [4. P. 127–128]. Таким образом, институт, с одной стороны, несет в себе наследие предшествовавших представлений о нем и опыта их реализации, а с другой – встроен в окружающий его мир и адаптируется к его потребностям. Стоит отметить, что это не означает линейности развития: некоторые идеи уходят в небытие на долгие десятилетия или даже столетия, чтобы потом найти свое новое воплощение.

Подход, рассматривающий проблемы как несоответствие воспринимаемого реального положения дел и ожиданий или потребностей, заставляет искать причины кризисов университета в окружающей их социальной среде, в изменении представлений каждого нового поколения о том, как они должны быть устроены и в чем заключается их основная миссия в отношении общества и власти. Ожидания, в свою очередь, основаны на ценностях, которые транслируются в нормы. Целью статьи является анализ норм европейского пространства высшего образования в ретроспективе процесса их формирования.

Ценности занимают важное место в изучении ЕС, особенно в рамках подхода «нормативной силы» Я. Маннерса, и рассматриваются как онтологические основания ЕС, характеризующие его отличия от раннее существовавших форм политической организации и определяющие отношения как внутри него, так и с остальным миром [8. P. 253]. Несмотря на значимость высшего образования как для экономического, так и для социокультурного развития ЕС [9], оно еще не привлекло должного внимания теоретиков данного подхода.

Университет появился как средневековая ассоциация преподавателей и студентов, объединенных целями получения и распространения знаний, для защиты своих интересов. Данные корпорации назывались

universitas (лат. – совокупность, универсум, мир), от чего и происходит современное название университета. Этим термином обозначали любое объединение, имеющее цели и правовой статус, однако уже в Средневековье начинают складываться особенности университета как особого вида корпорации – *universitas magistrorum et scholarium*.

Университеты получали признание от Папы Римского, что обеспечивало эквивалентность степеней на всем пространстве католической Европы [10. P. 370]. Папа и император быстро осознали, что университетские корпорации могли предоставить идеологическую поддержку и интеллектуальные ресурсы, необходимые для сохранения целостности Corpus Christianum и Священной империи, и поэтому даровали им обширные привилегии [11. P. 41]. Привилегия автономии предполагала, что академическое сообщество могло вести себя независимо по отношению к внешнему миру (в том числе и к городским властям), самостоятельно осуществлять прием новых членов, регулировать свое внутреннее устройство.

Большое значение имел закон Фридриха Барбароссы 1155 г., гарантировавший императорскую защиту от местных властей всем, кто находился в пути по образовательным причинам [Ibid. P. 40]. Для средневекового университета не существовало границ, студенты и преподаватели в поисках истины странствовали по всей Европе, обмениваясь знаниями. Единство интеллектуального пространства обеспечивалось за счет общего языка – латыни, единой системы дипломов, схожей структуры университетов и методов преподавания. Вследствие этого академическое сообщество было интернациональным и основывалось на принципах толерантности и солидарности.

Для того чтобы получить степень licentia ubique docenti, необходимо было изучить искусства, право, теологию и медицину [12. P. 27]. Интегрированность всех четырех наук выражала представление о цельности истины и веру средневекового человека в духовное и материальное единство мира: трансцендентальные идеи находили материальное воплощение на земле.

Помимо этого, универсальность знаний предполагала, что они не были направлены на решение отдельных практических проблем местного сообщества [Ibid. P. 28]. Они воспринимались как общественное благо, и университеты были открыты для всех христиан мужского пола, способных обучаться на латыни [11. P. 41]. Для этого Церковью выделялись специальные стипендии для нуждающихся талантливых студентов [13. P. 80]. Точное число студентов в то время сложно установить из-за особенностей процедуры зачисления. Приемом и регистрацией студентов занимался сам преподаватель, или мастер, и единого учета не существовало. Тем менее известно, что с середины XIV в. до Нового времени в Центральной Европе обучалось около четверти миллиона студентов, что позволяет прийти к выводу, что всего в это время в Европе было 750 тыс. студентов [14. P. 179]. Другой особенностью является то, что, поступая, многие студенты не планировали завершить обучение и получить степень, которая не была необходимым условием для осуществления профессиональной деятельности, а, скорее, являлась дополнительным преимуществом. Выпускники работали служителями церкви, служащими муниципальных и государственных органов власти, юристами, врачами, учителями [15. P. 21].

Что касается методов преподавания и обучения, то они прошли эволюцию от *lectio* и *transmisio* к *quæstio* и *disputatio*, т.е. от изучения текстов и передачи знаний к вопросам и обсуждению [16. P. 363–364]. В дискуссиях о различающихся трактовках как античных, так и религиозных текстов ученые искали истину. Способность задавать вопросы способствовала формированию критического мышления – одного из столпов науки. Вопрошая собеседника, исследователи признавали «другого» как партнера в интеллектуальной беседе [11. P. 43], что вело к утверждению принципов терпимости и плюрализма мнений. Именно на этом основании впоследствии вырос гуманизм, уважающий достоинство человека [17].

«Эпоха универсализма» длилась недолго, до Папского раскола 1378 г., но навсегда оставила в памяти академического сообщества ностальгическое воспоминание о себе как о недостижимом идеале единства. Постепенное приумножение знаний привело к приходу специализации на место энциклопедичности. Достаточным стало изучение семи «свободных искусств», которое осталось базовым требованием, и последующее постижение одной выбранной науки [12. P. 30].

Формирование национальных государств и Реформация привели к разрыву единства образовательного пространства. Подготовка нового социального слоя – государственных служащих – стало приоритетом для государства, и университеты превратились в институт, предоставлявший такое образование [Ibid. P. 25]. С XIV в. подготовка к профессии превращается из вспомогательной функции высшего образования в одну из основных. Постепенно органы государственной власти начинают все больше вмешиваться в деятельность университета, что было связано не только с их желанием, но и с внутренним разложением академического сообщества [18. P. 86]. Это привело к развитию национальных моделей университетов, которые стали замыкаться в границах своих стран и приспособляться под нужды государства. Даже в рамках Священной Римской империи происходила децентрализация, связанная с усилением государств, входящих в нее. Однако даже в это время университет остался мостом, связывавшим страны Европы [11. P. 45]. Возникший на основе общности гуманистических ценностей литературный мир (République des lettres) перешагивал национальные границы.

Структура университета, состоявшего из четырех факультетов, и сопротивление изменениям академическим сообществом препятствовали интеграции новых практических знаний (военное дело, управление) и научных областей (химия, физика). С XV в. начинают появляться научные сообщества, академии и другие специализированные учреждения (лаборатории, ботанические сады), которые занимались исследовательской деятельностью. Постепенно университеты стали местом обучения сыновей состоятельных людей, где

устаревшие курсы преподавались «нудными» мастерами [18. P. 80].

Это привело к тому, что рационально мыслящие лидеры Великой французской революции сочли университеты бесполезным и элитарным институтом и распустили их в 1793 г. (Университеты во Франции были восстановлены только в 1895 г.) На смену им пришла система высших школ, предоставлявших узкоспециализированное практико-ориентированное образование. Поступление на основании достижений и заслуг отражало новое понимание идеи справедливого доступа к высшему образованию как общественному благу и равенства возможностей. Однако научное знание стало разрозненным, и целью новых институтов стало обучение профессиональным навыкам, а не поиск истины.

Важная реформа произошла и в Пруссии. В 1810 г. под руководством В. фон Гумбольдта, вдохновленного идеями Ф. Шлейермахера, был учрежден Берлинский университет. В основании нового вуза наравне с возрожденной свободой преподавания и обучения лежала идея о единстве науки [Ibid. P. 86]. Академическая свобода заключалась в выборе способов обучения, предметов и отношениях университета с государственными властями.

В новом университете обучение и преподавание были объединены с наукой, а теоретические знания – с практикой. По мысли Ф. Шлейермахера, функция университета состоит не в преподавании принятого знания, которое потом может напрямую применяться на практике, как в колледжах или французских политехнических институтах, но в том, чтобы показать, как знание открыто, «пробуждая идею науки в умах студентов и стимулируя их размышления о фундаментальных законах науки в каждом их действии» [11. P. 47].

Впоследствии французская модель политехнических институтов и исследовательский университет Гумбольдта распространились по всему миру и сохранились в таком виде до середины XX в. Сильный урон им был нанесен тоталитарными режимами, когда университеты были поставлены на службу пропаганде, а связи между ними разрушены войной. В новой, послевоенной, Европе подчеркивалась необходимость возобновления сотрудничества на демократических принципах [19. P. 743].

Во второй половине XX в. университет подстерегали новые вызовы. Одной из определяющих тенденций стала, по выражению Х. Ортега-и-Гассета, массовизация [20]. Университет не мог самостоятельно справиться с увеличением числа студентов в геометрической прогрессии [21. P. 899, 908] и все больше полагался в вопросах финансирования на государство.

Кризис массового университета обнаружился в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Массовизация привела к ухудшению профессиональных перспектив, условий жизни и обучения [22], недовольство которыми проявилось в студенческих беспорядках 1968 г. Государственные расходы на высшее образование не поспевали за темпами роста сектора, что стало особенно очевидным после бюджетного кризиса 1970-х гг. и последовавшего за ним кризиса государства благосостояния. С 1980-х гг. многие европейские страны начали проведение реформ, направленных на коммерциализацию высшей школы [23. P. 149], что вызывало критику и сопротивление академического сообщества.

Новыми мерилами успеха университетов становятся конкурентоспособность и прибыль. Студенты, в свою очередь, также рассматривают университет как вложение капитала, место получения профессии и практических навыков.

Быстрое развитие технологий и большой объем информации усиливали фрагментацию и специализацию знаний. Научное и гуманистические измерения культуры все больше отдаляются друг от друга. Университет все меньше заботится о целостном развитии личности [24. P. 386].

Появление и распространение теории экономики знаний привело к еще большему давлению на вузы. От университета начали ожидать технологий и инноваций, при отсутствии которых экономика не будет конкурентоспособной. Таким образом, ему поручалась новая роль – способствовать экономическому процветанию общества. Высшей ценностью нового инновационного, или предпринимательского, университета становится польза, а не истина, как было ранее.

Приоритет экономической составляющей высшего образования сделал важным сотрудничество в рамках ЕС, который рассматривал его в первую очередь как профессиональную подготовку [23. P. 150]. Программы ЕС, такие как ЭРАЗМУС, возрождали «европейское измерение» образовательного пространства. Постепенно формировалась идея о необходимости воссоздания общего интеллектуального пространства Европы – задача, которая была реализована в рамках Болонского процесса.

По своей сути Болонский процесс – это форум, предоставляющий основным заинтересованным сторонам возможность договориться о направлении будущих реформ. Решения министров образования принимаются в консультации с транснациональными сетями: ассоциациями университетов, студентов и работодателей. Реализация реформ и оценка их результатов также во многом опираются на данные объединения.

Позиция вузов, представленных Европейской ассоциацией университетов, была сформулирована еще в 1988 г. в Великой Хартии университетов. В ней были закреплены фундаментальные принципы университетов: их автономия от политической и экономической власти, неделимость преподавания и исследовательской деятельности, академическая свобода, толерантность и открытость к диалогу. Помимо этого, утверждалась и культурная функция университета: он признавался носителем европейской гуманистической традиции, преодолевающей географические и политические барьеры в стремлении к универсальному знанию. Университеты должны дать будущим поколениям образование, которое научит уважать «великие гармонии природы и самой жизни» [25].

В Европейском пространстве высшего образования важное место отводится студентам: они признаются партнерами в подготовке и проведении реформ и активными участниками образовательного процесса.

Европейское объединение студентов подчеркивало важность равного доступа к высшему образованию, которое помогает им в личном и профессиональном становлении [26].

Участие Европейской Комиссии в качестве полноправного члена процесса наравне с национальными правительствами привело к включению целей Лиссабонской стратегии в повестку дня Болонского процесса, в частности задачи строительства самой конкурентоспособной и привлекательной экономики [9].

Перед всеми вышеперечисленными организациями встала задача воссоздать единое интеллектуальное пространство, отвечающее на современные вызовы, сохраняя при этом такие фундаментальные принципы, как академическая свобода, автономия, открытость и толерантность. Данные нормы, наряду с социальными и экономическими, закреплены в основных документах Болонского процесса [5].

Социальные нормы характеризуют отношения университета с обществом. Представление о высшем образовании как общественном благе и необходимости равного доступа к нему сложилось еще в Средневековье. Однако в то время академическое сообщество, преследуя высшие цели постижения истины, дистанцировалось от окружающего его общества. Великая французская революция и провозглашение основных прав и свобод человека установили, что университет должен служить обществу. Болонская декларация подтверждает, что высшее образование должно заложить основы для инклюзивного и устойчивого общества и, помимо образовательной функции, передавать молодым поколениям ценности, на которых основан Европейский Союз – демократии, верховенства закона и уважения прав человека. Взамен общество должно предоставлять вузам необходимое финансирование [5].

Внедрение экономических принципов началось в конце прошлого столетия, что было связано с распространением высшего образования на широкие слои общества и необходимостью повышения его конкурентоспособности на мировом рынке услуг. Создание единой системы степеней и гарантии их качества в Европе призвано было сделать их более понятными для внешнего мира. Развитие связей с рынком труда облегчало поиск работы выпускниками и было направлено на снижение уровня безработицы среди молодежи. Гибкие образовательные траектории и обучение в течение жизни отвечали потребностям экономики знаний, поскольку в условиях быстрого развития технологий и обновления информации позволяли быстро овладевать новыми навыками.

Тем не менее в европейской трактовке рыночные принципы выступают инструментом устойчивого развития университета и его усиления. Оптимизация внутренних систем управления имела целью научить самостоятельно находить источники финансирования, сократить издержки и таким образом сделать вузы более независимыми. Следует отметить, что в данном контексте предполагается бóльшая автономия от национальных властей, однако средства защиты от рынка не предусмотрены. Это может привести к монополии рыночной парадигмы, которая вступает в противоречие с базовыми принципами – академической свободой, плюрализмом и разнообразием.

Подводя итоги, следует отметить, что современная реформа представляет собой попытку перекинуть мост между традициями и вызовами времени, приспособить и сохранить то лучшее, что было достигнуто за столетия эволюции высшей школы.

Компромиссный характер ЕПВО имеет и «обратную сторону медали». Возможность различной трактовки порой противоречивых принципов и юридически необязывающий характер деклараций оставляет за национальными правительствами право определять, какие именно положения и в каком объеме будут воплощены, и, как следствие, находить обоснования для любого направления государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quality and Equality: New Levels of Federal Responsibility for Higher Education / Carnegie Commission on Higher Education. New York : McGraw-Hill, 1968.
2. Kerr C. The idea of multiversity // The Uses of the University. Havard University Press, 1995. P. 1–34.
3. Risto R., Koivula J. La place nouvelle de l'université et le choc des valeurs. L'université entrepreneuriale dans la société européenne du savoir : aperçu sur les publications // Politiques et Gestion de l'enseignement supérieur. 2005. Vol. 3, № 17. P. 99–132.
4. Steinmo S. Historical institutionalism // Approaches and Methodologies in the Social Sciences : a Pluralist Perspective / ed. D. Della Porta, M. Keating. New York : Cambridge University Press, 2008. P. 118–138.
5. Болонская декларация : совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 г. URL: http://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (дата обращения: 07.03.2017).
6. Croché S. Évolution d'un projet d'Europe sans Bruxelles: Le cas du processus de Bologne // Education et sociétés. 2009. Vol. 24, № 2. P. 11.
7. Ravinet P. From voluntary participation to monitored coordination: Why European countries feel increasingly bound by their commitment to the Bologna Process // European Journal of Education. 2008. Vol. 43, № 3. P. 353–367.
8. Manners I. Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.
9. The Lisbon Special European Council (March 2000): Towards a Europe of Innovation and Knowledge. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:c10241 (accessed: 08.05.2017).
10. de Ridder-Symoens H. The University as European Cultural Heritage: a Historical Approach // Higher Education in Europe. 2006. Vol. 31, № 4. P. 369–379.
11. Rüegg W. L'Europe des Universités: tradition, fonction de pont européen // Le Patrimoine des Universités Européennes / ed. N. Sanz, S. Bergan. Council of Europe, 2002. P. 39–48.
12. Zonta C.A. Un aperçu de l'histoire des universités européennes // Le Patrimoine des Universités Européennes / ed. N. Sanz, S. Bergan. Council of Europe, 2002. P. 25–38.
13. Nardi P. Relations with authority // A History of the University in Europe / ed. de H. Ridder-Symoens. Cambridge University Press, 2003. P. 77–107.
14. Schwinges R.C. Admission // A History of the University in Europe / ed. de H. Ridder-Symoens. Cambridge University Press, 2003. P. 171–194.
15. Rüegg W. Themes // A History of the University in Europe / ed. de H. Ridder-Symoens. Cambridge University Press, 2003. Vol. 1: Universities in the Middle Ages. P. 3–34.

16. Grocholewski Z. The European Cultural Heritage That Calls Out To Us // Higher Education in Europe. 2006. Vol. 31, № 4. P. 363–368.
17. Rüegg W. The Rise of Humanism // A History of the University in Europe / ed. de H. Ridder-Symoens. Cambridge University Press, 2003. Vol. 1: Universities in the Middle Ages. P. 442–468.
18. de Ridder-Symoens H. The Intellectual Heritage of Ancient Universities in Europe // Le Patrimoine des Universités Européennes / ed. N. Sanz, S. Bergan. Council of Europe, 2006. P. 79–91.
19. Walton C.C. The Hague "Congress of Europe": a Case Study of Public Opinion // Western Political Quaterly. 1959. Vol. 12, № 3. P. 738–752.
20. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2016. 256 с.
21. Schofer E., Meyer J.W. The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century // American Sociological Review. 2005. Vol. 70, № 6. P. 898–920.
22. Lévy-Garboua L. Les demandes de l'étudiant ou les contradictions de l'université de masse // Revue Française de Sociologie. 1976. Vol. 17, № 1. P. 53–80.
23. Neave G. The Bologna Declaration: Some of the Historic Dilemmas Posed by the Reconstruction of the Community in Europe's Systems of Higher Education // Educational Policy. 2003. Vol. 17, № 1. P. 141–164.
24. Życiński J.M. Axiological Horizons of the European Identity and Their Impact on the University // Higher Education in Europe. 2006. Vol. 31, № 4. P. 381–390.
25. Великая Хартия университетов. Болонья, 1988 г. URL: http://www.magna-charta.org/resources/files/the-magna-charta/russian-1 (дата обращения: 25.02.2017).
26. Student Göteborg Declaration. 2001. URL: https://wissenschaft.bmwfw.gv.at/fileadmin/user_upload/Bologna_Grundsatzdok/Von_Bologna_bis_Prag/student_goteborg_declaration.pdf (accessed: 15.03.2017).

Natalia V. Leskina, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: nathalieleskina@gmail.com

AXIOLOGICAL DIMENSION OF EUROPEAN HIGHER EDUCATION AREA: TRADITIONS AND NOVELTIES

Keywords: norms; values; European Higher Education Area; Bologna Process.

The aim of the paper is to analyse values of European higher education area tracing back their origins and subsequent development. In order to achieve this goal, following tasks have to be fulfilled: to single out main principles and values underpinning European Higher Education Area, followed by their classification and analysis of history of their development.

Methodology of the research relies on the "Normative power Europe" approach, according to which norms are constitutive factors to the EU itself and its relations with third parties. As higher education plays an important role in EU economic development and the construction of European identity, this research contributes to the normative theory by analysing EU norms in higher education. Main methods are traditional analysis of literature and qualitative content analysis of documents.

The problematic field of the research arises from the insufficient information on the axiological foundations of European Higher Education Area, and, stemming from it, contradictory assessments of the impact of Bologna process on the universities: from dismissal of the fundamental values of European university to an attempt to protect them.

The research relies on official declarations of Bologna process and documents reflecting position of its main stakeholders, i.e. European Students Union, European Association of Universities and European Commission.

The research results led the author to the following conclusions: values of Bologna process represent a multi-layered structure, reflecting the nature of the process itself, which is a forum, where main stakeholders can discuss and decide on reforms. Three categories of norms can be distinguished: fundamental, social and economic ones. Fundamental principles such as academic freedom and autonomy are intrinsic to the university. While idea of knowledge as a public good also dates back to the Middle Ages, only in Modern times it developed into the fair access to higher education. Marketisation reform is the most recent trend that challenges autonomy, academic freedom and social dimension of the university. However, Bologna process tries to counterbalance the negative effects, turning the commercialisation into a tool to strengthen the university autonomy. Thus, European Higher Education Area represents an attempt to incorporate all three generations of values and to balance them.

REFERENCES

1. Carnegie Commission on Higher Education. (1968) *Quality and Equality: New Levels of Federal Responsibility for Higher Education*. New York: McGraw-Hill.
2. Kerr, C. (1995) *The Uses of the University*. Havard University Press. pp. 1–34.
3. Risto, R. & Koivula, J. (2005) La place nouvelle de l'université et le choc des valeurs. L'université entrepreneuriale dans la société européenne du savoir : aperçu sur les publications. *Politiques et Gestion de l'enseignement supérieur*. 3(17). pp. 99–132.
4. Steinmo, S. (2008) Historical institutionalism. In: Della Porta, D. & Keating, M. (eds) *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: a Pluralist Perspective*. New York: Cambridge University Press. pp. 118–138.
5. Bologna Declaration. (1999) *Bolonskaya deklaratsiya: sovmestnoe zayavlenie evropeyskikh ministrov obrazovaniya, g. Bolon'ya, 19 iyunya 1999 g.* [Bologna Declaration: Joint Statement of European Ministers of Education, Bologna, 19 June 1999]. [Online] Available from: http://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (Accessed: 7th March 2017).
6. Croché, S. (2009) Évolution d'un projet d'Europe sans Bruxelles: Le cas du processus de Bologne. *Education et sociétés*. 24(2). pp. 11.
7. Ravinet, P. (2008) From voluntary participation to monitored coordination: Why European countries feel increasingly bound by their commitment to the Bologna Process. *European Journal of Education*. 43(3). pp. 353–367. DOI: 10.1111/j.1465-3435.2008.00359.x
8. Manners, I. (2002) Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. 40(2). pp. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
9. The Lisbon Special European Council (2000). *Towards a Europe of Innovation and Knowledge*. [Online] Available from: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:c10241 (Accessed: 8th May 2017).
10. de Ridder-Symoens, H. (2006) The University as European Cultural Heritage: a Historical Approach. *Higher Education in Europe*. 31(4). pp. 369–379. DOI: 10.1080/03797720701303160
11. Rüegg, W. (2002) L'Europe des Universités: tradition, fonction de pont européen. In: Sanz, N. & Bergan, S. (eds) *Le Patrimoine des Universités Européennes*. Council of Europe. pp. 39–48.
12. Zonta, C.A. (2002) Un aperçu de l'histoire des universités européennes. In: Sanz, N. & Bergan, S. (eds) *Le Patrimoine des Universités Européennes*. Council of Europe. pp. 25–38.
13. Nardi, P. (2003) Relations with authority. In: Ridder-Symoens, de H. (ed.) *A History of the University in Europe*. Cambridge University Press. pp. 77–107.
14. Schwinges, R.C. (2003) Admission. In: Ridder-Symoens, de H. (ed.) *A History of the University in Europe*. Cambridge University Press. pp. 171–194.

15. Rüegg, W. (2003) Themes. In: Ridder-Symoens, de H. (ed.) *A History of the University in Europe*. Cambridge University Press. pp. 3–34.
16. Grocholewski, Z. (2006) The European Cultural Heritage That Calls Out To Us. *Higher Education in Europe*. 31(4). pp. 363–368. DOI: 10.1080/03797720701303129
17. Rüegg, W. (2003) The Rise of Humanism. In: Ridder-Symoens, de H. (ed.) *A History of the University in Europe*. Cambridge University Press. pp. 442–468.
18. de Ridder-Symoens, H. (2006) The Intellectual Heritage of Ancient Universities in Europe. In: Sanz, N. & Bergan, S. (eds) *Le Patrimoine des Universités Européennes*. Council of Europe. pp. 79–91.
19. Walton, C.C. (1959) The Hague "Congress of Europe": a Case Study of Public Opinion. *Western Political Quaterly*. 12(3). pp. 738–752. DOI: 10.1177/106591295901200307
20. Ortega y Gasset, H. (2016) *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Translated from Spanish. Moscow: AST.
21. Schofer, E. & Meyer, J.W. (2005) The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century. *American Sociological Review*. 70(6). pp. 898–920. DOI: 10.1177/000312240507000602
22. Lévy-Garboua, L. (1976) Les demandes de l'étudiant ou les contradictions de l'université de masse. *Revue Française de Sociologie*. 17(1). pp. 53–80. DOI: 10.2307/3320957
23. Neave, G. (2003) The Bologna Declaration: Some of the Historic Dilemmas Posed by the Reconstruction of the Community in Europe's Systems of Higher Education. *Educational Policy*. 17(1). pp. 141–164. DOI: 10.1177/0895904802239290
24. Życiński, J.M. (2006) Axiological Horizons of the European Identity and Their Impact on the University. *Higher Education in Europe*. 31(4). pp. 381–390. DOI: 10.1080/03797720701303319
25. *Magna Carta of Universities. Bologna, 1988*. [Online] Available from: http://www.magna-charta.org/resources/files/the-magna-charta/russian-1 (Accessed: 25th February 2017).
26. *Student Göteborg Declaration*. (2001) [Online] Available from: https://wissenschaft.bmwfw.gv.at/fileadmin/user_upload/Bologna_Grundsatzdok/Von_Bologna_bis_Prag/ student_goteborg_declaration.pdf (Accessed: 15th March 2017).

УДК 908:376
DOI: 10.17223/19988613/67/24

В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев, А.Л. Носова

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВУЗ: АНАЛИЗ МНЕНИЙ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Работа выполнена в рамках базовый части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2020-0036.

Исследуется позитивный опыт внедрения инклюзивного образования в вузах Европы и России, анализируются особенности инклюзии в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники. Для выявления отношения студентов к инклюзии проведено исследование, после чего осуществлен корреляционный анализ результатов. Были сформулированы основные выводы относительно факторов развития инклюзии в современном российском вузе, а также проблем, которые препятствуют этому процессу.
Ключевые слова: инклюзивное образование; студенты с инвалидностью; экосреда вуза.

В историческом плане Россия находится на этапе перехода от медицинской к социальной модели инвалидности. Эта модель применительно к вузовской системе предполагает, что вариантом включения человека с ограниченными возможностями в обычную жизнь становится развитие экосреды вуза, т.е. такой платформы, которая обеспечивает множественные горизонтальные коммуникации как внутри структур, так и с внешней средой, мобилизуя личностные ресурсы. Благодаря этому происходит выявление проблем и поиск вариантов включения лиц с инвалидностью на равных основаниях в университетское сообщество. Обеспечив доступность образования для инвалидов, общество может предъявлять к ним требования наравне с неинвалидами; так максимально нивелируются дискриминирующие особенности инвалидности. Особенно важно выстраивание доступной среды, как инфраструктурной, так и информационной, в высших учебных заведениях: обеспечив человека с инвалидностью возможностью получить образование, общество получает производителя общественных благ, инвалид же получает знания (компетенции), диплом, коллег, льготы для профессионализации, которые ему положены по закону, и, таким образом, равенство возможностей в начальный период своей жизни, что способствует в дальнейшем его лучшей адаптации в обществе. Тем не менее очевидно, что человек с инвалидностью обучается несколько лет в той среде, где окружающие не всегда проявляют терпение, не понимают, что в целях адаптации он вынужден обращаться за помощью, задавать вопросы, что он наблюдает недоброжелательную реакцию окружающих, и проявления недовольства его травмируют. Не следует также забывать, что в это время идет формирование социальной идентичности. Таким образом, в реальности инвалида окружает противоречивая окружающая среда образовательного учреждения.

Неоднократно были выявлены дискриминирующие инвалидов высказывания со стороны как преподавателей, так и студентов вуза. Отдельные студенты транслируют мысли о том, что инвалиды зря занимают бюджетные места, тормозят изучение материала в группе. Некоторые преподаватели недовольны большим количеством вопросов, которые задают эти студенты. Для того чтобы выяснить основные мотивы таких дискриминирующих мыслей, мы провели исследование мнений студентов и подвергли его результаты корреляционному анализу.

Данная проблема поднимается в научных исследованиях европейских и американских ученых начиная с 1990-х гг. Россия подключилась к изучению этой проблемы в 2000-х гг. Еще в статье 2005 г. известные исследователи социальной работы Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов [1] установили, что хотя значительная часть однокурсников готова помогать студентам-инвалидам, тем не менее встречаются отдельные студенты, испытывающие неприязненное отношение, отстранение от них. Барьеры и стереотипы как одну из причин, препятствующих интеграции инвалидов в общество, выделил в своей диссертации и В.А. Петросян [2].

В 2012 г. Государственная Дума РФ ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, что положило начало большому количеству исследований в данной области. Так, М.Г. Муравьева описала изменение отношения к инвалидам и сделала ряд предположений о том, как принятие Конвенции изменит это отношение в российском обществе [3]. Е.С. Гринина выявила различия в отношении к студентам с инвалидностью у представителей различных вузовских специальностей [4].

К концу десятилетия вопросы отношения среды к студентам с инвалидностью не стали менее дискуссионными. По результатам исследований С.А. Бурилкиной и А.С. Каминского, каждый пятый из опрошенных студентов относится к инклюзии негативно [5]. Коммуникативные барьеры при совместном обучении выявили также томские исследователи вопроса [6]. Неоднократно публиковал исследования на эту тему коллектив авторов из Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники [7].

Исследователи предлагают решения этих проблем. Так, в работе Э.К. Наберушкиной предлагается модель конструирования инклюзивной среды в образователь-

ном заведении с разделением на инфраструктурную, образовательную и социальную [8]. Эту модель предлагается рассматривать как основу, требующую инициативных стратегий в конкретных учебных заведениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что с начала XXI в. идет довольно интенсивное изучение заявленной проблемы, тем не менее она еще не решена. В числе условий и факторов, укрепляющих позиции инклюзии в вузе в целом, можно выделить имеющуюся практику реализации закона «Об образовании РФ» № 273-ФЗ. В особенности это касается организации специальных условий обучения лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Такие студенты образуют целевую группу инклюзии. Внутри этой группы есть лица с инвалидностью, которую определяют комиссии медико-социальной экспертизы (МСЭ). Право поступления в вуз на внеконкурсной основе предоставляется инвалидам I, II групп, категории «ребенок-инвалид», а также инвалидам III группы при условии, что имеется свидетельство об инвалидности с детства, Кроме того, в целевую группу инклюзии входит категория студентов, которая сформировалась в соответствии с федеральным законом от 30 июня 2007 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья», согласно которому употребляемые в нормативных правовых актах слова «с отклонениями в развитии», были заменены термином «ограниченные возможности здоровья». На основании этого было введено понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Как правило, этот статус устанавливается в случае отклонений психического характера детям еще на школьной скамье психолого-медико-педагогическими комиссиями субъектов РФ, действующими на территориях районов и поселений. Поступают в вуз такие студенты на конкурсной основе, но имеют право на специальные условия обучения, как и лица с инвалидностью.

В число этих условий входят, согласно ст. 79 федерального закона № 273-ФЗ, предоставление вузом адаптированных образовательных программ по направлениям подготовки, индивидуальный план обучения, помощь ассистента в преодолении трудностей обучения. Адаптированные образовательные программы и индивидуальный план обучения не исключают какие-либо дисциплины из учебного плана, но предусматривают особенности нозологий, перенесение срока сдачи зачетов и экзаменов в зависимости от состояния студента-инвалида, разработку методической литературы. Виды помощи ассистента (сопроводителя) студенту с ограниченными возможностями не регламентируются какими-то условиями.

В зарубежных университетах практика предоставления сопроводителя (ассистента) подразумевает создание рабочих мест для наиболее успешных студентов, которые проходят для этого специальное обучение. Так, в университете Гумбольдта (Берлин) они оказывают помощь студентам с инвалидностью в конспектировании лекций преподавателя, причем специально для них преподаватели через каждые 15 минут лекции обязаны спрашивать, успевают ли такие ассистенты делать запись. Ассистент также обязан разъяснять студенту-инвалиду задания по практическим заданиям и непонятный материал. Сумма вознаграждения за такую работу составляет примерно 400 евро в месяц.

Университеты Швеции обязаны тратить 0,3% своего бюджета на нужды студентов с инвалидностью (в эти расходы не входят затраты на оборудование). Если университет тратит бóльшую сумму, то в этом случае он может получить дополнительные средства от правительства. В Университете Стокгольма также составляют сертификат об обучении для каждого студента-инвалида. В этом документе описываются на основании справок из медицинских учреждений все услуги, которые предоставляет университет данному студенту в целях его успешного обучения. В числе последних – предоставление большего времени на проведение экзамена, сдача его в письменной форме, выделение ноутбука, сурдопереводчика, сопроводителя (ассистента) и т.п. Сертификат об обучении находится у студента, и он его предъявляет преподавателям выбранного направления подготовки (обычно в школы определенного направления). На основании этого документа, один из преподавателей, ответственный за таких студентов, составляет план обучения по специальности для конкретного случая и решает совместно с другими преподавателями различные вопросы. В вузах Финляндии аспирантам с инвалидностью для написания диссертационной работы, если это необходимо по плану подготовки, предоставляются заграничные командировки с сопровождением ассистента, работу которого оплачивает университет.

В российских вузах нет какой-либо общепринятой практики сопровождения таких студентов. Иногда студент не обращается за помощью до конца обучения, в других случаях, проучившись один семестр, он понимает, что его подготовки недостаточно. В особенности это относится к тем студентам, которые находились на домашнем обучении до поступления в вуз или же попали в больницу и пропустили много занятий. Эти студенты плохо знают свои права, боятся вызвать недовольство преподавателей и деканата, у них много коммуникативных барьеров. Помощь в этих случаях могут оказать службы или центры сопровождения таких студентов в вузах.

Так, в структуру управления ТУСУРа с 2011 г. входит Центр доступности образования (ЦеДО). Он был переименован из Центра сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ) в 2018 г. в связи с расширением целевой группы инклюзии. В 2017–2018 учебном году в ТУСУРе был разработан бланк заявления, и студенты с ограниченными возможностями, в том числе первокурсники, впервые писали заявления об отказе или согласии на специальные условия обучения на всех факультетах (в том числе на заочном и вечернем (ЗиВФ) и Факультете дистанционного обучения (ФДО)). Опрос проводил ЦеДО совместно с деканатами. Всего было выявлено 95 человек с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья из 11 500 студентов вуза, что составило 0,8%. Этот показатель в ТУСУРе оказался выше, чем в целом по стране (0,38%) [9]. В результате опроса выяснилось, что на ФДО, где

обучается примерно 4 тыс. студентов (62 человека с инвалидностью) фактически сложилась система индивидуальной работы со студентами с построением индивидуального плана обучения. Адаптированные программы обучения оказались невостребованными, как и индивидуальный план обучения, студентами очного отделения (23 человека), а помощь ассистента (сопроводителя) как специальное условие запросили несколько человек. Такие опросы в ТУСУРе в начале каждого учебного года стали регулярными. Кроме того, в любой момент обучения студент с ограниченными возможностями имеет право сам обратиться с заявлением о предоставлении ему специальных условий.

Переход к инклюзивному образованию, о котором начали говорить лет 20 назад, происходит медленно и к настоящему времени не завершился. Важным фактором инклюзии выступает атмосфера вуза. Отношение к инвалидам нельзя назвать однозначно положительным или однозначно отрицательным. Для того чтобы конструирование новой реальности продвигалось вперед, шло в более позитивном направлении, необходимы публичное обсуждение этой темы, проблем, которые возникают в связи с инвалидностью студентов, дискуссии, обмен опытом в рамках РУМЦ, на уровне сообщества вузов.

Теоретической основой инклюзии является экосоциальный подход, который обращает внимание на отношения в больших и малых социальных группах, развитие функций помощи и взаимопомощи, разработку и проведение мероприятий, направленных на повышение консолидации и позитивной атмосферы. Целью этого подхода является преодоление социального исключения при помощи роста общественной ответственности, объединения людей в малых и больших группах на основе принципа интеграции и взаимосвязи [10].

В ТУСУРе практика сопровождения студентов с ограниченными возможностями складывается из следующих направлений. В начале каждого учебного года Центр доступности образования совместно с деканатами организует мероприятие «Добро пожаловать в ЦеДО!». В помещении Центра собираются первокурсники с ограниченными возможностями, преподаватели кафедры истории и социальной работы, студенты проектных групп, занимающиеся проблемами социального сопровождения в вузе. На этой встрече объясняются правила предоставления специальных условий обучения, можно получить ответы на любой вопрос и т.п. Визуальный контакт и эмпатия играют важную роль в складывании взаимоотношений с этими студентами. Выявление на данном этапе неуверенных в себе студентов может предупредить их неуспеваемость. На всех этапах обучения проходит социальная работа с конкретными случаями, а также взаимодействие с родителями в решении тех или иных проблем этих студентов, включая коммуникативные, бытового устройства и пр. Как правило, с этими проблемами они обращаются сами в ЦеДО.

Еще одним направлением работы Центра стала организация досуга этих студентов, вовлечение в различные формы внеучебной деятельности вуза, участие в Абилимпиксе и в деятельности психологического клуба «Рефлексия» при ЦеДО в целях формирования коммуникативных навыков и снятия психологического напряжения.

Одну из главных задач своей деятельности ЦеДО видит в распространении знаний о том, как важны рост личной ответственности в академических группах, воспитание солидарности и коллективизма, взаимопомощь, практически забытые сегодня фетиши. Идеи инклюзии популяризируются посредством организации викторин, информационных площадок, конкурсов плакатов по этой теме в учебных корпусах вуза.

Участие преподавателей и студентов в конструировании новой реальности – инклюзивного подхода – происходит не автоматически, а в совместной деятельности. В одну из групп технического факультета вуза поступил студент Н. с нозологией психического характера, причем прием лекарственных препаратов вызывал реакцию торможения сознания, и ему приходилось часто переспрашивать преподавателей, задавать дополнительные вопросы, на это тратилось время, что вызывало недовольство и дистанцирование от него студентов группы. После беседы декана факультета, представителей кафедры и ЦеДО один из студентов, Данил Т., имеющий хорошую подготовку по математике и информатике, согласился помогать этому студенту. Он имел право на материальное поощрение, но отказался от него, ьак как был воспитан в семье, где за оказание помощи не принято было брать деньги. В результате оказанной поддержки Н. стал хорошо учиться, успевать по предметам, сдавать сессии только на «хорошо» и «отлично». Таким образом, в данном случае, Данил Т. проявил не только инициативу, но и вполне взрослую ответственность, и именно так инклюзия продвигается вперед. В других случаях помощь таким студентам оказывают старосты, преподаватели. Иногда помощь оказывается всей группой, которая, например, помогает передвигаться студентам с ДЦП с помощью костылей или с использованием коляски. Гуманизм, по К. Роджерсу, как веру в способность любого человека к развитию своего потенциала проявить бывает трудно, и проще отойти в сторону, но неравнодушие и активность – достаточно простые качества – способны сыграть большую роль как в личностном развитии, так и в общественных процессах.

В 2019 г. был проведен, обработан и проанализирован анкетный опрос на выявление отношения студентов гуманитарных и технических факультетов ТУСУРа к студентам с ограниченными возможностями. В опросе приняли участие 100 студентов первого курса (бакалавриата) очной формы обучения. Средний возраст составил 18 лет. Анкета включала 12 пунктов и акцентировала внимание студентов на отношении к инвалидности в академических группах в вопросах коммуникации, создания позитивной атмосферы, повышения собственных позиций в отношении инклюзивного образования.

При проведении опроса выявлено положительное отношение большей части студентов (86%) к лицам с ограниченными возможностями здоровья. Значительная часть студентов проявляет эмпатию, т.е. способность поставить себя на место другого человека. К таким людям 4% проявлюет жалость, так как люди с инва-

лидностью ограничены в своих физических возможностях. По данным исследования, 2% демонстрируют негативное отношение, что свидетельствует о том, что зачастую люди не знают, чего ожидать от инвалидов, по-видимому, они не сталкивались с ними ранее, поэтому боязнь взаимодействия приводит к дистанцированию от них.

Значительная часть опрошенных студентов, 79%, ответили, что не слышали о термине «инклюзивное образование». Можно предположить, что первокурсники не обладают достаточной информацией об инклюзии или думают, что образовательная среда не приспособлена для инвалидов. Часть студентов считают, что лица с ограниченными возможностями должны обучаться в специализированных учреждениях, так как это, наверное, лучше для них, и предполагают, что в противном случае могут возникнуть различного рода проблемы, с которыми они не справятся. Можно предположить, что студенты, скорее всего, не знают, как правильно предложить свою помощь таким людям, а если и осмеливаются предложить, то боятся получить отказ, поставить инвалида в неудобное положение, намекая тем самым на его несамостоятельность и беспомощность. Вместе с тем 43%, т.е. менее половины респондентов, считают эту позицию ошибочной, они уверены в том, что наилучшим образом развитие таких студентов будет происходить среди обычной академической группы. Это – сторонники инклюзии.

Также практически половина опрошенных заявили, что предлагали свою помощь лицам с ограниченными возможностям, активно взаимодействовали с ними, проявляли эмпатию, что говорит о сформированности собственной позиции в отношении инклюзии.

Из числа респондентов 62% заявили, что наличие инвалида в группе не повлияет на работоспособность коллектива, однако сами инвалиды зачастую считают, что они беспомощны, тем самым не осознавая своего потенциала и возможностей. Они считают, что в этом случае общество должно оказывать им поддержку в развитии ресурсов и энергии.

На вопрос: «Согласны ли Вы, чтобы ваши будущие дети обучались с инвалидами?» – 53% респондентов ответили положительно, однако 18% опрошенных относятся к вопросам совместного обучения с инвалидами отрицательно. При этом непонятно, окончательно ли это решение или в процессе обучения студенты его могут изменить.

Для установления взаимосвязи между группами мнений и выяснения, какой позиции придерживаются опрашиваемые в целом был проведен корреляционный анализ по коэффициенту корреляции К. Пирсона. Этот анализ помогает расширить данные социологического исследования, выяснить такие моменты, которые могут ускользнуть из внимания человека, просто сравнивающего различные статические показатели. Коэффициент Пирсона показывает линейную связь между двумя переменными. В настоящем исследовании переменными являются результаты ответов респондентов на различные вопросы. Ответы были зашифрованы таким образом, что отрицательный ответ оценивался в наименьшее количество баллов, а положительный – в наибольшее (например, в первом вопросе – про знание об инклюзивном образовании – «ничего не слышал» оценивалось в 0 баллов, «что-то слышал» – в 1 балл, «слышал и знаю, что это такое» – в 2 балла и т.д.) Коэффициент показывает, как часто люди, отвечающие положительно на один вопрос, отвечают положительно и на другой (т.е. это – положительная связь), либо как часто они отвечают на второй вопрос отрицательно (отрицательную связь, она обозначена в таблице знаком минуса). Результаты панализа представлены таблице.

Ответ на вопрос «Слышали ли Вы о термине инклюзивное образование?» коррелирует с рядом других ответов. Средняя отрицательная корреляция выявлена с ответом на вопрос «Каково ваше отношение к совместному обучению инвалидов?». Чем лучше люди знакомы с концепцией инклюзивного образования, тем отрицательнее они воспринимают идею совместного обучения. Вероятно, это можно объяснить тем, что люди уже имели опыт совместного обучения с инвалидами, и этот опыт оказался неудачным. Тем не менее ответ на этот вопрос показывает средние положительные корреляции с ответами на вопросы «Решились бы Вы общаться со студентом с ограниченными возможностями?», «Предлагали ли Вы помощь инвалидам?» и «Принимали ли они от Вас помощь?». Несмотря на отрицательное отношение к совместному обучению, люди, слышавшие о термине «инклюзивное образование», чаще готовы помогать студентам с инвалидностью, потому что уже имеют этот опыт, он для них не является чем-то новым и, вероятно, опасным. Они готовы общаться с инвалидом, предложить помощь, имеют опыт ее оказания. Следовательно, хотя объединение инвалидов и не инвалидов в одну группу может вызывать стресс и неодобрение у последних, это необходимая мера для того, чтобы у общества нарабатывался опыт совместных действий. Средняя положительная корреляция с анкетным вопросом про факультет объясняется тем, что студентам преимущественно гуманитарных направлений чаще рассказывают о существовании инклюзивного образования. Не выявлено корреляций ответа на этот вопрос с мнением о том, понижает ли инвалид работоспособность в группе студентов и о том, согласны ли респонденты с совместным обучением их детей и инвалидов. Решительного отторжения идей инклюзивного образования у респондентов, знакомых с этой концепцией, нет.

Выявлена также корреляция между вопросами о том, каково отношение респондента к совместному обучению с инвалидами и о том, согласны ли они на совместное обучение их будущих детей с детьми-инвалидами. Неудивительно, что она положительная: чем лучше относятся респонденты к совместному обучению, тем охотнее согласны они обучать в инклюзивных группах своих будущих детей. Возникающий парадокс с отрицательной корреляцией с ответами людей, знакомых с термином «инклюзивное образование» следует толковать как проявление инфантилизма: сущность инклюзии все еще малопонятна студентам, а чувство ответственности у них сформировано слабо.

Корреляции между ответами на вопросы по поводу отношения к студентам с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья

	Каково Ваше отношение к совместному обучению инвалидов?	Решились бы Вы общаться со студентом с ограниченными возможностями?	Предлагали ли Вы помощь инвалидам?	Принимали ли они от Вас помощь?	Понижает ли инвалид работоспособность в группе?	Согласны ли Вы, чтобы Ваши дети учились вместе с инвалидами?	Факультет	Возраст
Слышали ли Вы о термине «инклюзивное образование»?	–,218	,342	,270	,226			,207	
Каково Ваше отношение к совместному обучению инвалидов?						,271		
Возникали ли у Вас сложности при общении с инвалидами?		,559						
Решились бы Вы общаться со студентом с ОВЗ?					–,477			
Что Вам дал опыт в обучении с людьми с ОВЗ?				–,399				
Предлагали ли Вы помощь инвалидам?				,736				
Согласны ли Вы с тем, что преподаватели завышают оценки инвалидам?						–,292		
Пол							–,417	–,209
Факультет								,209

Важным фактором также становится социальная инклюзия – взаимодействие в сфере коммуникации и общих дел с такими студентами, солидарность и коллективизм. Сильная положительная корреляция замечена между ответами на вопросы о сложностях в общении с инвалидами и готовности к общению. Понятно, что чем больше люди готовы вступать в контакт с инвалидами, тем чаще вступают и тем больше выявляется проблем в этом контакте. Тем не менее люди, готовые общаться с инвалидами, явно готовы и к трудностям, которые может вызывать такое общение.

Сильная отрицательная корреляция возникает между вопросом о решимости общаться со студентом с ограниченными возможностями и убеждением, что инвалид снижает работоспособность в группе. Предполагается, что люди транслируют свой реальный опыт учебы в инклюзивной группе, и чаще всего этот опыт оказывается неудачным, или это также отражение эгоизма и стремления переложить ответственность за свои неудачи на других.

Между вопросами «Что Вам дал опыт обучения с людьми с ограниченными возможностями?» и «Принимали ли они от Вас помощь?» существует сильная отрицательная корреляция. Результаты ответа на первый опрос были закодированы по мере увеличения эмоционального и когнитивного воздействия этого опыта: от получения новых знаний до полного изменения мнения о таком общении. Респонденты, отвечавшие, что инвалиды принимали помощь от них, чаще отвечали, что скорее приобрели новые знания, чем полностью поменяли свое мнение. Это говорит о том, что решались оказывать помощь инвалидам те, кто имел знания или опыт в этой области, и это не приводило к полной переоценке ценностей. Такая корреляция определяет важность просветительской работы по вопросам инклюзивного образования.

Сильнейшая положительная корреляция между вопросами «Предлагали ли Вы помощь?» и «Принимали ли они помощь?» в комментариях не нуждается. Чем чаще ты предлагаешь помощь, тем выше вероятность, что на нее кто-то согласится. Как известно, человек, оказывая помощь, приобретает для себя больше.

Студенты, считающие, что преподаватели завышают оценки инвалидам, менее склонны в будущем отправить своих детей в инклюзивные группы. В этом «осуждении преподавателей» также проявляется социальная незрелость или стремление переложить ответственность за свои неудачи на других. Существует опасность, что студенты, если с ними не проработать эти моменты, могут в процессе воспитания собственных детей переложить эти стереотипы в сознание уже следующего поколения.

Таким образом, проведенное исследование помогает сделать ряд выводов. В ТУСУРе первокурсники недостаточно знают о термине «инклюзивное образование», тем не менее около половины опрошенных говорят о его необходимости и не против его внедрения. Это, скорее, заслуга процесса гуманизации образования, который проходит в настоящий момент и связан с глобальным процессом гуманизации нашего общества. Однако от 40 до 50% респондентов в ряде случаев выступают против инклюзии, предполагая, что инвалид в группе будет помехой обучению. Корреляционный анализ подробнее раскрывает нам при-

чины такого отношения. Например, отрицательная корреляция между знакомством с идеей инклюзивного образования и согласием на совместное обучение, скорее всего, объясняется негативным опытом такого обучения в прошлом. Тем не менее этот опыт важен, поскольку люди, знакомые с инклюзией, чаще готовы помогать, общаться с инвалидом. Те, кто согласен с инклюзией, скорее согласятся и на совместное обучение своих детей. На общение с инвалидами и предложение помощи согласны те респонденты, которые уже сколько-нибудь знакомы с данной концепцией.

Если учитывать, что одна из целей высшего образования – это его гуманизация и повышение инклюзивности, наш опрос позволяет пролить свет на механизмы осуществления этой цели. Надо признать, что опыт общения с инвалидами в инклюзивных группах может быть травматичным для обеих сторон, но тем не менее этот опыт позволяет в дальнейшем студентам вырабатывать у себя определенный уровень ожиданий и в целом может привести к позитивным последствиям. Однако такой опыт может сформировать и группу противников инклюзии – и уже сейчас ее формирует.

Сформулируем ряд рекомендаций по переходу к настоящей инклюзии в вузах России.

Во-первых, прежде всего следует максимально адаптировать образовательное пространство для нужд инвалидов. Это необходимо для того, чтобы студент с ограниченными возможностями обладал возможно более полной автономией в вопросах передвижения по учебным корпусам, получения необходимой информации. Это поможет снять часть ответственности с представителей академических групп и частично изменит «жалеющее» отношение.

Во-вторых, преподавателям необходимо находить новые подходы к обучению «особенных» студентов, с тем чтобы в процессе обучения не оказывалось, что учебный процесс страдает из-за одного неуспевающего студента-инвалида. Тем не менее неприемлем и «дарвиновский» подход в образовательном пространстве, который предполагает, что преподаватель ориентируется на большинство, а остальные должны подстраиваться под общий темп занятия. Инвалиды могут быть не в состоянии подстроиться.

В-третьих, необходимо развивать просветительскую работу в вузах, освещать жизнь студентов с инвалидностью, организовывать больше совместных мероприятий с участием инвалидов и не инвалидов.

Соблюдение этих рекомендаций ускорит процесс формирования принимающего инклюзивного образовательного пространства.

Таким образом, в настоящее время в стране формируются условия для перехода к инклюзии и социальной модели инвалидности, имеются правовая база, возможности для выравнивания условий в обучении лиц с ограниченными возможностями, развития их потенциала и включения в социальную жизнедеятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Доступность высшего образования для инвалидов // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1. С. 89–99.
2. Петросян В.А. Интеграция инвалидов в российское общество : автореф. дис. … д-ра социол. наук. М., 2011. 43 с.
3. Муравьева М.Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности // Журнал исследований социальной работы. 2012. № 2. С. 151–166.
4. Гринина Е.С. Отношение студенческой молодежи к лицам с ограниченными возможностями здоровья // Известия Саратовского университета. 2015. Т. 4, вып. 4. С. 333–337.
5. Бурилкина С.А., Каминский А.С. Студенческая молодежь и инклюзивное образование // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 2. С. 24–29.
6. Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Опыт организации обучения студентов-инвалидов в высших образовательных учреждениях Российской Федерации // Социодинамика. 2017. № 9. С. 46–57.
7. Зиновьева В.И., Наумова Н.И., Берсенев М.В., Шульмин М.П. Формирование позитивной атмосферы в отношении лиц с ограниченными возможностями в образовательном пространстве // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 192–195.
8. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4. С. 18–28.
9. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России //Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4. С. 13–21.
10. Пэйн М. Социальная работа: современная теория : учеб. пособие / под ред. Дж. Камплинга; пер. с англ. О.В. Бойко, Б.Н. Мотенко; науч. ред. пер. И.В. Наместникова. М. : Академия, 2007. 400 с.

Valentina I. Zinovieva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com
Maxim V. Bersenev, Tomsk State University of Control systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Anastasiia L. Nosova, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasiia.nosova@tusur.ru

INCLUSIVE EDUCATION AND UNIVERSITY: OPINION ANALYSIS AND DEVELOPMENT FACTORS

Keywords: inclusive education; students with disabilities; university ecological environment.

The development of the university's ecological environment plays a positive role in the spreading of inclusive education and the social model of disability. It is a platform that provides multiple horizontal communications, both within structures and with the external environment, and the mobilization of the personal resources of all participants. The target group of inclusion in the university is, according to Russian law, are students with disabilities of I, II groups, disabled children, students of III group with a diagnosis of "disabled since childhood" who use some benefits during their admission, and students with disabilities (category, which is established by the psychological, medical and pedagogical commissions). Together they form a group of students with special needs or disabilities and are entitled to special learning conditions. The goal of the university is to level the learning conditions of these students in relation to all others, to include this group in the university community. By ensuring the accessibility of education for people with disabilities, society thereby eliminates the discriminatory features of disability.

A factor that strengthens the position of inclusion in the university is the creation and operation of a special Center to accompany such students, which creates a database on specific cases, establishes relations with the deans of different faculties, departments, public organizations in connection with the individual support of certain students, overcoming communication barriers, organization of special education conditions. The centers also keep in touch with the parents of the target group students. In TUSUR, it is the Center for Education Accessibility (CEA). It has a Regulation on activities, it is part of the structure of the university.

The next factor is the formation of a social environment of inclusion based on the growth of social responsibility in large and small groups in order to prevent social exclusion of students with disabilities. This is a long-term task and its solution depends on the popularization of inclusion ideas, social activity and initiatives of individuals or groups. A turning point in the social construction of a new reality will come if more than 50% of employees and students of the university understand the ideas of inclusion, provide support to students with disabilities to level the conditions of their education.

Social inclusion, interaction in the field of communication and common affairs with such students, solidarity and collectivism also become an important factor. Their involvement in the cultural and educational sphere and success in the educational process will help to increase their self-esteem, develop personal potential, and form a host community.

REFERENCES

1. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (2005) Dostupnost' vysshego obrazovaniya dlya invalidov [Accessibility of higher education for disabled people]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 89–99.
2. Petrosyan, V.A. (2011) *Integratsiya invalidov v rossiyskoe obshchestvo* [Integration of people with disabilities into Russian society]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Moscow.
3. Muravieva, M.G. (2012) Kaleki, invalidy ili lyudi s ogranichennymi vozmozhnostyami? Obzor istorii invalidnosti [Crippled, invalids or disabled people? A review of the history of disability]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy raboty*. 2. pp. 151–166.
4. Grinina, E.S. (2015) Otnoshenie studencheskoy molodezhi k litsam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [The attitude of student youth towards persons with disabilities]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta – Izvestiya of Saratov University.* 4(4). pp. 333–337.
5. Burilkina, S.A. & Kaminsky, A.S. (2018) Youth and Inclusive Education. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya – Humanitarian and Pedagogical Research*. 2(2). pp. 24–29. (In Russian).
6. Meshcheryakova, N.N. & Rogotneva, E.N. (2017) Opyt organizatsii obucheniya studentov-invalidov v vysshikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii [Organizing training for disabled students in higher educational institutions of the Russian Federation]. *Sotsiodinamika*. 9. pp. 46–57.
7. Zinovieva, V.I., Naumova, N.I., Bersenev, M.V. & Shulmin, M.P. (2019) Forming a positive atmosphere in relation to persons with disabilities in the educational space of the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 192–195. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/24
8. Naberushkina, E.K. (2017) Orientiry razvitiya inklyuzii v prostranstve vysshey shkoly [Landmarks for the development of inclusion in the space of higher education]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 18–28.
9. Gerasimov, A.V. (2018) Opyt organizatsii i mekhanizmy razvitiya inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossii [Organization experience and mechanisms for the development of inclusive higher education in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 13–21.
10. Payne, M. (2007) *Sotsial'naya rabota: sovremennaya teoriya* [Social work: modern theory]. Translated from English by O.V. Boyko, B.N. Motenko. Moscow: Akademiya.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(411)”15/19”
DOI: 10.17223/19988613/67/25

С.В. Кондратьев, Д.С. Митюрева

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К РАННЕМУ НОВОМУ ВРЕМЕНИ. О КНИГЕ ДЖ. БЕЙКЕРА ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ: ОБРЕТЕНИЕ НОВОГО СМЫСЛА, 1216–1616 гг. КЕМБРИДЖ, 2017. XLIX, 570 с.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 19-011-00581 А «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

На основе историографического анализа книги Дж. Бейкера рассматривается история Великой хартии вольностей. Показано, что рецепционная жизнь хартии была долгой и сложной – от мирового соглашения между королем и баронами к парламентскому статуту, – в ходе которой она обрела новые смыслы и звучание, позволяющие отстаивать вольности, права и собственность подданных, требовать ограничения королевской власти. Характеризуется вклад Дж. Бейкера в изучение Великой хартии вольностей, а также привлечение им новых источников и массового материала судебных дел.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей; право; свободы; юристы.

В 2015 г. мир широко отметил 800-летие Великой хартии вольностей. Хотя юбилейные мероприятия закончились, книги об этом историческом и правовом памятнике, от которого нередко ведут отсчет либеральной идеи, продолжают издаваться [1]. Исследование профессора Кембриджского университета Джона Бейкера, старейшего и авторитетнейшего историка английского права, отличают не только фундаментальность, огромный подбор источников, включая написанные по-французски (язык английского судопроизводства Средних веков и раннего Нового времени) и латыни, но и оригинальный взгляд и подход к изучаемому предмету.

Исследование делает экскурсы в XIV и XV вв., но основной его объем посвящен трансформации восприятия памятника, актуализации и артикуляции в нем новых смыслов, которые внесли XVI в. и предреволюционная эпоха. Хронологические рамки исследования Дж. Бейкера почти совпадают, что отмечает сам автор [2. P. IX], с монографией Файт Томпсон (1948) [3], которая описала правовую историю Великой хартии. Дж. Бейкер стремится показать не историю памятника, а историю его временного «переосмысления», в результате которого Великая хартия вольностей оказалась спаяна и ассоциирована с такими ценностными установками, как права индивидуума, конституционная монархия и управление в рамках права [2. P. XII]. Особая заслуга, по его мнению, в привнесении в средневековый текст хартии новых смыслов принадлежит позднетюдоровским и раннестюартовским юристам общего права [Ibid. P. XII]. В значительной степени книга строится на лекциях (readings) правоведов, которые они читали студентам и юристам в судебных подворьях. Отметим, что многие из них ввел в оборот и издал сам Дж. Бейкер [4].

Уже в первых двух главах – «Правовой характер Великой хартии вольностей» и «29 статья Великой хартии вольностей» – подчеркивается, что документ, воспринимаемый в предреволюционное время как краеугольный камень английского государства и права, медленно обретал этот статус и образ. В 1215 г. на лугу Раннимид мятежные бароны, епископы и жители Лондона вырвали у короля Иоанна Безземельного подтверждение своих вольностей. Это было «мировое соглашение» сторон [2. P. 7]. Тот пространный документ, расчлененный на параграфы только в середине XVIII в., фактически никогда не функционировал и даже долгое время оставался забытым. Следующие поколения, и прежде всего юристы, использовали редуцированную версию Великой хартии 1225 г., дарованную малолетним королем Генрихом III. Пожалование вольностей и привилегий в 1225 г., затем подтвержденное в 1267 и 1297 гг., трансформировалось к XVII в. в парламентский акт [Ibid. P. 1–12], который, по утверждениям Эдварда Кока, самого авторитетного предреволюционного правоведа, подтверждался парламентами еще 32 раза [Ibid. P. 9], и декларацию фундаментальных принципов общего права и вольностей [Ibid. P. 13–17], которые не подлежат изъятию или изменениям [Ibid. P. 24–32]. В XIV в., пишет Дж. Бейкер, сформировалось представление о том, что власть должна править в соответствии с «надлежащим процессом» (due process) права и может быть скорректирована [Ibid. P. 52], если ее решения и действия будут противоречить Великой хартии вольностей [Ibid. P. 40–46]. А к началу XV в. в результате реинтерпретаций из хартии выводились уже следующие принципы: «Король не может, если этого ему не позволяет процесс права, посылать судей или должностных лиц притеснять лю-

дей или захватывать собственность подданных. У короля нет власти делать то, что он не может делать. Король не может менять право страны» [2. P. 68].

Третья глава разбирает лекции юристов общего права, читанные в судебных подворьях между серединой XIV и серединой XVI в., которые были посвящены Великой хартии вольностей [Ibid. P. 69–109]. В ходе лекций правоведы последовательно подвергали толкованию каждое слово документа. Автор показывает, что хотя в XV в. хартия повсеместно исчезла из юридической и парламентской практики, она осталась в практике преподавания права. Судебные подворья стали единственными местами, которые поддерживали ее жизнь. Правда, в ходе лекций юристы старательно избегали проблемы соотношения власти короля и принципов общего права [Ibid. P. 86–87]. К XVI в. в подворьях была сформулирована идея, что «в своей значительной части право, которое используется сейчас, вышло из Великой хартии» [Ibid. P. 81]. Начиная с XVI в. в Англии к хартии стали прибегать, чтобы ограничить или осудить произвол со стороны должностных лиц монархии [Ibid. P. 97–99].

Автор полагает, что филологический анализ содержания Великой хартии вольностей, в ходе которого в нее привносилось отличное от первоначального содержание, подлинной высоты достигает во французских текстах Уильяма Флитвуда и его лекциях (глава 6 книги). У. Флитвуд утверждал, что «желание государя больше не может иметь силу закона» [Ibid. P. 246–247].

Подлинное возрождение хартии, подчеркивает Дж. Бейкер, происходит в XVI в. (главы 4–8 книги), а после 1580 г. обращения к ее статьям растут, подобно «взрыву». Особенно часто прибегают к 29-й статье, чтобы защитить личную свободу человека от произвольного ареста и собственность [Ibid. P. 110, 250]. На протяжении всей книги автор постоянно возвращается к 29-й статье, которая считается центральной в Великой хартии, она запрещает королю арестовывать, заключать в тюрьму, изгонять и «обездоливать» без приговора суда и не «по закону страны».

Одновременно повествование Дж. Бейкера об использовании Великой хартии вольностей в XVI и начале XVII в. является описанием столкновений юрисдикций судов общего права с судами церковными, прерогативными и так называемыми «судами справедливости» (прежде всего Судом лорда-канцлера), в ходе которых проблема защиты свобод подданных и их собственности поднималась постоянно (главы 4, 8 книги). Во второй половине XVI в. юристы общего права, несмотря на недовольство и запреты короны, начинают открыто обсуждать королевскую прерогативу и ее пределы. Используя Великую хартию вольностей, предпринимаются попытки очертить пределы королевской власти. Юристы затрагивают правовой статус королевских прокламаций и отказывают им вправе считаться законом. Ссылаясь на 29-ю статью, выступают против произвольных арестов без предъявления обвинений. Оттачивают процедуру habeas corpus для освобождения заключенных. Стремятся дать четкое определение королевской привилегии «защищать» (protection) преступивших закон от преследования по общему праву, а также покупать товары для двора по назначенным и фиксированным ценам (prerogative right of purveyance), вводить новые пошлины (impositions), раздавать монополии (глава 5 книги).

Главы 10 и 11 книги Дж. Бейкера повествуют об Эд. Коке, занимавшем до своей отставки в 1616 г. должность главного судьи Англии, который часто использовал Великую хартию вольностей в спорах с королем, а позднее, став депутатом парламента, при обсуждении, составлении и принятии знаменитой «Петиции о праве» (1628). Кроме того, для начала XVII в. Эд. Кок оставил самый пространный текст о Великой хартии, которым открывается 2-й том его «Институций», посвященный парламентским актам [5. P. 1–78]. Дж. Бейкер не ограничивается только вторым томом «Институций», он обращается к французским рукописным заметкам Эд. Кока о 29 статье хартии и разбираемым правоведом в процессе его карьеры судебным делам. Исследователь полагает, что никто до Эд. Кока так часто не обращался к 29-й статье. Эд. Кок считал вслед за юристом XIII в. Генри Брактоном, что власть короля определяется правом, тогда как его главные оппоненты – король Яков I, канцлер Англии Томас Эллисмер, генеральный атторней Френсис Бэкон – утверждали, что в силу божественного происхождения власти она не может определяться ни общим, ни статутным правом [2. P. 340–345]. Эд. Кок старался, показывает Дж. Бейкер, соединить положения 29-й статьи, процедуры habeas corpus и используемый для ограничения деятельности Высокой комиссии, преследующей пуритан, «приказ о запрещении» (write of prohibition), которым суды общего права изымали дела у этого прерогативного органа и других церковных судов [Ibid. P. 347, 352–375].

Одним из лейтмотивов многочленных исследований по истории хартии, который звучал и в ходе юбилейных мероприятий, является утверждение о том, что усилиями Эд. Кока и его собратьев по юридическому цеху Великая хартия вольностей в предреволюционной Англии была превращена в миф, обретя статус хранительницы незыблемых прав и свобод. Дж. Бейкер своим исследованием утверждает совершенно иную точку зрения, полагая, что рецепционная жизнь Великой хартии была намного сложнее и ее реинтерпретация заняла несколько столетий. Вместе с тем Дж. Бейкер согласен, что именно в предреволюционное время Великая хартия вольностей обрела очень высокий авторитет и на несколько десятилетий вошла в массовый оборот. Исторические изыскания второй половины XVII и XVIII в. лишили ее героического статуса и сделали отношение к хартии более взвешенным. Но, подчеркивает он, это не умаляет ее роли и всемирного значения, поскольку некоторые ее положения действуют до сих пор, присутствуя как принципы во «Всемирной декларации прав человека» (1948) и как нормы в современном административном праве Британии [Ibid. P. 450– 451].

Специальной высокой оценки заслуживают стостраничные приложения к книге, где автор разместил переведенные им с юридического французского материалы из трактатов, лекций и судебных дел, написанные, прочитанные и разобранные между серединой XV и началом XVII в., в которых юристы обращались к 29-й статье Великой хартии вольностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Magna Carta: History, Context and Influence / ed. by L. Goldman. London : University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018.
2. Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.
3. Thompson F. Magna Carta: Its Role in the Making of the English onstitution 1300–1629. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1948.
4. Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400–1604 / ed. J. Baker. London : Selden Society, 2015. Vol. 132.
5. Coke E. Second Part of Institutes of Laws of England Containing Exposition of Many Ancient and Other Statutes. London : Printed for E. and R. Broke, 1797.

Sergey V. Kondratiev, Tyumen State University (Tyumen Russian Federation). E-mail: skondratiev@utmn.ru
Daria S. Mityuryova, Tyumen State University (Tyumen Russian Federation). E-mail: d.s.mityuryova@utnn.ru

MAGNA CARTA FROM THE MIDDLE AGES TO THE EARLY MODERN TIME. ABOUT JOHN BAKER'S BOOK «REINVENTION OF MAGNA CARTA 1216–1616». CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2017. XLIX + 570 p.

Keywords: Magna Carta; law; liberties; lawyers.

This article is a review on the study of John Baker, dedicated to the Magna Carta. The main purpose of the article is to draw the evolution of the perception of the Charter, its reception life and the new meanings and also on how they are presented in the book of J. Baker. John Baker's book describes the origins and meaning of that Charter, on its subsequent transmutation through later revised reissues, confirmations, lawyers' readings, legal treatises, court cases and parliamentary debates into the substantially altered Magna Carta known to later generations with new meanings. The author focuses on how knowledge of that document was spread in a variety of ways and used by later generations not just to restrain royal excesses bit also crown officials. John Baker describes the causes why the peace agreement between the barons and John Lackland of 1215 transformed with the royal grant in 1225. He argues why the 1225 editorial board then gained status as a parliamentary statute. The book covers the period from 13 to the beginning of the 17 centuries. However, the author focuses on the post-reformation time. At the beginning of the 16 century the Magna Carta is beginning to be addressed more often. But the true resurrection of the Magna Charta occurs after 1580, when lawyers and commoners of the House of Commons use it (especially chapter 29) in order to protect the liberties and property of subjects. Throughout the book, the author constantly returns to Chapter 29, which is considered as central to the Great Charter, and prohibits the king arresting, imprisoning, expelling, and "depriving" without a court sentence and not "according to the law of the land".

One of the leitmotivs of many studies on the history of the Magna Carta is the assertion that by the efforts of Ed. Coke and his fellows in the legal branch Magna Carta in pre-revolutionary England was turned into a myth, gaining the status of a keeper of fundamental rights and liberties. By his research, J. Baker asserts a completely different point of view, believing that the reception life of the Magna Carta was much more complicated, and its reinterpretation took several centuries. At the same time, J. Baker agrees that it was during the pre-revolutionary time that the Magna Carta gained very high prestige and entered into mass circulation for several decades. Historical surveys of the second half of the 17 and 18 centuries deprived it of the heroic status and made the attitude towards the Charter more balanced. But, he indicates, this does not detract from its role and global significance, since some of its provisions still operate, being present as principles in the Universal Declaration of Human Rights (1948), and, as norms, in modern administrative law of Britain.

REFERENCES

1. Goldman, L. (ed.) (2018) *Magna Carta: History, Context and Influence*. London: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research.
2. Baker, J. (2017) *Reinvention of Magna Carta 1216–1616*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Thompson, F. (1948) *Magna Carta: Its Role in the Making of the English onstitution 1300–1629*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
4. Baker, J. (ed.) (2015) *Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400–1604*. Vol. 132. London: Selden Society.
5. Coke, E. (1797) *Second Part of Institutes of Laws of England Containing Exposition of Many Ancient and Other Statutes*. London: Printed for E. and R. Broke.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 902/904
DOI: 10.17223/19988613/67/26

Р.К. Мальцев, В.И. Марков

ЛИЧНОСТЬ ЯКОВА АБРАМОВИЧА ШЕРА В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Анализируется деятельность талантливого археолога Якова Абрамовича Шера по изучению памятников наскального искусства бассейна Среднего Енисея в период с 1960-х по 1990-е гг. Рассматриваются различные аспекты личности Якова Абрамовича не только как исследователя, археолога, но и как теоретика науки и новатора в деле методик копирования и индексирования археологических памятников, а также одного из организаторов отечественного петроглифоведения.

Ключевые слова: Я.А. Шер; Средний Енисей; история изучения; исследователь; Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.

Проблема достаточно напряженных отношений и взаимодействия творца с социумом и культурной системой – из разряда «вечных», хотя проявляется она по-разному в разных сферах и эпохах. В истории науки она приобретает особые оттенки, и это во многом зависит от ракурса видения самой науки. Науку можно понимать и как самоорганизующийся процесс приращения знаний, и как особую сферу общественной жизни, и даже как часть идеологической «надстройки» (что, впрочем, гуманитарные науки частенько оправдывали). Но в аспекте истории науки, которая, как и любая история, во многом ориентируется на индивидуализирующую методологию (в терминологии Г. Риккерта), особое значение приобретает персонологический подход, связывающий воедино судьбы самих ученых и судьбы творимой ими науки [1. С. 14].

В настоящее время в науке немало тезисов о коллективном характере современных научных изысканий, однако роль личности, особенно в гуманитарных науках, остается ведущей. И даже если работает коллектив, его успехи невозможны без лидера, который задает направление и сплачивает своей харизмой этот самый коллектив.

Путь творца в науке всегда непрост. Это связано с общими законами систем. Каждая из них, будь то система культуры или социума в целом, подобно живому организму, имеет и сохраняет всеми силами свою инерцию существования. И она имеет на это право. Поэтому все новое не так-то легко вписывается в установившийся порядок жизни. Конечно, не всегда это принимает формы, подобные древней Спарте, где каждый, предлагающий новации, выходил перед народным собранием с петлей на шее, осознавая свою ответственность за нововведения. Но и в современном мире такая тенденция, пусть весьма смягченная, остается. А творец – это всегда разведчик новых путей эволюции культуры. И далеко не всегда его поиск совпадает с тем, что нужно в данный момент общей системе жизни.

В советское время, с одной стороны, общество открыло пути в науку выходцам из ранее дискриминированных слоев. С другой стороны, возникли новые ограничивающие научный поиск моменты – социальное происхождение, идеологические шоры и пресловутый «пятый пункт» анкеты. В специфике сферы, в которой работал Я.А Шер, добавлялось и неизбежное противостояние попыткам разрушения археологических памятников в спешке грандиозных социально-экономических преобразований, происходивших в стране.

Все эти моменты в своей совокупности порождают напряженный драматизм в жизни честного ученого. В полной мере они отразились и на научной судьбе крупного ученого, известного исследователя петроглифов Якова Абрамовича Шера. Любому отечественному исследователю, будь то археолог, антрополог, специалист по первобытному искусству, да и просто студент-историк, знакомо имя Я.А. Шера (21.06.1931–17.04.2019).

Родился он 21 июня 1931 г. в городе Чимкент в семье служащих. После окончания школы, в 1949 г., сделал попытку поступить в ведущий вуз страны – Московский государственный университет. К сожалению попытка оказалась неудачной. После он стал студентом исторического факультета Киргизского государственного педагогического университета. В студенческие годы он увлекся археологией, которая стала делом его жизни. Обучаясь в университете, ему удалось участвовать в раскопках таких мэтров археологии, как А.Н. Бернштам, А.П. Окладников, Г.Ф. Дебец.

После окончания истфака Я.А. Шер был направлен на работу учителем в сельскую школу, а уже в следующем году он стал ее директором. Однако ему пришлось прервать учительскую карьеру, так как он был призван в ряды Советской Армии. После службы (1954–1957) он вернулся к педагогической работе и был назначен директором семилетней Краснофронтской школы Ивановского района Киргизской ССР.

Становление Я.А. Шера как ученого-исследователя произошло уже в годы обучения и поступления в аспирантуру одного из центральных учреждений, кузницу археологических кадров – Ленинградское отделение института археологии (далее ЛОИА) АН СССР, где его научным руководителем стал выдающийся археолог М.П. Грязнов. Обучаясь в аспирантуре, он активно участвовал в экспедиционных работах. В одной из таких экспедиций – Байкальской – он знакомится с будущим известным археологом, профессором СПбГУ и другом Д.Г. Савиновым. Дмитрий Глебович так описывает Шера: «Это великолепный исследователь, новатор, внесший существенный вклад в развитие отечественной науки. Именно благодаря ему была образована Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства» [2].

Параллельно с обучением в аспирантуре Яков Абрамович являлся сотрудником ЛОИА. Он прошел путь от научного сотрудника до заведующего лабораторией археологической технологии. В 1962 г. Я.А. Шер защитил кандидатскую диссертацию «Каменные изваяния Семиречья» [3. С. 3]. Именно за те годы, которые Шер возглавлял лабораторию, она была превращена в полноценный творческий коллектив с самостоятельной научной программой, в которой преобладали работы по радиоуглеродному датированию.

Важным этапом в жизни Я.А. Шера как исследователя и ученого был период 1963–1970 гг., когда он возглавлял Каменский отряд Красноярской экспедиции. В эти годы он ведет поиск новых подходов к изучению памятников наскального искусства, по сути, закладывает основы будущего петроглифоведения как самостоятельного направления в археологической науке. Именно тогда он разработал и внедрил принципы формализации в археологическом источниковедении.

Работы Каменского отряда протекали по двум программам: полной, подразумевавшей сплошное копирование рисунков, подробное описание и фотографирование, и сокращенной, внимание которой было обращено на местонахождения петроглифов, находящихся на безопасном расстоянии от берегов планируемого водохранилища [4. С. 139].

Среди положительных результатов полной программы исследований можно выделить результаты экспедиционных работ 1967 г.: был полностью изучен Черемушкин Лог, скопировано 470 рисунков. Особый интерес исследователей вызвало изображение полуфантастического существа с туловищем человека и головой зверя, датируемое III тыс. до н.э., в котором, по мнению исследователей, нашли отражение не только анимистические и тотемистические представления, но и зачатки древнего театра: человек в маске зверя-тотема [5. С. 11]. Больших успехов отряд достиг в 1968 г. на Тепсее, в результате исследований было выделено 10 комплексов: Тепсей I–IV и Усть-Туба I–VI [4. С. 148–153].

В ходе экспедиционных работ одно из наиболее крупных местонахождений петроглифов в бассейне Среднего Енисея – Оглахты – было обследовано как по полной (1966, 1968), так и по сокращенной (1969) программе. Отмечается, что некоторые рисунки были утрачены в результате «спасательных» работ 1966 г, когда с целью извлечения рисунков производился подрыв скальных пород. В 1968–1969 гг. обследованы и скопированы рисунки Оглахты I–IV [4. С. 154–158]. Выявлена тематика ленско-ангарского круга, скифо-сибирского стиля, тюркско-кыргызского времени [6. С. 150–151].

Также отрядом были проведены работы на памятниках, находившихся вне зоны затопления, в ходе которых участников экспедиций интересовал вопрос о различии между петроглифами, тяготеющими к степному ландшафту, и теми, что изображены на прибрежных скалах. Одним из значимых элементов в деятельности Каменского отряда КАЭ ЛОИА стали подготовительные работы по внедрению логико-математической методики классификации рисунков, а также первые попытки выявления количественных закономерностей в распределении рисунков внутри композиции [7. С. 147]. Именно в период работы отряда под руководством Якова Абрамовича происходит совершенствование методики копирования наскальных рисунков. В ходе работ была отработана методика копирования на полимеризационные пластмассы [8. Л. 28].

В 1972 г. Яков Абрамович был вынужден уйти из ЛОИА, в течение трех лет он работал не по специальности. Но в 1975 г. директор Государственного Эрмитажа, академик, видный деятель советской науки Б.Б. Пиотровский пригласил его в музей с целью организации первого в СССР отдела музейной информатики. В течение десяти лет отделом были разработаны и внедрены в практику методы компьютерной документации музейных коллекций, организован семинар по музейной информатике, положивший начало формированию совершенно нового направления в музейной работе [3. С. 4].

В 1985 г. по приглашению заведующего кафедрой археологии КемГУ А.И. Мартынова Яков Абрамович перешел на работу в Кемерово и до 2012 г. его судьба неразрывно связана с Кемеровским государственным университетом. Он привнес огромный исследовательский опыт, организовал масштабные экспедиции в Киргизию, Казахстан, Хакасию, Туву и Горный Алтай. В 1980–1990-х гг. под его руководством были исследованы памятники Минусинской котловины: Оглахты, Суханиха, Тепсей, Усть-Туба, Куня, Сулек и др. Самыми масштабными были экспедиционные работы 1990–2000 гг., проводимые КемГУ совместно с Центром научных исследований Франции под руководством Я.А. Шера и А.-П. Франкфора, в результате которых была издана уникальная серия корпуса «Петроглифы Центральной Азии» [9, 10]. Именно в КемГУ проявился и преподавательский талант Якова Абрамовича. Благодаря его умению убеждать, заинтересовывать и привлекать к работе в археологических экспедициях, многие из его студентов также стали видными исследователями, среди них Л.Н. Ермоленко, К.В. Юматов, Н.С. Бледнова и многие другие. Так, одна из коллег Я.А. Шера, доктор исторических наук, ныне директор Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета О.С. Советова отзывается о нем: «Яков Абрамович – фигура

неоднозначная, интересная. Это эрудит. Именно благодаря ему получило начало новое, современное отечественное петроглифоведение, в частности у нас в Сибири. Благодаря ему была создана индексация памятников наскального искусства Среднего Енисея, которая используется и сегодня, была создана лаборатория баз данных, были привлечены к работе молодые исследователи, которым он дал полную свободу действий» [11]. Отметим, что и автору данной статьи посчастливилось быть студентом Я.А. Шера, прослушать ряд лекций по историческим дисциплинам на первом курсе обучения.

Другим талантом Я.А. Шера является организаторская способность, способность к объединению различных исследователей к совместной деятельности. Этот талант проявился в создании «Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства» (САИПИ) – организации, объединяющей специалистов не только по наскальному искусству, но и археологии, музееведению, культурологии и искусствоведению.

В настоящее время предметом интересов исследователей, входящих в САИПИ, являются все аспекты, касающиеся памятников первобытного искусства: изучение их научной, историко-культурной и эстетической ценности; культурно-хронологическая атрибуция и семантика; документирование и каталогизация, консервация и сохранение; музеефикация и экспозиционно-выставочная деятельность; публикация, введение памятников в научный оборот, популяризация, культурный туризм [12. С. 10].

Сегодня САИПИ является одной из немногих организаций в нашей стране, оказывающей содействие изучению, сохранению и популяризации первобытного искусства. Ее членами прилагаются неимоверные усилия, чтобы сохранить и донести до будущих поколений уникальные наскальные рисунки, оставленные нам предками.

В завершение данной статьи по страницам биографии видного отечественного исследователя следует отметить, что в науку приходят различные люди, одни для реализации своих личных интересов, другие с целью дальнейшего развития науки, привнесения чего-то нового, совершенного, способного облегчить труд ученого. Несомненно, такой фигурой является Яков Абрамович Шер, который стоит у истоков отечественного петроглифоведения, современной отечественной исторической науки. Яков Абрамович внес значительный вклад в изучение наскального искусства Среднего Енисея. Были разработаны и внедрены новые способы индексации, копирования и консервации петроглифов данного региона, что позволило сохранить многие из них до наших дней. Весомым является и деятельное участие Я.А. Шера в создании САИПИ, организации, сплотившей многие поколения петроглифистов из различных стран, ставивших своей целью популяризацию и сохранение памятников наскального искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марков В.И. Скрытый европоцентризм: понимание личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (33-2). С. 13–18.
2. Интервью с Д.Г. Савиновым, доктором исторических наук, участником Каменского отряда ЛОИА АН СССР, профессором СПбГУ. Интервьюер Р.К. Мальцев. 19 октября 2016 г.
3. Бобров В.В. Яков Абрамович Шер // Археология Южной Сибири. Кемерово : РИО КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 3–5.
4. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
5. Шер Я.А., Хлобыстин Л.П. Раскопки на Среднем Енисее // Археологические открытия 1965 года. М. : Наука, 1966. С. 10–12.
6. Шер Я.А., Савинов Д.Г., Подольский Н.Л. Курганы и писаницы правобережья Енисея / Я.А. Шер // Археологические открытия 1967 года. М. : Наука. 1968. С. 150–151.
7. Шер Я.А., Подольский Н.Л., Медведская И.Н., Калашникова Н.М. Енисейские писаницы // Археологические открытия 1968 года. М. : Наука. 1969. С. 180–182.
8. Грязнов М.П., Шер Я.А. Отчет о работе 1-го Правобережного отряда Красноярской археологической экспедиции в 1963 г. // Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 143.
9. Blednova N. Siberie du sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 1995. Fascicule № 2. 93 p.
10. Francfort H.-P., Sacchi D., Sher J.A., Soleilhavoup F., Vidal P. Art rupestre du bassin de Minusinsk : nouvelles recherches franco-russes // Arts asiatiques. Paris, 1993. Vol. 48. P. 5–52.
11. Интервью с О.С. Советовой, доктором исторических наук, участником Петроглифического отряда КемГУ, президентом САИПИ. Интервьюер Р.К. Мальцев. 15 июля 2016 г.
12. Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М. : Научный мир, 2002. 256 с

Roman K. Maltsev, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia). E-mail: mrk1992@mail.ru
Viktor I. Markov, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

PERSONALITY OF YAKOV ABRAMOVICH SHER IN THE HISTORY OF STUDYING THE ROCK ART OF THE MIDDLE YENISEI

Keywords: Y.A. Sher; Middle Yenisei; study history; researcher; Siberian Association of prehistoric art researchers.

The article is devoted to a prominent Soviet and Russian researcher, archaeologist – Y.A. Sher. The article analyzes his biography, identifies the main stages of his scientific biography. Primarily the authors of the article consider the activity of Y.A. Sher as a researcher of rock art on the Middle Yenisei.

Conventionally, the article is divided into two parts: Biography of the scientist. He was born on June 21, 1931 in the town of Chimkent. After graduating from school, in 1949 he entered the history department of the Kyrgyz State Pedagogical University. In his student years, he began to get involved in archeology. While studying at the university, he participated in the excavations lead by A.N. Bernshtam, A.P. Okladnikov, G.F. Debets. After graduating from the university, Y.A. Sher was sent to work as a teacher in a village school. However, he had to interrupt his teaching career, as he was drafted into the ranks of the Soviet army. After military service (1954–1957), he returned to the school and was appointed director of the seven-year Krasnofront school in the Ivanovo district of the Kyrgyz SSR.

Scientific activity. While studying in graduate school, Y.A. Sher was actively involved in expeditionary work. At the same time, he works at the Leningrad branch of the Institute of Archeology, where he has gone from a researcher to the head of the laboratory of archaeological technology.

An important moment in the life of Y.A. Shera, as a researcher and scientist, was the period from 1963 - 1970, when he headed the Kamensky detachment of the Krasnoyarsk expedition. During these years he was searching for new approaches to the study of monuments of rock art, in fact, during these years Y.A. Sher laid the foundations for the future of petroglyphology. It was then that he develops and implements the principles of formalization in the archaeological source study.

In 1985, at the invitation of the Head of the Department of Archeology, KemSU A.I. Martynova, Sher goes to work in Kemerovo and until 2012 has been working at Kemerovo State University. In the 80s - 90s monuments of the Minusinsk Basin: Oglakhty, Sukhanikha, Tepsey, Ust-Tuba, Kunya, Sulek, and others were investigated under his leadership. He published a unique series of corpus “Petroglyphs of Central Asia”. It was in KemSU that Yakov Abramovich teaching talent manifested itself.

At the end of this article, it should be concluded that various people come to science, some for the realization of their personal interests, others remain for the purpose of further developing science, bringing something new, perfect, capable of facilitating the work of a scientist. Undoubtedly, such a figure is Yakov Abramovich Sher, who stands at the origins of Russian petroglyphology. Y.A. Sher made a significant contribution to the study of the rock art of the Middle Yenisei. New ways of indexing, copying and conservation of petroglyphs of this region were developed and introduced, which allowed preserving many of them to this day.

REFERENCES

1. Markov, V.I. (2015) Hidden Eurocentrism: Understanding the Personality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusst – Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 4(33-2). pp. 13–18. (In Russian).
2. Savinov, D.G. (2016) *Interv'yu s D.G. Savinovym, doktorom istoricheskikh nauk, uchastnikom Kamenskogo otryada LOIA AN SSSR, professorom SPbGU. Interv'yuer R.K. Mal'tsev. 19 oktyabrya 2016 g.* [Interview with D.G. Savinov, Doctor of Historical Sciences, a member of the Kamensk Detachment of the Leningrad Department of the Academy of Sciences of the USSR, a professor at St. Petersburg State University. Interviewer R.K. Maltsev. 19 October 2016].
3. Bobrov, V.V. (2011) Yakov Abramovich Sher. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 25. pp. 3–5.
4. Sher, Ya.A. (1980) *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Central Asia]. Moscow: Nauka.
5. Sher, Ya.A. & Khlobystin, L.P. (1966) Raskopki na Srednem Enisee [Excavations on the Middle Yenisei]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1965 god*a [Archaeological Discoveries of 1965]. Moscow: Nauka. pp. 10–12.
6. Sher, Ya.A., Savinov, D.G. & Podolskiy, N.L. (1968) Kurgany i pisanitsy pravoberezh'ya Eniseya [Burial mounds and petroglyphs of the right bank of the Yenisei]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1967 goda* [Archaeological Discoveries of 1967]. Moscow: Nauka. pp. 150–151.
7. Sher, Ya.A., Podolsky, N.L., Medvedskaya, I.N. & Kalashnikova, N.M. (1969) Eniseyskie pisanitsy [Yenisei petroglyphs]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda* [Archaeological Discoveries of 1968]. Moscow: Nauka. pp. 180–182.
8. Gryaznov, M.P. & Sher, Ya.A. (n.d.) *Otchet o rabote 1-go Pravoberezhnogo otryada Krasnoyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1963 g.* [Report on the work of the 1st Right-bank detachment of the Krasnoyarsk archaeological expedition in 1963]. The Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (NA IIMK). Fund 35. List 1. File 143.
9. Blednova, N. (1995) *Siberie du sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie*). Repertoire des Petroglyphes d’Asie Centrale. 2.
10. Francfort, H.-P., Sacchi, D., Sher, J.A., Soleilhavoup, F. & Vidal, P. (1993) Art rupestre du bassin de Minusinsk : nouvelles recherches franco-russes. *Arts asiatiques*. 48. pp. 5–52.
11. Sovetova, O.S. (2016) *Interv'yu s O.S. Sovetovoy, doktorom istoricheskikh nauk, uchastnikom Petroglificheskogo otryada KemGU, prezidentom SAIPI. Interv'yuer R.K. Mal'tsev. 15 iyulya 2016 g*. [Interview with O.S. Sovetova, Doctor of Historical Sciences, member of the Petroglyphic Detachment of the KemSU, President of SAIPI. Interviewer R.K. Maltsev. July 15, 2016].
12. Devlet, E.G. (2002) *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie* [Monuments of rock art: study, preservation, use]. Moscow: Nauchnyy mir.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: m.bersenev@gmail.com

БОЛДИН Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ВАВУЛИН Михаил Викторович, младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: 0002004@inbox.ru

ВАВУЛИНСКАЯ Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск). E-mail: ludvav@mail.ru

ВАСИНА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Ижевск). E-mail: tatjasch@mail.ru

ГЕТМАН Маргарита Алексеевна, аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

ГРУШИН Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: gsp142@mail.ru

ДАВЫБИДА Лев Иванович, кандидат исторических наук, стажер Вроцлавского университета (Польша). E-mail: lev.davybida@yandex.ua

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: snori76@mail.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

ИДИМЕШЕВ Асап Алексеевич, аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: asap.i@mail.ru

КОКШАРОВ Сергей Федорович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра археологии эпохи металла Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: serg.koksharov@mail.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: skondratiev@utmn.ru

КОРОБЕЙНИКОВ Илья Николаевич, директор Музея археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: russianViking@yandex.ru

ЛЕСКИНА Наталья Владимировна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. E-mail: nathalieleskina@gmail.com

МАЛЬЦЕВ Роман Константинович, учитель истории и обществознания гимназии № 17 (Кемерово), соискатель кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры. E-mail: mrk1992@mail.ru

МАРКОВ Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры. E-mail: vikt-markov@yandex.ru

МАТВЕЕВА Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков, заведующая лабораторией археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

МЕНЩИКОВА Юлия Валерьевна, старший лаборант Музея археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: menshchikova.yu@mail.ru

МИНИНА Екатерина Валерьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва). E-mail: minina@ihst.ru

МИТЮРЕВА Дарья Сергеевна, ассистент кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета. E-mail: d.s.mityuryova@utnn.ru

МУНЬКО Анастасия Васильевна, студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nastyamun@mail.ru

НЕЧИПОРУК Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета. E-mail: m.nechiporuk@utmn.ru

НОСОВА Анастасия Леонидовна, специалист по учебно-методической работе отдела лицензирования, аккредитации и качества образования Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: anastasiia.nosova@tusur.ru

ПАШИН Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. E-mail: pashinvp@mail.ru

ПУШКАРЕВ Андрей Александрович, инженер-исследователь лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: supdron@gmail.com

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

САЙБЕРТ Виолетта Олеговна, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: vita77792@mail.ru

СЕРОШТАНОВ Кирилл Владимирович, аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

СКОРОБОГАЧ Никита Игоревич, аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: skorobogach_nikita@mail.ru

СОСКОВЕЦ Любовь Ивановна, доктор исторических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: ivitca56@mail.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: tishkin210@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Евгений Алексеевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: gor-tom@mail.ru

ТУРОВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (Тюмень). E-mail: svtur57@mail.ru

ФРИБУС Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета. E-mail: fribus@list.ru

ХАЗАНОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Древнего мира, Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Klio1@yandex.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ЦИНЦАДЗЕ Нина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина». E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2020 № 67

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 30.10.2020 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,5. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 50 экз. Заказ № 4480. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.11.2020 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного универсттета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru